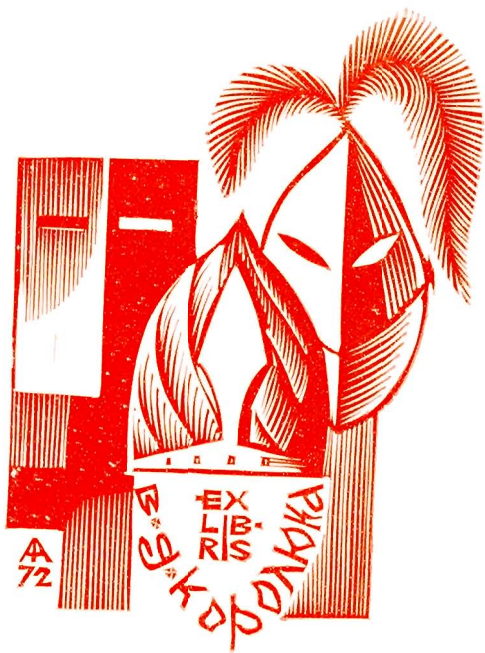

Д 432
433

**СОЦИАЛЬНО -
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ
И ПОЛИТИЧЕСКАЯ
ИСТОРИЯ
ЮГО - ВОСТОЧНОЙ
ЕВРОПЫ**

ДО СЕРЕДИНЫ XIX В.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ И БАЛКАНИСТИКИ
АКАДЕМИЯ НАУК МССР
ИНСТИТУТ ИСТОРИИ
НАУЧНЫЙ СОВЕТ ПО ПРОБЛЕМЕ «ЗАКОНОМЕРНОСТИ СМЕНЫ
ОБЩЕСТВЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКИХ ФОРМАЦИЙ
В МОЛДАВИИ (ДОСОВЕТСКИЙ ПЕРИОД)»

СОЦИАЛЬНО-
ЭКОНОМИЧЕСКАЯ
И ПОЛИТИЧЕСКАЯ
ИСТОРИЯ
ЮГО-ВОСТОЧНОЙ
ЕВРОПЫ

(до середины XIX в.)

КИШИНЕВ «ШТИИНЦА» 1980

В сборнике разрабатываются различные аспекты истории ряда стран Юго-Восточной Европы в период феодализма, рассматриваются их взаимоотношения и влияние внешнеполитических факторов на типологию и эволюцию феодализма. Большое внимание уделяется вопросам истории восточно-романских народностей в раннефеодальный период и их связям со славянским миром. Трактуются также некоторые вопросы турецкой экспансии и османского ига, рассматриваются исторические связи России со странами Юго-Восточной Европы до середины XIX в.

Работа рассчитана на научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов исторических факультетов.

РЕДКОЛЛЕГИЯ

В. Д. Королюк (отв. редактор), *П. В. Советов* (зам. отв. редактора),
Д. М. Драгнев, Л. Л. Полевой, П. Ф. Параска (секретарь)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Сборник статей «Социально-экономическая и политическая история Юго-Восточной Европы (до середины XIX в.)» — совместная работа сектора истории Молдавии досоветского периода Института истории АН МССР и сектора древней и средневековой истории Института славяноведения и балканистики АН СССР по комплексированию в изучении научно актуальной проблематики Юго-Восточной Европы эпохи феодализма и перехода от феодализма к капитализму.

Открывается сборник статьями, посвященными вопросам возникновения хозяйственного уклада и расселения романизованного населения — волохов — в странах Юго-Восточной Европы. Эти вопросы касаются различных аспектов проблемы формирования восточнороманских народов на разных этапах развития: от романизованных фракийцев и вплоть до появления восточнороманских народностей как самостоятельных этнических общностей.

Статья В. Д. Королюка «Волошская земля» и формирование восточнороманской (волошской) общности» касается сложных, остроактуальных вопросов, с трудом поддающихся однозначному решению, например, вопроса формирования восточнороманского этноса как части этнической истории обширного ареала, включающего в себя Балканский полуостров, территорию от Динариды и Карпатских гор до Поднепровья.

В статье показано, как по мере складывания этого этноса, ведущей основой хозяйства которого оставалось отгонное пастушество, менялось содержание термина «Волошская земля». В. Д. Королюк прослеживает данный термин по источникам, относящим его последовательно к различным областям региона: Иллирии и Норику, Паннонии и Трансильвании и далее к Валахии и Молдавии. По мнению автора, процесс движения термина связан с реальным движением восточнороманского этноса с запада на восток и с юга на север. В процессе своего расселения восточные романцы встретились со встречным потоком славянского расселения. Взаимодействие романского и славянского начал привело к существенным изменениям самих восточных романцев и превращению их в новую этническую общность, получившую в источниках наименование волохов.

Если статья В. Д. Королюка связана с общими закономерностями процесса волошского расселения и этногенеза, то в статье И. А. Рафаловича «Романизованное население Нижнего Подунавья накануне славянской колонизации» ставится вопрос об отгонном пастушестве как об одном из существенных факторов восточнороманского этногенеза. Автор прослеживает существование традиций отгонного пастушества наряду с земледелием у древних фракийцев в доримский период, его развитие в Римской Дакии и сохранение отгонного пастушества у восточных романцев вплоть до VI в. — времени начала романо-славянских контактов. На основе анализа письменных источников И. А. Рафалович пытается проследить расселение и судьбы восточнороманского этноса на землях как к северу, так и к югу от Дуная до VI в., очерчивая тем самым границы региона, в пределах которого и шел затем процесс романо-славянских контактов и формирования волохов. Волошская тематика затрагивается также в статьях И. О. Князького и А. И. Виноградовой.

Тему хозяйственного уклада восточнороманского населения в странах Юго-Восточной Европы, представленную статьей И. А. Рафаловича, продолжает Л. Л. Полевой. Его статья — опыт определения хозяйственно-культурного типа волохов в Юго-Восточной Европе X—XIV вв. в свете существующих в советской историографической литературе теоретических разработок данного понятия.

В ходе длительной дискуссии о скотоводческом или, наоборот, в основном земледельческом характере хозяйства восточнороманского населения в молдавской советской историографии выделилось направление, которое представляет молдавский хозяйственно-культурный тип как сочетание обеих главных отраслей производства при ведущей роли скотоводства. Л. Л. Полевой, анализируя материалы письменных источников и археологические находки, характеризующие разные стороны хозяйства и культуры волохов X—XIV вв. в Юго-Восточной Европе, предлагает новое определение хозяйственно-культурного типа волохов как комплексного скотоводческо-земледельческого хозяйства, в структуре которого ведущую роль играло животноводство (преимущественно отгонное овцеводство), сочетавшееся с переложно-залежным земледелием, критикуя при этом существующие в литературе крайние взгляды о кочевом или в основном земледельческом характере волошского хозяйства.

Тема статьи П. Ф. Параски примыкает к работе В. Д. Королюка, представляя историко-географические аспекты соотношения понятий «Волошская земля» в применении к территории восточнее Карпат, т. е. Молдавии.

Автор показывает, что первоначально понятие «Молдавская земля» относилось только к территории на восточных склонах Карпат, ставшей ядром образования Молдавского феодального государства. К середине XIV в. Волошской землей называлась вся территория расселения волохов, а затем молдаван. Постепенно, по мере расширения границ Молдавского княжества до Днестра, оба понятия в источниках территориально начинают совпадать, а термин «Молдавия» выступает на передний план. В статье показано, как на протяжении второй половины XIV в. постепенно складывалась территория Молдавского феодального государства в ее границах от Днестра до Карпат.

Ряд представленных в сборнике статей освещает вопросы политической истории стран Юго-Восточной Европы. В статье Е. П. Наумова «Сербия и Болгария в середине XIV в. (к истории Балканских государств в эпоху османского нашествия)» рассматриваются вопросы типологических сдвигов в социально-экономической структуре болгарского и сербского феодализма, находившихся в тесной взаимосвязи с переменами в расстановке политических сил внутри правящей верхушки, в частности сербской феодальной знати, в период усиления османской экспансии на Балканах.

Важным вопросам о стремлении России к созданию новой антитурецкой коалиции, о внешнеполитических планах русского правительства, связанных с русско-польскими и русско-австрийскими отношениями в 70-х гг. XVI в., посвящена статья Б. Н. Флори «Проект антитурецкой коалиции в русской внешней политике 70-х гг. XVI в.». На богатом архивном материале автор показывает, каким образом правительство Ивана Грозного (IV) в той конкретной международной ситуации пыталось одновременно решить жизненно важные для русского государства «балтийскую» и «черноморскую» проблемы.

В статье Н. С. Захарьиной «Русско-крымские отношения в годы правления Василия Шуйского (1607—1610 гг.)» на широком круге новых архивных материалов восстанавливается картина политических отношений России и Крыма в 1607—1610 гг. на фоне острой борьбы Московского государства с польско-литовской интервенцией начала XVII в.

Вопросы истории борьбы Молдавского княжества за сохранение государственной самостоятельности подробно рассмотрены на примере более позднего периода османской агрессии в специальной статье Г. В. Гонцы. Автор исследовал эволюцию внешней политики господарского правительства в последние десятилетия XV—начале XVI в., выразившуюся в переходе от прямой конфронтации с османской агрессией к переговорам и компромиссам с султанской Турцией. Этот процесс рассматри-

вается в статье сквозь призму внутривосточного развития страны, что дало возможность автору прийти к обоснованному выводу о главенствующей роли внутренних условий (связанных с развитием феодализма вглубь) в изменении тактики внешнеполитического курса страны. Новая тактика во внешней политике Молдавии того времени наряду с героической борьбой молдавского народа против османских агрессоров позволили сохранить на время государственную самостоятельность Молдавии в условиях усиления османской экспансии в Европе, а в дальнейшем избежать превращения страны в пашалык.

Важный аспект социально-экономического развития Молдавского государства в условиях османского ига рассматривается в статье П. В. Советова. Статья непосредственно примыкает к предыдущим исследованиям автора по типологии феодализма в Молдавии. В ней впервые рассматривается сорокалетняя судебная реформа (1588—1628 гг.) и ее роль в ограничении судебного иммунитета в Молдавии конца XVI — начала XVIII в. в связи с огромным ростом феодально-государственных отношений собственности.

Автор приводит богатый документальный материал (часто еще не изданный) о распределении судебных доходов в указанное время, этапах ограничения судебного иммунитета. Присвоение судебных доходов в подавляющем большинстве случаев централизованным путем означало в экономическом плане, по мнению П. В. Советова, еще один поворот к господству в период турецкого ига феодально-государственной системы феодальной эксплуатации трудящихся масс страны.

Статья А. И. Ешану посвящена распространению молдавской грамотности в Молдавии второй половины XVII — начала XIX в. и является интересным исследованием одного из аспектов истории феодальной культуры княжества. Одновременно в статье ставится вопрос и в плане выявления более отдаленных традиций славяно-волошских связей периода формирования молдавского народа, рассмотренных в различных планах в статьях В. Д. Королюка, И. А. Рафаловича, Л. Л. Полевого. А. И. Ешану впервые составил список грамотных лиц, владеющих славянским языком в рассматриваемое им время, и пришел к выводу, что историческая традиция, тесные связи Молдавии со славянскими народами обусловили активную роль славянского языка во многих сферах практической и культурной жизни Молдавского государства второй половины XVII — начала XIX в.

Интересные и новые материалы содержатся в статье Л. Ф. Чащиной, посвященной деятельности русских революционных демократов в Юго-Восточной Европе середины XIX в. Автор рассматривает мало исследованную проблему, касающуюся

попытки революционных демократов привлечь русских старообрядцев, эмигрировавших в Придунайский регион Юго-Восточной Европы, к освободительному движению в России периода революционной ситуации.

В сборнике помещена в порядке дискуссии статья А. Н. Никитича «Проблема хронологии в Молдавии периода феодализма», в которой делается серьезная попытка пересмотра принятой точки зрения на официальный календарный стиль документов молдавской господарской канцелярии.

Сборник завершается отделом рецензии, в котором помещен анализ обобщающей монографии молдавских медиевистов «История народного хозяйства Молдавской ССР (с древнейших времен до 1812 г.)» (1976 г.). Автор рецензии — член-корреспондент АН МССР Н. А. Мохов.

РОМАНИЗОВАННОЕ НАСЕЛЕНИЕ НИЖНЕГО ПОДУНАВЬЯ НАКАНУНЕ СЛАВЯНСКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ

Достоверные источники, освещающие историю, культуру и занятия восточных романцев — волохов X—XIV вв., не оставляют сомнения в том, что в основе хозяйства и экономики этого населения лежало пастушеское (отгонное) скотоводство¹. Вместе с тем сам факт появления и длительного сохранения пастушеских племен в окружении земледельческого населения до сих пор не нашел убедительного объяснения. Открытым остается вопрос и о том, была ли эта система хозяйства у коренного населения Карпато-Балканского региона традиционной, восходящей к глубокой древности, или же она сложилась в относительно близкое к нашему время, на каком-то промежуточном этапе, вследствие определенных экономических, социальных, политических или иных перемен.

В непосредственной связи с этими проблемами стоит вопрос о роли пастушества в сложном процессе этногенеза волохов и значение его вообще для самого факта обособления волохов в качестве самостоятельной этнической величины. В освещении современной советской историографии² процесс волошского этногенеза представлен в виде последовательно сменяющихся друг друга этапов, характеризующихся только им присущим качественным содержанием:

1. Доримский (Фракийский) — когда гето-дакийские племена Нижнего Подунавья составляли часть обширного фрако-иллирийского мира.

2. Фрако-римский, итогом которого явилась романизация покоренного римлянами населения Дакии и Мезии.

3. Дославянский — период между эвакуацией легионов из Дакии и заселением региона славянами, когда в эпоху Великого переселения народов романизованное население бывших римских провинций находилось под политическим господством различных мигрирующих варварских племен.

4. Славянский — период заселения Карпато-Дунайского региона славянами, время активных и всесторонних контактов между славянами и романизованным населением, приведших в конце концов к формированию волошского этноса.

Для того чтобы пастушеское скотоводство могло стать основой экономики восточнороманского населения X—XIV вв., на наш взгляд, представляется необходимым реальное существо-

вание трех важных предпосылок, связанных с экономикой и особенностями быта этого населения в предшествовавшие этапы его развития: а) традиционное пастушеское скотоводство у древних фракийцев; б) сохранение этого типа хозяйства у сельского населения Римской Дакии; в) преобладание отгонного скотоводства в хозяйственной жизни населения бывших римских провинций в период между падением Римской Дакии и началом активных контактов со славянами.

В настоящей статье делается попытка собрать воедино сведения, содержащиеся в письменных, главным образом византийских, источниках о расселении пастушеского населения в период, предшествовавший заселению края славянскими племенами. Сугубо гипотетически ставится вопрос о пути формирования и судьбах романизованного населения.

В 105—106 гг. поражением гето-даков завершилась серия ожесточенных войн, приведших к римскому завоеванию значительной части Карпато-Дунайских земель и образованию новой провинции Дакии. Эти войны сопровождались невиданным разгромом и опустошением края. О масштабах этого опустошения можно судить по сведениям историка IV в. Евтропия, который утверждал, что Дакия «...лишилась своего мужского населения»³. Сообщение Евтропия, конечно, не следует понимать буквально. Действительно, хотя в ходе войны, которая велась с обычной для римлян беспощадностью, и после нее многие тысячи гето-даков были истреблены, проданы в рабство, переселены в другие части империи, определенное количество этого населения, согнанное с лучших земель и угодий, продолжало обитать в пределах новообразованной провинции.

Для подавления восстания гето-даков, оставшихся на оккупированных римлянами землях, и для скорейшего освоения вновь захваченных земель, администрация начала в широких масштабах заселять Дакию выходцами из различных провинций империи: Малой Азии, Африки, Испании, Италии и др. Все пригодные для обработки земли были описаны чиновниками и провозглашены собственностью императора⁴.

В качестве наиболее привилегированных колонистов выступали ветераны. Их земельные участки достигали 66 и 1/3 югера, иными словами, более 16 гектаров лучшей земли. Наделы рядовых колонистов хотя и уступали наделам ветеранов, однако тоже были достаточно велики⁵.

От экспроприации плодородных земель больше всего пострадала та часть коренного населения, которая обитала в долинах и низменных областях. Это население было вынуждено отступить в лесистые, предгорные и горные области, на скудные, мало плодородные земли, где, слившись с местными скотоводческими племенами, оно занималось уже не земледельческим, а в основном скотоводческим хозяйством.

1.

Результатом господства римлян в завоеванных ими Карпато-Дунайских землях явилась всесторонняя романизация всего населения провинций Дакии и Нижней Мезии. Она касалась не только покоренных гето-даков и живших с ними бок о бок языгов, буров, бастарнов и других, но и значительного числа переселенцев-колонистов.

Не следует видеть в романизации гето-дакийского населения только неуправляемый, стихийный процесс, определявшийся превосходством римской цивилизации. Для империи романизация была мощным орудием подавления покоренного населения и велась властями активно и целенаправленно. Потребность в ее скорейшем завершении определялась слабостью самого стратегического положения провинции — единственной из римских провинций на левом берегу Дуная, отрезанной от империи полноводной рекой и постоянно находившейся в полуокружении воинственных варварских племен. Этим объясняется тот сравнительно высокий темп романизации, при котором она была в основном завершена в продолжение жизни 5—6 поколений (II—III вв. н. э.). Вместе с тем было бы неверным и преувеличивать возможности романизации. Глухие горные области Дакии, очевидно, намного отставали в этом отношении. Аммиан Марцеллин, по всей вероятности, имел основания говорить о жителях гор как о людях, мало затронутых римской цивилизацией⁶.

В освоенной римскими колонистами Дакии быстро развивалось основанное на рабском труде земледелие. На землях ветеранов и рядовых колонистов в хозяйстве вилл использовались передовые для того времени приемы земледелия, агрономические системы и методы обработки почв, посевов, ухода и уборки урожая: многократная вспашка жирных и однократная тощих земель, боронование, предварительная предпосевная обработка зерна селитрой и маслячным отстоем, отбор и выведение лучших сортов озимой пшеницы, полбы и др.⁷ Однако земледелие развивалось в основном в рабовладельческих римских хозяйствах. Угнетенное, вытесненное с лучших угодий местное население обрабатывало землю рутинными методами, сочетая такое земледелие с основным скотоводческим направлением своего хозяйства. Это оказалось тем более возможным, что отгонное, пастушеское скотоводство с самых отдаленных времен было традиционно основным в хозяйственной деятельности определенной части гето-дакийских племен.

Тит Ливий, повествуя о перипетиях войны македонского царя Персея против фракийцев и бастарнов во II в. до н. э., свидетельствует, что македонцы избрали для нападения зиму — время, когда фракийцы и их союзники скордиски возвращаются в свои села («hiems erat, et id anni tempus elegerant, ut Thraces Scordiscique in fines suos abirent») ⁸. Сенека в «Федре» говорит о гете, который странствует по полям «поп vagus sam-

pis Geta»⁹. О том, что именно скотоводство было положено в основу хозяйства этих племен, свидетельствует такой знаток античного сельского хозяйства, как Колумелла. В VII книге, посвященной скотоводству, он выделяет развитие овцеводства у тех племен, которым оно заменяет земледелие, а его продукты становятся основными в пропитании населения. Среди этих племен Колумелла называет и гетов, носящих прозвище галактофагов — пожирателей молока¹⁰. Еще накануне римского завоевания, по свидетельству Плиния Старшего, значительная часть дакийского населения будущей провинции Дакии была вытеснена сарматами в леса и горы, где приспособилась к новым условиям жизни: «...поля и изменности под властью сарматов-языгов, — пишет он, — а горы и леса — даков...»¹¹ О том, что горное скотоводство прикарпатских племен носило форму отгонного, можно судить по сообщению Диона Кассия, писавшего, что император Коммод запретил племени буров прогон стад на расстоянии 40 стадий от границ Дакии¹².

Неоднородными с точки зрения хозяйственно-экономической деятельности и социального развития были и фракийские племена, обитавшие на покоренных Римом землях к югу от Дуная. Фракийцы, населявшие территорию к югу от Гема вплоть до побережья Эгейского моря и прибрежную полосу вдоль побережья Черного моря, издавна находились в разносторонних и тесных контактах с греческими полисами. Здесь активно протекали процессы эллинизации, а в хозяйстве преобладало сравнительно высокоразвитое земледелие античного типа. Области Фракии, расположенные к северу от хребта Гема, даже в правление Тиберия (14—37 гг. н. э.) характеризовались слабым развитием земледелия и городской жизни. Тацит, повествуя о разделе фракийских земель между Рескупоридом и Котисом, показал, что представляли собой южнофракийские земли: «При этом разделе пашни и города — все, что находится по соседству с греками, — отошло к Котису, тогда как все невозделанное, дикое и граничащее с врагами — Рескупориду...»¹³

О том, что среди фракийских племен были и такие, в хозяйстве которых основное место занимало скотоводство, свидетельствует и Плутарх, утверждая, что «...Спартак, фракиец, происходивший из пастушеского племени...»¹⁴

Данные письменных источников находят подтверждение и в материалах, полученных при археологических исследованиях памятников Карпато-Дунайского региона. Раскопки Грэдидшта Мунчелулуй-Сармисегетузы — столицы Децебала, свидетельствуют, что этот крупнейший укрепленный центр был окружен многочисленными загонами-стынами, куда сгонялись овцы в зимнее время¹⁵. Как показали исследования гетских городищ IV—III вв. до н. э. на территории Днестровско-Прутского междуречья, для них характерно сочетание сравнительно небольшой обитаемой части укрепления с огромным загонем для ско-

та¹⁶. Такое устройство укрепленных поселений сохранилось у южных фракийцев и в первых столетиях н. э. Когда, по словам Тацита, в 26 г. н. э. фракийские племена из числа «...обитавших высоко в горах в дикости и убожестве...»¹⁷ подняли восстание против Рима, то они укрывались в горных крепостях вместе со стадами. И далее, о занятии скотоводством свидетельствует следующий факт: Поппей Сабин, руководивший подавлением восстания, «...теснее сжимает кольцо вокруг неприятеля, с тем чтобы отрезать его от воды, подножного корма для лошадей и скота...»¹⁸ Говоря о бедствиях осажденных фракийцев, Тацит пишет: «... к тому же издыхали от бескормицы лошади и быки, по обыкновению варваров находившиеся вместе с ними внутри крепостной ограды...»¹⁹

Румынский археолог М. Макря, исследовавший дако-гетские памятники долины р. Олта, от г. Фэгэраш до г. Сибиу, пишет относительно могильников типа Кашолц и Калбор и поселений типа Арпашул де Сус (прекративших существование после римского завоевания), что они оставлены вытесненным за линию лимеса прежним дакийским населением и «...дакийскими пастухами, испокон веков жившими в этой холмистой области в защищенных от ветров долинах»²⁰.

Авторы, исследовавшие остатки поселений послеримского времени, материальная культура которых имеет некоторые черты, позволяющие предположить их автохтонно-романское происхождение (Тыргшор²¹, Дулчанка²², Смьрдану²³ и др.), подчеркивают, что основным занятием обитателей этих поселений было скотоводство. «Что касается занятий населения из Смьрдану, — пишет М. Комша, — на основании изучения костей животных, можно констатировать, что одним из главных занятий было скотоводство и, в частности, выращивание крупного рогатого скота... Почти полное отсутствие соломы злаков в обмашке жилищ, зерновых ям и земледельческих орудий показывает, что земледелие было развито слабо»²⁴. Н. Константиеску и С. Долинеску-Ферке лишь допускают для таких поселений возможность наряду со скотоводством и занятий придомным земледелием²⁵.

В период римского завоевания в новой провинции Дакии практиковались обе известные в то время формы скотоводства: как интенсивное стойловое, обычное в хозяйстве рядовых колонистов, так и экстенсивное, отгонное, или пастушеское, скотоводство. Последнее было более развито в крупных поместьях и виллах и у той части коренного населения, которая была отеснена в горы и лесистые предгорья. Эта форма скотоводства не требовала больших затрат, так как при ней отпадала необходимость строительства долговременных помещений для скота, больших заготовок кормов и значительного количества работников для ухода за ними. Нужно отметить, что даже экстенсивное скотоводство давало латифундистам при равной затрате

средств гораздо больше прибыли, чем самое развитое земледелие. «Наука животноводства есть наука приобретать скот и выкармливать его так, чтобы получать возможно наибольший доход от тех, чьим именем названы сами деньги: фундамент всякому состоянию — скотина», — писал известный римский агроном Варрон²⁶.

Уже в I в. н. э. в античных латифундиях Рима и Греции животноводство получило большое развитие. Появились специализированные скотоводческие хозяйства. Командуя соединенным флотом в войне с пиратами, Варрон сумел свести знакомство с «крупными скотоводами»²⁷ Эпира. Содержание бесед с ними он изложил во второй части своей книги «О сельском хозяйстве». Это сочинение дает бесценный материал для восстановления до деталей отгонного скотоводческого хозяйства Балканской Греции, Иллирии и Македонии. Книга Варрона была написана еще до основания провинции Дакии, однако мы вправе распространить эти сведения и на нее, хотя бы потому, что эта провинция соседствовала с Иллирией, имела сходный горно-долинный ландшафт и была населена родственным населением.

Не только в Дакии, но и в провинциях с давними культурными традициями земледелия и стойлового скотоводства, в крупных хозяйствах отгон овец на дальние пастбища считался делом обычным и выгодным. «Овцы обычно кочуют по всей стране, зимние их пастбища отстоят от летних часто на много миль», — писал Варрон²⁸. Для обслуживания отгонных стад латифундисты создавали особые группы, представляющие собой сплоченные, хорошо вооруженные коллективы. «Они, — указывает Варрон, — ...проводя жизнь в путешествиях по горным пастбищам, оказываются крепче тех рабов, которые живут в имении... на пастбищах в горах можно видеть молодежь, но и она вооружена...»²⁹

Весьма значительная роль в этих пастушеских коллективах отводилась женщинам. Они наравне с мужчинами сопровождали стада, выполняя все, даже самые тяжелые работы. «С теми же, кто пасет скот в горах и лесных местностях... многие считали полезным посылать вместе женщин, которые сопровождали бы стада, готовили пастухам еду и крепче привязывали бы их к стаду. Эти женщины должны быть крепкими... во многих местностях они не уступают в работе мужчинам, как это можно видеть повсюду в Иллирии», — замечает Варрон³⁰. Это свидетельство любопытным образом перекликается со свидетельством Платона о том, что еще в V—IV вв. до н. э. в занятия фракийских женщин входила обязанность пасти овец и крупный рогатый скот³¹.

Во главе таких коллективов стоял старший пастух, или «магистр пастухов». Круг его обязанностей был достаточно широк. Он должен был отвечать за безопасный прогон скота, его со-

хранность и приумножение, за здоровье животных и пастухов, за вьючный скот и хозяйственный инвентарь. «Обо всем, что касается здоровья людей и скота, и о болезнях, которые поддаются лечению без врача, должны иметься записи у старшего пастуха. Безграмотный на эту должность не годился: он никак не сможет вести правильно счета по скотоводному делу для хозяина»³², — пишет римский агроном; и далее: «...я стараюсь, чтобы мой скотник чаще почитывал выписки из сочинения Магона, касающиеся этого вопроса»³³. Таким образом, старший пастух должен был не только свободно владеть латынью, но и быть достаточно грамотным для того, чтобы знакомиться с литературой по скотоводству и вести книги учета скота. Это предполагает, что даже если уровень рядовых пастухов и не был столь высоким, то романизация проникла достаточно глубоко и в их среду. Жившее в сходных условиях иллирийское население, попавшее в зависимость от греческих властителей, Варрон с полным основанием называл «пастухами-полугреками»³⁴. Можно полагать, что пастушеское население Дакии в этом смысле было «пастухами-полуримлянами».

Романизация пастухов в Дакии была непосредственно связана с уровнем их социального положения. Это положение практически мало отличалось от положения рабов. Так, по словам историка IV в. Евнапия, после бегства готов от гуннского нашествия за Дунай римляне, воспользовавшись их беспомощным положением, стремились заполнить дома рабами, а пастбища пастухами³⁵. О рабском положении иллирийских пастухов достаточно четко говорит и Варрон³⁶. Происходило постоянное пополнение числа пастухов за счет военнопленных и покупных рабов, не владевших фракийским языком и вынужденных овладеть латынью. Однако помимо пастухов, находившихся в прямой рабской зависимости от владельцев стад, продолжали существовать и пастухи-крестьяне, свободные или полусвободные общинники. По словам писателя IV в. Клавдия Клавдиана, в панегирике в честь императора Гонория, отмечено, что после отражения нашествия варваров крестьяне были «возвращены к их овцам»³⁷. Стремление пастушеского населения к освобождению от рабского или приближающегося к рабскому состояния, храбрость, боевой опыт и всеобщее вооружение находившихся со стадами пастухов доставляли властям немало беспокойства даже в Италии. В ходе восстания Спартака к гладиаторам «...присоединились многие из местных волопасов и овчаров — народ все крепкий и проворный. Одних из этих пастухов гладиаторы обратили в тяжеловооруженных, из других составили отряды разведчиков и легковооруженных»³⁸. Тот факт, что пастухи могли составлять целые боевые единицы, косвенно свидетельствует о том, что и проживать это население должно было также значительными компактными группами.

По мере освоения новых земель и обогащения колонистов росло количество стад, а вместе с ними и количество пастухов в горных лесистых районах. Из трудов Варрона можно составить представление о том, насколько должно было быть велико такое пастушеское население. Римская зоотехния требовала, чтобы на 80—100 грубошерстных овец приходился один пастух, для тонкорунных это количество сокращалось до 80 и менее³⁹. По данным Варрона, владелец поместья среднего достатка имел стадо овец в 700—800 голов, которое он называет «малым», у крупных латифундистов «...они тысячные...»⁴⁰ Средней величины стадо в 2000 голов⁴¹ (по-видимому, крупные стада достигали более 4—5 тыс. голов) должны были, таким образом, сопровождать до 20 пастухов. Если же иметь в виду, что вместе с мужчинами уходили на пастбища их жены и дети, то такой коллектив насчитывал 60—80 человек. Но овцеводство было лишь одной из отраслей скотоводства. На горные пастбища выгонялись большие стада крупного рогатого скота и табуны лошадей. Каждый табун из 50 кобылиц, например, сопровождался двумя пастухами⁴². Группа в 80—100 человек, как это показывают данные археологии, могла составить основную часть населения целого поселка.

Постепенно из таких пастухов и их семей образовались особые социальные группы населения, мало связанные с земледелием и ремеслом и свободные от мелочной опеки владельцев и властей. Об их растущей самостоятельности говорит эдикт М. Лициния Лукулла, обязавший владельцев стад во избежание набегов и грабежей отбирать у пастухов оружие.

Нужно полагать, что в провинции Дакии с ее старыми традициями отгонного скотоводства и обилием прекрасных высокогорных лугов и пастбищ пастушеское скотоводство получило столь широкое распространение, что здесь начался процесс не только социального, но и в определенном смысле этнокультурного выделения пастушеского населения. Этому процессу способствовало то, что пастушеское население отличалось своим этническим происхождением, социальным положением и занятиями от основной массы обитателей долин и городов. Одним из доводов в пользу того, что такого рода процесс протекал реально, может служить тот факт, что отгонные скотоводы на землях Карпато-Дунайского региона продолжали самостоятельное существование спустя многие столетия после ликвидации римского господства, сохраняя традиционное название «*Pastores Romanorum*», т. е. «пастухи римлян»⁴³. С ними пришлось вести борьбу в конце IX в. проникшим в Карпато-Дунайские земли венграм.

В 271 г. под давлением варваров в условиях общего кризиса империи римляне вынуждены были эвакуировать Дакию. Хотя достоверных данных о масштабах этой эвакуации источники не сохранили, можно не сомневаться в том, что она была до-

статочно широкой и полной. Прекратилась городская жизнь, были заброшены виллы, поместья и горные разработки, обезлюдели поселки и села. Многие тысячи латиноязычных обитателей Дакии были переселены на южный берег Дуная и размещены в новообразованных провинциях Дакия и Фракия. Они расселялись в родственной среде многочисленного романизованного населения (в том числе и издавна жившего здесь романизованного фракийского) на землях между Дунаем, Балканским хребтом и побережьем Черного моря⁴⁴.

Вместе с тем какими бы внушительными ни были масштабы этой эвакуации, она не могла охватить, безусловно, все без исключения население римской Дакии. И в заброшенных городах, и в сельской местности, и в предгорных и горных областях неминуемо должна была оставаться на старых местах обитания часть романоязычного, прежде всего беднейшего населения, по различным причинам не пожелавшего уйти за Дунай. Судьбы этого населения неизбежно должны были сложиться по-разному. Если обитатели брошенных на произвол судьбы городов и малоподвижное сельское население в условиях непрерывных вторжений мигрирующих народов и кровопролитных войн имели мало шансов выжить и сохраниться, то по-иному должна была сложиться судьба жителей предгорий. Подвижные, меньше связанные с землей, хорошо сплоченные и организованные, привыкшие отстаивать свои стада с оружием в руках, они могли в случае необходимости уйти со стадами и семьями в труднодоступные леса и горы. В спокойные же периоды это романизованное население, сумевшее сохранить и отчасти возродить общинные порядки и обычаи (здесь нужно иметь в виду вообще свойственный скотоводам консерватизм в развитии общественных отношений), возвращалось на старые места обитания, сосуществуя с пришельцами, даже в пределах одних и тех же поселений. Поселения и могильники, в материальной культуре которых сочетались традиционные романские элементы с гепидскими, а затем и аваро-славянскими (типа Братей—Банду—Ношлак)⁴⁵, в последнее время выявлены румынскими археологами в районах Прикарпатья. Этому населению и суждено было стать в дальнейшем одним из элементов складывавшейся восточнороманской этнической общности — волохов.

Романизованное население, обитавшее на северном берегу Дуная, и после эвакуации римской Дакии продолжало поддерживать тесные связи с родственным населением на его правом южном берегу, где пастушеское население было также многочисленным вплоть до конца V—начала VI в. Правобережные восточно-римские магнаты владели огромными стадами, которые должна была обслуживать масса пастухов. Так, по документированным данным, только один из латифундистов обладал стадом из 600 быков, 100 пар волов, 800 лошадей и 12 000 овец⁴⁶. Такое количество скота должно было обслужи-

ваться не менее чем 250—300 пастухами, иными словами, населением нескольких поселков (если иметь в виду не только самих пастухов, но и членов их семей).

Говоря о романизованном населении, проживавшем на землях к югу от Дуная, следует иметь в виду, что оно вплоть до VI—VII вв. — времени начала тесных контактов со славянами, не составляло ни в этническом, ни в лингвистическом отношении вполне однородной массы. Это, среди прочего, может быть объяснено и тем, что задунайские переселенцы встретили на местах нового обитания различные в этническом отношении группы, находившиеся на разных этапах романизации. Одновременно наряду с процессом романизации к северу от Хема (Балканского хребта) проходил также и процесс эллинизации фракийского населения к югу от него. Результатом этого процесса стало в конечном счете появление скотоводов-каракачанов. Эта группа скотоводов, при многих общих с волохами чертах хозяйства, культуры и быта, отличается языком, восходящим к греческому⁴⁷.

Сведения, содержащиеся в письменных источниках IV—VI вв., позволяют предположить существование двух компактных, хотя и связанных друг с другом, но относительно самостоятельных очагов расселения романоязычного населения на землях к югу от Дуная. Один из них можно условно называть фракийским, или гетским (здесь издревле обитало гетское племя бессов), другой — дакийским. Источники сообщают об этих очагах скупо и неравномерно, несколько полнее — о восточном, фракийском, и очень слабо — о западном, дакийском.

Во Фракии, от Хемуса до Дуная и Черного моря, как сообщают писатели V—VI вв., обитали фракийцы. Под этим термином источники понимают коренное фракийское население диоцеза Фракия (провинций Фракия, Мезия, Эмимонт), смешанное с ассимилированными им многоэтничными группами переселенцев. Императоры неоднократно расселяли во Фракии карпов, готов, герулов, гуннов и др., наделяя их землями и вербуя из этой полуварварской среды солдат. Фракия в продолжение многих столетий оставалась для империи источником наиболее боеспособных воинских подразделений.

Прокопий — историограф и секретарь одного из крупнейших полководцев Восточной Римской империи VI в. Велизария — в своих историях войн упоминает тех людей, которые окружали Велизария, составляя штат его помощников — оруженосцев, выполнявших наиболее ответственные поручения полководца. Характеризуя их, историк подчеркивает не только деловые качества оруженосцев, но и очень часто точно указывает на их происхождение, отличая людей по месту рождения или же по этническому происхождению: «Один из них был телохранителем Велизария, фракиец родом, по имени Улимут...»⁴⁸, — пишет Прокопий; и в другом месте: «...Но двоих из своих тело-

хранителей, Артасира, родом перса, и фракийца Барбаттона Велизарий послал в Рим...»⁴⁹ Из фракийцев формировались целые подразделения византийской армии⁵⁰. Для боевых операций из Милана в Геную Велизарий «...послал тысячу исавров и фракийцев. Во главе исавров стоял Энна, а во главе фракийцев — Павел; главным начальником над всеми был Мундила». Для ведения боевых действий против готов Тотилы Юстиниан «...послал флот, на корабли которого он посадил войско из фракийцев и армян. Начальником фракийцев был Геродиан...»⁵¹

По мнению ряда исследователей, фракийцы, населявшие в V—VI вв. Балканский полуостров, в какой-то мере еще владели фракийским языком⁵², возможно, употребляя его в качестве культового языка⁵³. О реальности бытования фракийского языка свидетельствует замечание Иордана о том, что в его время Дунай на языке бессов назывался Истром («...qui lingua Bessorum Hister vocatur...»)⁵⁴.

Бессы — одно из наиболее известных фракийских племен, обитавшее, по данным Овидия, в первых веках н. э. на Нижнем Дунае, очевидно, и в VI в. сохраняли какие-то следы прежней племенной организации. Во всяком случае Прокопий упоминает «...одного из римских воинов, родом бесса (из Фракии), по имени Бурценция...»⁵⁵ Этим уточняется, что бессы в VI в. продолжали обитать во Фракии. Бессы, по-видимому, составляли значительную часть фракийских отрядов в войсках Велизария. Когда упоминавшийся выше Бурценций, изменив византийцам, стал лазутчиком готов, то был схвачен и казнен «своими товарищами по отряду»⁵⁶. Отряды в армии Византии формировались обычно по этническому признаку. Прокопий называет отряды иллирийцев, исавров, фракийцев, герулов, антов и других в составе византийской армии:

Коренное население Фракии постоянно смешивалось с осевшими здесь варварскими племенами. В V—начале VI в. во Фракии продолжала обитать часть готов, не ушедших в Италию и постепенно ассимилировавшаяся местным фракийским населением. Иордан называет этих готов «малыми». Сведения Иордана о малых готах настолько важны, что их следует привести полностью: «Были еще и другие готы, которые называются малыми, хотя это — огромное племя; у них был свой епископ и примат Вульфилла, который, как они рассказывают, установил для них азбуку. По сей день они пребывают в Мезии, населяя местность вокруг Никополя, у подножья Эмимонта; это — многочисленное племя, но бедное и невоинственное, ничем не богато, кроме стад различного скота, пастбищ и лесов; земли (их) малопродуктивны как пшеницей, так и другими видами (злаков); некоторые люди там даже вовсе не знают виноградников, — существуют ли они вообще где-либо, — а вино они покупают себе в соседних областях, большинство

же питается молоком»⁵⁷. Итак, по данным Иордана, во Фракии от Хемуса, города Никополя и до Нижней Мезии проживало многочисленное племя, жизнь и быт которого разительно отличались от хорошо известных Иордану условий жизни готов и ромеев. Племя пастушеское, богатое скотом и пастбищами, но в то же время не кочевники, люди, не чуждые земледелия, хотя их земли «малопродуктивны пшеницей», — все это разительно напоминает неоднократно встречаемое в источниках описание фракийцев. Замечание Иордана о том, что «... большинство же питается молоком», уже не оставляет места для сомнений в том, что под малыми готами здесь понимаются именно «галактофаги-фракийцы».

Нас не должно смущать то, что в работе Иордана это племя названо готами. Путаница в этнических терминах «гет» и «гот» была в V—VI вв., очевидно, обычным делом. В Риме, пишет Прокопий, некоторые патриции «... утверждали, что племя гетов это и есть готы»⁵⁸. В IV в. масса готов была расселена в селах и местечках Фракии. Хотя к VI в. осевшие во Фракии готы уже в основном ассимилированы фракийцами и утратили многие черты своей культуры и языка, они, будучи некогда наиболее организованной в военном отношении частью общества, могли перенести свое племенное название на значительную часть этого смешанного населения. Не исключено, что под терминами «фракийцы» и «малые готы» понималось одно и то же население. Однако Фракия была областью, населенной не только скотоводами. Здесь располагались большие города и многочисленное земледельческое население. Когда в правление императора Юстиниана Константинополю стал угрожать голод, то благодаря решительным действиям префекта Петра в город начали доставлять хлеб из Битинии, Фригии и Фракии. Зерно, сообщает Прокопий, свозили к морю и грузили на корабли⁵⁹.

К VI в. гото-фракийское, или фрако-готское, население Нижнего Подунавья уже в значительной степени было романизовано. Еще в V в. отрядами фракийских готов командовал вождь Теодерих сын Триария, носивший, как сообщает Иордан, кличку Страбон «*сognomeno Strabo*»⁶⁰. Триарий — опытный воин, ветеран, занимавший место в третьей шеренге боевого строя. Этот термин был широко распространен в Риме и в качестве личного имени. Так, например, известен полководец по имени Триарий в армии Лукулла, участвовавший в войне против Митридата (68 г. до н. э.)⁶¹. Кличка Страбон — «Кривой» — также свидетельствует о широком проникновении латыни в язык населения Фракии.

Латинскую огласовку носят имена фракийца Барбатриона, бесси Бурценция, командиров фракийских и антских отрядов Геродиана и Траяна. Впрочем, судя по тому, что один из фракийцев носил имя Улимут, можно допустить, что среди

них было немало таких, которые носили традиционные туземные или варварские имена.

Представляет интерес в этом плане и замечание Иордана о том, что известный готский просветитель епископ Вульфила, происходил из среды малых готов. Ученик и сподвижник Вульфилы Ауксентий в послании о «Вере, жизни и смерти Вульфилы», составленном в 383 г., утверждал, что Вульфила вел христианскую миссионерскую проповедь на готском, греческом и латинском языках — иными словами, на языках, которыми владело жившее на побережье Нижнего Дуная население. Этот факт, по мнению некоторых исследователей, может свидетельствовать о далеко зашедшем процессе романизации⁶². О ходе ассимиляции готов фракийцами можно судить по данным Прокопия. По его словам, в доме Велизария жил «...юноша из Фракии по имени Феодосий, который унаследовал от родителей веру так называемых евноменов»⁶³. Евномены — последователи Евномия, одного из столпов арианства, широко распространенного в IV—V вв. у готов не только во Фракии, но и на северном побережье Дуная.

Прокопию также известны фракийские готы, хотя он и не пользуется термином «малые», как Иордан. Сведения о фракийских готах Прокопий приводит в связи с деятельностью одного из наиболее видных сподвижников Велизария по войне с остготами в Италии Бесса. «Начальниками были, — замечает историк, — прославленные Константин и Бесс из Фракии...»⁶⁴ В другом месте Прокопий более подробно останавливается на происхождении Бесса, который «был родом гот из числа тех, которые в древности жили во Фракии...»⁶⁵ Бесс прекрасно владел готским языком. В период долгой осады Неаполя Велизарий «...велел Бессу на готском языке вступить в разговор с варварами... и Бесс, громким голосом обратившись к ним, увещевал сдаться Велизарии...»⁶⁶ Нужно отметить, что само имя Бесс в сочетании с его происхождением из Фракии — области, населенной издревле фракийцами-бессами, позволяет допустить, что к VI в. этноним бессы начал проникать в собственные имена обитателей Фракии, в том, конечно, случае, если имя Бесс не было кличкой, сопровождавшей воина-полуварвара со времени вступления в армию, кличкой, свидетельствующей о его происхождении.

Термин «малые готы», по-видимому, был слабо распространен и Иордану известен лишь понаслышке. Того же Бесса Иордан неожиданно называет сарматом, прибавляя: «Из этого же рода был Бливилла, пентополитанский вождь, и его брат Фроила...»⁶⁷ Е. Ч. Скржинская склонна полагать, что здесь в текст Иордана вкралась ошибка и Бесса нужно считать готом, как и двух других персонажей, носящих типично готские имена⁶⁸. Это тем более возможно, что имена с окончанием *-илла* вообще были широко распространены не только у готов, жив-

Население Балканского хребта к VII в., по-видимому, еще очень широко пользовалось латынью, о чем свидетельствуют сохранявшиеся в народе в то время топонимы. По словам Феофилакты Симокатты, во время нашествия аваров византийский полководец Комментол разбил лагерь в теснинах Лема в месте, которое «...называется местными жителями Сабуленте Кана-лион»⁷⁵ (песчаный карьер — лат.). Именно здесь, в горах Лема, и произошел широко трактуемый в литературе случай, известный в изложении Феофилакты Симокатты и Феофана Конфессора. Когда войска византийского полководца Комментола по тайной горной тропе двинулись для внезапного нападения на аваров, случилось так, что один из мюлов начал терять выюк с грузом. Полонщик, увидев это, закричал хозяину-солдату, шедшему впереди, на родном языке: «Торна, торна, фра-тер» («Воротись, воротись, брат»). Солдаты в темноте, услышав крик «торна», приняли его за сходящую по звуанию команду к отступлению «реторна» и обратились в бегство. Если Феофан Конфессор утверждает, что «торна» на родном языке закричал полонщик, то Феофилакты Симокатты дополняет картину тем, что «...каждый советовал друг другу, говоря на своем родном языке, повернуть назад. «Торна, торна», —

населенная. легче осуществимо для подвижного мало связанного с землей степные для непригодны покрытые лесом горы, безусловно-важно по лесам Лема...»⁷⁴ Временное отступление в трудноконных, то, как сообщает Феофилакты Симокатты, «...ромейские фра-в 587 г. аварский каган двинул свои силы на разоренные фра-пастушеское романизованное население. Так, например, когда полагать, что во Фракия продолжало по-прежнему обитать кийцев, ни малых готов. Есть, однако, некоторые основанные Фракия, византийские источники уже не упоминают ни Фракия Восточной Римской империи, начали расселяться во VII в. — времени, когда славяне, прорвав дунайский а в XIV в. известны влахы Фракия и Момчия. Комнина сообщает о вожде влахов по имени Будила (1094 г.)⁷³, упоминаемых источниками, на землях к югу от Дуная? Анна широкое распространение имен с окончанием *-na* у волохов, в пораненные фемь⁷² и т. д. Не этим ли можно объяснить 1059 г. богатый землевладелец Евстафий Вонга переселяется в 15 июля 668 г. Андреем, сыном савонника Трома⁷¹; в Фракияца»⁷⁰. Интересно, что имена с окончанием *-na* найдено «Артасира, родом перса, Боху, родом массагета, и Кутилу, анских ворот, Велизарий поставил, по словам Прокопия, во главе отряда, совершившего вылазку из маленьких Лици-то из фракийцев по имени Кутила. При обороне Рима от готов Бабула, Гудила, Либила и др.)⁶⁹. Прокопий упоминает одно-ших на Аппенинском полуострове (Агила, Адила, Амабила,

кричали они в величайшем смятении...» Если иметь в виду, что армия Коментiola формировалась во Фракии, то вполне вероятно, что и погонщик, и воины в качестве родного языка употребляли народную латынь.

Письменные источники не сохранили каких-либо сведений о связях обитателей Фракии с родственным населением, проживавшим на северном берегу Дуная. На наш взгляд, такие сведения содержатся в свидетельствах письменных источников о другой группе романизованного, фракийского в своей основе населения, занимавшего в V—VII вв. северо-западную часть Балканского полуострова. Здесь имеются в виду территории бывших византийских провинций Дакии Прибрежной и Дакии Внутренней. Хозяйственное развитие этих провинций во многом шло разными путями. Судя по данным письменных источников, в IV в. население Прибрежной Дакии в основном занималось скотоводством, а Внутренней — земледелием. Епископ Павлин из Нолы (353—431 гг.) в одной из своих поэм, прославлявших святого Никиту — епископа Дакии Внутренней, с которым он дважды встречался, в 398 и 402 гг., писал: «К тебе прибегают и гот и оба дакийца, как тот, который занимается земледелием внутри страны, так и покрытый шляпой (круглая войлочная шляпа пастуха. — *И. Р.*) житель побережья, богатого многочисленными стадами быков»⁷⁷.

В VI в., несмотря на опустошения, производимые нашествиями варваров, дакийское население еще продолжало обитать в горных областях Прибрежной Дакии. Прокопий, рисуя обстановку в северо-западной части Балканского полуострова в период войны с готами за Италию, писал: «Направо от них (карниев и нориков. — *И. Р.*) живут даки и паннонцы, которые кроме других местечек занимают Сингедон и Сирмий, простираясь до р. Дунай»⁷⁸. Указания Прокопия на то, что даки составляли основное население городов Сингедона и Сирмия, ставших в начале VI в. объектом ожесточенной борьбы между Византией, готами и гепидами за овладение стратегически важными переправами через Дунай, в которую оказалось вовлеченным романизованное население, проживавшее на обоих берегах Дуная, имеют сугубо важное значение, ибо без них во многом неясны были бы перипетии крестьянской войны, разгоревшейся в начале VI в. в Подунавье.

Даки, несомненно, были не единственным в VI в. населением этого края. Как и геты (бессы), жившие во Фракии, они постоянно смешивались с различными варварскими племенами (готами, герулами, гуннами и др.). Это население, хотя в значительной степени и было романизовано, все же сохраняло и такие черты, которые позволяли византийцам относиться к ним, как к полуварварам, тем более, что они постоянно рождались с варварами. В армии Нарзеса, набранной во Фракии и Иллирии, как сообщает Прокопий, служил «...Аруф, родом

взявший замуж дочь Маврикия сына Мунды⁷⁹. (Мунда — один из предводителей романизованного населения среднею Подунавья — См.: Рафаеловиц И. Р. К вопросу о времени появления первых политических образований романизованного населения на землях к северу от Дуная. — Юго-Восточная Европа в эпоху феодализма. Кишинев, 1973, с. 35—41.) Вместе с Аруфом в византийском войске служили стоявший «...во главе отряда римлян...» Иоанн Фалас⁸⁰. Последний, и это очень важно, не только командует отрядом «римлян», но и носит латинскую кличку⁸¹ Фалас (Обжора). Характерную кличку Лакки (Лаккец) носил другой византийский полководец⁸².

Представление о фракийцах как о пастухах-полуварарах наглядно проявилось в характеристике, данной Иорданом Максимилиану, будущему императору (235—238 гг.), фракийцу по происхождению, который «...пришел на военную службу с па-стриша. Принцепс (Септимий Север. — И.Р.) устраивал военные игры; узнав об этом, Максимин, хотя и был полувараром и юнцом, после того как были предложены награды, попросил на своем родном языке, чтобы император дал ему разрешение вступить в борьбу с опытными воинами»⁸³. Пренебрежительное отношение к фракийцам сохранялось в Византии еще очень долго. Даже в VII в. историк Феофилакт Симокатта, сторонник императора Маврикия, резко осуждая его противника Фоку, захватившего императорский трон (602—610 гг.), называл его «полувараром» и «Фракийским Анитом» (Анит — один из обвинителей Сократа. — И.Р.)⁸⁴.

В начале VI в. терпитория бывшей Римской Дакки была занята геттами, которые стремились расширить ее, захватить Сирмию и Сингедон, обеспечивая за собой контроль над Дунайскими переправами. Византия со своей стороны пыталась удерживать эти города, видя в том единственную возможность обезопасить свои балканские владения от вторжения варягов. Отступившие в Италию остготы также оказались вовлечены в эту борьбу. Город Сирмию, хотя и находилась на Балканах, однако формально входил в состав динпеца Италия и поэтому, как полагают готы, должен был оставаться под их властью.

Коренное, романизованное дакийское население, жившее в этих городах и сельской округе вокруг них, так же как и пастушеское население гор, оказалось втянутым в эти столкновения. Вероятно, воспользовавшись определенным равновесием сил между основными противниками, фракийская аристократия сумела добиться не только определенной автономии, но и на какое-то время обеспечить за собой реальную власть над стратегически важными городами⁸⁵. По сообщению Иордана, в Сирмии накануне захвата этого города геттами власть находилась в руках вождя, носившего титул «Властителя Сирмийского»⁸⁶. На опустошительные набеги и войны за Сирмию ме-

стное население, разоряемое войнами, ответило настоящей крестьянской войной⁸⁷. Лишенные средств существования крестьяне известны в источниках как скамары и разбойники. Е. Ч. Скржинская полагает, что термин «скамары» имеет чисто местное балканское происхождение. Уже в самом конце IV в. север Балканского полуострова был охвачен восстаниями скамаров, которых Аммиан Марцеллин называет «...остервенелой от голода и отчаяния толпой...»⁸⁸

Восстания скамаров периодически вспыхивали в окрестностях Сирмия на протяжении всего V в. Спорадически движение скамаров известно и в последующие столетия. Так, по свидетельству Менандра, в правление императора Тиберия скамары напали на аварских послов, возвращавшихся с данью из Константинополя⁸⁹.

В начале VI в. восстания приобрели особый размах. Это было вызвано тем, что социальное движение сплелось с борьбой против чужеземных захватчиков-гепидов. Во главе движения стал представитель местной романизированной верхушки видный полководец своего времени, прекрасный организатор, Мунд⁹⁰.

Наступление гепидов на Сирмию вынудило Мунда, жившего в Сирмии у своего деда по матери «Властителя Сирмийского» Рига, бежать из города и развернуть партизанскую войну против гепидов и их византийских союзников. По словам Иордана, Мунд «...бежал от племени гепидов за Дунай...» и «...бродил в местах, необработанных и лишенных каких-либо земледельцев; там собрал он отовсюду множество гонщиков скота, скамаров и разбойников и, заняв башню, которую называют Герта и которая стоит на берегу Дуная, вел там дикую жизнь и грабежами не давал покоя соседним обителям; он провозгласил себя королем своих бродяг»⁹¹.

Значение этого сообщения Иордана трудно переоценить. По существу, это единственное свидетельство, рисующее обстановку на левобережье Дуная после ухода отсюда римлян. В описании Иордана бывшие земли Римской Дакии предстают заброшенными, лишенными земледельческого населения, это, конечно, преувеличение, но именно так и мог их представить себе человек, привыкший к передовому для своего времени римско-византийскому земледелию.

Среди категорий собранных Мундом людей Иордан на первое место ставит «гонщиков скота», в которых, на наш взгляд, правомерно видеть «пастухов римлян» — пастушеское население как левого, так и правого побережья Дуная. Позднее, в XI в., византийский автор Иоанн Скилица расскажет о «волохах-путниках»⁹². «Пастухи римлян», «гонщики скота», «путники» — во всех случаях имеется признак перемещения, свойственный пастушескому скотоводству.

Возглавляемое Мундом крестьянское войско оказалось на-

столько сильным, что распространило военные действия на весь Иллирик. Магистр армии Иллирика Флавий Савиниан с десяти тысячным войском, по свидетельству Марцеллина Комита, потерпел катастрофическое поражение от гетов Мундона в войне, которую Марцеллин Комит называет «плачевной»⁹³. Правда, как сообщает Иордан, на стороне Мунда выступал также отряд готов во главе с Питцамом⁹⁴.

Мунду не удалось сохранить надолго свое «королевство», и после окончательного захвата Сирмия гепидами он поступает на службу к готскому королю Теодериху Великому. Император Юстиниан, со своей стороны, пытался использовать авторитет Мунда у крестьян Фракии и Иллирии. Он после смерти Теодериха приглашает Мунда к себе на службу, провозглашает его магистром армии Иллирика и использует его полководческие способности в борьбе с вторжениями славян, антов и гуннов. Во время подавления восстания Ника Мунд и его сын Маврикий командуют большим войском герулов, наемных в Дакии, где герулы были расселены среди «дакийцев».

В литературе существует мнение о том, что служба Мунда в Византии была чисто формальным явлением, а на деле он оставался фактическим властелином территорий, лежавших на северном берегу Дуная⁹⁵. Некоторые авторы склонны считать восстановление крепости Бассианы (*civitas Basensis*), округ которой лежал между Сирмием и Сингедоном, и крепостей, расположенных на левом берегу Дуная (Рецидава, Ледерата), исключительной заслугой Мунда в его борьбе со вторжениями славян⁹⁶.

Расселение славян, а вместе с ним и начало их контактов с романизованным населением на землях, лежавших к северу от Дуная, могло начаться еще в самом конце V—начале VI вв. Для территорий, расположенных к югу от Дуная, возможность широких контактов стала реальной лишь в VII в., когда славяне, прорвав дунайский лимес Византии, начали свободно расселяться на просторах Балканского полуострова.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Литаврин Г. Г.* Влахи византийских источников X—XIII в. — Юго-Восточная Европа в средние века. Кишинев, 1972.

² *Мохов Н. А.* Очерки истории формирования молдавского народа. Кишинев, 1978.

³ *Eutropius*, VIII, 6. — *Fontes Historiae Dacoromanae* (далее: FHDR), vol. II. Buc., 1970, p. 35—37.

⁴ *Колосовская Ю. К.* Ветеранское землевладение в Паннонии. — Вестник древней истории (далее: ВДИ), 1963, № 4, с. 96—115.

⁵ Там же.

⁶ *Ammianus Marcellinus*, XXVII.14,30. — FHDR, vol. II, p. 121, 123.

⁷ *Кузицин В. И.* Римское рабовладельческое поместье. М., 1973.

⁸ *Titi Livi*, XLI, 19, 8. — FHDR, vol. I. Buc., 1964, p. 258.

⁹ *Seneca. Phaedra*, 165—170,5. — FHDR, vol. I, p. 373.

- ¹⁰ *Columella*, VII, 2. — FHDR, vol. I, p. 395.
- ¹¹ *Plinii Secundi*, IV, 12 (24) 78, 10. — FHDR, vol. I, p. 401, 403.
- ¹² *Dio Cassius*, LXXII 3, 1. — FHDR, vol. I, p. 705.
- ¹³ Тацит. *Анналы*, II, 64. Л., 1970.
- ¹⁴ *Плутарх*. Марк Красс, 8. М.—Л., 1941.
- ¹⁵ *Daicoviciu C., Daicoviciu H., Șt. Ferencz și N. Vlăsa*. Șantierul arheologic Grădiștea Muncelului. — *Материале și cercetări arheologice (далее: MCA)*, vol. VIII. Buc., 1961, p. 467—473.
- ¹⁶ *Златковская Т. Д., Полевой Л. Л.* Городища Прутско-Днестровского междуречья IV—III вв. до н. э. и вопросы политической истории гетов. — В сб.: *Древние фракийцы в Северном Причерноморье*. М., 1969, с. 49—50.
- ¹⁷ Тацит. *Анналы*, IV, 46.
- ¹⁸ Там же, 49.
- ¹⁹ Там же.
- ²⁰ *Macrea M.* Șantierul arheologic Cașoiț-Arpașul-de-Sus. — MCA, vol. IV, Buc., 1957, p. 149, 151.
- ²¹ *Constantinescu N.* Noi observații în legătură cu stratul prefeudal de la Tirgușor. — *Studii și cercetări de istorie veche (далее: SCIV)*, 1960, N 1, p. 167—174.
- ²² *Dolinescu-Ferche S.* Așezarea din epoca prefeudală de la Dulceanca. — *Revista Muzeelor*. Buc., 1966, N 3.
- ²³ *Comșa M.* Sondajul de la Smîrdanu. — SCIV, 1966, N 2, p. 383—400.
- ²⁴ *Ibidem*. p. 397.
- ²⁵ *Constantinescu N.* *Op. cit.*, p. 174; *Dolinescu-Ferche S.* *Op. cit.*, p. 264.
- ²⁶ *Варрон*. О сельском хозяйстве, II, 42. М., 1957.
- ²⁷ Там же, 6.
- ²⁸ Там же, 2, 9.
- ²⁹ Там же, 10, 1.
- ³⁰ Там же, 10, 7.
- ³¹ *Platon*. *Nomoi*, VII, 805. — FHDR, vol. I, p. 103.
- ³² *Варрон*. *Указ. соч.*, II, 10, 10.
- ³³ Там же, 5, 18.
- ³⁴ Там же, 1, 2, 2.
- ³⁵ *Eunapios*. *Istoria*, frgm. 42, 35—40. — FHDR, vol. II, p. 241.
- ³⁶ *Варрон*. *Указ. соч.*, II, 10, 6—10.
- ³⁷ *Claudii Claudiani*. *Panegyricus de quarto consulatu Honorii augusti*, VIII, 25. — FHDR, vol. II, p. 169.
- ³⁸ *Плутарх*. Марк Красс. 9.
- ³⁹ *Варрон*. *Указ. соч.*, II, 10, 10—11.
- ⁴⁰ Там же, 10, 11.
- ⁴¹ Там же.
- ⁴² Там же.
- ⁴³ *Королюк В. Д.* Волохи и славяне русской летописи. Кишинев, 1971.
- ⁴⁴ *Бернштейн С. Б.* Взаимодействия языков Карпато-Дунайского ареала. — *Карпатский сборник*. М., 1976, с. 17.
- ⁴⁵ *Федоров Г. Б., Полевой Л. Л.* Археология Румынии. М., 1973, с. 282—293.
- ⁴⁶ *Курбатов Г. Л.* Византия в VI столетии. Л., 1959, с. 8.
- ⁴⁷ *Маринов В.* Расселение пастухов-влахов на Балканском полуострове и за его пределами. — В сб.: *Историографические аспекты славяно-волошских связей*. Кишинев, 1973, с. 25.
- ⁴⁸ *Прокопий*. *Война с готами*, II(VI), 13, 14. М., 1950.
- ⁴⁹ Там же, III(VII), 11, 37.
- ⁵⁰ *Удальцова Э. В.* Идеино-политическая борьба в ранней Византии. М., 1974, с. 188.
- ⁵¹ *Прокопий*. *Война с готами*, II(VI), 12, 26—27; III(VII), 6, 10.
- ⁵² *Бернштейн С. Б.* Взаимодействие языков Карпато-Дунайского ареала, с. 16—19.
- ⁵³ Там же.

- ⁵⁴ Подосинов А. В. Скифы, сарматы и геты в «Tristia» и «Epistulae ex Ponto» Овидия. — В сб.: Древнейшие государства на территории СССР. М., 1976; *Иордан*. О происхождении и деяниях гетов, § 75. М., 1960.
- ⁵⁵ *Прокопий*. Война с готами, II(VI), 26, 3.
- ⁵⁶ Там же, 26, 26.
- ⁵⁷ *Иордан*. Указ. соч., § 267.
- ⁵⁸ *Прокопий*. Война с готами, I(V), 24, 30.
- ⁵⁹ *Прокопий*. Тайная история, 22, 18—19. СПб., 1891. Пер. Дестуниса.
- ⁶⁰ *Iordanes Romana*, § 346—347. Цит. по комментарию *Скржинской Е. Ч.*
- к кн.: *Иордан*. О происхождении и деяниях гетов. М., 1960, с. 339.
- ⁶¹ *Моммзен Т.* История Рима, т. II. М., 1941, с. 64.
- ⁶² *Рикман Э. А.* О некоторых аспектах романизации населения северных низовьев Дуная в первой половине I тыс. н. э. М., 1974, с. 3; *Mihăescu H.* Scrisoarea lui Auxentius din Durostor izvor pentru latinitatea balcanică — *Omăgiu lui Iorgu Iordan*. Buc., 1958, p. 607.
- ⁶³ *Прокопий*. Тайная история, 1, 15.
- ⁶⁴ *Прокопий*. Война с готами, V(I), 5, 3.
- ⁶⁵ Там же, 16, 2.
- ⁶⁶ Там же, 10, 10.
- ⁶⁷ *Иордан*. Указ. соч., § 265.
- ⁶⁸ Комментарий *Скржинской Е. Ч.* Указ. соч., с. 332, прим. № 653.
- ⁶⁹ *Удальцова Э. В.* Италия и Византия в VI в. М., 1959.
- ⁷⁰ *Прокопий*. Война с готами. II(VI), 2, 10.
- ⁷¹ *Кулаковский Ю. В.* История Византии, т. III. Киев, 1915, с. 226.
- ⁷² *Литаврин Г. Г.* Византийское общество и государство в X—XI вв. М., 1977, с. 96—97.
- ⁷³ *Анна Комнина*. Алексиада. М., 1965, с. 274.
- ⁷⁴ *Феофилакт Симокатта*. История II, 12, 9. М., 1957.
- ⁷⁵ Там же, XI, 4.
- ⁷⁶ Там же, XV, 6—13; *Rosetti Al.* Despre «Torna, torna, fratre». — *Omăgiu lui Constantin Daicoviciu*. Buc., 1960, p. 467—468; *Petre S. Năsturel*. Torna, fratre. O problemă de istorie și de lingvistică. — SCIV, VII, 1956, p. 179—188.
- ⁷⁷ *Paulini*. Nolani Epistulae, Carmen XVII, 250, 5. — FHDR, vol. II, p. 181.
- ⁷⁸ *Прокопий*. Война с готами, I(V), 15, 27.
- ⁷⁹ Там же, IV(VIII), 26, 13—14.
- ⁸⁰ Там же.
- ⁸¹ О широком распространении латыни в VI в. в качестве разговорного языка свидетельствует замечание Прокопия о том, что термин «логофет» употребляют «...римляне, говорящие по-эллински...».
- ⁸² *Агафий*. О царствовании Юстиниана. IV, 17. М.-Л., 1953.
- ⁸³ *Иордан*. Указ соч., § 84—85.
- ⁸⁴ *Феофилакт Симокатта*. История. Диалог, 4—5.
- ⁸⁵ *Рафалович И. А.* К вопросу о времени появления..., с. 33—41.
- ⁸⁶ *Иордан*. Указ. соч., § 301, 302.
- ⁸⁷ Земледельческое население, обитавшее в окрестностях Сирмия, точно так же как и несколькими столетиями ранее романизованное население Дакки, испытывало весь ужас варварских нашествий и войн. Эти земли, по словам Прокопия, были совершенно опустошены и лишены населения, «...одни были уничтожены войной, другие болезнями и голодом — этими спутниками войны» (*Прокопий*. Тайная история. 18, 18—19). И здесь, как обычно, страдали прежде всего земледельцы. Таким образом, процесс исчезновения земледельческого романизованного населения и выживания скотоводческого повторялся и на землях, расположенных к югу от Дуная, на территории провинций Прибрежная и Внутренняя Дакки.
- ⁸⁸ *Ammiani Marcellini regum gestarum*, 14, 2. 14; Комментарий *Скржинской Е. Ч.* Указ. соч., с. 354. См. также: *Удальцова Э. В.* Идеино-политическая борьба в ранней Византии. М., 1974, с. 66.
- ⁸⁹ *Кулаковский Ю. В.* История Византии, т. II. Киев, 1912, с. 211, сн. 2.
- ⁹⁰ См. подробнее о происхождении Мунда: *Рафалович И. А.* Указ. соч.
- ⁹¹ *Иордан*. Указ. соч., § 302.

⁹² См.: *Литаврин Г. Г.* Указ. соч., с. 95.

⁹³ *Марцеллин Комит.* Хроника, 505, XIII, 25—30.

⁹⁴ *Иордан.* Указ. соч., § 301—302.

⁹⁵ *Франчес Э.* Византийское государство и левобережье Дуная в VI в. — Византийский временник, т. XX. М., 1961, с. 17—18.

⁹⁶ *Кулаковский Ю. В.* История Византии, т. II, с. 52.

В. Д. Королук

«ВОЛОШСКАЯ ЗЕМЛЯ» И ФОРМИРОВАНИЕ ВОСТОЧНОРОМАНСКОЙ (ВОЛОШСКОЙ) ОБЩНОСТИ

Происхождение волохов, понятие «Волошская земля», этническое развитие восточнороманских народностей — эти важнейшие проблемы волнуют советских исследователей в настоящее время. Комплексное изучение этноглоктогенезиса восточнороманских народностей, в котором участвовали археологи, этнографы и лингвисты, было начато в Кишиневе и дальнейшее развитие получило в Москве. Дискуссии и полемика заставили историков, в том числе историков-славистов, занимавшихся проблемой перемещения славян в Подунавье и на Балканах, комплексно изучать происхождение волохов и славяно-волошские связи и контакты.

Капитальные издания по истории, археологии и этнографии Молдавии и молдаван¹, научный совет «Происхождение молдавской народности и молдавско-славянские связи до начала XIX века» при Отделении общественных наук АН МССР², издавший сборник тезисов «Историографические аспекты славяно-волошских связей»³, и крупные академические кишиневские и московские сборники, куда были включены исследовательские доклады и статьи по вопросам происхождения восточнороманцев⁴, — все это должно было заинтересовать московских историков-славистов и привлечь к участию в разработке проблем, связанных с волохами⁵. В результате наших прежних исследований, сравнения и сопоставления текстов византийских (греческих) и латинских источников (X—XIII вв.), «Повести временных лет» и венгерского «Анонима» (конец XII—начало XIII в.) мы подошли к некоторым, но теперь уже достаточно обоснованным, выводам о расселении волохов.

1. Волохи, по данным письменных источников, отличаются не только от славян, немцев и греков, но и прямо противостоят населению Италии — римлянам, генуэзцам и венецианцам и жителям Далмации, где в то время еще сохранилось романизованное местное население, постепенно ассимилированное славянами.

2. Волохи — восточнороманцы — расселились в Динаридах и на Балканах и одновременно появились в Подунавье, причем, судя по данным «Повести временных лет» и венгерского «Анонима», Подунавье является той территорией, которую можно было бы ограничить рамками Паннонии и Трансильвании, имея в виду не античное, а средневековое значение термина Паннония.

3. Существование волохов на Балканах и в Динаридах вполне возможно еще до X в.⁶ Что же касается Паннонской низменности, то уже имеется прямое указание, что сосуществование волохов и славян несомненно имело здесь место в IX в., а может быть, даже и в VII—VIII вв. Восточнороманские топонимы сохранились и в Трансильвании, их можно отнести к IX—X вв.⁷ А это означало бы, что волошское население было здесь еще до IX в.; не исключено, что в VIII или даже в VII в., поскольку закрепление топонимов обычно требует длительного времени. Археологические раскопки в Трансильвании также дают возможность говорить о существовании там в IX—XI вв. смешанного славяно-волошского населения⁸, причем материалы, найденные в раскопках, никак не связаны с античным наследием, в том числе и с эпиграфическими памятниками.

4. Сосуществование влахов и славян было фактом не только на территории Паннонии и Трансильвании, но и в областях Динарид и Балкан. Именно на территории Балкан волохи одновременно сосуществовали со славянами и греко-ромеями, подданными Византии. Длительная конфронтация восточных романцев со славянами привела к появлению у Нестора и у венгерского «Анонима» термина «волохи» как результата контаминации трех понятий: волохи — древние римляне, волохи—romeи, часть населения Восточно-Римской империи (прежде всего армии), еще говорившая в VI—VII вв. на латинском языке, и волохи — восточнороманское пастушеское население. Сама конфронтация эта происходила в VII в. и, главным образом, в тех областях, которые прямо прилегали к Италии, где стояла армия Восточно-Римской империи.

И все же, говоря о волохах, и «Повесть временных лет», и венгерский «Аноним», и тем более византийские источники имеют в виду прежде всего восточнороманское пастушеское население, расселенное в большом ареале от Балкан до среднего Подунавья. Волохов от других народов отличает специфика их хозяйственной жизни: отгонное пастушество, с одной стороны, а с другой — пастушеско-земледельческая система на основе мясо-молочного производства.

5. Вопрос о волне миграции восточнороманского населения с Балкан в Карпато-Дунайские области в XIII—XIV вв. в целом уже в нашей советской историографии решен отрицательно⁹, хотя контакты и общение балканских влахов с волошским населением Нижнего Дуная и Среднего Подунавья, конечно,

имели место. А это означает, что процессы миграции восточно-романского пастушеского населения развивались в основном в горных областях Балкан и Динарских Альп. Попытка реставрации с помощью археологических источников положения о том, что Нижняя Мезия является главным очагом романизации в Карпатском бассейне¹⁰, — оказывается явно неудачной. Фракийский язык сохранялся в этом регионе еще до VI в.¹¹ и, следовательно, процесс глоттогенеза фракийцев в Римской империи не был прекращен. Кроме того, в области Мезии в результате подъема Первого Болгарского царства сложился очаг развития славянской болгарской народности. Он не только не мог бы помочь романизации фракийцев, а наоборот, только способствовал бы прекращению процесса романизации.

6. Столь же ошибочной является теория о континуитете романизации, но уже на территории Поднепровья, которая имеется и в некоторых наших исследованиях. Речь идет о характере восточнославянского племени тиверцев. Тиверцы — племя или, вернее, политическое объединение — иногда в нашей литературе относятся к ареалу археологической балкано-дунайской культуры. Некоторые исследователи идут еще дальше, пытаясь включить тиверцев в рамки древнего ареала романизации в полном смысле слова, выдвигая утверждение об их славяно-романском билингвизме. По этой теории восточнославянское население превращается в восточнороманский элемент¹². Достаточно, однако, лишь сравнить эту теорию с текстами русской летописи, чтобы сразу же ее отбросить. Если тиверцы действительно были «толковинами» в X в. при походе Олега на столицу Византии Константинополь, то это значит, что они умели говорить не по-латыни, а по-гречески. Еще до X в. население Византии, в том числе и армия, полностью перешли на греческий язык. Таким образом, нет никаких оснований рассматривать тиверцев «толковинами», как восточных романцев.

Проведенные исследования позволяют охарактеризовать понятие «Волошская земля». Вместе с тем различные трассы перемещений названий «Волошской земли» и связанные с ними перемещения населения дают возможность наметить и основную географический ареал, в котором проживали волохи.

Но прежде всего остановимся на понятии «Волошская земля». Оно, как и понятие «Славянская земля», «Венедская земля» или другие земли, возникает в период классообразования, раннефеодального развития народов. Но и в раннее средневековье и отчасти в развитом средневековье в Европе продолжает оставаться, символизируя нерасчленимое единство, уходящее в родо-племенной строй¹³. Понятие «Волошская земля» существует главным образом во втором периоде.

Нерасчленимое единство общества и личности в «земле», в «родной земле», естественно, означает «родную землю», сохраняется в этом понятии и постоянство синкретичности на разных

уровнях. В него включается как бы обозначение в целом различных, но все же нерасчлененных сторон жизни общества: политическое объединение и собственность, господствующий слой и свободное население, территория и границы, управление и обычное право, традиция и происхождение (реальное или мнимое), конфронтация и контакты с другими «землями», смешанное население и этнос, коллективное этническое самосознание и самосознание личное и т. д. Синкретичность мышления в этносе представляется прежде всего в обычаях и обрядах как в трудовых, так и в религиозных и в безрелигиозной магии; причем эта синкретичность сохраняется не только в период классовобразования, но и позже, когда является только пережитком общества и лишь затем в ходе социально-экономического развития полностью отмирает.

А теперь вернемся к «Волошской земле». В ходе расселения владх в пределах Динарид и Балкан появились названия «влашские (или волошские) земли». В конце XII—начале XIII в. после восстания болгар против Византии (а роль владх в восстании была значительной) временно на болгар и Болгарское государство переносилось наименование «влахы», «Земля владх»¹⁴. Конечно, основное население Болгарского государства составляли славяне-болгары, восточнороманские влахы отходили на задний план.

Более интересным наименованием была «Великая Влахия». В конце XIII — первой половине XIV в. в составе Сербского государства (в 1345 г. Стефан Душан провозгласил создание огромного Сербско-греческого царства) проживали влахы, рассевшиеся на территории Македонии, Албании, Эпира и Фессалии (до того области эти принадлежали Византии). С одной из них, с горной областью Фессалии, отождествлялась «Великая Влахия», а в самой Сербии существовала отдельная «влашская епархия». Эфемерное политическое образование «Великая Влахия» является, по существу, результатом миграционных процессов, ибо такие определения, как «великая» и «малая» дают уже достаточную опору для постановки вопроса о перемещении наименования «Влашская земля» и волошского населения¹⁵ по трассам от севера к югу, или, наоборот, от юга к северу (кроме того, были и обратные встречные волны). Решение его зависит от наших представлений о расселении волохов в Карпато-Дунайском регионе.

Как уже говорилось выше, волохи появились на территории Паннонии еще до X в. Сосуществование здесь волохов и славян отмечено в русской летописи и в венгерском «Анониме». В отличие от славян-земледельцев, волохи занимались пастушеством. Их политические объединения на этапе раннефеодального строя возникали и на территории Паннонской равнины, и на землях Трансильвании, причем основой объединений было смешанное славяно-волошское население. Правда, нужно отметить,

что в рассказе венгерского «Анонима» о волошских объединениях в Паннии говорилось все же очень глухо. Более отчетливое указание имеется в «Анониме» об объединениях волохов в Трансильвании. Оно подтверждается и археологическими источниками¹⁶. Волошские князья, или воеводства, в Трансильвании были примитивными политическими объединениями, похожими на племенные княжества у славян VII—VIII вв. с градами — укрепленными центрами.

Венгерское завоевание в конце X в. радикально изменило политическо-этнографическую обстановку в Паннии. Более слабое в военном и политическом отношении восточнороманское пастушеское население было оттеснено в горы. В Паннонской котловине волохи с этого времени уже не упоминаются в письменных источниках и, видимо, исчезают. Зато в Трансильвании волошское население сохранилось. В грамоте венгерского короля от 1222 г., относящейся к Трансильвании, отмечена «земля волохов» или «земля влахов» (*terra Blacorum*)¹⁷. Таким образом, территория «Волошской земли» заметно сократилась в результате наступления венгерских феодалов. В «Повести временных лет» и в венгерском «Анониме» указывалось, что в Подунавье, точнее в среднем Подунавье, в период до венгерского завоевания была область, которая именовалась «Волошской землей».

Цепь перемещений названия «Волошская земля» с северо-запада к юго-востоку вполне очевидна. Вслед за Трансильванией появилась «Волошская», или «Валашская земля», в Мунтении в 1307—1308 гг.¹⁸ Затем термин «Волошская земля» распространяется и на Молдавию. Применительно к этой территории «Волошская земля» впервые была названа в молдавской грамоте 1393 г.¹⁹ Сопоставление ее с «волошскими градами» в памятнике «Список русских городов дальних и ближних» позволяет разрешить вопрос о понятии «Волошской земли» относительно Молдавии. «Волошские грады» в «Списке» (памятник этот относится к концу XIV в., около 1387—1392 гг.) являются молдавскими городами на территории Молдавского княжества²⁰, которое само обозначается понятием «Молдавская земля» в молдавских грамотах и хрониках²¹. Отсюда «Молдавская земля» отождествляется с понятием «волошских градов», а «волошские грады» соответствуют понятию «Волошская земля» в грамоте 1393 г. Традиционно наименование Молдавии «Волошской землей» имеется не только в русских летописях, но и в летописях Великого княжества Литовского («Волошская земля», «Волошское господарство», «Волохи» и т. д.), в молдавско-польской летописи 1352—1564 гг. и молдавско-немецкой летописи 1457—1499 г.²²

Перемещение названия «волошская (или влашская) земля» (время перемещения — более 150 лет) от Трансильвании к Молдавии было, безусловно, связано с процессом образования

государственности валахов и молдаван и также с волной миграции восточнороманского населения в этом направлении, о чем уже писали в советской историографии²³.

От Трансильвании отходит и другая трасса перемещения названий, направленная в области Восточных, а затем Западных Карпат. Их передвижение в этом направлении связано, прежде всего, с социально-экономическими и отчасти этническими процессами — речь идет о волошской колонизации и волошском праве XIV—XVII вв.²⁴ Эта колонизация от центра Трансильвании к отдаленным районам привела к тому, что этнический элемент (волохи) значительно сократился. Правда, название «Волошизна» существовало еще в XVII в. на Прикарпатье, а в Моравии географический термин «Валахия» сохранился до нашего времени. Но каковы судьбы волохов в Прикарпатье и в Моравии? Наиболее интересен с этой точки зрения материал о волохах Моравии. Моравская Валахия очень быстро превратилась в этническую славянскую область Моравии, причем само название «валахи» в результате социально-экономического развития получило новый смысл: валахи — не этнический элемент, а славянские пастухи, или уроженцы горной области на северо-востоке Моравии²⁵.

Короче говоря, и в Прикарпатье, и в Моравии боковая трасса перемещений названий волохов и «Волошских земель» не свидетельствует о крупных этногенетических процессах. Славянский этнос оказался огромным. Волохи растворились. Волна миграции спала, но зато «волошское право» оставалось важным элементом структуры феодализма в Карпатах. Для изучения процессов развития восточнороманской этнической общности, следовательно, необходимо вновь вернуться к Трансильвании, Валахии (Мунтении), Молдавии и к территориям Динарских Альп и Балкан.

Как уже говорилось выше, волохи, или влахи — по языку романцы, по характеру хозяйства — горные пастухи, расселены по большим областям на территории Динарид и Балкан. В результате сложных и длительных социально-экономических процессов содержание термина «влахи», естественно, изменилось. Он после XIV в. не только служил обозначением этнической категории, но часто выступал как термин социальный (горные пастухи, независимо от их этнической принадлежности). Тем не менее элементы восточнороманского происхождения на Балканах и в Динаридах были вполне заметны. С течением времени наименование «волошские», или «влашские, земли» отходило здесь на последний план. Население влахов, говорившее на восточнороманских диалектах, продолжало жить во влашских катунах (катуны — общины, представляющие собой компактные селения в горах), значительная часть которых постепенно растворилась в среде албанского и славянского населения. Другая часть влашских катунов приняла ха-

раक्टर изолятов. Возникновение волошской народности на Балканах и в Динаридах было как бы заранее обречено на неудачу. Причины этого: отгонное пастушество и дисперсность волошского населения.

Совсем иначе проходили этнические процессы в среде волошского населения в Карпато-Дунайском регионе. Правда, здесь тоже была отгонно-пастушеская система, но рядом с ней существовала и другая, оригинальная скотоводческо-земледельческая система, связанная с большой ролью крупного рогатого скота и мясо-молочного производства. Об этом писали молдавские советские историки²⁶. Центром скотоводческо-земледельческой системы в регионе были области, которые, очевидно, еще не выявлены до конца. По моим предположениям, главным очагом развития мясо-молочного производства являлась именно Трансильвания. Задача определения центров этой системы очень важна как в плане дальнейшего исследования социально-экономических процессов, так и в плане этнических процессов восточнороманского этноса.

В Карпато-Дунайском регионе процесс образования народностей и крупных, относительно единых раннефеодальных государств проявился уже в XIII—XIV вв. и даже раньше (Трансильвания). Центры и очаги этногенеза и глоттогенеза смешанного населения отличны в Трансильвании, Мунтении и Молдове.

Впрочем, понятия о центрах и очагах этногенеза и глоттогенеза не вполне отвечают реальной жизни. Этнические процессы сложны и противоречивы. Они проходят не на плоскости, не в верхних слоях общества, а в глубине. Термин «очаг этногенеза», связанный с территорией, занятой определенной группой населения, вроде бы отвечает действительной истории этноса. Однако он все же недостаточен, так как в нем мало подчеркивается динамичность этих явлений. Более правильным, более емким понятием, соответствующим характеру этногенетических процессов, по нашему мнению, будет другой термин — «котел», так как не в очаге, а в котле, находящемся на очаге, на медленном огне идут большие преобразования.

Из обрисованной выше картины этнических процессов вытекает следующий вывод: перемещение названий «волошской земли» и миграция восточнороманского населения — волохов от Паннонии к Молдавии — является главной магистралью их расселения. Путь волохов от Балкан к Паннонии полностью исключен. Трасса перемещения волохов идет на территории Динарид и Балкан с севера на юг, от Динарид к Балканам и заходит в тупик. Это дает некоторые основания для определения центра расселения волохов, от которого они отходили по различным трассам.

Наименования областей волохов, или влахов, («Волошская земля», «Влашская земля», «Волхвы», «Волохи», «Влахи»)

в средние века соответствовали или сопоставлялись с названием Италии в славянских языках — «Влахи», и это, видимо, не случайно. Термин «Влахи» в последнем значении впервые встречается в «Житии Мефодия» (IX в.), где сказано, что моравские князья Ростислав и Святополк «глаголюша тако: яко божиею милостию съдрави ешь, и соуть в ны въшьли оучители мнози крьстяни из Влахъ и из Грьекъ и из Немъць, оучаше ны различь...» и т. д.²⁷ Наименование «Влахъ» для обозначения Италии характерно не только для великоморавской традиции. В чешских и польских языках оно сохранилось до сих пор (Vlachy — в Чехии, Wlachu — в Польше, одновременно Woloszczuzpa, т. е. Молдавия, и очаги сел на волошском праве в Украинском Прикарпатье — в польском языке). В Словакии также есть термин «лах» — итальянец²⁸. Сопоставляя все средневековые и современные наименования — влахи, валахи, волохи, лахи, — так или иначе можно выявить все же определенную структурную форму данного названия. Оно исходит от кельтского названия населения, принятого германцами, тогда как само население было уже романизовано. От герм. Walhaz, Walh появились славянские наименования — волохи, влахи, валахи²⁹.

Контаминация названий «Италия» и «Волохи» в средневековых источниках дает основание считать, что Италия, вернее северная Италия, примыкала к территории волохов. Такая прямая контаминация имеется, например, в легенде славяно-молдавской летописи 1359—1504 гг. Ее персонажи, братья Роман и Влахата, олицетворяют Венецию и Волошскую землю, хотя по легенде оба они как будто бы жили только в северной Италии. Вот ее текст: «От града Виницеи придоша два брата: Роман да Влахата во християнстей вере сущи, избегоша от гонения еретик на християне ...»³⁰ Легенда эта, конечно, не дает никаких аргументов для того, чтобы считать их волохами, бывшими исконными жителями Италии³¹, однако в тексте ее есть указания на возможность близкого соседства Италии с «Волошской землей»: речь идет об имени Влахата.

Еще более серьезным, даже главным аргументом для разрешения вопроса о «Волошской земле» является отрывок о волохах в «Повести временных лет». Результат его анализа заставляет согласиться со словами Г. А. Кошеленко, что древним авторам надо верить³². А древним автором в данном случае является источник «Повести временных лет». Достаточно только сравнить три отрывка «Повести», где речь идет о волохах, чтобы можно было сделать твердый вывод о ходе славяно-волошских отношений. Вот тексты отрывков: «Афетови же прияша запад и полунощная страны. От сих же 70 и 2 языку бысть язык словенск, от племени Афетова, нарци, еже суть словене. По мнозех же временах сели суть словени по Дунаеви, где есть ныне Угорьска земля и Болгарьска... Волхом бо нашедшем

на словени на дунайския, и седшем в них и насилящем им, словени же ови пришедше седоша на Висле...» и т. д.³³ И далее: «Сядяху бо ту преже словени, и волохове прияша землю словеньску. Посем же угри прогнаша волъхи, и наследиша землю ту, и седоша с словены, покоривше я под ся»³⁴. И наконец: «В Моравы бо ходил и апостол Павел и учил ту; ту бо есть Илюрик, его же доходил апостол Павел; ту бо беша словене первое»³⁵.

Совершенно очевидно, что тексты о волохах и славянах в «Повести временных лет» говорят не о прародине славян, а о прямом их перемещении в Подунавье и одновременно о перемещениях волохов туда же. Теория о прародине славян в Норике в сочинении Нестора является, безусловно, умозрительной. Но он также приводит точные свидетельства о борьбе славян с волохами, в результате которой образовалась большая возвратная волна перемещений славян из Карпато-Дунайских областей на восток и на север.

Теория Нестора, видимо, связана с великоморавским наследством, воздействие которого вполне очевидно. Однако если внимательно прочитать все отрывки Нестора о славянах и волохах, то выявляется определенный смысл — вывод о большом перемещении славян с Карпат к Италии. А это значит, что перемещения связаны прежде всего со склавенами, а не с антами. Склавенская традиция является, таким образом, источником для построения искусственной теории Нестора.

Но вернемся еще раз к текстам Нестора. В них термин «волохи» представляет собой летописную контаминацию, он означает четыре понятия: волохи — древние римляне, волохи — италянцы, волохи — «ромей», подданные Восточно-Римской империи, и волохи — восточнороманские пастухи. Если снять великоморавский слой в русской летописи (речь идет об античном Риме), то в основе остается склавенское предание, в котором выявляется объединение только двух понятий: волохи — «ромей» и волохи — восточнороманские пастухи.

Арена конфронтации и борьбы склавен с Восточно-Римской империей четко очерчена в предании. Речь идет о военных действиях в областях Норика и, видимо, Иллирии. Тылом театра военных действий была северная Италия. Борьба шла между склавенами, двигавшимися к Италии, с одной стороны, и латиноязычной армией Восточно-Римской империи и населением Норика, прежде всего пастухами-кельтами, с другой стороны. Кельты в Норике были романизованы раньше, глоттогенез окончательно завершился здесь еще во время господства Римской империи.

«По всем странам бассейна Средиземного моря, — пишет Ф. Энгельс, — в течение столетий проходил нивелирующий рубанок римского мирового владычества. Там, где не оказывал сопротивления греческий язык, все национальные языки долж-

ны были уступить место испорченной латыни; исчезли все национальные различия, не существовало больше галлов, иберов, лигуров, нориков — все они стали римлянами. Римское управление и римское право повсюду разрушили древние родовые объединения, а тем самым и последние остатки местной и национальной самостоятельности»³⁶. Население Норика и отчасти Иллирии выживало даже в самых трудных условиях, особенно пастушеское, укрываясь в горах. От античности до раннего средневековья пастушеское романизованное население, которое в средние века называли волохами (имя их шло от германцев и от славян), сохранилось в этих районах благодаря прочным связям с соседней Италией, являвшейся его опорой. А когда Восточно-Римская империя подчинила себе часть Италии, волохи воспрянули. Армия «ромеев», в состав которой входили выходцы из различных областей, в том числе и анты³⁷, была латиноязычной. Именно поэтому римское самосознание нориков в древности, на что указывал Ф. Энгельс, сохранилось до средневековья. Волохи, говорившие по-латински, одновременно чувствовали себя римлянами, хотя по существу они не являлись потомками римлян.

Время борьбы склавен с армией Восточно-Римской империи и романизованными пастушескими кельтами-нориками и возвратная волна склавен падает на период VI и первой половины VII в.³⁸

После того, что уже было сказано выше о борьбе склавен с волохами, мы, наконец, подходим к понятию «Волошская земля» — тоже древней контаминации в русской летописи. Этот термин означает: 1) Италию, 2) Норик и, вероятно, Иллирию³⁹, 3) Паннонию и Трансильванию. Италия (вернее, северная Италия) в данном случае не имеет никакого значения для перемещения волохов. Центром, от которого шло передвижение названия земли и населения, был Норик. Отсюда идет волна волохов в горные области Динарид и Балкан. Главная магистраль перемещений названия «Волошская земля» и волошского населения идет от Норика к Паннонии и Трансильвании и далее — в Валахию и Молдавию. Трасса Норик—Паннония дважды была разрезана — сначала аварами, а затем венграми, причем окончательно. Волохи, или вlahи, в Динаридах и на Балканах были горными пастухами, занимались исключительно отгонным скотоводством. Элементы иллиров, фракийцев и славян входили в состав балканских вlahов.

В Карпато-Дунайском регионе, где окончательно выкристаллизовался восточнороманский этнос, были, конечно, и элементы романизованных кельтов, славян и коренного населения — фраков (видимо, гето-даков)⁴⁰.

Перемещение волохов по различным трассам — Динариды, Балканы, Паннония, Трансильвания и, далее, территория Валахии и Молдавии, возникновение политических объединений—

«Валашские (Влашские) земли», восточнороманский (волошский) язык (лексика окрестных соседей вливалась в волошский язык, прежде всего лексика славян, а затем иллирийцев) — все это вместе дает возможность определить такое явление глоттоэтногенетического порядка, как восточнороманская (волошская) общность. Правда, вопрос о причинах переселений волохов еще не изучен, не известна также роль Норика как центра, из которого шло расселение волохов. Однако вопрос о времени появления волошской общности и о характере механизма этноса освещен и в письменных источниках, и в наших исследованиях⁴¹. При этом подчеркивается, что особую роль играет различие этносов — антитеза «мы» — «они», базировавшаяся на основе языка, обычаев и обрядов (животноводческих, земледельческих, свадебных и похоронных). В приграничной зоне этносов, именно в приграничной, а не в глубине, выявляются элементы конфронтации и, следовательно, обостренное самосознание этносов с целым комплексом представлений — этнические имена, происхождение этноса и иерархичность уровней в нем, а также традиция.

Исходя из этих представлений о механизме этносов и помня, что культурно-хозяйственные типы населения не определяют, не детерминируют этнос как таковой, мы попытаемся выявить некоторые черты облика волошской общности. На основании письменных источников лингвистических и археологических и отчасти этнографических исследований мы могли бы выделить главные звенья механизма волошской общности. Это конфронтация и самосознание волохов.

Большая волна перемещений славян в Подунавье, на территориях Динарид и Балкан столкнулась с другой, встречной, но столь же большой волной восточнороманского пастушеского населения, опорой которого была Восточно-Римская империя. Результатом борьбы славян с Восточно-Римской империей и восточнороманцами явилось то, что славянский этнос консолидировался. Перелом в развитии славянского этнического самосознания, который выразился в появлении общего наименования для всех славянских племен — славяне — склавены (название «анты» исчезло), произошел в VI—начале VII в.⁴² Кроме того, была возвратная волна, в основном пастушеская, части славян, отходивших от границ Норика и Италии. Следствием перемещений, борьбы славян и восточнороманцев на длительный срок стала конфронтация этих двух этносов.

Видимо, длительные конфликты между восточнороманцами и аварами также привели к острой конфронтации этносов, хотя в письменных источниках об этом не сообщается. Зато борьба и конфронтация между волохами и венграми показана красноречиво и ясно в венгерских хрониках и в русской летописи. Вполне естественно, что эта конфронтация не могла не повлиять на этническое мышление волохов. Обострению чувства самосо-

знания восточнороманцев способствовали также условия их перемещения и расселения. Волохи поселялись в глубине территории среди других этносов (фраков, иллирийцев, славян), в одном случае большими компактными группами, а в другом — распыленными небольшими общинами. В целом восточнороманская (волошская) общность быстро сконсолидировалась на большом ареале — на дуге от Балкан к Паннонии и Трансильвании. Как известно, кельты, находившиеся в Норике, были полностью романизованы уже в период античности, поэтому восточнороманцы (волохи), естественно, должны были считать себя потомками древних римлян. Римское этническое самосознание волохов косвенно выявляется в рассказе Нестора о борьбе славян с волохами, а более подробно об этом рассказывают венгерские источники («Аноним» и хроника Шимона Кезаи). Венгерская знать пренебрежительно характеризовала восточнороманский народ как «влахов», которые «есть пастухи римлян», т. е. пастухи на рабской службе древних римлян⁴³. Вполне естественно, что эти слова вызвали бурную реакцию волошского населения: «Волохи не пастухи римлян, нет, волохи — настоящие римляне». Происхождение волохов от древних римлян утверждается и в легенде славяно-молдавской летописи 1359—1504 гг., в молдавских летописях Г. Уреке и М. Костина в XVII в., в «Описании Молдавии» Д. Кантемира (1714—1716) и др. Древняя традиция в мышлении этноса связана с иерархичностью уровней в нем. Реконструкция иерархичности уровней этноса в нашем случае приблизительно такова: римляне — восточнороманская (волошская) общность — восточнороманские (волошские) племена или, вернее, этнополитические объединения (кнезаты) — волохи-общинники.

Время появления, точнее, время формирования волошской общности приходится на период контактов и конфронтации романизованного населения со славянами и венграми. Хронологические рамки, по данным письменных источников, могут быть определены соответственно как VI—VII вв. и начало X в. Иначе говоря, восточнороманская (волошская, влашская) общность является раннесредневековым понятием, которое, конечно, связано с античностью по происхождению, но по всем показателям уровня хозяйственной и политической жизни этноса общность совершенно отличается от времени древней Римской империи.

И, наконец, несколько слов о характере процессов глоттогенеза и этногенеза в волошской общности, а затем и в формировании восточнороманских народностей. Вопрос это сложный и противоречивый. Скрещивание этносов — элементов фраков, иллирийцев, славян и кельтов — уже отмечалось в работах советских и зарубежных авторов. Однако и механизм, и хро-

нологические сроки глоттогенеза и этногенеза непонятны. Конечно, язык восточнороманцев дает некоторые основания для изучения процессов происхождения волошской общности и восточнороманских народностей. Действительно, славянская лексика оказала огромное влияние на восточнороманский словарный фонд, в который она вошла⁴⁴. Значительно меньше слов заимствовано из лексики иллирийцев (албанцев), греков, венгров. Были и тюркские слова, и фракийские. Последние практически не сохранились. Поскольку кельты в Норике были еще раньше романизованы, а их глоттогенез полностью закончен, то у волохов также не было кельтских слов. В то же время отраженные в лексике обычаи и обряды (животноводческие и земледельческие, связанные с зеленью и водой, культ предков) так или иначе происходят от древнего фрако-дако-гетского населения и от иллирийских племен. Они переходят к древним южным славянам, с одной стороны, и к волошской общности — с другой⁴⁵. Контакты, обмен и торговля, отношения подчинения или господства между этносами: волохами, славянами и венграми, конечно, имели место, а следовательно, в восточнороманских языках, как уже сказано, были элементы славянской и венгерской лексики. Но неверно думать, что проникновение этой лексики, особенно славянской, было связано лишь с отношениями соседства, общения и господства.

Сравнительное изучение лексики, обычаев славян и восточных романцев (к сожалению, обычаи и обряды славян на территориях волохов слишком мало изучены) позволяет проследить непосредственное соединение элементов славянского населения с элементами волохов в этнической истории восточнороманской общности. Так, словообразовательная система восточнороманских языков происходит в большей мере от славян, от славянской речи⁴⁶. А сами антропологические типы населения Балкано-Карпатского региона изменились в результате заметного участия фракийского и иллирийского субстрата в эпоху средневековья, повлиявшего на ход формирования ряда балканских народов⁴⁷. Это дает достаточную опору для суждений о романо-славянской интеграции. И еще, складывание самосознания этносов на этапе перехода от волошской общности к образованию отдельных народностей отразилось в том, что название «Волошская земля» отходит на второй план, на первом же появляются другие названия — «Молдавская земля», «Мунтения» и др. Само название «волохи» сохраняется лишь в Трансильвании. А это означает, что народность начинает себя считать не пришлым, а исконным населением, причем этническое самосознание созрело в гуще этносов, в крестьянстве, в низшем и среднем сословиях феодалов, в то время как высшее сословие продолжало говорить о происхождении от Рима.

Мы вновь попытаемся поставить вопрос о характере глоттогенеза и этногенеза волохов. Действительно, фраки, в том

числе и даки, и, может быть, геты, были полностью, с одной стороны, романизованы, а с другой — славянизированы. Процесс глоттогенеза фраков закончился в VII—IX вв. Фракийский язык и названия фраков исчезли, хотя фракийский элемент как предок продолжал действовать в сфере хозяйственной и культурной жизни средневековых народов. Соседство волохов с иллирийцами, как и соседство славян с иллирийцами, не привело к окончанию процесса их глоттогенеза. Потомками иллирийцев стали албанцы. Однако часть иллирийцев влилась в славянскую и волошскую общности. Процесс глоттогенеза прекратился, начинался другой процесс — этногенез. Этническое взаимодействие волохов и славян продолжалось еще дальше (окончательно еще не выяснено); на каком-то хронологическом отрезке этнического развития восточнороманских народностей они, еще не вполне сформировавшись, вышли на линию процесса этногенеза.

Язык, фольклор и, возможно, этнографические материалы могли бы помочь различить этапы, слои процессов глоттоэтногенеза и формирования культур предков восточнороманцев. В свое время при изучении древнего славянства было установлено, что его языческое мировоззрение — это сконцентрированная общность различных пластов истории культуры. Б. А. Рыбаков показал, что «...основной научной задачей является установление последовательных ступеней: необходимо расслоить эту многообразную и многозначную массу на отдельные слои»⁴⁸.

В культуре прошлого волохов, связанной с процессами глоттоэтногенеза, имеется особый элемент — брак и свадьба на территориях смешанного населения, который является механизмом или инструментом солидаризации этноса. Однако у брака может быть и другая сторона — расширение этноса за счет соседей. Таким образом, есть брак как таковой и брак смешанный. Кроме того, брак и свадьба являются частью культуры прошлого этноса. Они есть явления язычества, но только под покровом христианства в средние века и связаны с патриархальными семьями. Переход невесты из одной патриархальной семьи в другую патриархальную семью, как бы из своего «рода» в «род» мужа⁴⁹, особенно в том случае, если «роды» эти по происхождению различны, — это большое событие в жизни семей. Входя в новый «род», невеста вносила в него некоторые привычки старого, и тогда, когда она входила в совершенно отличный, чужой «род». Невеста сохраняла элементы родных обрядов, преданий, речь и даже этническое самосознание. Подобные браки были и долго продолжались на территории смешанного населения. Языковая непрерывность волохов и славян естественно связана с брачной и свадебной непрерывностью⁵⁰, хотя обе они развивались и в пространстве, и во времени. А сами свадьба и брак — явления синкретизма: от любовной ма-

гии и до рождения ребенка и обратно, от реальности к символам.

Следовательно, в данном случае задача наша состоит в том, чтобы различать браки и свадьбы на разных этапах перемещений и расселений на территориях Балкано-Дунайско-Карпатского ареала, расчленить на периоды во времени от волошской общности к народностям и к изолятам восточнороманцев в средние века.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ История Молдавской ССР (далее: ИМС), т. 1. Кишинев, 1965; История народного хозяйства Молдавской ССР (с древнейших времен до 1812 г.) (далее: ИНХМС). Кишинев, 1976; Молдаване. Очерки истории, этнографии, искусствоведения (далее: МОИЭИ). Кишинев, 1976; Федоров Г. Б., Полевой Л. Л. Археология Румынии. М., 1973.

² Зеленчук В. С., Златковская Т. Д. О работе научного совета по проблеме «Славяно-волошские связи и формирование молдавской народности». — Советская этнография, 1978, № 2.

³ Историографические аспекты славяно-волошских связей. (Резюме докладов сессии Научного Совета по комплексному изучению проблемы славяно-волошских связей и происхождению молдавской народности. 1973 г.) (далее: ИАСВС). Кишинев, 1973.

⁴ Юго-Восточная Европа в средние века. I (далее: ЮВЕ). Кишинев, 1972; Карпато-Дунайские земли в средние века (далее: КДЗ). Кишинев, 1976; Юго-Восточная Европа в эпоху феодализма (далее: ЮВЕФ). Кишинев, 1973; Вопросы этногенеза и этнической истории славян и восточных романцев (далее: ВЭСВР). М., 1976.

⁵ Грацианская Н. Н. Этнографические группы Моравии. К истории этнического развития. М., 1975, с. 80—86; Грацианская Н. Н., Королук В. Д. Проблемы этногенеза моравских валахов в современной чехословацкой историографии. — В сб.: ВЭСВР; Литаврин Г. Г. Влахы византийских источников в X—XIII вв. — В сб.: ЮВЕ; Он же. Византийское общество и государство в X—XI вв. М., 1977, с. 156—175; Наумов Е. П. Волошская проблема в современной югославской историографии (средневековые вlahы западной части Балканского полуострова). — В сб.: ИАСВС; Корлук В. Д. Волохи и славяне русской летописи. Кишинев, 1971; Он же. Волохи и славяне «Повести временных лет». — Советское славяноведение (далее: СС), 1971, № 4; Он же. К вопросу о месте известий о волохах в «Повести временных лет». — СС, 1972, № 1; Он же. Славяне, вlahы, римляне и римские пастухи венгерского «Анонима». — В сб.: ЮВЕ; Он же. Перемещение славян в Подунавье и на Балканы (Славяне и вlahы в V — середине VII в.). — СС, 1976, № 6.

⁶ Вукановић Т. Етногенеза јужних Словена. Врано, 1976, с. 132 и далее.

⁷ Drăgani N. Româniile în veacul IX—XIII pe baza toponimiei și a onomasticeii. Buc., 1933, p. 405.

⁸ Din istoria Transilvaniei. Buc., 1963, p. 81; Федоров Г. Б., Полевой Л. Л. Археология Румынии, с. 307—310, ср.: Зеленчук В. С. Молдавские летописи как источник изучения ранней этнической истории молдаван. — В сб.: ИАСВС, с. 17.

⁹ Полевой Л. Л. Формирование основных гипотез происхождения восточнороманских народностей Карпато-Дунайских земель. — В сб.: ЮВЕ, с. 138; Зеленчук В. С. Молдавские летописи..., с. 16—17.

¹⁰ Рикман Э. А. О романизации населения Карпато-Дунайских областей в первой половине I тысячелетия н. э. — В сб.: Карпатский сборник (далее: КС). М., 1976, с. 28—30.

¹¹ Бернштейн С. Б. Взаимодействие языков Карпато-Дунайского ареала. — В сб.: КС, с. 18.

¹² Хынку И. Г. К вопросу о расселении тиверцев и улчей в Поднестровье. — В сб.: ЮВЕ, с. 159—175.

¹³ Ср.: Неусыхин А. И. Возникновение зависимого крестьянства в Западной Европе в VI—VIII вв. М., 1956, с. 32 и далее.

¹⁴ Литаврин Г. Г. Болгария и Византия в XI—XII вв. М., 1960, с. 431—437.

¹⁵ Ср.: «Старый Влаха» (часть Сербии и Боснии), «Нижняя Влахия» (Герцеговина) и т. д. См.: Вукановић Т. Етногенеза јужних Словена, с. 132.

¹⁶ Федоров Г. Б., Полевой Л. Л. Археология Румынии, с. 307—311.

¹⁷ Documente privind istoria României, C. Transilvania, veac. XI, XII, XIII, vol. I. Buc., 1951, p. 209.

¹⁸ Scriptores rerum Austriacarum, t. III. Ratisbonnae, 1745, p. 769—770; Documenta Romaniae Historica, B. Țara Românească. v. I. Buc., 1966, p. 36—43.

¹⁹ Costăchescu M. Documentele moldovenești înainte de Ștefan cel Mare, v. II. Iași, 1932, p. 607.

²⁰ Тихомиров М. Н. Список русских городов дальних и ближних. — Исторические записки, т. 40, 1952, с. 219, 223—225, 228.

²¹ Молдавия в эпоху феодализма, т. I. Славяно-молдавские грамоты. Кишинев, 1961, с. 1, 2, 5, 10, 13 и т. д.; Славяно-молдавские летописи XV—XVI вв. М., 1976, с. 24, 28, 29, 34, 55, 58, 60—63 и т. д.

²² Полное собрание русских летописей, т. 32, М., 1976, с. 30, 85, 86, 90, 91, 93, 94, 97—99, 103, 111—113, 115, 117, 156, 160, 163, 166; Славяно-молдавские летописи..., с. 36, 105, 107—110, 113—117.

²³ Ср.: Зеленчук В. С. Молдавские летописи..., с. 17—19.

²⁴ Статья Ю. В. Бромлея и Н. Н. Грацианской (Проблемы этнографического изучения культурной общности населения Карпат. — В сб.: КС, с. 9—11) адресована не только историкам, но и этнографам для решения вопросов волошской колонизации и волошского права. Отклик уже есть (Зеленчук В. С. Костюм румынского населения Закарпатской области УССР. — Там же, с. 69—74).

²⁵ Грацианская Н. Н. Этнографические группы Моравии..., с. 80—86; Грацианская Н. Н., Королюк В. Д. Проблемы этногенеза моравских валахов..., с. 253—257.

²⁶ ИНХМС, с. 56—61, 73—77.

²⁷ Magnae Moraviae Fontes Historici, t. 2. Praegae—Brunnae, 1967, p. 144.

²⁸ Вукановић Т. Етногенеза..., с. 132.

²⁹ Там же.

³⁰ Славяно-молдавские летописи..., с. 55.

³¹ Зеленчук В. С. Молдавские летописи..., с. 11—13.

³² Кошеленко Г. А. Родина парфян. М., 1977, с. 33.

³³ Повесть временных лет, ч. I. М.—Л., 1950, с. 11.

³⁴ Там же, с. 21.

³⁵ Там же, с. 23.

³⁶ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., т. 21, с. 146—147.

³⁷ Прокопий из Кесарии. Война с готами. М., 1950, с. 319.

³⁸ История Византии, т. I, М., 1967, с. 327—353; ср.: Герман К. Ф. Имена прилагательные в системе восточнославяно-молдавских языковых заимствований. — В сб.: Общекарпатский диалектологический атлас (далее: ОДА). Кишинев, 1976, с. 116.

³⁹ В восточнороманском языке отсутствуют кельтские слова. Значит, глоттогенез завершился в Норике в древности. Иначе происходит языковой процесс в Иллирии. Через балкано-карпатский языковой континуум от Иллирии (от современной Албании) к Карпатам иллирийская лексика сохранилась в среде восточнороманского, восточнославянского и западнославянского населения. Языковой континуум падает на вторую половину I тыс. н. э. (Десницкая А. В. К интерпретации балканизмов в Карпатской лексике. — ОДА, с. 17, 20, 25). Следовательно, перемещение волохов идет от Норика к Иллирии и далее на Балканы.

⁴⁰ ИНХМС, с. 36—37.

⁴¹ *Королюк В. Д.* Славяне, вlahи, римляне и римские пастухи венгерского «Анонима»; *Он же.* Перемещение славян в Подунавье и на Балканы...; см. о характере механизма этноса: *Бромлей Ю. В.* Этнос и этнография. М., 1973, с. 10—177. В книге имеется большая библиография.

⁴² *Королюк В. Д.* Перемещение славян в Подунавье и на Балканы..., с. 53.

⁴³ *Королюк В. Д.* Славяне, вlahи, римляне и римские пастухи венгерского «Анонима», с. 156.

⁴⁴ Из 710 изученных единиц сельскохозяйственной терминологии в молдавском языке 32% имеют славянское происхождение, в том числе 7% южнославянское. См.: *Зеленчук В. С., Златковская Т. Д.* Указ. соч., с. 128.

⁴⁵ *Вуканович Т.* Етногенеза..., с. 132, 306—307; *Зеленчук В. С., Златковская Т. Д.* Указ соч., с. 128; *Златковская Т. Д.* К проблеме античного наследства у южных славян и восточных романцев. — СЭ, 1978, № 3, с. 47—58; *Колева Т. А.* Георгиев день у южных славян (обычай, связанные с животноводством). — СЭ, 1978, № 2, с. 25—37; *Попович Ю. В.* Обряды с плугом у восточнороманских народов. — КС. М., 1976, с. 112—115 и т. д.

⁴⁶ МОИЭИ, с. 325.

⁴⁷ *Алексеев В. П., Бромлей Ю. В.* К изучению роли переселения народов в формировании новых этнических общностей. — СЭ, 1967, № 2, с. 36—38.

⁴⁸ *Рыбаков Б. А.* Языческое мировоззрение русского средневековья. — Вопросы истории, 1974, № 1, с. 4.

⁴⁹ *Сурхаско Ю. Ю.* Карельская свадебная обрядность. Л., 1977, с. 60.

⁵⁰ Ср.: *Бромлей Ю. В.* Этнос и этнография, с. 20, 120—121.

Л. Л. Полевой

О ХОЗЯЙСТВЕННО-КУЛЬТУРНОМ ТИПЕ ВОЛОХОВ

Понятие хозяйственно-культурных типов наиболее полно сформулировано в работе М. Г. Левина и Н. Н. Чебоксарова, которые определяют их как «исторически сложившиеся комплексы особенностей хозяйства и культуры, характерные для народов, обитающих в определенных естественногеографических условиях, при определенном уровне их социально-экономического развития»¹.

Фактором, определяющим структуру хозяйственно-культурного типа, считают форму хозяйства, его главную отрасль, «представляющую одну из сторон в общественном разделении труда»², в экономических связях³. На основе этих критериев создана классификация народов по хозяйственно-культурным типам⁴.

Внешнее своеобразие хозяйственного уклада восточнороманского населения — волохов, населявших страны Юго-Восточной Европы в раннефеодальный период от Эпира до Карпатских земель, издавна привлекало внимание исследователей. Проживая рядом с земледельческим населением долин и равнин, волохи тяготели к горно-холмистым лесным ландшафтам, где пасли свои многочисленные стада, и появлялись на рынках городов и селений, чтобы реализовать продукцию животноводства. У некоторых ученых сложилось представление, что под-

вижное скотоводство и обработка его продуктов были не только главными, но почти единственными занятиями волохов. Это вызвало длительную дискуссию между историками, археологами, этнографами и лингвистами Советского Союза, Польши, Чехословакии, Венгрии, Румынии, Югославии, Болгарии, Греции и других стран, тесно связанную с обсуждением проблем восточнороманского этногенеза⁵.

В ходе споров выделилась постановка вопроса о соотношении в экономике населения Молдавии главных отраслей — животноводства и земледелия⁶. Такая постановка сама по себе стала существенным шагом вперед в определении особенностей хозяйства восточнороманского населения Карпатских земель. Не вдаваясь в обширную историографию, в которой противостоят две точки зрения о преобладании одной из этих отраслей⁷, отметим, что обсуждение касается главным образом собственно молдавского хозяйственно-культурного типа XIV—начала XIX в., который, как считают, развился из сочетания предшествовавших ему волошского и восточнославянского. Хозяйство волохов IX—XIV вв. изучалось вне изменения его форм как структуроопределяющих факторов хозяйственно-культурного типа⁸. Попытки представить эволюцию волошского хозяйства носят постановочный характер⁹.

Разделяя мнение тех исследователей, которые отстаивают концепцию континуитета (постоянного пребывания) коренного романизованного населения главным образом в пределах Карпатской горной страны, следует допустить возможность перехода его значительной части, после римской эвакуации Дакии в III в. н. э., в период Великого переселения народов, к скотоводческо-земледельческому хозяйству с заметным уклоном в сторону полуоседлого пастушества¹⁰. Самое раннее известие о волохах содержится в древнерусской летописи под 898 г. и связано с повествованием о движении в Паннонскую низменность венгров, которые «устремишася черес горы великия, яже прозвашася горы Угорьския (Карпаты.— *Л. П.*), и почаша воевати на живущая ту волохи и словени... Посем же угри прогнаша волъхи, и наследиша землю ту... и оттоле прозвася земля Угорьска»¹¹. По сведениям другого источника («Аноним Бель»), в левобережье Среднего Подунавья в конце IX—X вв. проживало пастушеское население (*pastores Romanorum*), которое В. Д. Королюк отождествляет с волохами («блахами») того же источника¹². В конце X — начале XI в. часть феодально-независимого населения Баната, в левобережье Среднего Подунавья, составляли пастухи (*pastores*), разводившие овец, коз, лошадей и крупный рогатый скот. С помощью ручных мельниц здесь изготовляли муку¹³. Источники этого времени называют в Банате и прилегающих районах много селений с романскими названиями: Рада, Петра, Кукура, Феберя, Утуря, Борсу, Плешница, Ротунда, Сурул, Кучул, Папул и др.¹⁴ Эти скудные све-

дения, которые в той или иной мере можно связать с волошским населением в землях к северу от Дуная, позволяют высказать лишь самые общие предположения о пастушеском скотоводческо-земледельческом типе его хозяйства.

Формирование феодальных отношений у народов «контактной» зоны Центральной и Юго-Восточной Европы, в частности у волохов¹⁵, привело к появлению около X в. форм раннефеодальной государственности в Карпатах: волошко-славянских княжеств, упомянутых венгерской Анонимной хроникой XII в., которые были уничтожены венгерским завоеванием¹⁶. Появление этих княжеств, опиравшихся на значительные укрепленные центры — большие поселения близ нынешних пунктов Дабыка, Морешть, Молдовенешть и др.¹⁷, было возможно у обществ, достигших определенного уровня экономического и социального развития, со значительными элементами земледельческо-скотоводческой оседлости и развитым на ее базе ремеслом.

В процессе интенсивного романо-славянского этнокультурного синтеза, происходившего в VIII—XI вв. в Карпатских землях, славянский элемент, видимо, представлял в основном земледельческую основу хозяйственного развития¹⁸, хотя эти занятия не были чужды и восточнороманскому пастушеско-земледельческому хозяйству. В этот период, очевидно, также под влиянием славян, обработка земли начинает занимать в волошском хозяйстве более заметное место. Почти вся восточнороманская земледельческая терминология славянского происхождения большей частью связана с внедрением более совершенных орудий, способов обработки земли и уборки урожая (плуг, коса, сноп и др.), некоторых новых полевых культур (овес) и др. Она была заимствована, как определили лингвисты, уже в самый ранний период романо-славянских контактов в VI—XI вв.¹⁹ Поселения, как считают, смешанного романизированного и славянского населения VII—IX вв. открыты археологами на равнинах Трансильванского плато: в черноземной лесостепи междуречья Сомеша и Муреша, в районах распространения плодородных почв (псевдорендзин) долин Малой и Большой Тырнав (Безид, Сэлашурь, Чипэу, Молдовенешть и др.)²⁰.

Вторжение венгров в Трансильванию и последующая колонизация секуев, сасов, венгров и др.²¹, по-видимому, привели к новому отливу восточнороманского населения в предгорья и горы, где в основном его отмечают источники первой половины XIII и XIV вв.²²

Влахов-пастухов с X столетия источники упоминают также на Балканах. В 70-х гг. X в. влахи-«путники» (*βλαχῶν οἰκῶν*) убивают в Фессалии одного из четырех комитопулов Первого Болгарского царства²³. Обсуждая значение термина «путники», исследователи единодушны в том, что он определял владхов как население, ведущее подвижный образ жизни²⁴.

Характерно, что среди владх Далмации XIV—XV вв. бытует аналогичное греческому понятие «кэлэтор». — буквально путник, означавшее погонщик скота²⁵.

Разнообразии природных условий Балкан, сочетание горных областей, обширных долин и обрамленных горами равнин, а также различия в уровнях социально-экономического развития волошских общин породило разные формы скотоводческого хозяйства, которые отличались амплитудами сезонных перемещений между летними и зимними местами обитания. Некоторыми историками²⁶ даже высказано мнение, что на Балканах существовали подлинно полукочевые или даже кочевые волошские общины (катуны), не имевшие постоянных поселений и определенных территорий выпаса скота и зимовищ. Однако уже самые ранние источники XI—XII вв., как показывает недавнее исследование Г. Г. Литаврина, представляют владх Балкан скотоводами, использующими закрепленные за каждой общиной ареалы летних горных пастбищ и перегоняющими стада на зиму по традиционным путям в горные котловины и долины к постоянным поселениям²⁷. Эта древнейшая, зафиксированная у владх Балкан форма экстенсивного скотоводческого хозяйства сохраняется наряду с прочими, более совершенными, в странах Юго-Восточной Европы вплоть до XIX—XX вв.²⁸ В этнографической литературе такая форма определяется как отгонная, или маятниковая. Существоющее у некоторых авторов представление о кочевом или полукочевом характере владхского пастушества является следствием не совсем четкого анализа этнографического материала²⁹.

Главное место в животноводческом хозяйстве балканских владх X—XII вв., судя по сообщениям источников, занимало овцеводство и разведение лошадей, с которыми была связана необходимость сезонного перегона стад на летние пастбища и обратно на зимовку. Кроме того, владхи разводили крупный рогатый скот, коз, мулов и свиней³⁰. Явно выраженная скотоводческая направленность хозяйства владх этого времени не означала, однако, что ему, как показывают ряд авторов³¹, было чуждо земледелие.

Косвенное указание на существование у владх обработки земли содержится в источнике рубежа XI—XII вв., отмечающем их повинности в пользу Афонских монастырей. Они «пасли овец и служили монастырям, доставляли для них сыр, молоко и шерсть, изготовляли и хлеб по просьбе монастырей...»³² По мнению Г. Г. Литаврина, часть владх, проживавших в постоянных селениях в X—XI вв., занималась земледелием. Густо населена была владхским населением в XI в. плодородная долина реки Плирис (Блиури), приток Пеней в Фессалии; в Албании, Македонии и других областях существовали села владх, «посаженных на землю», в занятиях которых обработка земли, по-видимому, начинает занимать заметное место³³.

Характер влашского хозяйства Балкан еще более явственно выступает в источниках XIII—XV вв.³⁴

Хорошо организованное традиционное влашское животноводство³⁵ обеспечивало некоторый излишек его продукции, поступавший на городские рынки. По предметам обмена, с которыми влахи появлялись на рынках, можно составить дополнительные суждения об их занятиях. Одним из основных продуктов питания жителей балканских городов был сыр (брынза), доставлявшийся туда влахами. Влашские женщины изготовляли грубошерстные плащи и украшенные цветными узорами дорожные сумы, пользовавшиеся спросом у горожан. Из влашских общин в города привозились мясо, овчина, кожа, шерсть, грубое сукно, воск, мед и другая продукция, связанная с животноводством, взамен которой влахи приобретали необходимые городские изделия³⁶. В общественном разделении труда влашское хозяйство было представлено своей главной отраслью — скотоводством.

Таким образом, хозяйство балканских влахов IX—XIV вв. имело специфическую животноводческую направленность с преимущественно отгонным разведением овец и лошадей. Традиционными были занятия по обработке продукции животноводства: выделке кож, мехов, сыроделию, производству грубого сукна и шерстяных изделий и др. По крайней мере у части влахов эти занятия переступили грань простых домашних производств и превратились в ремесла, с продукцией которых они активно вступают в рыночные отношения³⁷. Заметное место занимало, очевидно, пчеловодство. Земледелие носило подсобный характер, особенно в раннее время.

Преобладающая часть влахов Балкан была объединена в общинные коллективы — катуны. Так обычно называлась не только волошская пастушеская община, но и само ее поселение. В чертах средневековых катунов наряду с пережитками родовых отношений отчетливо прослеживаются уже особенности территориальной общины. Более высокой степенью общественной жизни влахов были надкатунские организации во главе с кнезами, зачастую являвшимися также феодальными владельцами³⁸.

Тип хозяйства, сложившийся в раннем средневековье у населения предгорных и горных районов Балкан и, вероятно, Карпат, определяется этнографами как маятниковый отгонно-скотоводческий с неполной оседлостью (или полуоседлый)³⁹. Носителями этого типа хозяйства и культуры в странах Юго-Восточной Европы было в основном восточнороманское население — волохи, особенно в ранний период. Распространенное в литературе мнение о влахах как о скотоводах-кочевниках сложилось, судя по всему, вследствие лаконичности письменных сведений в источниках, отмечавших наиболее заметную сторону их хозяйственной деятельности.

Засвидетельствованный источниками термин «влах», «волох», как считают, славянского происхождения, обозначал горных скотоводов, овцеводов и получил распространение в качестве этникона в основном восточнороманского населения X—XII вв., главным хозяйственным занятием которого было горное пастушество. Уже к XIII—XIV вв. с развитием волошской колонизации по периферии Карпато-Балканского региона в Моравии, Словакии, южной Польше, Галичине, Закарпатье, Далмации, Албании и других в это движение вовлекались другие, преимущественно славянские, этнические группы, на которых также распространился термин «волохи», утративший свое этнонимическое значение⁴⁰. Это создает определенные трудности в этнической дифференциации населения разных областей. Можно лишь предполагать, что на территории основного восточнороманского расселения в источниках упоминаются обычно этнические волохи, а по ее периферии под именем волохов могут выступать разные этнические группы, как это отмечают почти все исследователи. В XV—XVII вв. в странах, где происходила ассимиляция восточнороманского населения славянами, волохами (влахами) называли горных скотоводов различных народов и этот термин стал обозначать социально-экономическую категорию населения⁴¹.

В XIII—XIV вв. значительная часть волохов в силу ряда социальных и политических причин вынуждена была перейти к более полной оседлости, основанной на хозяйстве, в котором земледелие уже занимало существенное место. Подъем экономики и рост народонаселения, развитие феодализма вширь и создание национальных государств на Балканах сопровождалось хозяйственным освоением новых пахотных земель. Это, в свою очередь, приводило к тому, что влахи лишались зимних пастбищных угодий, а их традиционные сезонные трассы разрывались границами государств и владений феодалов, в зависимость от которых попадали многие влашские катуны⁴². В XIII—XV вв. процесс приобщения влахов к земледелию усиливается. Значительная часть влахов начинает вести хозяйство, в котором более пропорционально сочетаются животноводство и земледелие, хотя скотоводство по-прежнему играет главную роль⁴³. Место катунов занимают села, что наилучшим образом характеризует хозяйственные изменения в жизни этой части влахов⁴⁴. Нужно думать, этот переход совершался преимущественно у тех влахов, чьи поселения-зимовища располагались в плодородных долинах на значительных расстояниях от горных пастбищ. Однако в литературе сложилось представление, что большинство влашских катунов Балкан предпочли уход в горы. Те из них, которые по разным причинам не нашли новых зимних пастбищ, могли двинуться за Дунай, на север, создав волну миграции в Карпатские земли, также населенные волохами⁴⁵.

Однако этот вопрос заслуживает более глубоких будущих изысканий.

Волошские общины трансильванских предгорий и межгорных котловин в Хацеге, Фагараше (Стране волохов), Марамуреше и других областях, временно сохранив на королевских домениальных землях значительные социальные и административные привилегии, основанные на волошском обычном праве (*jus valachicum*), несли пограничную охранную службу⁴⁶.

Населенные волохами долины рек Стрей в Хацеге, Олт в Фагараше, Вишеу и Иза в Марамуреше и другие на сравнительно небольшом пространстве переходили в близкие горные кручи Южных и Восточных Карпат. Кроме пойменных частей долины рек, предгорья и в значительной части горы были тогда покрыты дубовыми, буковыми, а выше хвойными лесами, за которыми начинались альпийские луга⁴⁷. В этой природной среде могли сочетаться отгонное скотоводство с подсечно-переложным земледелием, леса использоваться для выпаса свиней, а также скота, пчеловодства и лесных промыслов. Именно такой «смешанный» тип хозяйства проследил Г. Шталь у истоков землепользования в Стране волохов — Фагараше⁴⁸. Первоначально сельские хотары, располагались от берега р. Олт в сторону Южных Карпат длинными параллельными площадями, включали в себя как равнинные, так и предгорные и горные пойменнолуговые, лесные и альпийские угодья, создавая для каждой общины почти идеальные условия пропорционального развития всех отраслей «смешанного» типа хозяйства, который формируется у волохов Трансильвании к XIII—XIV вв.

В источниках этого времени находим указания на то, что волошское население владеет землями и лесами на равнинах и пастбищными угодьями в горах⁴⁹, а скот и лошади составляли одно из основных его богатств⁵⁰. В кнезате волошского воеводы Литовоя, располагавшегося в отрогах Карпат на севере Олтении, так же как в других соседних волошских княжествах середины XIII в., скотоводство является, по-видимому, главной отраслью хозяйства, определяя его хозяйственно-культурный тип. Источник называет сенокосные (*fenatia*) и пастбищные угодья (*pasua*) для овец и крупного рогатого скота (*animalium et pecus*). Однако и земледелие занимает уже существенное место в хозяйстве волохов: посевы зерновых (*agricultae*) приобрели такие масштабы, что это привело к появлению механических мельниц (*molendina*), ставших предметом феодального владения как один из главных источников доходов⁵¹.

Сведенные в таблицу упоминания в документах XIII—XIV вв. о хозяйственных угодьях волошских общин карпатских областей позволяют представить общую картину их структуры, несмотря на то, что она не показывает очень важное в данном

Сельскохозяйственные угодья волошских общин карпатских областей XIII — XIV вв.*

Угодья	Области										
	XIII в.		XIV в.								
	Фагараш	Северная Олтения	Оаш	Сэлаж	Регин	Нэсэуд	Марамуреш			Страна мочов	
			Берку	Нуш-фалэу, Язь, Валкэу, Джу-мэлчиш	Порчешть, Сусены и др.	Галаць	Кухя	Вишеу, Шиеу, Ботиза	Иза, Апиша и др.	Реллу	
1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	
<i>Скотоводческие</i>											
Пастбища (pascua)		+								+	
Луга (prata)			+	+		+	+	+	+	+	+
Сенокосы (fenatia)	+	+	+	+	+	+					+
Горы — пастбища (montes)								+	+	+	
Снежные горы — альпийские пастбища (alpes nivosaе)								+			
<i>Земледельческие</i>											
Земля (terra)	+										
Земли пахотные (terrae arabiles)			+	+	+	+	+			+	+
Земли возделанные (terrae cultae)		+								+	
Земли невозделанные (terrae incultae)										+	
Земли удобренные (terrae firmatae)			+								
Поля (campi)			+					+			
Виноградники (vinefa)										+	
Мельницы (molendina)		+		+		+		+			
<i>Лесные</i>											
Леса (silvae)	+		+	+	+	+	+	+			+
Дубравы, буковины (petogosi)			+		+	+	+			+	+
Редколесье, кустарники (arundines)										+	
<i>Рыболовные</i>											
Рыбные пруды (piscinae)		+									
Озера, „болота“ (paludes)										+	
Реки, „воды текущие“ (fluviae, aquarum ductibus)				+				+	+	+	

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Воды (aquae) Места рыбной лов- ли (piscationes)		+	+					+	+	

* Таблица составлена по: DIRC, veac. XI — XIII, vol. I, p. 200, 209; veac. XIV, vol. I, p. 423; vol. IV, p. 602, 646—647; *Mihalyni I.* Op. cit., p. 31, 85, 87, 128; DRHC, vol. X, p. 113.

аспекте доленое соотношение скотоводческих, земледельческих и других угодий (см. табл.).

Традиционное волошское хозяйство XIII—XIV вв. «по обычаю волохов» использовало «пахотные земли, луга, леса, дубравы, реки, альпийские луга, горы, долины» (*terris arabilibus, pratis, silvis, nemoribus, fluviis, alpihus nivosis, montibus, vallibus, viis... iuxta modum Olachogum*), как сказано в документе 1353 г. от 14 мая, устанавливающим хотар (границы) феодального владения Кухя в Марамуреше⁵², т. е. животноводческие, земледельческие, рыболовные и другие угодья. В животноводстве для экстенсивных, отгонных форм летнего выпаса скота, главным образом овец и лошадей, служили горные и альпийские пастбища (*montes, alpes nivosaе*)⁵³, леса и кустарники (*silvae, agundines*). В горах устраивались убежища для животных и людей — стьны (*descensum in alpihus*)⁵⁴. Луга, сенокосы и пастбища вблизи сел (*prata, fenatia, pascua*) связаны с развитием форм интенсивного скотоводства (крупный рогатый скот, лошади). Особое место в животноводческом хозяйстве волохов занимали дубовые и буковые леса (*nemogosi*), в изобилии дававшие желуди и орехи для жировки свиней и малопригодные для выпаса прочего скота из-за скудного подлеска и почти полного отсутствия травяного покрова в буковых лесах⁵⁵. В стаде наряду с овцами и свиньями существенное место занимал крупный рогатый скот, а также лошади⁵⁶.

Почти все документы, в которых указаны сельскохозяйственные угодья волошских сел XIII—XIV вв., упоминают пахотные земли (*terrae arabiles*), отличая среди них участки, возделываемые (*cultae*) и оставленные в перелог (*incultae*)⁵⁷. В земледелии волошских общин Марамуреша и других карпатских горных областей в XIV в. и несколько позже паровое двух- и трехполье распространено очень слабо⁵⁸. Лишь в некоторых случаях документы указывают удобренные земли (*terrae fimateae*)⁵⁹.

Существовал лесной перелог, практиковавшийся в больших масштабах, чем это считают некоторые исследователи⁶⁰. Он являлся неотъемлемым элементом волошской экстенсивной системы земледелия⁶¹. Косвенным указанием на существование

искусственно очищенных от леса участков, кроме уже известных⁶², является упоминание в документах кустарников (*agudinines*), появившихся на заброшенных лесных земледельческих и скотоводческих угодьях⁶³.

Свидетельством существования переложно-залежной системы в волошском хозяйстве XIII—XIV вв. являются также находки железных симметричных лемехов и чересел — частей типичного для этой системы пахотного орудия — в Бытка Доамней близ г. Пятра⁶⁴ и в Марамуреше⁶⁵. Экстенсивное волошское земледелие обеспечивало такие урожаи зерновых, которые способствовали появлению механических мельниц. Они находились во владении феодалов. Земледелие волошского села знало и интенсивные формы — виноградарство. Виноградники (*vineta*) располагались на холмистых предгорьях⁶⁶.

Традиционной отраслью волошского сельского хозяйства было рыболовство. Рыболовные угодья — пруды, озера, реки и т. д. (*piscinae, paludes, fluviae, piscationes, aquis aquarumque decursibus*) — первоначально принадлежали общине, но затем становятся одним из существенных наряду с землей и мельницами элементов феодального владения⁶⁷.

Можно лишь предполагать существование в хозяйстве карпатского волошского села XIII—XIV вв. таких традиционных и широко известных впоследствии занятий, как пчеловодство, лесной и соляной промыслы и другие⁶⁸, ибо в источниках и археологических материалах нет соответствующих свидетельств.

Нужды развивающегося производства и быта привели к выделению в волошском селе ряда ремесел. Источники XIV в. упоминают о наличии в волошских селах карпатских земель шорников, меховщиков, скорняков, сапожников, гончаров, портных, лучников и др.⁶⁹ Из документов узнаем, что для дубления кож применялись механические установки⁷⁰. Для занятия сельским хозяйством волошскому крестьянину требовались железные топоры, пилы, тѣсла, долота, сверла, лемеха, чересла, косы, серпы, ножи, гвозди и прочие предметы железодельного производства и обработки металла. Они и были найдены при раскопках поселений и в кладах XIII—XIV вв.⁷¹ Остатки кузнечных мастерских этого времени открыты на волошских поселениях Бытка Доамней⁷² и Сарасэу⁷³ в Восточных Карпатах и Четецены — в Южных Карпатах⁷⁴. Универсальность ограниченного набора кузнечных инструментов и отмеченная исследователями упрощенность исполнения работ характерны для неспециализированного сельского ремесла⁷⁵. В волошских селах работали также гончары, изготовлявшие глиняную посуду в технике сельского ремесла⁷⁶, а также, видимо, другие ремесленники.

Оседлый быт в постоянных селениях характерен для волохов Карпатских земель XIII—XIV вв. Сведения о волошских селах (*possessionum... Olachorum, villis olachales, villa Wolacha-*

1а) проходят по всем документам этого времени и относятся к Банату, Хацегу, Стране моцов, Марамурешу, Нэсзуду, Фагара-шу и другим областям. Многие из них сохранили свои древние названия до наших дней⁷⁷. Одно из таких сел — Сарасэу⁷⁸ в Марамуреше — исследовалось археологами (ныне это село с тем же названием находится вблизи прежнего селища в долине ручья Сарасэу). Здесь были открыты остатки больших наземных жилищ прямоугольной формы, разбросанных на больших расстояниях друг от друга. Найденные при раскопках предметы свидетельствуют о том, что наряду с домашним ткачеством и изготовлением ручным способом лепной посуды существовало также гончарное ремесло⁷⁹. В селе сохранилась одна из древнейших каменных церквей этой области, которую датируют XIV веком. Подобные памятники найдены и в других древних волошских селениях⁸⁰. В ряде центров волошского расселения в Карпатах открыты феодальные усадьбы и укрепления XIII—XIV вв. с каменными жилыми и фортификационными сооружениями. Это замки волошских кнезов в Хацеге, воеводская резиденция Кухя, феодальные укрепления Ончешть и Сарасэу в Марамуреше и др.⁸¹

Археологические материалы дополняют представление о хозяйственно-культурном типе волохов XIII—XIV вв., хотя ряд важных сторон этого комплексного понятия еще остается неизвестными. Пока не представляется возможным показать, с какими предметами своего производства вступали волохи Карпат в экономические связи, и отсюда трудно определить их роль в общественном разделении труда. Как известно, этнокультурное своеобразие особенно ярко проступает в элементах материальной и духовной культуры⁸², связанных с эстетическими представлениями народа. Однако эти стороны быта и народного творчества волохов пока находятся вне поля зрения исследователей. Поэтому наше представление о волошском хозяйственно-культурном типе XIII—XIV вв. неполно. Тем не менее предварительная общая характеристика его возможна.

Это было комплексное скотоводческо-земледельческое хозяйство с преобладанием в стаде овец⁸³. В основном отгонное овцеводство сочеталось с переложно-залежным земледелием, роль которого постепенно увеличивалась, особенно в хозяйстве сел, располагавшихся в равнинных лесостепных местностях. Были также развиты промыслы и ремесла, связанные с природными условиями обитания волохов в предгорных и горных лесных местностях. В общественном разделении труда и обмене волошское хозяйство почти всюду представлено главной своей отраслью — скотоводством, его продукцией и предметами обработки этой продукции, как это установлено у влахов Балкан.

Такой тип хозяйства, сложившийся в средние века в подгорных и горных районах Балкан и Карпат, местами сохранился вплоть до недавнего времени⁸⁴. В Западных карпатских горах

у моцов, в горных котловинах Родны, Чука, Марамуреша, Кымпулунга-Молдавского, Вранчи и других в XVIII—начале XX в. широкое развитие отгонно-пастушеского овцеводства сочеталось с подсобным переложным земледелием на склонах и террасах, практиковавшемся вплоть до высоты 1200 м над уровнем моря. Пчеловодство и лесные промыслы, обработка продукции животноводства, обработка дерева, ткачество, изготовление глиняной посуды и некоторые другие домашние и ремесленные производства дополняют круг занятий жителей горных селений, относительно слабо связанных с внешним миром равнинных местностей, где горцы появлялись лишь на ярмарках, главным образом для реализации, видимо, продукции скотоводства. Постоянные селения в межгорных котловинах и долинах дополнялись разного рода жилыми и производственными постройками в горах, где летом, а в ряде случаев даже зимой, жили пастухи, зачастую с семьями, и находились стада овец⁸⁵.

Уже сейчас можно уверенно сказать, что сложившееся в литературе мнение, относящее волошский хозяйственно-культурный тип к группе кочевых скотоводческих типов с отгонно-пастушеской овцеводческой спецификой, нуждается в существенных уточнениях. Распространение в карпатских областях специфического отгонного овцеводства обычно связывают с расселением в XIII—XVI вв. «кочевого» восточнороманского населения — волохов, этнический облик которых в терминологии источников постепенно стал «стираться» по мере вовлечения в этот колонизационный поток славян и других этнических компонентов, и термин «волох» стал приобретать хозяйственное значение⁸⁶. Однако приведенные здесь материалы показывают, что несмотря на выраженный отгонно-скотоводческий характер, особенно в раннее время, хозяйство волохов нельзя отнести к категории кочевых. В карпатских областях оно всегда было связано с оседлостью в постоянных селениях и существенными элементами земледелия. На Балканах значительная часть владов занималась полуседлым маятниковым отгонным овцеводством и также имела более или менее постоянные селения в пределах фиксированных ареалов их хозяйственной жизни.

Волошские пастухи, видимо, лишь на время миграции из исконных мест оседлости в поисках новых незаселенных, неосвоенных земель утрачивали непосредственные связи с земледелием и их образ жизни приобретал ту видимость подвижного, кочевого пастушества, которую отмечают исследователи волошской колонизации. Однако, найдя возможность для поселения, они сразу же основывали новые села «на волошском праве» с традиционным комплексным скотоводческо-земледельческим хозяйством⁸⁷. Возможность такого объяснения распространения «кочевого» отгонно-пастушеского хозяйства в период «волошской» колонизации Карпат XIII—XVI вв. — тема особого исследования.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Левин М. Г., Чебоксаров Н. Н. Хозяйственно-культурные типы и историко-этнографические области. К постановке вопроса. — Советская этнография (далее: СЭ), 1955, № 4, с. 4.

² Чеснов Я. В. О социально-экономических и природных условиях возникновения хозяйственно-культурных типов. — СЭ, 1970, № 6, с. 23.

³ Левин М. Г. Этническая антропология и проблемы этногенеза народов Дальнего Востока. М., 1958, с. 8.

⁴ Андрианов Б. В., Чебоксаров Н. Н. Хозяйственно-культурные типы и проблемы их картографирования. — СЭ, 1972, № 2.

⁵ Подробнее см.: Полевой Л. Л. Формирование основных гипотез происхождения восточнороманских народностей Карпато-Дунайских земель. — В сб.: Юго-Восточная Европа в средние века (далее: ЮВЕ). Кишинев, 1972; Историкографические аспекты славяно-волошских связей (Резюме докладов сессии Научного Совета по комплексному изучению проблемы славяно-волошских связей и происхождению молдавской народности. 1973 г.) (далее: ИАСВС). Кишинев, 1973; Клепикова Г. П. Славянская пастушеская терминология. Ее генезис и распространение в языках Карпатского ареала. М., 1974, с. 21—26; статьи Думнича Ю. В., Маринова В., Королюка В. Д., Наумова Е. П. — В сб.: Славяно-волошские связи (далее СВС). Кишинев, 1978.

⁶ Мохов Н. А. К вопросу о соотношении земледелия и скотоводства в экономике Молдавии XIV—XVIII вв. — В кн.: Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы (далее: ЕАИВЕ) за 1960 г. Киев, 1962; Гросул В. Я. О соотношении животноводства и земледелия в Дунайских княжествах в начале XIX в. — Учен. зап. Кишинев. ун-та, 1963, т. 65, сер. ист., Драгнев Д. М. Сельское хозяйство феодальной Молдавии (конец XVII — начало XIX в.). Кишинев, 1975, с. 23—27.

⁷ О преобладании в хозяйстве волохов и молдаван животноводства см.: Мохов Н. А. К вопросу о соотношении земледелия и скотоводства...; Он же. Молдавия эпохи феодализма (далее: МЭФ). Кишинев, 1964, с. 104—107, 122, 220—226; Демченко Н. А. Земледельческие орудия молдаван XVIII — начала XIX в. Кишинев, 1967, с. 17; История Молдавской ССР, т. 1. Кишинев, 1965, с. 81, 92—93; Драгнев Д. М., Указ. соч., с. 53—86, 91—123; Costăchel V., Cazacu A., Panaitescu P. Viața feudală în Țara Românească și Moldova (sec. XIX—XVII). Buc., 1957, p. 17. Сторонником мнения о земледельческом направлении хозяйства молдавского феодального села является Ф. А. Грекул. См.: Грекул Ф. А. Социально-экономический и политический строй Молдавии второй половины XV в. Кишинев, 1950, с. 74—75; Он же. Аграрные отношения в Молдавии в XVI — первой половине XVII в. Кишинев, 1961, с. 72—74. См. также: Istoria României, vol. II. Buc., 1962, p. 284; Istoria României. Compendiu. Buc., 1971, p. 110; Olteanu Șt. Aspecte ale dezvoltării agriculturii pe teritoriul Moldovei și Țării Românești în secolele X—XIV. — Terra nostra, II, 1971.

⁸ См.: Мохов Н. А. МЭФ, с. 104—107; Он же. Формирование молдавского народа и образование Молдавского государства. Кишинев, 1969, с. 54—58; Литаврин Г. Г. Власти византийских источников X—XIII вв. — В сб.: ЮВЕ; Грацианская Н. Н. Этнографические группы Моравии. М., 1975, с. 80—97; Gyoni M. La transhumance des Vlaques balkaniques au Moyen Age. — Byzantinoslavica, XII. Praha, 1951; Frances E. Păstorii vlahi din Imperiul Byzantin în secolele XII—XIV. — Studii, 1956, N I: Dragomir S. Vlahii din Nordul Peninsulei Balcanice în evul mediu. Buc., 1959; Macurek I. Valași v zapadních Karpatech v 15—18 století. Opava, 1959; Симпозијум о средњовјоковњом катуњу. Сарајево, 1963. Pascu Șt. Voievodatul Transilvaniei, I. Cluj, 1971, p. 32—33, 399—404.

⁹ История народного хозяйства Молдавской ССР (с древнейших времен до 1812 г.) (далее: ИНХМС). Кишинев, 1976, с. 56—61; Мохов Н. А. Очерки истории формирования молдавского народа. Кишинев, 1978, с. 69—72.

¹⁰ История Молдавской ССР, т. 1. Кишинев, 1965, с. 59—60; Мохов Н. А. МЭФ, с. 104—107; Istoria României. Compendiu, p. 83. В связи с этим заслу-

живает внимания высказывание М. Александреску-Дерска, считающей, что в периоды разрушительных вражеских нападений мобильное скотоводство могло стать более надежным источником существования, чем земледелие, для скрывавшегося в горах и лесах восточнороманского населения (*Alexandrescu-Dersca M. Economia agrară a Țării Românești și Moldovei descrisă de călători străini (secolele XV—XVII)*. — *Studii*, 1968, N 5, p. 851). Не с этой ли переменной в хозяйственной жизни романизованного населения связано временное исчезновение у него ряда производств, в частности изготовления глиняной посуды, как известно, почти отсутствовавшей у подвижных скотоводов (*Чебоксаров Н. Н., Чебоксарова И. А. Народы, расы, культуры. М., 1971, с. 198, 202*). Затем керамика и ее производство в процессе славяно-романского синтеза возрождаются преимущественно на основе славянских традиций вместе с рядом других особенностей волошской материальной культуры (см.: *Королюк В. Д. К исследованиям в области этногенеза славян и восточных романцев. — Советское славяноведение (далее: СС), 1973, № 3, с. 91*). Этот может быть объяснено отсутствие выраженных генетических связей между керамикой местного населения до VI—VII вв. н. э. и посудой, которая, как считают, принадлежала волохам (*Федоров Г. Б., Полевой Л. Л. Археология Румынии. М., 1973, с. 308, 313—314*).

¹¹ Повесть временных лет, ч. 1. М.—Л., 1950, с. 21.

¹² *Королюк В. Д. Волохи и славяне «Повести временных лет»*. — СС, 1971, № 4, с. 53.

¹³ *Vita Sancti Gerhardi. — Scriptorum Rerum Hungaricarum, II. Budapest, 1938, p. 489—490, 498.*

¹⁴ *Codex diplomaticus Hungariae, ed. G. Fejer, t. I. Buda, 1829, p. 305, 389, 390, 428—430, 453.*

¹⁵ См.: *Королюк В. Д. О так называемой «контактной» зоне в Юго-Восточной и Центральной Европе периода раннего средневековья. — В сб.: ЮВЕ, с. 43—45.*

¹⁶ *Королюк В. Д. Славяне, вlahи, римляне и римские пастухи венгерского «Анонима»*. — Там же, с. 148—149; *Pascu Șt. Voievodatul Transilvaniei, vol. I. Cluj, 1972, p. 26—31.*

¹⁷ *Pascu Șt. Op. cit., p. 37—40.*

¹⁸ *Федоров Г. Б., Полевой Л. Л. Указ. соч., с. 304—310.*

¹⁹ *Шишмарев В. Ф. Романские языки Юго-Восточной Европы и национальный язык Молдавской ССР. — В кн.: Вопросы молдавского языкознания. М., 1953, с. 74—75; Павел В. К. Терминология агриколэ молдовеняскэ. Кишинэу, 1973, п. 43—45, 174; Jordan I. *Lexicul limbii române*. Buc., 1964, p. 25; *Rosetti Al. Istoria limbii române (sec. VI—XII)*. Buc., 1964, p. 35—37, 59.*

²⁰ См.: *Федоров Г. Б., Полевой Л. Л. Указ. соч., с. 304—306.*

²¹ *Horedt K. Etapele de pătrundere a feudalismului maghiar în Transilvania. — In. Contribuții la istoria Transilvaniei sec. IV—XIII. Buc., 1958; Pascu Șt. Op. cit., p. 105 passim.*

²² Венгерский хронист XIII в. Шимон Кезай рассказывает о поселении секуев в трансильванских горах рядом с волохами (*non tamen in plano Pannonie, sed cum Blackis in montibus confinii sortem habuerunt*. — *M. Simonis de Keza Gesta Hunnorum et Hungarorum*. — In: *Popa-Lisseanu G. Izvoarele istoriei românilor, v. IV. Buc. 1935, p. 37*). Вlahи и секуи обороняли карпатские проходы во время монголо-татарского нашествия 1241 г. — *Iohannes Longus de Ipra. Cronica monasterii S. Bertini*. — In: *Catalogus Fontium Historiae Hungaricae, ed Gombos Ferens Albin, t. 2. Budapest, 1937, p. 1332*. По сообщению Рашид-ад-Дина, один из татаро-монгольских отрядов, «пройдя дорогой Караулагской, через горы (Карпаты. — Л.П.), разбил племена улаг». — Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды, II. Известия из персидских сочинений. М.—Л., 1941, с. 38. Волошские дистрикты Трансильвании XIV в. в основном располагались в предгорных и межгорных котловинах Западных гор, Южных и Восточных Карпат. — См.: *Pascu Șt. Op. cit., p. 210—217, карта между с. 220—221.*

²³ *Литаврин Г. Г. Вlahи..., с. 95.*

²⁴ Stănescu E. Byzantinovlachica, I. Les Vlaques à la fin du X-e siècle — début du XI-t siècle et la restauration de la domination byzantine dans la Péninsule Balkanique. — Revue des études sud-est européennes, 1958, N 3, p. 413—416. *Литаврин Г. Г.* Влахи..., с. 95—97.

²⁵ *Фрейденберг М. М.* Влахи в Далмации в XV—XVI вв. — В кн.: ИАСВС, с. 41.

²⁶ *Caridan T.* Româniî pomazi. Buc., 1931; *Gyoni M.* Op. cit., p. 39—40; *Маринов В.* Расселение пастухов-кочевников влахов на Балканском полуострове и за его пределами. — В сб.: СВС; и др.

²⁷ *Литаврин Г. Г.* Влахи..., с. 104—112; см. также: *Dragomir S.* Op. cit., p. 121—129.

²⁸ *Мандыбура М. Д.* Гуцульское полонинское хозяйство второй половины XIX — начала XX в. — В сб.: Карпатский сборник (далее: КС). М., 1972; *Тиводар М. П.* Народные традиции в полонинском пастушестве украинцев Раховщины. — Там же; *Драгнев Д. М.* Указ. соч., с. 112, 115—118; *Грацианская Н. Н.* Указ. соч., с. 87—92; *Королюк В. Д.* Пастушество у славян в I тысячелетии н.э. и перемещение их в Подунавье и на Балканы. Славяне и волохи. — В сб.: СВС, с. 183—184, 191; *Маринов В.* Подвижно пастирство в Бългaрия и на Балкански полуостров. — Известия на Етнографския институт с музей, т. VIII, 1965; *Трифунски I. Ф.* Географске карактеристике средновековних влашких катуна. — В кн.: Симпозијум о средњовјековном катуну, с. 30—34. *Dobrowolski K.* Die Haupttypen der Hirtenwanderungen in der Nordkarpaten von 14 bis zum 20 Jahrhundert. — In: Viehzucht und Hirtenleben in Ostmitteleuropa. Budapest, 1961; *Vuia R.* Tipuri de păstorit la români. Buc., 1964, p. 21—140; *Dunăre N.* Forme de viață pastorală.— In: Țara Birsei. I. Buc., 1972, p. 184—205.

²⁹ В. Маринов отмечает случаи устройства балканских влахов в кишлах богатых владельцев на зимовку и сооружение ими при этом временных жилищ — колиб. Но тут же он указывает на существование у влахов сел, то есть постоянных мест обитания (*Маринов В.* Расселение пастухов-кочевников влахов..., с. 163, 171). Это противоречие может быть объяснено тем, что часть населения многих волошских сел, занимаясь дальним отгонным скотоводством (т. н. трансгуманца), отрывалась от дома на ряд лет и проводила зиму со стадами вблизи мест выпаса скота. Распространены случаи, когда такие группы оставались там навсегда, основывая новые уже постоянные селения. Такие явления хорошо прослежены в сравнительно недавнем прошлом молдавского и румынского населения (см.: *Драгнев Д. М.* Указ. соч., с. 112, 115—118; *Dunăre N.* Op. cit., p. 205—231).

³⁰ *Литаврин Г. Г.* Влахи..., с. 105, 125—127.

³¹ *Ферлуга У.* Византийски извори за историју народа југославије, III. Београд, 1966, с. 214—215; см. также: *Маринов В.* Расселение пастухов-кочевников влахов..., с. 163—170; и др.

³² *Mayer Ph.* Haupturkunden für die Geschichte der Athosklöter. Leipzig, 1894, p. 163. — Цит. по *Литаврину Г. Г.* Влахи..., с. 113—114.

³³ *Литаврин Г. Г.*, Влахи..., с. 108—110; *Он же.* Советы и рассказы Кевкамена. Сочинение византийского полководца XI в. М., 1972, с. 259, 261, 533.

³⁴ *Наумов Е. П.* К истории категорий крестьянства в Сербии, Македонии и Зете в XIV в. — В кн.: ЕАИВЕ, 1963. Вильнюс, 1964, с. 103; *Он же.* Проблемы экономического развития балканских стран в эпоху турецкой экспансии. — Balcanica, II. Beograd, 1971, с. 123; *Трифунски I. Ф.* Указ. соч., с. 30—38; *Маринов В.* Расселение пастухов-кочевников влахов..., с. 171—172; *Frances E.* Op. cit., p. 140—142.

³⁵ *Трифунски I. Ф.* Указ. соч.

³⁶ *Frances E.* Op. cit., p. 139; *Dragomir S.* Op. cit., p. 125—129; *Han V.* La culture matérielle des Balkans au Moyen Age à travers la documentation des archives de Dubrovnik. — Balcanica, III. Beograd, 1972, p. 185—190; *Фрейденберг М. М.* Влахи в Далмации...

³⁷ *Фрейденберг М. М.* Влахи в Далмации...

³⁸ *Литаврин Г. Г.* Влахи..., с. 107, 116; *Фрейденберг М. М.* Род и семейная община в югославской научной литературе за последние десять лет. —

СЭ, 1972, № 2, с. 141; Филиповић М. С. Структура и организација средњовековног катуна.— В кн.: Симпозијум о средњовековном катуну, с. 97—106; Dragomir S. Op. cit., p. 113—115, 119—136.

³⁹ В определении этого хозяйственно-культурного типа волохов внесены некоторые коррективы, связанные с конкретными балкано-карпатскими особенностями. См.: Чебоксаров Н. Н., Чебоксарова И. А. Указ. соч., с. 169—174, 196—198; Андрианов Б. В., Чебоксаров Н. Н. Указ. соч., с. 8—15; Шенников А. А. Земледельческая неполная оседлость и «теория бродяжничества». — В кн.: Этнография народов СССР. Л., 1971, с. 82—86.

⁴⁰ См.: Ставровський О. Словацько-польско-українське прикордоння до 18 століття. Братіслава—Пряшев, 1967, с. 82—89; Фрейденберг М. М. Влахи в Далмации..., с. 39, 42; Клепикова Г. П. Указ. соч., с. 24—25; Грацианская Н. Н. Указ. соч., с. 80—85; Бромлей Ю. В., Грацианская Н. Н. Проблемы этнографического изучения культурной общности населения Карпат.— КС. М., 1976, с. 10—11. Думич Ю. В. «Волохи» Закарпатья по данным грамот XIV в. — В сб.: СВС, с. 149—153; Fastnacht A. Osadnictwo ziemi Sapońskiej w latach 1340—1650. Wrocław, 1962, p. 217—219. Мельничук Я. С. К вопросу о так называемой волошской колонизации и волошском праве в Карпатах в XVI—XVIII вв. — В кн.: ЕАИВЕ, 1964. Кишинев, 1966, с. 194, 196; Инкин В. Ф. Двориче и сельская община в селах волошского права Галицкого Подгорья XVI—XVIII вв. по материалам Самборской экономии.— В кн.: ЕАИВЕ, 1966. Таллин, 1971, с. 113; Наумов Е. П. Волошская проблема в современной югославской историографии. — В сб.: СВС, с. 202—213.

⁴¹ Ангелов Д. Аграрные отношения в Северна и Средна Македония през XIV в. София, 1958, с. 103—105; Филиповић М. С. Структура и организација средњовековног катуна.— В кн.: Симпозијум о средњовековном катуну, с. 50—58; Stika I. Význam slova «valach» v západních Karpatech. — Slovenský národopis, 1963, № 3; Наумов Е. П. К истории категорий крестьянства...; Литаврин Г. Г. Влахи..., с. 96—99; Фрейденберг М. М. Влахи в Далмации..., с. 43—44.

⁴² Наумов Е. П. Проблемы экономического развития балканских стран..., с. 123.

⁴³ Наумов Е. П. Проблемы экономического развития балканских стран..., с. 123; Нурев Б. Территоријализација катунаске организације до краја XV века. — Симпозијум о средњовековном катуну: Литаврин Г. Г. Влахи..., с. 107—112.

⁴⁴ Наумов Е. П. Проблемы экономического развития балканских стран, с. 123.

⁴⁵ С. Драгомир прослеживает довольно интенсивное движение восточно-романского населения из северной части Балканского полуострова в западном и северо-западном направлениях вплоть до Истрии и Паннонии (Dragomir S. Op. cit., p. 165—172). Возможность такого движения на север, за Дунай, показана еще А. Филиппиде (Philippide Al. Originea românilor, vol. I. Iași, 1925, p. 857—858; vol. II, 1928, p. 389—394, 404—407), В. Ф. Шишмаревым (Шишмарев В. Ф. Романские языки Юго-Восточной Европы и национальный язык Молдавской ССР. — Вопросы языкознания, 1952, № 1), М. В. Сергиевским (Сергиевский М. В. Молдаво-славянские этюды. М., 1959); в последнее время к этой точке зрения присоединился с оговорками Г. Г. Литаврин (Литаврин Г. Г. Влахи..., с. 112, 137—138).

⁴⁶ Pascu Șt. Op. cit., p. 203—217.

⁴⁷ Ландшафтные условия предгорных и межгорных областей Трансильвании в прошлом реконструированы на основе почвенной и геоботанической карт по методике, разработанной советскими исследователями (см.: Герасимов И. П., Глазковская М. А. Основы почвоведения и география почв. М., 1960; Алексин В. В. Геоботанические карты Московской области. М., 1934; Ярошенко П. Д. Геоботаника. М.—Л., 1961).

⁴⁸ Stahl H. H. Contribuții la studiul satelor devălmașe românești, vol. I, p. 189—195, fig. 14, 15.

⁴⁹ В 1223 г. из владений волохов изымается земля (terra) в пользу монастыря Кырца (Documente privind istoria României. С (далее: DIRC),

веас. XI—XIII, vol. I, p. 200). Лес волохов и печенегов (*silva Blacorum et Bissenogum*) упоминается в акте 1224 г. (*ibidem*, p. 209). Волошские села в предгорьях Восточных Карпат близ нынешнего г. Регин в первой половине XIV в. (1319 г.) имели пахотные земли, сенокосы, леса и другие уголья «согласно обычаю предков» (DIRC, veas. vol. I, p. 333, 423). В Марамуреше наряду с пашнями, лесами и лугами (*terrae arabiles, silvae, prata*) в пониженных местностях волошские села владели также горными угольями и альпийскими пастбищами (*montes, alpes nivosaes*). — *Mihalyi I. Diplome maramureşene din sec. XIV și XV. Maramureş—Sziget, 1900*, p. 31, 85, 87 и др.

⁵⁰ Источник XIII в. сообщает, что во время монголо-татарского нашествия население Трансильвании поставляло захватчикам лошадей, скот, одежду и др. (*equos, animalia, arma, exennia et vestimenta* — Rogerii Carmen Miscabile. — *Scriptores Rerum Hungaricarum*, ed. I. Szentpetery, vol. 2. Budapest, 1938, p. 580—581). Документы XIV в. обычно упоминают скот как основной предмет поборов с волошских крестьян. К примеру, в 1354 г. вспыхнула ссора между владельцами соседних сел в районе Клужа, во время которой у одного из волошских зависимых крестьян было отобрано 200 овец, 2 лошади, 2 вола и 36 свиней (*ducentas oves, duos equos, duos boves et triginta sex porcos a quodam iobagione suo Olacho*. — *Documenta Romaniae Historica. C* (далее: DRHC), vol. X, p. 269).

⁵¹ *Documenta Romaniae Historica. B* (далее: DRHB), vol. I, p. 4.

⁵² DRHC, vol. X, p. 213.

⁵³ См. док. 1402 г., упоминающий об альпийских владениях рода Драгошей (*alpinas possessiones*). — *Mihalyi I. Op. cit.*, p. 124—125.

⁵⁴ *Mihalyi I. Op. cit.*, p. 75; см. там же: *descensum vel caulam ovium*, т. е. «обиталище или овечий двор». — *Idem*, p. 356; *Popa R. Ţara Maramureşului în veacul al XIV-lea. Buc.*, 1970, p. 64—65.

⁵⁵ *Шиманюк А. П. Дендрология. М.*, 1974, с. 100—102, 105, 108.

⁵⁶ Некоторые представления о месте крупного рогатого скота в волошском животноводстве XIV в. можно составить по пищевым остаткам, обнаруженным при раскопках поселений Кухя и Сарасзу в Марамуреше, где кости крупного рогатого скота составили около 40—50%. Значительно также количество костей лошади. — *Popa R. Ţara...*, p. 128.

⁵⁷ В этих формулах документов некоторые исследователи видят свидетельства распространения у восточнороманского населения парового двухполья (*Lazea E. Agricultura în Transilvania în secolul al XIX-lea*. — *Studii 1964, N 2. Popa R. Ţara...*, p. 125). Однако из контекста документов скорее следует, что были участки вспаханные и невозделанные, т. е. заброшенные в перелог. Тем более, что документы содержат прямое указание на существование перелога: *Porgolath; vulgo Parlag vocato*. — *Mihalyi I. Op. cit.*, p. 291, 508.

⁵⁸ Е. Лазя приводит убедительные данные, что паровое двух- и трехполье с удобрением земли распространяется в Трансильвании уже в XIV в. (*Lazea E. Agricultura...*, p. 262—266). Однако он представил этнокультурно не дифференцированную картину. Между тем упоминания этой агротехники обычно связаны с немецкими, венгерскими, славянскими и реже волошскими селами. Они локализуются преимущественно на равнинных местностях с густым населением в Банате, Кришане и лесостепях Центрального трансильванского плато. К этим же областям относится подавляющая часть свидетельств документов, касающихся земледелия XIII—XIV вв. (см.: *Lazea E. Op. cit.; Pascu Şt. Voievodatul Transilvaniei*, p. 401—402).

⁵⁹ DRHC, vol. X, p. 113.

⁶⁰ *Popa R. Ţara...*, p. 125.

⁶¹ См.: *Stahl H. H. Contribuţii la studiul satelor devălmaşe româneşti*, vol. I, p. 226—332; *Dunăre N. Locul pădurii şi pădurăritului în economia rurală tradiţională*. — *In: Ţara Birsei*, I, p. 245—250.

⁶² *Popa R. Ţara...*, p. 125, nota 23.

⁶³ Зброшенный участок пашни или пастбища в лесу или вблизи леса, как правило, вновь превращается в первоначальный лес, пройдя стадии травянистой растительности, кустарников, мелколиственных пород (см.: *Воронов Г. Г. Геоботаника. М.*, 1973, с. 259—266).

⁶⁴ Scorpan E. L'ensemble archéologique féodale de Bitca Doamnei. — In: Dacia, IX, 1965, p. 443.

⁶⁵ Popa R. Cnezatul Marei. Studii documentare și arheologice în Maramureșul istoric. Baia Mare, 1969, p. 40.

⁶⁶ Lazea E. Viticultura în Transilvania pînă la începutul secolului al XIV-lea. — Studii, 1970, N 5.

⁶⁷ Stahl H. H. Considerații de istorie socială cu privire la satele de pescari. — Studii de sociologie istorică. Buc., 1972.

⁶⁸ Durăre N., Graur T. Ocupațiile tradiționale secundare. — In: Țara Birsei, I, 1972.

⁶⁹ См.: DIRC, vol. IV — док. 1341, 1343, 1347, 1350 гг.

⁷⁰ Там же, с. 83—84.

⁷¹ Клад орудий и изделий кузнечной мастерской XIII в. открыт в предгорьях Карпат к югу от г. Сибну в районе волошского расселения. Среди разных железных предметов — ложка для литья, клещи, молотки, топоры, сабли, гвозди, дверные петли, цепь, чересло, долота. — Pascu Șt. Meșteșugurile din Transilvania pînă în sec. al XV-lea. Buc., 1954, p. 24—25, 33—34, fig. 1—2. Правда, высказано также мнение, что этот клад принадлежал мастерской саксонского кузнеца (Horedt K. Eine sächsische Schmiede des 13. Jahrhunderts. — In: Emlékkönyv Kelemen Lajos születésének nyolcvanadik évfordulójára. Cluj, 1957, p. 337, fig. 4/42, 5/45). В Чегеченах на севере Мунтении обнаружены железные шлаки, наковаленка, оружие, пряжки.

⁷² Scorpan. Op. cit.

⁷³ Popa R. Țara... p. 129, 132.

⁷⁴ Rosetti D. Șantierul arheologic de la Cetățenii. — In: Materiale și cercetări arheologice, VIII. Buc., 1962.

⁷⁵ Olteanu Șt., Șerban C. Meșteșugurile din Țara Românească și Moldova în evul mediu. Buc., 1969, p. 22—25.

⁷⁶ Popa R., Zdroba M. Șantierul arheologic Cuhea. Un centru voievodal din veacul al XIV-lea. Baia Mare, 1966, p. 25—30.

⁷⁷ Село Вале (нынешнее Вэлишоара) у г. Аюд и с. Редиу у г. Турда в Западных горах; с. Илия близ Хунедоары в Хацеге; с. Кухя в Марамуреше и др. — DIRC, veac. XIV, vol. IV, p. 81, 646—647, 547; DRHC, vol. X, p. 213 и др.

⁷⁸ См.: Popa R. Noi cercetări de arheologie medievală în Maramureș. Șantierul Sarasău. — Studii și cercetări de istorie veche (далее: SCIV), 1971, N 4, p. 601—602.

⁷⁹ Ibidem.

⁸⁰ Popa R. Biserica de piatră din Cuhea și unele probleme privind istoria Maramureșului în veacul al XIV-lea. — SCIV, 1966, N 3; *Idem*. Ctitoria cnezilor giuleșeni. — SCIV, 1969, N 2; Vătășianu V. Istoria artei feudale, vol. I. Buc., 1959, p. 77, 82, 89.

⁸¹ Popa R. Structures socio-politiques roumaines au sud de la Transilvanie aux commencement du Moyen Age. — Revue roumaine d'histoire (далее: RRH), 1975, N 2, p. 303—313; *Idem*. Recherches d'archeologie médiévale au Maramures. — RRH, 1966, N 5; *Idem*. Noi cercetări de arheologie medievală în Maramureș, p. 602—608; Daicovicu H., Bandula O., Glodariu I. Cercetări arheologice de la Oncești din Maramureș. Baia Mare, 1965, p. 25.

⁸² Итс Р. Ф. Введение в этнографию. Л., 1974, с. 81—82; Бромлей Ю. В., Грацианская Н. Н. Указ. соч., с. 13—14.

⁸³ Н. Н. Чебоксаров и И. А. Чебоксарова находят черты такого хозяйственно-культурного типа и в настоящее время у части скотоводов Болгарии, Югославии и Румынии. (Чебоксаров Н. Н., Чебоксарова И. А. Указ. соч., с. 197).

⁸⁴ Мандыбура М. Д. Указ. соч.; Драгнев Д. М. Указ. соч., с. 115—118; Грацианская Н. Н. Указ. соч., с. 87—97; Бромлей Ю. В., Грацианская Н. Н. Указ. соч., с. 11—12; Маринов В. Подвижно пастирство в България и на Балкански полуостров; Vuia R. Op. cit., с. 21—140; Dobrowolski K. Pasterstwo Tatr polskich i Podhala. — Studia podhalanskie, t. 8, 1970.

⁸⁵ Morariu T. Viața pastorală în Munții Rodnei. Buc., 1937; Rădulescu A. Vrancea. Buc., 1937; Iacob Gh. Dezvoltarea agriculturii în Țara Maramureșu-

lui. — Probleme de geografie, IX. Buc. 1962; *Butură V.* Sisteme de cultură din Munții Apuseni. — Apulum, VIII. Alba Iulia, 1970.

⁸⁶ См.: *Бромлей Ю. В., Грацианская Н. Н.* Указ. соч., с. 9—11. Там же, библиография.

⁸⁷ *Инкин В. Ф.* Указ. соч., с. 113; *Грацианская Н. Н.* Указ. соч., с. 83—90; *Думнич Ю. В.* «Волохи» Закарпатье по данным грамот XIV в., с. 148—153; *Fastnacht A.* Osadnictwo ziemi Sapockiej, p. 213—222; *Ставровський О.* Указ. соч., с. 43—66, 82—89.

П. Ф. Параска

ТЕРРИТОРИАЛЬНОЕ СТАНОВЛЕНИЕ МОЛДАВСКОГО ФЕОДАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIV в.

К середине XIV в. на северо-восточном склоне Карпат образовалось Молдавское феодальное государство. Первоначально оно не выходило далеко за пределы бассейна Молдовы, правого притока Сирета. Во внутренних и внешних документах этого времени вплоть до конца XIV в. Молдавское феодальное государство именовалось то воеводством, то княжеством и соответственно воеводами или князьями назывались его правители. С конца же XIV в. во внутренних документах оно стало называться Молдавской землей, а его правители — господарями.

В историографии уже отмечено, что вторая половина XIV в. составляет первоначальный период развития Молдавского феодального государства¹. Он характеризуется дальнейшим развитием феодальных отношений, подъемом экономики и совершенствованием государственного аппарата. Эти явления сопровождалась территориальным ростом государства, которое к концу XIV в. простиралось от Карпатских гор до Днестра и Черного моря с запада на восток и от устья Дуная до Черемоша с юга на север². Но в советской историографии собственно процесс установления политических границ Молдавского феодального государства во второй половине XIV в. остается слабо изученным. Без подобного исследования невозможно представить во всем разнообразии историю Молдавского княжества и Днестровско-Карпатских земель в целом. Поэтому мы и выдвигаем в качестве главного вопрос о ходе территориального роста Молдавского княжества, а также определим политический статус других областей Днестровско-Карпатских земель до их присоединения к княжеству.

Процесс становления политических границ Молдавского феодального государства уже изучался румынским историком К. Чиходару. Однако он исходил лишь из умозрительного представления о феодальной раздробленности в крае в период до об-

разования Молдавского феодального государства. Государство возникло, по Чиходару, в ходе ликвидации раздробленности и реализации тенденции к государственной централизации путем концентрации многочисленных догосударственных политических формирований в крае, существование которых выводится автором интуитивным путем³.

Не вдаваясь в подробности мнения К. Чиходару о феодальной раздробленности, отметим, что пока оно не подтверждается документально. Правда, приведенные автором данные вполне убедительно показывают, что Молдавское феодальное государство такое, каким оно известно начиная с XV в., включало в свой состав области, в прошлом развивавшиеся в отрыве от образовавшегося в середине XIV в. на северо-западе края Молдавского княжества. Традиция их былой обособленности еще долго отражалась в различных письменных памятниках даже тогда, когда границы Молдавского феодального государства распространились на большинство земель между Днестром и Карпатами. Однако все эти данные имеют ретроспективное значение и, чтобы они стали бесспорными для аргументации того или иного суждения, необходимо найти пути для определения нижних граней их допустимой ретроспекции. С другой стороны, встает вопрос о том, что конкретно представляли собой эти области в прошлом, т. е. являлись ли они различными раннефеодальными волошскими политическими организациями, как иногда их представляют в историографии, или просто находились в иных политических и исторических условиях?

Одни исследователи нашли возможность отодвинуть нижние хронологические рамки ретроспекции ко времени до татаро-монгольского нашествия 1241—1242 гг., а области в Днестровско-Карпатских землях, прослеживающиеся по документам как обособленные, представляются ими как политические организации, стремившиеся вопреки историческим невзгодам и даже господству татаро-монголов к слиянию в единый государственный организм, ставший реальностью в середине XIV в., когда образовалось Молдавское княжество. При отсутствии документальных данных для такого представления К. Чиходару прибегнул к историко-сравнительному методу и поставил Днестровско-Карпатские земли до образования в них Молдавского княжества в один ряд с Венгерским и Польским королевствами, а также с русскими княжествами, которые действительно пережили и отчасти еще переживали длительный период феодальной раздробленности и с рубежа XIII—XIV вв. стали на путь государственной централизации⁴. Подобная точка зрения по отношению к интересующему нас району документально не подтверждена и исторически не оправдана. Но чтобы наши возражения не казались беспочвенными, обратимся к ретроспективным материалам, которыми мы располагаем, прежде всего к уже введенным в научный оборот, чтобы убедиться, дают ли

они действительно основания для подобных представлений или нет. И о чем в конечном счете они свидетельствуют?

В «Мусульманской истории турок» Леунклавия содержится утверждение о том, что воевода Молдавии Стефан I (с конца 1394 г.) будто бы правил в двух Влахиях⁵. Полагать, что Стефан Мушат правил одновременно в Молдавии и Валахии на юге Карпат, нет оснований. Видимо, одна из упомянутых Леунклавием Влахий являла собой собственно Молдавское княжество, а другая — соседнюю с ним область Днестровско-Карпатских земель, которая до Стефана Мушата не составляла одно целое с Молдавским княжеством.

Подобный взгляд подтверждается в других письменных источниках, которые представляют молдавских воевод и господарей правившими то в Молдавии, то во Влахии, либо в Молдовлахии, то в молдавских и волошских землях одновременно⁶ как в составных частях Молдавского феодального государства.

Молдавско-немецкая летопись правления господаря Стефана III (1457—1504 гг.) в своем латинском подзаголовке представляла его «воеводой земель молдавских, а также влашских». В то же время немецкое заглавие этой же летописи указывало на него как на воеводу «из Влахии»⁷.

Значит, Влахией называлось управляемое Стефаном III Молдавское феодальное государство второй половины XV в., которое состояло из молдавских и влашских земель. Другими словами, Влахия, по этому источнику, а иначе Молдавское феодальное государство XV в., включало как молдавские, так и влашские земли. Наши суждения подтверждаются и другими, ранее неиспользованными письменными материалами⁸, хотя они вполне известны и содержатся в уже опубликованных письменных памятниках.

В 1387 г. воевода молдавский Петр Мушат в качестве васала приносил присягу польскому королю. Под действие присяги подпадал, однако, не только «воевода молдавский» настоящий и будущий, но также «народ и земля... Влахии» (*gentem atque terram...Valachie*), крепости и прочие владения (*caeteraque dominia*)⁹. Бояре Петра Мушата также присягали и поручались за своего воеводу, выступая, однако, и от имени «всех других земель Влахии» (*et aliorum omnium terrigenarum terre Valachie*)¹⁰. В документе 1397 г. упомянут Михаил, «староста (*capitaneus*) молдавский»¹¹. Сын Петра Мушата Ивашко в 1400 г. представлялся «дедичем валаскым»¹², или дедичем «земли валаское», которую он считал своей «отниной» и на которой собирался стать «господарем и воеводою»¹³. В 1402 г. польскому королю Владиславу Ягайло присягал некий «Костя Волошин»¹⁴, а два года спустя Александр Добрый в такого же рода присяжном документе ссылался на своих «слуг панове валаскыя, земляны молдавския» и на «уси бояре молдавския»¹⁵. Эти ценные данные, исходящие из внутренних документов, существенно до-

полняют сведения из других письменных источников, приведенных выше, и позволяют сделать вывод, что Молдавское феодальное государство конца XIV—начала XV в. включало в себя две отличающиеся по своему историческому прошлому категории земель — молдавские и волошские. На «молдавских» и «волошских» делились также и феодалы. Можно предположить, что подобное различие проводилось и в отношении остального населения Молдавского феодального государства.

Такое положение, естественно, имело свои исторические причины. Они заключались вероятнее всего в том, что «молдавские» и «волошские» жители населяли неоднозначные в прошлом, обособленные политически территории, которые, как уже было сказано, также делились на «молдавские» и «волошские». Традиция их былой обособленности, отразившаяся в применении двух различных названий, была еще свежа в памяти в конце XIV — начале XV в., когда все территории, о которых идет речь, уже объединились в единое феодальное государство.

Но «Волошская земля» шире «Молдавской», поскольку вторая является только ее частью. Это подтверждают прежде всего приведенные выше заглавие и подзаголовок молдавско-немецкой летописи времен Стефана III. Летописные данные значительно дополняются документальными. Это, в частности, грамота Романа I о вассальной присяге польскому королю в январе 1393 г., по которой «воевода молдавский» выступал и в качестве дедича «усей земле волошской от планины аже до брегу моря»¹⁶.

В 1433 г. польский король Владислав Ягайло издал грамоту, подтвердившую вассальную присягу господаря Молдавии того времени и все подобного рода документы, выданные польским королем присягавшим ранее «воеводам Земли Молдавской» начиная от Петра Мушата (1387). При этом за «воеводами Земли Молдавской» польский король признавал право на землю «Волошскую всю... во всех своих границах»¹⁷. Ясно, что в составе Волошской земли подразумевались и территория Молдавского княжества. В противном случае остается непонятным уточнение документа в этом плане.

Интерес представляют и документы папской курии по поводу того, что в начале 70-х гг. XIV в. воевода Молдавии объявил о готовности перейти в католичество, в связи с чем шла подготовка к учреждению католического епископства в Сирете. Согласно этим документам молдавский воевода (*dux Moldaviensis*), а значит и управляемое им воеводство Молдавское (*ducatus Moldaviensis*), был «из страны или племени Влахии» (*partium seu nationis Wlachie*)¹⁸. Следовательно, Влахия пространственно шире того, что понималось под Молдавским княжеством, и выглядит примерно такой же, как и Волошская земля из цитированных документов 1393 и 1433 гг. Грамота польского короля от 1433 г., как видим из ее содержания, отра-

жала также положение на 1387 г., когда Петр Мушат присягал в качестве вассала польскому королю и получил подтверждение прав на всю Волошскую землю.

Польский хронист М. Стрийковский применительно ко времени 60-х и 70-х гг. XIV в. также писал о господарстве, либо воеводстве Волошском и Молдавском¹⁹. На одной из сохранившихся епитрахилей Александр Добрый назван господарем Молдо-Влахии и Параталазии²⁰. В первом двойном названии нетрудно заметить указание на Молдавию и Влахию, или по другим источникам — Молдавскую и Волошскую земли, в то время как Параталазия, несомненно, представляла кочевые степи юга²¹. Ее можно отождествить с Бессарабией, которая, по представлению Д. Кантемира, и в XVIII в. выглядела пустынным, населенным кочевниками краем²². Параталазия во времена Александра Доброго являлась составной частью Молдавского государства, но в политическом и этнографическом плане отличалась как от Волошской земли (Влахии) в целом, так и от Молдавской земли. Поэтому в титуле Александра Доброго она и выносится после двойного названия Молдо-Влахии. Характерно, что и Стефан III в 1466 г., определяя ежегодный дар в сто венгерских дукатов Зографскому монастырю, называл себя «господином всей Молдовлахийской Земли»²³.

На основе приведенных фактов и вытекающих из них суждений можно прийти к следующему заключению.

Молдавская земля составляла первоначально часть Волошской земли и представляла собой Молдавское княжество в пределах середины XIV в. В силу этого понятие «Молдавская земля» есть политическое.

В то же время термин Влахия, или Волошская земля, носил этнографический характер, поскольку объединял области между Днестром и Карпатами безотносительно к их политической принадлежности.

Из этих выводов вытекает и предположение о том, что Волошская земля древнее Молдавской земли, поскольку последняя означала Молдавское княжество, образовавшееся на части Волошской земли, а не наоборот. Наше предположение в какой-то степени подтверждается рядом документов. Ведь если Волошская земля в одних источниках не что иное, как Влахия в других, то последняя документально засвидетельствована еще в 1340 г. Тогда «во Влахии и в общине Сирет» были убиты два минорита²⁴. Молдавская же земля впервые упомянута в грамоте венгерского короля Людовика I от 1360 г.²⁵

Характерно, что в этой грамоте жители Молдавской земли названы волохами. А это значит, что первоначально этноним «волохи», как и этнографическое название «Волошская земля», был всеобъемлющим. Тогда как название «молдавское» для обозначения населения этого княжества или части его («земляны молдавские», к примеру) имело политический смысл подоб-

но тому, как и «Молдавская земля», безотносительно к этнической принадлежности населения, которое могло быть и не волошским, а точнее всего смешанным. Тот факт, что население княжества состояло не только из волохов, но и из других этнических, в особенности славянских компонентов, не вызывает никакого сомнения. Летописная традиция образования Молдавского феодального государства и конкретные исследования этого вопроса довольно ясно показывают, что в процессе зарождения и развития средневековой государственности молдаван, формирования молдавского народа на восточнороманской волошской основе значительную роль сыграло восточнославянское население — русины (остатки древнерусского населения, предки украинцев)²⁶. Этнические различия между волошскими и русинскими жителями княжества наряду с различиями хозяйственного, социально-экономического порядка, предполагают применение такого термина для обозначения населения княжества, который обладал бы общими признаками для всех групп жителей. Таким мог быть, естественно, только политический термин, производный от названия княжества. «Молдавское» указывало на население государства, подобно тому как «Молдавская земля» указывала на его территорию.

Вместе с тем есть основание считать, что термин «волохи» применялся не только для обозначения волошского этноса и приобретал иногда социальное звучание, указывая на определенный юридико-правовой статус, связанный с обычным волошским правом²⁷. Есть документальные, хотя и единичные данные, которые свидетельствуют о том, что не все проживавшие на волошском праве составляли волошское романоязычное население княжества. В этом плане особый интерес представляет одна из грамот Стефана III от 1470 г. В ней объявлялось о том, что господарь простил сбежавших в Польшу татарина Оана и детей его и, чтобы вернуть их обратно, освобождал от холопства и даровал право жить «тым законом и обичаем», каким «сидеть и живуть... уси волохове своимь волоскымь закономь», гарантируя, что они будут нести только те платежные повинности, «как есть волоскы законь»²⁸. Но в этом случае политическое понятие «молдавское» является более емким, чем этносоциальное понятие «волошское», поскольку к молдавскому относилось и население, которое не пользовалось условиями «волошского права» и не всегда являлось романоязычным. Думается, что первоначальное политическое, а не этническое содержание категории «Молдавская земля», равно как и названия «молдавское», простирается из приведенных выше фактов вполне убедительно.

Определив, что Молдавская земля как политическое понятие означала Молдавское княжество и первоначально составляла только часть того, что называлось Волошской землей, либо Влахийей, необходимо установить, что же представляла со-

бой в политическом плане другая часть Волошской земли, которая на первых порах существования Молдавского княжества продолжала находиться за его пределами.

Для нашей работы несомненный интерес представляют документы константинопольского патриарха, изданные им по поводу известного церковного конфликта, когда к середине 80-х гг. для земель между Днестром и Карпатами была создана митрополия, но митрополит Иеремей, утвержденный для нее в Константинополе, на месте принят не был²⁹. Вина за это ложилась как на местных бояр, так и на двух «ложных епископов» — Мелетия и Иосифа, которые управляли церковью, не имея на это канонического права. Однако в документах говорится не о Молдавии, а о Мавровлахии и Русовлахии. Оба названия фигурируют в константинопольских документах вплоть до конца XIV в.³⁰ В 1395 г. управление митрополией Мавровлахии поручалось синодом протопопу Петру³¹. Но из распоряжений патриарха следует, что протопопу Петру поручалось управление церковью Русовлахии³². В том же 1395 г. для разбора возникших церковных неурядиц «во Влахию» был направлен митрополит Митилены, который должен был действовать в соответствии с устными распоряжениями и письменными указаниями патриарха к «тамошним государям». Однако прежде всего митрополит должен был прибыть в Мавровлахию³³. Следовательно, Мавровлахия — это часть Влахии. В таком случае Русовлахия являлась другой ее частью. Указание на наличие двух частей Влахии и на деятельность двух «ложных епископов» приводит нас к выводу о том, что под Мавровлахией и Русовлахией в документах патриарха подразумевались два епископства. Мнение о двух епископствах в Молдавии в конце XIV в. высказал еще епископ Арсений при разборе им противоречивых летописных известий о том, что первым митрополитом Молдавии был не Иосиф, а Феоктист. Он связывал имя Феоктиста с известной впоследствии епископией в г. Романе и представлял его преемником одного из «ложных» епископов — Мелетия, который, как считал автор, умер после 1397 г.³⁴ Думается, вполне правомерно также увязывание епископства Мелетия с Мавровлахией, а последней — с епископством в Романе. В пользу такого вывода свидетельствуют некоторые данные, касающиеся епископии Русовлахии.

Так, в 1401 г. патриарх Матвей обратился с посланием к Александру Доброму, напоминая о том времени, когда молдавский митрополит Иосиф управлял епископией в Белгороде. Она же входила в состав Малой Руси, митрополит которой и возвел Иосифа в епископский сан³⁵. На основе этих данных можно допустить, что Русовлахия являлась Белгородской епархией Малой Руси, а епископ Иосиф, таким образом, был епископом Русовлахии. Светским правителем Русовлахии в 1395 г. патри-

арх назвал воеводу Стефана³⁶, в котором нетрудно признать воеводу Молдавии Стефана I.

Если связь Белгородской епархии с русской церковью, а вследствие этого и ее подвластность патриархии Константинополя не вызывает сомнений, то в отношении епископии, возглавляемой Мелетием, высказано правдоподобное мнение о том, что она зависела от патриарха сербской церкви Охриды³⁷. Во всяком случае, в связях с сербской церковью отвергнутый в Молдавии митрополит Иеремей, а вслед за ним и константинопольский патриарх, обвиняли Иосифа, хотя впоследствии обвинения были признаны беспочвенными³⁸. Именно зависимость от Охриды могла побудить патриарха Константинополя назначить нового, зависимого уже от него митрополита, который объединил бы церкви Русовлахии и Мавровлахии. Неудачу попытки патриарха Константинополя объединить их воедино следует объяснить, вероятно, тем, что епископии были разобщены политически. И если Русовлахия как отдельная епископия к 1395 г. политически соответствовала Молдавскому княжеству, то Мавровлахия, следовательно, составляла обособленную от Русовлахии область.

Есть предположение, что в относительно длительном отрыве от земель, на которых образовалось Молдавское княжество, находились области на юге Восточного Прикарпатья. Речь идет о территориях Милковской католической епископии, которые в середине 40-х гг. XIV в. вновь были захвачены венгерскими феодалами³⁹. Образование княжества Молдавии на севере Восточного Прикарпатья не привело к ликвидации позиций Венгрии на юге в пределах Милковской епископии. Это подтверждается некоторыми прямыми и косвенными данными.

В 1371 г. папа Григорий XI обращался к Людовику I по вопросу о назначении нового епископа в Милков. Он требовал у венгерского короля содействия в возвращении епископии узурпированных имений, прав и имущества⁴⁰. По указанным вопросам папа обращался также к эстергомскому архиепископу Венгрии⁴¹. С учетом того, что эти документы синхронны с изданными по поводу обращения в католичество молдавского воеводы Лацко и учреждения католического епископства в Сирете, можно заключить, что Милков не входил тогда в состав Молдавии. В противном случае папа распространил бы над Молдавией юрисдикцию милковского епископа⁴². Можно провести и обратный анализ. Если бы власть Лацко распространилась над Милковым, то по вопросу о Милковской епископии папа обращался бы к нему, тем более, что к тому времени Лацко, если еще и не был крещен по западнохристианскому обряду, то готовился стать католиком и уже была достигнута договоренность о крещении его вместе со всем народом княжества. Но Григорий XI обращался к венгерскому королю. Значит, последний и осуществлял светскую власть над Милковым.

В 1374 г. тот же папа вновь обратился к венгерскому королю и архиепископам Венгрии. На сей раз речь шла о том, что в некоторых пограничных с Венгрией местах «со стороны татар» проживало многочисленное население влахов, большая часть которых уже исповедовала католичество. Другая часть, несмотря на то, что продолжала пребывать в православной (греческой) вере, легко могла бы быть обращена в католичество, если бы влахам назначили епископа, знавшего их язык, потому что они недовольны венгерскими священниками⁴³. На пост епископа предлагался Андрей из Сполетто, владевший влашским языком. Указание на то, что влашское население проживало не в самом Венгерском королевстве, а в приграничных областях «со стороны татар», приводит к мысли, что речь шла о населении земель к юго-востоку от Карпат, которые не входили ни в состав Валашского княжества (Унговлахии), расположенного на юге Карпат, ни Молдавии, ни даже в пределы Милковской епископии. О них курия была информирована, и естественно, папа указал бы на конкретное местообитание влашского населения, если бы речь шла о княжествах Молдавии или Влахии или землях Милковской епископии. На какие земли указывал этот папский документ?

Несколькими письменными источниками зафиксирована подвластность венгерскому королю земель между Нижним Сиретом и р. Яломицей. В 1358 г. через эту территорию Людовик I разрешал брашовским купцам провозить товары в Валахию⁴⁴. Пройдя указанные земли, в 1365 г. венгерское войско вторглось в Валахию, укрепленная восточная граница которой проходила по р. Яломице⁴⁵.

Венгерские владения в направлении устья Дуная к юго-востоку от Карпат граничили с землями татарского князя Дмитрия. В 1368 г. Людовик I извещал брашовских купцов о беспошлинном ввозе их товаров в земли князя и, наоборот, татарских купцов в Брашов⁴⁶. Полагая, что владениями татарского князя могли быть кочевые степи и равнины восточнее нижнего течения р. Сирет, можно допустить, что венгерские владения к юго-востоку от Карпат если и распространялись на левый берег Сирета, то только на холмистый район Бырладского плато или часть его в радиусе Милковской епископии.

Что касается границ венгерских владений и владений молдавских воевод того времени, то необходимо помнить, что первой крепостью, воздвигнутой в правление Петра Мушата в 80-е гг. XIV в., была Нямецкая. В таком случае южная граница Молдавского княжества проходила либо у этой крепости, либо чуть южнее.

За отсутствием других, более ранних и точных данных при определении общих пределов земель Восточного Прикарпатья, зависимых от Венгрии, мы принимаем в расчет те данные, которые указывают на притязания венгерских королей в Дне-

стровско-Карпатских землях после того, как эта территория вошла в состав Молдавии. Представляет интерес текст нереализованного венгерско-польского соглашения 1412 г. о возможном разделе Молдавского государства. В нем вполне четко очерчена граница той части Молдавии, на которую претендовала Венгрия и которая могла быть несколько преувеличена, но отнюдь не меньше той площади, на которой она раньше господствовала. Согласно этому документу линия раздела, начинаясь у Карпатских гор (*incipiendo a montibus, seu ad Alpius Regis Hungarie*), пересекала посередине лесá Большой Буковины, расположенные между Землей Молдавской и Землей Шипениц, доходила до Сирета и леса, названного Малой Буковиной, а затем спускалась на юго-восток к Пруту таким образом, что Ясский торг (*forum Jassutam; Jaszkytarg*) оставался на польской, а Бырлад (*villa Berlam; Berleth*) — на венгерской стороне. На левом берегу Нижнего Прута равному разделу подлежали пустынные степи между Днестром и Прутом вплоть до моря (*sampros desertos usque ad mare*), с тем чтобы Белгород с частью степей отошел к Польше, а Килия с другой частью степей — к Венгрии⁴⁷. Как видно, Венгрия претендовала на все Восточное Прикарпатье, включая Бырладское плато и даже земли былых владений кочевников. Эта территория (т. е. упомянутая выше Параталазия), попала в фокус раздела скорее всего как простое следствие того, что к 1412 г. она входила в состав Молдавского государства и, естественно, тоже подлежала разделу «по справедливости».

Исключая южные степи и равнины из состава области, на которую Венгрия имела «исторические» права, так как владела ею довольно продолжительное время, и учитывая, что с середины XIV в. в северной части Восточного Прикарпатья существовало Молдавское княжество, получаем приблизительный контур венгерских владений в Днестровско-Карпатских землях после середины XIV в. Эти владения целиком вписываются в границы Нижней Молдавии, наиболее полно описанной Д. Кантемиром. Он относил к ней Ясский, Кырлигатурский, Романский, Васлуйский, Туговский, Текучский, Путнянский, Кохурлуйский, Фальчинский, а также Лапушнянский и Сорокский округа⁴⁸. Конечно, указанная территория пространственно шире венгерских владений второй половины XIV в., что объясняется скорее всего произведенным впоследствии политико-административным разделением Молдавского феодального государства. Во всяком случае, нет оснований целиком отождествлять Нижнюю Молдавию с бывшими владениями Венгрии к востоку от Карпат. Вместе с тем мы не исключаем возможность того, что именно они являлись центром известной с XV в. Нижней Молдавии (Цара де Жос) подобно тому, как северная часть Восточного Прикарпатья, или первоначаль-

ная Молдавская земля, составляла ядро Верхней Молдавии (Цара де Сус).

С учетом тождественности, которая допускается в отношении епископства Мелетия, епископии в Романе и Мавровлахии, с одной стороны, и связи их с территориями, продолжавшими находиться в зависимости от Венгрии на юге Восточного Прикарпатья,— с другой, можно попытаться хотя бы приблизительно определить границы Мавровлахии и границы венгерских владений в указанном районе. В этой связи интерес представляют границы романской епархии, упоминавшиеся после ее включения в молдавскую митрополию. Романскую епархию иногда называли митрополией «дольных стран» (нижних земель.— П. П.). Она включала в себя, как правило, южные, подгорные уезды — Роман, Бакэу, Путна, Текуч, Тутова и Васлуй⁴⁹. Эти земли в самых общих чертах совпадают с той территорией, которая должна была отойти к Венгрии по нереализованному венгерско-польскому соглашению 1412 г. и в основном входила в Нижнюю Молдавию (Цара де Жос).

Увязывать эти земли с другим политическим государственным образованием, помимо Молдавского княжества, как это иногда утверждается в историографии, оснований нет. Конечно, Венгрия располагала соответствующим аппаратом управления на зависимых от нее территориях, возможно, даже институтом воеводства. Однако источники не оставили никаких свидетельств об этом, и вопрос пока остается открытым. Правда, в зоне бывшего венгерского господства располагалась Вранча. Ее Д. Кантемир даже в XVIII в. представлял как одну из трех областей Молдавии, существовавших «как бы отдельными государствами», уплачивавших господарю «ежегодно установленную дань», где управление осуществлялось «своими законами»⁵⁰. Однако документально подтвердилось свидетельство Д. Кантемира не представляется возможным. Правда, в некоторых случаях эти данные интерпретируются как свидетельства о том, что Вранча являлась одним из «небольших волошских княжеств во главе с воеводами», которые существовали до образования Молдавского государства и даже при жизни Д. Кантемира сохраняли память о бывшей автономии⁵¹.

По материалам социально-экономических исследований, Вранча, войдя в состав Молдавского государства, долго сохраняла наиболее раннюю ступень долевого землевладения и пережитки ранних форм поселений, основанных на родственных связях⁵². Консервации некоторых черт общинного самоуправления способствовали горно-лесные ландшафтные условия местности⁵³. В то же время и община во Вранче не была застывшей. Она медленно развивалась, постепенно устанавливалась частная собственность на общинную патронию. Ясно, что пока о Вранче можно говорить как о большой сельской

общине с пережитками характерного для нее самоуправления. Представление о Вранче как о раннефеодальной политической организации в виде даже небольшого княжества не подтверждается достаточно точными источниками. Ретроспектирование же данных по социально-экономической истории Вранчи прямо опровергает подобное представление. Вместе с тем, если бы сведения Д. Кантемира о том, что Вранча уплачивала дань господарю, нашли бы документальное подтверждение, то это указало бы и на такие раннефеодальные пережитки, когда дань как первая форма феодальной ренты, или как форма перехода к феодальной ренте, являлась основной формой зависимости крестьянской общины от княжеской власти⁵⁴. Это указало бы на то, что и в молдавский период отношения Вранчи с центральной властью княжества строились на той же основе, на которой раньше строились отношения с Венгрией. Во всяком случае, данная зависимость населения Милковской епископии от венгерской короны в какой-то степени засвидетельствована еще в первой половине XIII в.⁵⁵

Длительное господство Венгрии, невозможность участия южных областей Восточного Прикарпатья в едином процессе образования Молдавского государства, более поздняя инкорпорация их в границы этого государства, определили некоторую обособленность их в системе Молдавского княжества. Во всяком случае, как свидетельствует народная баллада «Миорица», между жителем Вранчи (вранчанином) и жителем Молдавии (молдаванином) проводилась довольно четкая грань. Думается, не случайно и то, что в балладе «пастух вранчанский» действует заодно с «пастухом венгерским» против «пастуха молдавского»⁵⁶. Это становится очевидным, если учесть, что зона венгерского господства подверглась организованной или стихийной колонизации венгерским, немецким и другим населением из пределов Венгерского королевства. Его поселения известны в окрестностях городов Тротуша, Бакэуа, Романа⁵⁷ и др. Длительное венгерское господство в этих местах привело к тому, что здесь создалась и определенная опора власти венгерского короля, которая давала о себе знать и много времени спустя после включения южных земель в границы Молдавии. Когда, например, в 1467 г. войска Матиаша Корвина вторглись в Молдавию и без особых осложнений прошли через всю юго-западную часть княжества, то, по свидетельству польского короля, вся Нижняя Молдавия восстала и вышла из-под власти Стефана III⁵⁸. А ведь всего лишь за десять лет до этого жители Нижней Молдавии помогли этому господарю свергнуть Петра Арона и закрепиться на молдавском престоле⁵⁹.

Когда же произошла политическая интеграция юго-западной части Днестровско-Карпатских земель в границах Молдавского феодального государства?

Отсутствие свидетельств о продолжении господства Венгрии после середины 70-х гг. XIV в. дают основание считать, что позиции Венгрии на этих землях впоследствии были ликвидированы. Первый дошедший до нас документ воеводы Романа, в котором он именовал себя «самодержавным господином» и владельцем Земли Молдавской «от планин до моря», датируется 30 марта 1392 г.⁶⁰ Если титул «самодержавный господин» не случаен, то он должен был, несомненно, подчеркнуть, что к 1392 г. было покончено с тем положением, когда в землях «от планин до моря» были известны и другие владельцы помимо молдавского воеводы. А в январе 1393 г. тот же Роман как «воевода молдавский», присягая польскому королю, пять раз подчеркивал, что он обладает всей Землей Волошской⁶¹. Учитывая, что это указывалось в документе внешнеполитического характера, следует полагать, что речь шла также о территориях, над которыми законность власти молдавского господаря по тогдашнему международному феодальному праву могла быть поставлена под сомнение. Ясно, что это не могло произойти в отношении собственно Молдавского княжества, следовательно, имелись в виду земли, до этого ему не принадлежавшие. Присяга Романа была принята, о чем свидетельствует обменная грамота, выданная ему польским королем, и упомянутая в документе польского короля от 1433 г.⁶² Тем самым была признана и законность права молдавского воеводы на земли «от планин до моря». Косвенно они были признаны также Великим княжеством Литовским и зависимыми от него удельными князьями юго-западных русских княжеств. Ведь с 1386 г. Великое княжество Литовское находилось в унии с Польшей во главе с Владиславом Ягайло.

Очевидно, новое в титуле молдавского воеводы было связано прежде всего с ликвидацией венгерских владений на юге Восточного Прикарпатья. Таким образом, есть основание считать, что расширение границ Молдавии на юго-западе и замена власти венгерского короля властью молдавского воеводы произошли до 30 марта 1392 г. Во всяком случае в январе 1395 г. венгерские войска вторглись в Молдавию через один из проходов к востоку от Брашова, возможно, через Ойтузский перевал. Первые схватки венгерского авангарда из секеев, который должен был пробить брешь в пограничных укреплениях молдаван и обеспечить беспрепятственное вторжение основного войска во главе с королем Сигизмундом, с молдавскими пограничными отрядами произошли непосредственно в горных проходах и ущельях Карпат, о чем упоминают несколько грамот венгерского короля⁶³. Следовательно, укрепленная граница между Молдавией и Венгрией на юго-западе проходила по линии Карпатских гор и была установлена до января 1395 г. Поэтому за неимением других данных, опровергающих суждения, вытекающие из документов Романа, предполагаем, что

юго-западные политические границы Молдавии сложились к 1392 г.

Могут последовать возражения, что громкие титулы средневековых правителей не всегда имели под собой реальную основу, что действительно подтверждается многочисленными примерами. Но в историографии уже принято считать формулировку документов Романа I свидетельством территориального роста Молдавского княжества. С этим мнением мы полностью согласны, в пользу чего и приводим некоторые аргументы.

Трудно проверить достоверность сведений о том, что венгерские войска были готовы напасть на Молдавию еще в 1388 г. В этих целях венгерский король Сигизмунд будто бы даже добился перемирия с польским королем Владиславом Ягайло, чтобы развязать себе руки для военных акций на востоке⁶⁴. Выше уже упоминалось о вассальной присяге Петра Мушата польскому королю в 1387 г. В 1388 г. между вассалом и сюзереном, находившимися к тому же и в матримониальных связях, шла переписка по поводу одолженной молдавским воеводой польскому королю крупной суммы денег в три или четыре тысячи рублей серебром⁶⁵. Первый адресовал второму «усе сердечне покланяние», а Владислав Ягайло называл Петра Мушата «зятем и приятелем»⁶⁶. Думается, что польский король не мог допустить, чтобы Сигизмунд выступил против Молдавии, так как это было не в интересах самой Польши. Но не исключена возможность военных приготовлений Венгрии. Однако бесспорная готовность венгерского войска к вторжению в княжество зафиксирована в 1390 г.⁶⁷ В том же году в Сучаве, при посредничестве Петра Мушата, идут переговоры между Валахией и Польшей⁶⁸, завершившиеся заключением антивенгерского союза. Молдавия не могла оставаться в стороне ни как посредник переговоров, ни как вассал Польского королевства. Да и существование валашско-польского союза было невозможно без Молдавии, находившейся между двумя государствами. Союз предполагал еще одно условие *sine qua non*, а именно: наличие общих границ Молдавии с Валахией, что было возможно только при ликвидации венгерского анклава к юго-востоку от Карпат. Допустимо тогда полагать, что это произошло к 1390 г., чем и была вызвана готовность венгерского войска тогда же выступить против Молдавии. А это в свою очередь определило валашско-польский антивенгерский союз при посредничестве и участии Молдавии. Венгерские владения к юго-востоку от Карпат были поделены между Валахией и Молдавией. Титул Романа, таким образом, отражал историческую действительность последних лет правления его предшественника Петра Мушата.

Следует отметить, что и валашский воевода Мирча Старый с рубежа 80—90-х гг. XIV в. также титуловал себя самодер-

жавным правителем всей Унговлахии и даже Подунавья, вплоть до татарской стороны⁶⁹. Это, несомненно, подтверждает наше мнение о разделе территорий к юго-востоку от Карпат между Молдавией и Валахией.

В то время как на северо-западе Днестровско-Карпатских земель зародившееся в середине XIV в. Молдавское княжество заявляло о себе, не останавливаясь перед захватом соседних областей, а на юго-западе края продолжало еще сохранять свои позиции Венгерское королевство, значительная часть земель западнее Днестра, преимущественно южная половина Днестровско-Прутского междуречья и, возможно, восточная припрутская часть Бырладского плато, продолжала находиться во владении татаро-монголов. В 1362 г. литовско-русское войско великого литовского князя Ольгерда в битве при Синих Водах нанесло поражение сводному войску трех татаро-монгольских бегов — Кутлубуги, Хаджибея и Дмитрия. Летописи представляли их «отчичами и дедичами» Подольской земли⁷⁰. После победы при Синих Водах Подолия была очищена от татаро-монголов и ею от имени Ольгерда стали владеть литовские удельные князья Кориатовичи — Юрий (Юрг), Александр и Константин. Одновременно татаро-монголы были вытеснены в основном и из Днестровско-Карпатских земель. Остатки татаро-монголов сконцентрировались, вероятнее всего, в районе устья Дуная, где в 1368 г. цитированный выше документ венгерского короля фиксирует земли татарского князя Дмитрия, который, несомненно, не кто иной, как один из упомянутых летописями участников сражения у Синих Вод. О «татарской стороне», как известно, упоминали некоторые папские и валашские документы. Правы, вероятно, хронисты М. Стрийковский и Ст. Сарницкий, которые отмечали отступление татаро-монголов в Добруджу к югу от устья Дуная⁷¹.

О том, что одновременно с Подолией татаро-монголы были вытеснены и из основных районов их господства к западу от Днестра, говорят и археологические находки. В основном шестидесятыми годами датируется поздний предел обращения там серебряных и медных золотоордынских монет. Временем прекращения их обращения археологи датируют и поздний предел существования поселений золотоордынской материальной культуры, особенно ярко представленной так называемой «красно-желтой» золотоордынской керамикой⁷². Эти факты наряду с документальным свидетельством о деятельности и после сражения у Синих Вод одного из татарских «отчичей и дедичей» Подольской земли Дмитрия в районе устья Дуная дают основание допустить, что под Подольской землей понимались татаро-монгольские владения не только к востоку, но и к западу от Днестра. На такое отождествление наталкивают свидетельства середины 80-х гг. XIV в. русских летописей. Речь идет о летописном сообщении об освобождении из Орды Василия, сы-

на великого московского князя Дмитрия Донского и его пребывании у воеводы Петра Мушата. Летописи отмечали его прибытие в Подольскую землю, «в волохи», или «в великие волохи», к Петру-воеводе⁷³.

Нетрудно догадаться, что в летописях речь идет о землях, населенных волохами, которые, по другим источникам, назывались Волошской землей. При дословном восприятии этих свидетельств можно прийти к невероятному выводу, что Волошская земля и само Молдавское княжество, возглавляемое Петром Мушатом, распространялись и к востоку от Днестра на Подолье. Никакие данные не позволяют, однако, допустить возможность подобного в 80-е гг. XIV в. В таком случае напрашивается обратный вывод о том, что под летописной Подольской землей того времени понимались и отдельные волошские области Днестровско-Карпатских земель, которые в середине 80-гг. XIV в. отождествлялись с Молдавским княжеством Петра Мушата, либо вследствие того, что к тому времени уже входили в его состав, либо вследствие не всегда ясного различия, которое существовало между Молдавской и Волошской землями. Речь идет о тех областях края, которые до сражения у Синих Вод являлись владениями татаро-монголов, в силу чего их и относили к Подольской земле. Ведь последняя как территория, обособленная от Юго-Западной Руси, оформилась после установления там во второй половине XIII в. непосредственного господства феодалов Золотой Орды. Все встречавшиеся ранее местные названия (например, Позысье) были вытеснены единым названием — Подольская земля, фигурирующим в письменных памятниках с XIV в. И если, таким образом, под Подольской землей понимались и области татаро-монгольского господства на западе Днестра, то следует полагать, что и они после сражения у Синих Вод перешли во владение литовских князей Кориатовичей вместе со всей Подольской землей.

«А князя Юрия (Кориатовича. — П. П.) молдаване взяли себе воеводой и там отравили (окормили) его», — пишет хроника Быховца⁷⁴, хотя все остальные летописи сообщают о том, что его «волохове убили»⁷⁵, т. е. не указывают на то, что он погиб от рук молдаван. Это различие приобретает особое значение, если учесть высказанные выше замечания о нетождественности названий «молдавское» и «волошское». Не случайно М. Стрийковский, собравший в своей хронике данные многих известных ему письменных источников, так и не смог определить, шла ли речь о воеводстве, или господстве молдавском или волошском и потому указывает на «волошское и молдавское»⁷⁶.

Известна значительная литература разных времен, которая прямо или косвенно посвящена Юрию Кориатовичу. Одни исследователи видят в нем незадачливого господаря Молдавии, другие отвергают его в таком качестве, а вместе с этим исключают Юрия Кориатовича вообще из истории не только Молдав-

ского княжества тех времен, но и Днестровско-Карпатских земель в целом, что, конечно, несправедливо. Основной недостаток этой категории работ заключается в том, что они исходили из представления о тождественности Днестровско-Карпатских земель и Молдавского государства этого времени и поспешили основной вопрос сводили к разрешению дилеммы: был или нет Юрий Кориатович молдавским господарем. Поэтому и решения были взаимноисключающими и в конечном итоге тупиковыми. Дифференцированный подход к истории различных областей Днестровско-Карпатских земель того времени⁷⁷, отождествление части их с исторической Подольской землей дают достаточно оснований увязывать судьбу Юрия с былыми владениями татаро-монголов к западу от Днестра, освобожденными литовско-русским войском после сражения у Синих Вод и перешедшими теперь к братьям Кориатовичам, получившим в управление Подольскую землю.

Думается, нет оснований сомневаться и в летописном свидетельстве о том, что Юрий стал воеводой волохов, поскольку воеводство было общераспространенным институтом в славянском и восточнороманском волошском мире.

Следует полагать, что воеводство Юрия Кориатовича представляло собой объединенные под властью литовского князя разрозненные ранее феодальные владения «атаманов» — данников татаро-монголов, о которых говорят летописи⁷⁸. Эти владения достигли относительного политического единства только в рамках воеводства Юрия Кориатовича.

Но его убили волохи. И все летописи едины в показаниях данного факта. Вряд ли есть основание увидеть в этом проявление какого-то «национального» чувства. Юрия Кориатовича убили, чтобы устранить его с политической арены, а значит, на его место имелся претендент, опиравшийся на феодалов, либо ставленник самих феодалов. Ясно, что Юрий не погиб на поле брани, защищая свои владения от нападений извне или нападая на соседние области, хотя конфликтные ситуации между ним и воеводой Молдавии не исключаются, как не исключается участие молдавского воеводы в заговоре против Юрия Кориатовича.

При бедности источниковедческой базы исследователь не может пройти мимо сообщения хроники тевтонов о том, что в 1377 г. под рождество «литовцы пошли против тех из Влахии», но потерпели поражение⁷⁹. Не вдаваясь в детали историографической интерпретации этого сообщения, отметим, что наиболее убедительно мнение, согласно которому литовские войска были посланы против влахов в связи с насильственной смертью Юрия Кориатовича⁸⁰. Других причин для этого мы не видим. И поскольку поход кончился провалом, значит цели, преследуемые заговорщиками, были достигнуты.

2 мая 1386 г. в Белгород (Maocastro) направлялось генуэзское посольство из Каффы. В августе того же года один генуэзский документ уточнял, что посольство направлялось к Константину и Петру воеводам. Что Петр — это воевода Молдавии Петр Мушат — не вызывает сомнения. В таком случае Константин-воевода — это правитель другого воеводства, в которое можно было попасть только через Белгород. Для предположения совместного правления обоих воевод в собственном Молдавском княжестве нет даже косвенных данных. Поэтому оправдано мнение о том, что Константин-воевода управлял отдельным воеводством, либо княжеством, хотя нет оснований увязывать его с Нижней Молдавией, которая не могла включать одновременно зону венгерского и зону недавнего татаро-монгольского господства. В связи с этим имя Константина-воеводы мы связываем с владениями литовского удельного князя Юрия Кориатовича. В пределах владений располагалась отмеченная Д. Кантемиром область, которая занимала в Молдавском феодальном государстве то же положение, что и рассмотренная выше Вранча. Речь идет об области Тигеча, по свидетельству Д. Кантемира, также платившей ежегодную дань господарю Молдавии и управлявшейся своими законами⁸¹. Исследователи также склонны считать эту область догосударственной политической организацией⁸², вошедшей в состав Молдавского феодального государства. Не располагая данными этого плана, можно лишь сказать, что она находилась в пределах владений татаро-монголов и ее связь с воеводством Юрия Кориатовича, а впоследствии Константина, вполне возможна.

Но применительно ко времени пребывания в Молдавии сына Дмитрия Донского Василия в середине 80-х гг. XIV в. русские летописи отождествляли владения Петра Мушата с Волошской землей (с «волохами»), в том числе с волошскими областями, относимыми к Подольской земле, а значит и с бывшими владениями Юрия Кориатовича. Это отождествление повторяется в составленном на Руси между 1387 и 1392 гг. письменном памятнике, озаглавленном «А се имена всем градам руским, далним и ближним», в котором, однако, «подольское» четко отделено от «волошского». В нем все города между Днестром, устьем Дуная и Карпатами, известные впоследствии как города Молдавии, включены в рубрику «волошских», начиная с Хотина на северо-востоке и до Белгорода в устье Днестра на юго-востоке края⁸³. Согласно М. Н. Тихомирову, наиболее глубоко изучившему этот памятник, «Список» вполне «правильно отражает политическое деление Восточной Европы»⁸⁴, хотя мы не исключаем возможность этнолингвистической и даже церковно-религиозной основы составления различных групп городов. Однако для некоторого прояснения вопроса о времени вхождения приднестровских областей в состав Молдавского княжества необходимо вернуться к церковному конфликту.

Вспомним, что конфликт с патриархией Константинополя по поводу создания митрополии для Влахии и непризнания на месте назначенного митрополита вспыхнул к середине 80-х гг. XIV в. и продолжался полтора десятка лет. Одной из главных причин являлась деятельность двух «ложных епископов», одним из которых был епископ Белгородской епархии, входившей в митрополию Галича, или Малой Руси. Именно он впоследствии оказался у кормила молдавской церкви. Но Белгородская епархия, означавшая на деле то же, что и Русовлахия в документах константинопольского патриарха, просто не могла не включать в себя и бывшие татаро-монгольские владения, а значит и воеводство Юрия Кориатовича и упомянутого в 1386 г. воеводы Константинa. А в 1395 г. Русовлахию, как указано выше, патриарх отождествлял с княжеством молдавского воеводы Стефана I.

Цитированные выше документы патриархии относятся прежде всего к церковной администрации, а значит носят не политический или не исключительно политический характер. Отсюда следует, что отождествление Русовлахии как церковно-административной единицы с Молдавским княжеством как чисто политическим объединением произошло вследствие того, что над княжеством была распространена церковная юрисдикция епископа Белгорода, а следовательно, само княжество подчинялось Белгородской (Русовлахийской) епархии. Это было возможно в условиях политической интеграции территорий последней и включения их в состав Молдавии. Только так мы можем объяснить упорство, с которым молдавские воеводы отказывались признать присланного синодом и патриархом митрополита и настаивали на сохранении во главе церкви белгородского епископа Иосифа. В расчет не было принято даже отлучение Молдавского княжества от церкви, которое было оглашено синодом и патриархом и сохраняло свою силу вплоть до начала XV в. В конечном итоге главой молдавской церкви был признан все же епископ Иосиф, возведенный в сан митрополита Молдовлахии⁸⁵. Резиденцией митрополита становится столица Молдавии Сучава. От Александра Доброго митрополитья церковь получает значительные земельные дарения⁸⁶. Чтобы еще больше подчеркнуть наследственность между молдавской церковью и Белгородским епископством, верность традициям, когда кафедрой церкви княжества была епархия в Белгороде, в начале XV в. из этого города в Сучаву перевозятся мощи св. Иоанна Нового⁸⁷. Думается, использование молдавскими воеводами вопросов церковного управления и устройства для достижения политических целей, и прежде всего для политической консолидации вновь присоединенных территорий, не вызывает сомнений. Епископу Иосифу дали возможность территориально увеличить свою епархию с тем, чтобы он узаконил ее политическую интеграцию в составе княжества и

использовал церковную политику для консолидации власти молдавского воеводы на присоединенных территориях. Учитывая, что конфликт с патриархией приобретает особую остроту после 1386 г., мы полагаем, что и сопряженность поведения епископа Иосифа и молдавских воевод, а значит и борьба Молдавии за присоединение епархии Белгорода, начались также с этого времени и завершились к 1395 г., когда Русовлахия и Молдавское княжество означали одно и то же.

В 1387 г. после принятия присяги воеводой Петром Мушатом Владислав Ягайло признал за ним права на Волошскую землю. Это исходит из цитированного уже документа польского короля 1433 г., который был издан для подтверждения всех подобных документов, выданных «Петру, Роману, Стефану и Александру воеводам Земле Молдавской»⁸⁸. А это значит, что границы Молдавии 1433 г. соответствовали тем, которые оговаривались в предыдущих документах («яко выписано у первых листех»)⁸⁹. В таком случае и в 1387 г. восточная граница княжества проходила также от села Поток «на низь Днестром до моря»⁹⁰. Заметим, что в самом документе Петра Мушата 1387 г. не содержится упоминаний о Константине-воеводе в отличие от генуэзской записи 1386 г. Нет указаний на него и в документах польского короля. Учитывая, что после августа 1386 г. воевода Константин в документах не упоминается, а 6 мая 1387 г., когда присягает Петр Мушат, граница Молдавского княжества проходила по Днестру, то следует полагать, что воеводство Константина перестало существовать. Включение в состав Молдавии Белгорода у устья Днестра не только открыло княжеству доступ к Черному морю, но и предоставило возможность вести международную торговлю по так называемому «татарскому пути», который проходил через Яссы и Тегенекеч (Тигина — нынешние Бендеры) на Крым или Белгород и далее по морю в Малую Азию, Закавказье, Средиземноморье⁹¹.

Таким образом, территориальный рост Молдавского феодального государства произошел преимущественно между 1386 и 1390 гг. В результате в составе Молдавии оказались три различные по своему историческому прошлому зоны Днестровско-Карпатских земель:

1) собственно Молдавское княжество, или воеводство, обрзовавшееся в середине XIV в. на северо-западе края и несколько десятилетий развивавшееся в узких политических границах;

2) бывшие владения татаро-монголов, преимущественно на юго-востоке края, где после вытеснения их учреждается владение литовского князя Юрия Кориатовича, а после его насильственной смерти управляет некий Костя-воевода. Эти земли включены в состав Молдавии после августа 1386 г., но до начала мая 1387 г.;

3) венгерские владения на юго-западе края, включенные в состав Молдавии к 1390 г.

Эти три политически разрозненные зоны и составляли то, что фигурировало в источниках как Волошская земля, Влахия, «волохи» («великие волохи»). Каждая, в свою очередь, называлась Молдавской землей, Русовлахией, Мавровлахией. Учитывая, что в середине XIV в. Молдавская земля означала Молдавское княжество на северо-западе края, вокруг которого впоследствии объединились остальные области Волошской земли, то первоначальную Молдавскую землю следует считать ядром молдавской феодальной государственности.

За рамками настоящей статьи осталось время присоединения к Молдавии Шипеницкой земли на севере, которая упоминается в документах как зависимая от молдавских воевод, а также степных и равнинных районов окрестностей Килии и самого этого города на крайнем юге.

В историографии ведутся споры по поводу достоверности некоторых ранних летописных известий о Шипеницкой земле. Этот вопрос требует самостоятельной разработки. Однако аргументы, которые позволили сделать вывод об установлении восточной границы княжества по Днестру уже к 1387 г., предоставляют возможность говорить о том, что Шипеницкая земля являлась к тому времени зависимой от Молдавии.

Эта территория не входила ни в понятие «Молдавская земля», ни в понятие «Волошская земля». Текст неосуществленного венгерско-польского соглашения 1412 г. свидетельствует, что Шипеницкая земля находилась за пределами Молдавской земли, от которой ее отделяли леса Буковины⁹². А грамота Владислава Ягайло 1433 г. отмечала, что Шипеницкая земля располагалась между Волошской землей и польскими владениями на Галичине⁹³.

Что касается окрестностей Килии, то источники слабо отразили время и события, в результате которых эта территория оказалась в политических границах Молдавского государства. Вероятно, она дольше всего оставалась за пределами владений молдавских господарей. Во всяком случае в привилее Александра Доброго львовским купцам от 1408 г., в котором перечислены и самые отдаленные периферийные таможенные пункты княжества — Тигина, Белгород, Бакэу, Тротуш, Черновцы, Хотин⁹⁴, — Килия отсутствует. Зато по венгерско-польскому соглашению 1412 г. о разделе Молдавии Килия входила в состав княжества и, по условиям раздела, должна была отойти к Венгрии⁹⁵. Временем до 1412 г. следует, таким образом, датировать весь период территориального становления Молдавского государства и установления его политических границ, в которых оно будет развиваться вплоть до 1484 г., когда Белгород и Килия на юге отойдут к Турции⁹⁶.

Если воспринимать положение о феодальной раздробленности в классическом понимании, т. е. что она как закономерное историческое явление наблюдается в рамках относительно унитарных государств как результат их развития по пути к феодализму и свидетельствует о наступлении эпохи развитого феодализма, то представлять процесс становления политических границ Молдавского феодального государства как преодоление феодальной раздробленности нет абсолютно никаких оснований. Ведь до второй половины XIV в. Днестровско-Карпатские земли не являлись ни единым политическим, ни тем более феодально развитым районом.

О становлении территории Молдавского феодального государства во второй половине XIV в. можно говорить в том плане, что была ликвидирована былая политическая разобщенность Днестровско-Карпатских земель, основой которой являлись не внутренние социально-экономические, а внешне-политические факторы: господство Венгрии и татаро-монголов. Ликвидация их способствовала преодолению внутренней политической разобщенности края и инкорпорации его в состав Молдавского княжества.

Территориальный рост Молдавского феодального государства за счет неоднородных в прошлом областей Днестровско-Карпатских земель знаменовал собой новый период в истории края вообще и Молдавского княжества в частности и ставил перед господарской властью задачу внутренней консолидации в интересах господствующего класса молдавских бояр. Этому господари Молдавии добивались совершенствованием аппарата управления, церковной политикой, широкой раздачей сел и неосвоенных еще земель в частнофеодальное, в том числе церковное владение, мерами по развитию торговли, упорядочению таможенной системы и привлечению иностранных торговцев. Важной мерой внутриэкономической и политической жизни явилось введение с начала последней четверти XIV в. молдавской монетно-денежной системы⁹⁷. Процесс внутренней консолидации отразился в заселении и хозяйственном освоении новых земель, развитии ремесел, внутреннего обмена, зарождении новых и развитии старых городов княжества, в поступательном развитии феодализма вширь⁹⁸. Однако этот многогранный процесс проходил неравномерно и весьма отставал в периферийных районах, на значительной части Днестровско-Прутского междуречья и на крайнем юге, что в немалой степени объяснялось как ландшафтно-климатическими условиями, так и доступностью этих мест вторжениям извне.

Становление молдавской политико-территориальной и социально-экономической общности знаменовало собой новый этап в формировании молдавской этнической общности. Постепенно политическое название «молдавское» вытесняет другие и становится господствующим. Вероятно, на его основе оформился и

новый этноним «молдаване», который также стал главным, если не единственным для обозначения жителей всего Молдавского феодального государства⁹⁹ во всех его пределах между Днестром, Черным морем, устьем Дуная и Карпатами. Для этого достаточно сравнить документ 1404 г., где содержится одновременное указание на «панове валаскыя, земляны молдавскыя» и на «уси бояре молдавсци»¹⁰⁰, с остальными документами Александра Доброго, в которых он ссылаясь на веру «всех бояр молдавских и великих и малых»¹⁰¹.

С начала XV в. во внутренних документах больше не встречается понятие «Волошская земля» и молдавские воеводы выступают исключительно в качестве господарей земли Молдавской. Это значит, название «Молдавская земля» вытеснило этнографическое название «Волошская земля», равно как и все встречавшиеся до тех пор другие «областные» названия. Понятие «Молдавская земля», сохраняя всю полноту содержания политического смысла, совпадавшего с понятием «Молдавское феодальное государство» в новых политических границах, включало в себя и этнографический смысл, поскольку означало территории, заселенные новой этнической общностью — молдавским народом.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ История народного хозяйства Молдавской ССР (до 1812 г.) (далее: ИНХ). Кишинев, 1976, с. 70—73.

² История Молдавской ССР, т. I. Кишинев, 1965, с. 86—87; ИНХ, с. 73.

³ *Cihodaru C. Constituirea statului feudal moldovenesc și lupta pentru realizarea independenței lui.* — Studii și cercetări științifice. Istorie. Iași, 1960, fasc. I, p. 62—67, 71—72, 78—79.

⁴ *Ibidem*, p. 62—63.

⁵ *Ibidem*, p. 64.

⁶ *Ibidem*, p. 65—66.

⁷ «Stephanus... voyvoda terrarum Moldanensis necnon Valachyensis»; «voyvoda auss Petra Walachey». — Славяно-молдавские летописи XV—XVI вв. Сост. Ф. А. Грекул. Отв. ред. В. И. Буганов. М., 1976, с. 36. Составители советского издания памятника перевели интересующее нас место в заглавии следующим образом: «Воевода молдавских земель, но не валашских» (там же, с. 47). Это в корне неверно.

⁸ Это прежде всего касается документальных данных К. Чиходару, поскольку именно он собрал самый значительный материал по интересующей нас теме. Приводит он и известный факт о том, что в одном папском документе мать Петра Мушата Маргарита названа «госпожой Малой Влахии» (*domina Valachie Minoris*). Исследователь истолковал это как подтверждение существования государственного образования Влахии, или Малой Влахии, в верхнем бассейне Сирета и Сучавы, поскольку Маргарита являлась владелицей г. Сирета. Правда, К. Чиходару не знал о целом ряде документов венгерского короля Сигизмунда Люксембургского, обнаруженных только в 60-е гг. нашего столетия, которые применительно к 1395 г. отождествляли Малую Влахию с Молдавским княжеством (*Minoris Walachye seu terre... Moldaviae*). — *Documenta Romaniae Historica. D* (далее: DRHD), vol. I. Buc., 1977, p. 130, 132, 135, 147, 152, 154. Несомненно также и то, что в переговорах 1485 г. между Стефаном III и Сигизмундом IV — польским королем — речь, конечно, шла о границах между Молдавским и Валашским (к югу от

Карпат) княжествами, а не Молдавии и какой-то Влахии в Днестровско-Карпатских землях. (*Cihodaru C. Constituirea statului feudal moldovenesc...*, p. 64—65).

⁹ *Costăchescu M.* Documente moldovenești înainte de Ștefan cel Mare (далее: CDM), vol. II. Iași, p. 599.

¹⁰ *Ibidem*, p. 601.

¹¹ *Ibidem*, p. 616.

¹² *Ibidem*, p. 617.

¹³ *Ibidem*, p. 619.

¹⁴ *Ibidem*, p. 623.

¹⁵ *Ibidem*, p. 628.

¹⁶ *Ibidem*, p. 607.

¹⁷ *Ibidem*, p. 660.

¹⁸ *Hurmuzaki—Densușianu*, vol. I, part. 2. Buc., 1890, p. 160, 162.

¹⁹ *Kronika Polska, Litewska Zmudzka i Wsystkiew Rusi M. Stryjkowskiego* (далее: *Strykowski M.*). t. II. Warszawa, 1846, s. 8.

²⁰ *Cihodaru C. Constituirea statului feudal moldovenesc...*, p. 65.

²¹ *Ibidem*.

²² *Кантемир Д.* Описание Молдавии. Кишинев, 1973, с. 24.

²³ *Documenta Romaniae Historica. A* (далее: DRHA), vol. II. Buc., 1976, p. 191.

²⁴ *Annales Minorum seu trim ordinum a S. Francisco institutorum. Auct. L. Waddingo*, t. VII, ed. II. Romae, 1733, p. 242.

²⁵ *Mihalyi I.* Diplome maramureșene din sec XIV și XV. Maramureș — Szighet, 1900, p. 38.

²⁶ Молдаване. Очерки истории, этнографии, искусствоведения (далее: МОИЭИ). Кишинев, 1977, с. 24—26; *Мохов Н. А.* Очерки истории формирования молдавского народа. Кишинев, 1978, с. 81—92.

²⁷ Обобщенное представление о «волошском праве» см.: *Мохов Н. А.* Очерки истории формирования молдавского народа.

²⁸ DRHA, vol. I. Buc., 1975, p. 239.

²⁹ *Laurent V.* Aux origines de l'église de Moldavie; le métropolitain Jérémie et l'évêque Joseph. — *Revue des études byzantines*, t. V. Buc., 1947, p. 158—168.

³⁰ *Hurmuzaki—Iorga*, vol. XIV, part. I, p. 16, 17, 18—23, 25, 27, 28, 30.

³¹ *Ibidem*, p. 18.

³² *Ibidem*, p. 19—20, 20—21, 22—23.

³³ *Ibidem*, p. 23—24.

³⁴ *Арсений, епископ Псковский.* Исследования и монографии по истории Молдавской церкви (далее: *Арсений*), ч. I—II. СПб., 1904, с. 30—31.

³⁵ *Hurmuzaki—Iorga*, vol. XIV, part. I, p. 32.

³⁶ *Ibidem*, p. 20—21.

³⁷ *Арсений*, с. 31.

³⁸ *Hurmuzaki—Iorga*, vol. XIV, part. I, p. 32—33, 34.

³⁹ *Параска П. Ф.* Политика Венгерского королевства в Восточном Прикарпатье и образовании Молдавского феодального государства. — В сб.: *Карпато-Дунайские земли в средние века* (далее: КДЗ). Кишинев, 1975, с. 37—42, 44—47.

⁴⁰ *Hurmuzaki—Densușianu*, I, 2, p. 175.

⁴¹ *Ibidem*, p. 176.

⁴² *Cihodaru C. Constituirea statului feudal moldovenesc...*, p. 71—72.

⁴³ *Hurmuzaki—Densușianu*, I, 2, p. 216, 220—221.

⁴⁴ *Ibidem*, p. 58.

⁴⁵ *Ioannis de Thwocz Chronica Hungarorum. Ab origine gentis inserta simul Chronica Ioannis Arhidiaconi de Kikulew...* — *Scriptores Rerum Hungaricarum ... cura et studio I. G. Schwandtneri, pars I. Tyrnaviae, 1765, p. 311—313.*

⁴⁶ *Hurmuzaki—Densușianu*, I, 2, p. 144.

⁴⁷ *Ibidem*, I, p. 485—486.

⁴⁸ *Кантемир Д.* Описание Молдавии, с. 14—16.

- ⁴⁹ *Арсений*, с. 31, 34.
- ⁵⁰ *Кантемир Д.* Описание Молдавии, с. 151, 152.
- ⁵¹ *МОИЭИ*, с. 27.
- ⁵² *Бырня П. П.* Сельские поселения Молдавии XV—XVII вв. Кишинев, 1969, с. 68, 70, 73.
- ⁵³ *Драгнев Д. М., Советов П. В.* Основные этапы развития и разложения общины в Молдавии (до начала XIX в.). — В сб.: Славяно-волошские связи. Кишинев, 1978, с. 72—75.
- ⁵⁴ *Черепнин Л. В.* Русь. Спорные вопросы истории феодальной земельной собственности в IX—XV вв. — В кн.: *Новосельцев А. П., Пашуто В. Т., Черепнин Л. В.* Пути развития феодализма. М., 1972, с. 149—155. В заключение книги содержится и общий вывод, касающийся Руси в целом и других регионов Восточной Европы (там же, с. 322—323.) См. также данные В. Т. Пашуто по Прибалтике (там же, с. 280—283).
- ⁵⁵ *Параска П. Ф.* Политика Венгерского королевства в Восточном Прикарпатье..., с. 42 и примеч. 64.
- ⁵⁶ *Хынку А.* Балада популярэ «Мнорица». Кишинэу, 1967, п. 251.
- ⁵⁷ *Шушарин В. П.* Свидетельства письменных памятников королевства Венгрии об этническом составе населения Восточного Прикарпатья первой половины XIII в. — История СССР, 1978, № 2, с. 51.
- ⁵⁸ *Paracostea Ş.* Aux débuts de l'Etat moldave. Considérations en marge d'une nouvelle source. — Revue roumaine d'histoire. Buc., 1973, N 6, p. 146—147.
- ⁵⁹ Славяно-молдавские летописи XV—XVI вв., с. 36, 47.
- ⁶⁰ DRHA, vol. I, p. 3.
- ⁶¹ CDM, vol. II, p. 607.
- ⁶² Ibidem, p. 660.
- ⁶³ DRHD, vol. I, p. 135 (указание на то, что г. Брашов и его округа расположены на границе Венгрии), 158, 176.
- ⁶⁴ *Hurmuzaki—Densuşianu*, I, 2, p. 309.
- ⁶⁵ CDM, vol. II, p. 603—604, 605.
- ⁶⁶ Ibidem.
- ⁶⁷ DRHD, vol. I, p. 125.
- ⁶⁸ *Hurmuzaki—Densuşianu*, I, 2, p. 323—324.
- ⁶⁹ DRHB, vol. I. Buc., 1966, p. 28, 31.
- ⁷⁰ Хроника Быховца. М., 1966, с. 56.
- ⁷¹ *Strykowski M.*, t. II, s. 7; Stanislaw Sarniczi Annales sive de origine et rebus gestis Polonorum et Litvanorum libri VIII. — Ioannis Dlugossi seu Longini canonici quondam Cracoviensis Historiae Polonicae, t. II. Lipsiae, 1712, col. 1134.
- ⁷² *Полевой Л. Л.* Памятники золотоордынского времени. — В кн.: Древняя культура Молдавии. Кишинев, 1974, с. 153; *Полевой Л. Л., Бырня П. П.* Средневековые памятники XIV—XVII вв.—Археологическая карта Молдавской ССР (далее: АКМ), вып. 7. Кишинев, 1974, с. 8—12; *Нудельман А. А.* К вопросу о составе денежного обращения в Молдавии в XIV—начале XV в. — В сб.: КДЗ, с. 96—98.
- ⁷³ Полное собрание русских летописей (далее: ПСРЛ), т. VIII, с. 51; т. XI—XII, с. 86, 90; т. XVIII, с. 136; т. XX (первая половина), с. 205, 206; т. XXIII, с. 130; т. XXIV, с. 153; т. XXV, с. 212, 213.
- ⁷⁴ Хроника Быховца, с. 56.
- ⁷⁵ ПСРЛ, т. XVII, с. 171, 279, 328, 390, 454.
- ⁷⁶ *Strykowski M.*, t. II, s. 8.
- ⁷⁷ Н. С. Антошин допускал возможность управления Юрия Корнятовича только частью земель между Днестром и Карпатами, исключая северо-западную, где правила молдавские воеводы. Однако этот исследователь не учел зависимость от Венгрии земли и потому к владениям Юрия Корнятовича несправедливо относил и юго-западную часть края. — *Антошин Н. С.* Взаимосвязи славян и восточнороманских народностей в V—XV вв. — Ужгород-

ский Государственный университет. Научные записки, 1957, т. XXVIII, с. 68—69.

⁷⁸ Хроника Быховца, с. 56.

⁷⁹ Цит. по: *Sacerdojeanu A. Lupta moldovenilor cu litvanii în 1377. Buc., 1936, p. 775.*

⁸⁰ *Popovici C. Anul de la martie în Moldova în timpul lui Alexandru cel Bun. — Extras din «Convorbiri literare», t. XXIX. Buc., 1905, p. 16.*

⁸¹ Кантемир Д. Описание Молдавии, с. 151, 152.

⁸² МОИЭИ, с. 27.

⁸³ Тихомиров М. Н. Список русских городов дальних и ближних. — Исторические записки, кн. 40. М., 1952, с. 218, 223.

⁸⁴ Там же, с. 218.

⁸⁵ *Hurmuzaki—Iorga, vol. XIV, part. I, p. 32—36.*

⁸⁶ DRHA, vol. I, p. 22, 24.

⁸⁷ Ibidem, p. 22.

⁸⁸ CDM, vol. II, p. 660.

⁸⁹ Ibidem.

⁹⁰ Ibidem, p. 661.

⁹¹ ИНХ, с. 82.

⁹² *Hurmuzaki—Densușianu, I, 2, p. 485.*

⁹³ CDM, vol. II, p. 661. Здесь речь идет о городах Цецина и Хмелеве, которые относились к Шипеницкой земле. См. документ Илиаша, воеводы молдавского, от 23 сентября 1436 г. (*ibidem, p. 706*).

⁹⁴ CDM, vol. II, p. 630—633.

⁹⁵ *Hurmuzaki—Densușianu, I, 2, p. 486.*

⁹⁶ *Мохов Н. А. Молдавия эпохи феодализма. Кишинев, 1964, с. 187—188; История Молдавской ССР, т. I, с. 144.*

⁹⁷ *Нудельман А. А. Топография кладов и находок единичных монет. — АКМ, вып. 8, Кишинев, 1976, с. 22—23, 25—29.*

⁹⁸ ИНХ, с. 70—84.

⁹⁹ МОИЭИ, с. 25—26.

¹⁰⁰ CDM, vol. II, p. 625.

¹⁰¹ DRHA, vol. I, p. 19, 21, 24, 26, 31, 33.

Е. П. Наумов

СЕРБИЯ И БОЛГАРИЯ В СЕРЕДИНЕ XIV в. (К ИСТОРИИ БАЛКАНСКИХ ГОСУДАРСТВ В ЭПОХУ ОСМАНСКОГО НАШЕСТВИЯ)

История балканских народов второй половины XIV и первой половины XV в., длительная борьба их против османской экспансии закономерно привлекают внимание историков разных стран¹. В ряду важных проблем, связанных с турецким завоеванием государств Юго-Восточной Европы, представляет интерес проблема изменений в феодальном строе балканских государств той поры, равно как и вопрос о типологических сдвигах в сфере феодальных отношений этого региона после ликвидации под ударами турок-османов последних самостоятельных политических образований на Балканах². К сожалению

нию, следует отметить, что этот круг проблем в современной историографии еще исследован недостаточно. Так, например, если уже определенные аспекты этой тематики нашли освещение в литературе применительно к истории отдельных стран (в частности, на материале Сербии)³, то разработке общих черт и локальных особенностей истории балканских народов той эпохи посвящено еще слишком мало работ⁴. Разумеется, в известной мере причиной этого является и немногочисленность, и скудность сохранившихся исторических памятников, требующих тщательного анализа, в особенности, как известно, ограничен круг источников по истории Болгарии и Албании второй половины XIV в.

В соответствии с этим, как нам представляется, одним из необходимых и плодотворных путей изучения данной проблематики, остающейся до настоящего времени во многом спорной, могут быть конкретные сопоставления доступных науке свидетельств о судьбах последних балканских государств накануне их гибели под натиском османских завоевателей. Выбор темы данной статьи обусловлен не только тем, что Сербия и Болгария в тот момент (т. е. в середине XIV в.) были самыми крупными южнославянскими державами и поэтому значимость сербо-болгарских взаимоотношений для организации общевосточноевропейского отпора туркам-османам была тогда весьма велика⁵. В данной связи, по нашему мнению, заслуживают внимания два немаловажных обстоятельства, имеющих значение для характеристики внутривосточноевропейского положения этих стран и определенных изменений их феодального строя в соответствии с нуждами антиосманской обороны. Мы имеем в виду прежде всего конкретную роль представителей *болгарской* феодальной верхушки (т. е. царицы Елены, ее родственников и др.) в политической системе Сербского государства той поры. Этот вопрос, естественно, тесно связан с проблемой сербо-болгарских отношений, в частности с вопросом о *союзе* Сербии и Болгарии в борьбе с экспансией других держав (Венгрии и османов). В то же время история «болгарской» группировки в Сербии весьма любопытна и в плане сравнений с другими балканскими странами той эпохи, когда, например, в Сербии заметную роль играли выходцы из Византии, в Боснийском королевстве — некоторые сербские феодалы, в мелких княжествах Эпира и Албании — сербские, болгарские вельможи⁶.

Вместе с тем, говоря об общих чертах феодального строя Сербии и Болгарии той поры, необходимо, нам думается, поставить здесь вопрос об *изменениях* в системе болгарского феодального иммунитета, которые были обусловлены длительной антиосманской борьбой и (уже накануне крушения Второго Болгарского царства) выплатой дани Порте. Если из-за отсутствия соответствующих сведений мы можем только делать предположения о появлении каких-то секуляризационных тен-

денций на последнем этапе истории Второго Болгарского царства⁷, то наличие немногочисленных болгарских грамот этих лет дает основания для сравнения их формул с аналогичными определениями болгарских хрисовулов предшествующей эпохи (т. е. XIII — первой половины XIV в.) и сербских грамот периода османской экспансии⁸. Иными словами, такое сопоставление позволяет выявить не только общие черты и локальные особенности исторического развития Сербии и Болгарии, но и дает материал для широких историко-сравнительных обобщений, касающихся судеб феодального иммунитета в разных странах Европы⁹.

Поставленные вопросы еще не нашли надлежащего освещения в имеющейся исторической литературе.

Рассмотрим вначале вопрос о роли представителей болгарской династии и феодальной знати в политической системе Сербии с конца 50-х и до начала 70-х гг. XIV в., т. е. в годы распада Сербо-греческого царства Стефана Душана и происходившей затем постепенной перестройки системы княжеств и уделов, образовавшихся на территории бывшей империи Душана. Как известно, Т. Д. Флоринский в своей монографии коснулся этой проблемы, однако его изложение было доведено лишь до 1355 г. (год смерти Душана) и имеет значительные фактические ошибки ввиду того, что он без всякой критики воспроизвел беспочвенные выводы сербского историка К. Николаевича (о сербском происхождении болгарского царя Ивана Александра и его сестры Елены, жены Душана, о том, что братьями Елены были будто сербские вельможи Оливер и Деян и т. д.)¹⁰. В работах других авторов содержатся более или менее подробные сведения о роли царицы Елены (Елизавета в монашестве), ее брата — деспота Иоанна Комнина Асеня, сербского патриарха Ефрема (он также был родом из Болгарии)¹¹, но специального освещения вопрос о политическом значении условно называемой нами «просеневской» группировки сербского господствующего класса в эпоху распада Душанова царства не получил. Проблема сербо-болгарских отношений и династических связей той поры не была подробно рассмотрена и в болгарской историографии, поскольку в трудах В. Златарского, А. Бурмова и других болгарских медиевистов разработка этих вопросов доведена лишь до 1331 г.¹²

Вполне понятно, что при оценке реального политического веса «просеневской», или «проболгарской», группировки в кругах сербского правительства и высшей знати к началу распада Сербского царства, разумеется, было бы неверно ограничиться лишь упоминанием царицы Елены и деспота Иоанна Комнина, хотя, наверное, они к этому времени и были наиболее влиятельными представителями болгарской феодальной верхушки при сербском дворе. Известно об активном участии Елены в государственных делах при Душане, например, о ее

речи во время переговоров с Иоанном Кантакузином (1342 г.)¹³. Весьма вероятно, что тогда в южной половине Сербо-греческого царства (так называемой «Романии» Душана) большим имуществом обладал деспот Комнин; он был наместником южной Албании (район Валоны, Канины и Берата) и кроме того, мог рассчитывать на поддержку не только своей сестры, царицы Елены, но и своих родственников среди местной греческой знати (Комнин был женат на бывшей правительнице Эпира — Анне)¹⁴. Однако, на наш взгляд, не вызывает сомнений, что столь значительное политическое влияние Елены и Иоанна Комнина в тот период имело своей основой помимо принадлежности их к болгарской и сербской династии, и появление при дворе Неманичей некоторых болгарских вельмож и представителей духовенства, связанных в свою очередь родственными узами или симпатиями с какими-то сербскими и греческими духовными и светскими феодалами.

К сожалению, узнать об этих болгарских боярах и клириках, находившихся тогда в Сербии, мы можем зачастую лишь случайно, поскольку исторические источники такого рода (т. е. списки придворных, участников соборов и т. п.)¹⁵ малочисленны и к тому же немногословны. Все же мы, например, знаем, что в одном из сербских помеников назван некий «Срацимир племянник царицы» (по всей видимости, племянник царицы Елены)¹⁶. Известно также, что болгарский монах Ефрем, ставший позднее (в 1375 г.) сербским патриархом, прибыл при Душане в Сербию, где, вероятно, уже тогда пользовался определенным влиянием, будучи близок к патриархам Иоанникию и Савве¹⁷.

Вполне понятно, что для нас представляет особый интерес было ли неизменным и столь же большим влияние представителей данной проболгарской группы сербской феодальной верхушки после того, как в 50-х гг. XIV в. начался развал Сербского царства. Разумеется, легче всего на этот вопрос ответить применительно к царице Елене и деспоту Комнину, поскольку их судьбы нашли известное, хотя и фрагментарное, освещение в сохранившихся источниках той поры. Так, в частности, историографии уже достаточно наглядно показано, что одним из первых фактически самостоятельных княжеств или уделов в рамках постепенно распадавшейся Душановой империи был Серрское княжество (во главе с царицей Еленой) и Валонский деспотат Иоанна Комнина¹⁸. Соответственно с этим следует очевидно, отнести приблизительно к 1357 г. и ослабление политической роли Елены и Комнина в центральном правительстве и в целом в рамках формально единого Сербо-греческого царства, остававшегося под эгидой царя Уроша.

По всей видимости, с этим было связано падение влияния и других болгарских вельмож и сторонников этой «партии» их родственников и приближенных, хотя, быть може

некоторые из этих феодалов еще сохраняли высокие административные посты и земельные владения. В данном случае заслуживает, по нашему мнению, особого внимания одна из сербских средневековых надгробных надписей (о «державе» некоего Срацимира в с. Яковле на Южной Мораве, восточнее Крушевца), которую мы впервые использовали для анализа процессов распада Душанова царства¹⁹. К сожалению, этот ценный эпиграфический источник, не привлекаемый обычно исследователями²⁰, ввиду столь неза заслуженного «забвения» служит порой основанием для спорных и недостаточно обоснованных выводов. Как же следует истолковать краткую надпись о смерти некоего Георгия-Косты «в дни царя Уроша, а в державе Срацимировой»?²¹ Мы считаем, что речь здесь идет о существовании в 1356—1371 гг. в этом районе Сербии феодальной «державы» одного из вассалов и наместников царя Уроша — Срацимира, который, вероятно, идентичен с названным выше болгарским вельможей, племянником царицы Елены²². В пользу нашего предположения говорит отсутствие среди сербских крупных феодалов той поры другого вельможи с таким именем, если не считать Страцимира (Срацимира) Балшича, который, как известно, действовал в Зете. Однако болгарский историк В. Гюзелев считает необходимым предложить иное объяснение. По его мнению, здесь речь идет о болгарском (видинском) царе Иване Срацимире, соседе и родственнике Уроша²³.

Между тем сходство имен (наместник Срацимир и царь Иван Срацимир), равно как и близость сербо-болгарской границы той поры, не могут служить доводом (для идентификации, предложенной В. Гюзелевым). Знакомство с другими, аналогичными надписями, более того, со свидетельствами о раздаче «держав» (т. е. наместничеств) правительством Уроша его приближенным²⁴, также подтверждает наш вывод. Показательно, что в надписях, составленных вассалами сына Душана или их родственников, фигурирует обязательная формула «в дни царя Уроша», подчеркивающая признание его сюзеренитета и строгое соблюдение норм феодальной иерархии (см., например, надписи жупана Николы Алтомановича и великого челника Дмитрия)²⁵. Кстати, надпись о смерти Дмитрия по содержанию весьма сходна с приведенным выше текстом о «державе Срацимировой»: здесь говорится, что умерший «в дни Стефана Уроша» его сановник, великий челник Дмитрий, был наместником в северо-западной Сербии, «в те дни дер [жал] Дебар и Дрину и Гацко [с] Рудинами»²⁶.

Между тем, если мы обратимся к тем эпиграфическим свидетельствам второй половины XIV в., которые упоминают болгарских царей (Ивана Александра и Ивана Срацимира, его сына), мы убедимся в том, что эти надписи неизменно содержат царский титул названных правителей, равно как

и датировку временем их правления (дается формула «в дни царя...» или т. п.)²⁷. Иными словами, анализ средневековых источников наглядно показывает нам, что в надписи времени царя Уроша (двоюродного брата Ивана Срацимира) безвестные ее составители не могли назвать наряду с Урошем болгарского царя, близкого родственника своего сюзерена; в действительности, нам представляется, возможен вывод, что связь (не только косвенная) данной надписи из с. Яковле о «державе Срацимировой» с болгарским царем Иваном Срацимиром все же была, однако это вовсе не значит, что в той части Сербии правил видинский царь Срацимир, как предложил читать надпись В. Гюзелев.

Нам кажется допустимым сопоставить эту надпись с известными фактами о женитьбе царя Уроша на дочери валашского правителя Александра Анне (1360). По всей видимости, этот династический брак преследовал и какие-то внешнеполитические цели, поскольку на сестре Анны был женат видинский царь Иван Срацимир. Быть может, в этой связи речь шла и о создании союза Сербии, Видинского царства и Валахии, обусловленного угрозой экспансии венгерского короля Людовика. Вместе с тем «валашский брак» Уроша мог иметь определенные последствия и для соотношения сил разных группировок сербской знати; не случайно, что уже К. Иречек счел возможным отметить, что, «вероятно, посредником в этой женитьбе была мать Уроша, которая таким образом искала новые связи со своими болгарскими родственниками»²⁸.

Можно предложить следующую причинную связь этих событий. Ослабление позиций «болгарской» группировки при сербском дворе (примерно к 1357 г.) видимо, заставило царицу Елену искать новые пути и средства для восстановления прежде него ее влияния, что привело к появлению в Сербии «молодой царицы» и, по всей видимости, ее приближенных из числа болгарских и валашских вельмож. Вполне понятно, что для обеспечения надежной связи с Видинским царством и Валахией — в обстановке все нараставшего хаоса феодальной анархии — правительство царя Уроша могло назначить наместником северной Сербии именно боярина Срацимира, племянника «старой царицы» Елены (Елизаветы). Такое объяснение, по нашему мнению, дает основания и для более точной датировки названной выше надписи о «державе Срацимировой» 1360–1362 гг.

Эта датировка находит подтверждение, вероятно, в любопытном факте обращения правителей Дубровника (в апреле мае 1362 г.) не только к царю Сербии, патриарху и наиболее могущественным сановникам, но и к «старой императрице» Вукашину²⁹. Таким образом, можно допустить, что в 1360–1362 гг. «болгарская» группировка при дворе Уроша вносе

усилилась на некоторое время, однако ей удалось вернуть прежние позиции ненадолго. Наверное, уже в первой половине 1365 г. ее влияние было уничтожено почти полностью, а главные ее представители были устранены с политической арены. Как известно, не позднее сентября 1365 г. власть в Серрском княжестве перешла от царицы Елены к сербскому вельможе — деспоту Иоанну Углеше, брату короля Вукашина Мрнявчевича³⁰. Имя царицы Елены на десять лет исчезает из исторических источников; точно так же не встречаются в документах и имена ее родственников и приближенных. Лишь об одном из них мы узнаем по случайному упоминанию в грамоте Уроша Хиландарю (от 11 марта 1365 г.).

Весьма любопытно, что грамота Уроша называет в числе пожалованных Хиландарю селений «селище» Худины, из которого его прежний владелец, некий Житее, «в Болгарию убежал»³¹. Иными словами, ожесточенная борьба разных группировок и клик сербской знати сопровождалась перераспределением земельных владений, конфискацией земель опальных феодалов (в том числе и представителей «болгарской» группировки). Вполне вероятно, что та же судьба постигла и упоминавшегося выше Срацимира, и его «держава» в северной Сербии перешла скорее всего в руки постепенно все более усиливавшегося князя Лазаря, столицей которого, как известно, был г. Крушевац.

Каковы же были причины полного краха этой группировки? Здесь нужно учитывать обстоятельства внутривполитического и внешнеполитического плана. Не вызывает сомнений явная связь этих событий с так называемым переворотом короля Вукашина, ставшего соправителем царя Уроша. Однако было бы, наверное, неправомерно ограничиться лишь указанием на яростное соперничество разных феодальных клик, различных самозванных «наследников» и претендентов на власть в распадавшемся Душановом царстве. Следует напомнить также, что в мае 1365 г. Людовик Венгерский взял Видин и пленил царя Ивана Срацимира³²; иными словами, возможная коалиция Валахии, Видина и Сербии была тогда разбита. Понятно, что в новой исторической обстановке уцелевшие представители «проасеневской» партии в Сербии потеряли всякое политическое влияние.

Мимолетным эпизодом, позволяющим судить о присутствии проболгарской группировки в Сербии в 70-х гг. XIV в., являются события 1375 г. Тогда после гибели Мрнявчевичей политическая карта Сербии снова изменилась и поэтому-то вновь можно говорить об известной (но не столь значительной) роли царицы Елены и названного выше болгарского монаха Ефрема. Но в этот период они уже не представляют самостоятельную силу, какую-то внушительную группировку, а потому имен-

но как посредники, «посторонние» советчики, используются враждующими правителями и феодалами. Так, вследствие яростных распрей, наличия разных кандидатов был в 1375 г. избран сербским патриархом «отличный и незлобивый муж тихий и седой» Ефрем³³. В это же время, в начале переговоров о примирении сербской и греческой церковью (1375) упоминается и «старая царица кир-Елизавета», присутствовавшая на соборе вместе со «всеми властелями»³⁴.

Вполне возможно, разумеется, что и Елена (Елизавета), и Ефрем, не пользовавшиеся уже большим влиянием, все же выступали в пользу налаживания отношений Сербии с Византией, и, вероятно, с Болгарией; этому содействовало понимание общей (османской) угрозы, нависшей над южнославянскими государствами и Византией. Не случайно, что, по словам безвестных сербских книжников, при патриархе Ефреме «патриархия Константинова Града была с сербской патриархией в любви и смирении и единстве...»³⁵. Но вскоре эти последние представители проболгарской группировки при сербском дворе сходят с политической арены (Елена умерла в ноябре 1376 г., Ефрем отказался от престола в 1379 г.) и этим завершается почти сорокалетний период, в течение которого мы можем говорить о наличии данной группы в рядах феодальной верхушки Сербского государства.

В это время, т. е. в 70-е гг. XIV в., в феодальной системе Сербии намечаются немаловажные перемены, в числе которых следует особо отметить определенные изменения в сфере иммунитетных привилегий церкви и монастырей (к сожалению, сведений о податных льготах светской знати той поры не сохранилось)³⁶. В данной связи целесообразно, по нашему мнению, проанализировать в этом плане и последние болгарские грамоты, изданные накануне покорения Болгарии османами (т. е. Рыльскую и Витошскую).

Постановка такого вопроса тем более правомерна, что в советской и болгарской историографии проблема феодального иммунитета во Втором Болгарском царстве рассматривается в целом, без выделения каких-то особых черт, присущих, быть может, грамотам второй половины XIV в.³⁷ Вследствие этого обычно в литературе обращается внимание прежде всего на обширные податные привилегии, пожалованные церковным владениям болгарскими царями в XIII — первой половине XIV в.³⁸ Причиной такого освещения проблемы следует считать, видимо, немногочисленность болгарских грамот последних десятилетий феодальной государственности, равно как и оживленные споры по поводу достоверности и подлинности некоторых актов, в особенности известной Рыльской грамоты Ивана Шишмана (1378)³⁹.

Вполне понятно, что эти обстоятельства нельзя признать достаточным основанием для отказа от специального анализа

проблем феодального иммунитета в Болгарии второй половины XIV в., тем более что длительная дискуссия по поводу аутентичности Рыльской грамоты уже завершилась (в пользу достоверности этого документа высказались И. Дуйчев, В. А. Мошин и другие ученые). Такой конкретный анализ иммунитетных формул Рыльской и Витошской грамот необходим и потому, что профессором М. Андреевым на основании этих памятников были сделаны весьма любопытные наблюдения и выводы об увеличении численности административного аппарата в последние годы Второго Болгарского царства, о передаче фискальных функций воеводам и другим воинским начальникам, о чрезвычайном усилении податного гнета, который приходилось испытывать болгарскому народу⁴⁰. К сожалению, М. Андреев в этой связи не касается вопроса, можно ли считать действительно неизменными и в ту пору османской экспансии прежние нормы полного феодального иммунитета, которые нам известны из грамот XIII — первой половины XIV в.

Обратимся вначале к тексту Рыльской грамоты. Как гласит этот документ, царь Иван Шишман подтвердил «неотъемную власть» Рыльского монастыря над его земельными владениями, которые весьма подробно перечислены в грамоте⁴¹. Далее следует раздел, специально посвященный фиксации административного иммунитета монастыря и неприкосновенности принадлежавших ему людей и земель от притязаний и вмешательства различных царских чиновников. В грамоте подчеркивается, что «...освобождает царство мое людей всех и села всего монастыря царства моего чистым и светлым прощением, пусть им не смеют препятствовать...», и далее приводится длинный перечень разных представителей царской администрации⁴².

Этот список чиновников завершается таким постановлением: «...никто из таковых пусть не смеет препятствовать тем людям святого отца (т. е. монастыря св. Ивана Рыльского. — Е. Н.) ни на нивах их, которые имеют в поле и в горах, ни человека его *взять на работу*, ни работников их, и не забирать на *ангарию* их упряжки волов, ни коней, ни (другую) скотину»⁴³.

Таким образом, Рыльская грамота, столь пространная при перечислении чиновников, в отличие от прежних болгарских грамот становится весьма немногословной, когда речь заходит об освобождении от царских налогов и повинностей. В самом деле, текст ее фиксирует лишь освобождение от отработочных повинностей (ангария, работы) и постоя (митаты)⁴⁴. Иными словами, подчеркивание в грамоте административного иммунитета и неприкосновенности земель Рыльского монастыря не означало тогда предоставления полного налогового иммунитета, как это бывало в первой половине XIV в.⁴⁵

Например, в Мрачской грамоте Ивана Александра (1347) подробно перечислены чиновники, «боляре и работники цар-

ства», которым запрещалось даже вступать на монастырскую землю⁴⁶. Но затем следует здесь перечень царских налогов и повинностей, определяющий полную податную экскуссию Мрачской (Ореховской) обители: «...ни дани взять, ни комада, ни митаты, ни десятины никакой, ни хлеба, ни вина, ни мяса, ни корма для лошадей...», причем далее грамота включает и запрет привлекать крестьян монастыря на какие-либо царские повинности: «...ни самих (их) забирать на какую-либо работу царства моего, ни коней их брать на ангарию, ни волов, ни ослов и подвод не брать...»⁴⁷ Точно так же сформулированы и соответствующие постановления грамот XIII в. (Ватопедской и Виргинской), где равным образом перечень чиновников сочетается с перечислением царских налогов и запретом выгонять монастырских людей на любые работы⁴⁸.

Таким образом, как показывает данное сравнение сохранившихся болгарских грамот, *резкое сокращение податных привилегий* Рыльского монастыря (согласно грамоте Шишмана 1378 г.) служит наглядным свидетельством происходивших тогда перемен в сфере феодального иммунитета, изменений в фискальной политике правительства Тырновского царства. Эти изменения становятся тем более явными и заметными на примере того, что формуляр жалованных грамот и сама система перечисления монастырских привилегий остаются в целом прежними, однако теперь (во второй половине XIV в.) Рыльский монастырь не получает освобождения от *большой части* налогов и поборов (т. е. «дани», «комада» или «никомода», различных десятин, взимавшихся с урожая и имущества крестьян).

Этот вывод, по нашему мнению, представляется тем более убедительным, что и последующие постановления Рыльской грамоты подтверждают и закрепляют административный иммунитет монастыря, но вовсе не содержат каких-то иных податных льгот или скидок. «Также и еще, кроме того, — гласит далее грамота, — никто из таковых (т. е. перечисленных выше царских чиновников. — *Е. Н.*) пусть не смеют насильно вступить в села и в люди того монастыря царства моего святого отца (т. е. монастыря св. Ивана Рыльского. — *Е. Н.*), *насилием хлеба взять*, ни курицу убить, ни даже ногою стать на дворе их, но пусть все будут отгоняемы и пусть отстоят далеко в силу предъявления всего златопечатленного слова (т. е. хрисовула. — *Е. Н.*) царства моего»⁴⁹. В данной связи особенно любопытно упоминание грамоты, запрещающей «насильно» чиновникам забирать хлеб у монастырских крестьян; иными словами, царские бояре могут брать хлеб и другие продукты питания на *законных основаниях*, взимая царские подати и поборы в свою пользу.

Ограничивая податные привилегии Рыльского монастыря, царское правительство Болгарии, видимо, стремилось «компенсировать» сокращение «прав» монахов, особенно подробно пе-

речисля тех представителей местной администрации, которым запрещалось нарушать права монастыря и неприкосновенность его подданных. Так, например, в грамоте далее говорится: «Также и город Стоб пусть ни в коей мере не имеет власти над человеком монастырским, ни над стасью (земельным владением. — *Е. Н.*) их, ни до единого волоса»⁵⁰. В дополнение к этому в данной грамоте подтверждено право монастырских людей свободно ездить по торговым делам «по всей державе и области царства моего», покупать и продавать свободно, без всяких помех и без уплаты торговых пошлин (кумерк), мостнины (диавато) и других сборов⁵¹. Заметим, кстати, что аналогичное постановление содержится и в Виргинской грамоте⁵². Наконец, в Рьльскую грамоту включен также и специальный пункт, предоставляющий монастырю возможность взимать в свою пользу судебные пошлины («арикось», «твари-ко») ⁵³. Как известно, аналогичные определения о передаче монастырям судебных пошлин с их подданных встречаются и в других болгарских грамотах (Ватопедской, Виргинской и Мрачской)⁵⁴.

Подробное рассмотрение иммунитетных формул Рьльской грамоты и сопоставление их с соответствующими постановлениями болгарских грамот XIII и первой половины XIV в. вызывает вопрос, можно ли считать данное ограничение податных привилегий Рьльского монастыря (в 70-х гг. XIV в.) изолированным, единственным явлением. Ответ на этот вопрос нам дает текст Витошской грамоты, изданной Иваном Шишманом монастырьку Богородицы в с. Драгалевцы (близ Софии); обычная датировка ее, приводимая в литературе, до 1382 г. Кстати говоря, эту датировку, вероятно, следует изменить, поскольку она основывается на дате захвата Софии турками (1382); но теперь в литературе встречается и другая дата покорения Софии (1385?)⁵⁵.

Витошская грамота гораздо короче Рьльской, но по своему построению и определениям привилегий монастырька чрезвычайно с нею сходна. Здесь так же необычайно подробен перечень царских чиновников и воинских начальников, и, напротив, слишком скудно перечисление тех повинностей и поборов, от которых освобождались монастырские крестьяне. «И таким образом, — указывает Витошская грамота, — царство мое освобождает этот монастырь царства моего со всем достоянием и принадлежностями этого монастыря, (и) пусть не смеет ни кефалия (наместник. — *Е. Н.*) Средецкий иметь притязания на этот монастырь, на стась (землю. — *Е. Н.*) монастырскую и на людей села Новачаны, которые находятся в городе царства моего Софии»⁵⁶.

И далее в грамоте вновь подчеркивается неприкосновенность монастырских людей⁵⁷. Показательно, что этот документ уделяет основное внимание защите монастырских крестьян

(судя по тексту, главным образом из с. Новачаны) от притеснений чиновников наместника г. Софии, других сановников и военачальников болгарского царя (в грамоте дан длинный перечень этих чинов). В то же время о земельных владениях монастырька говорится вскользь, как и о реальных податных привилегиях его.

Сравнение текста Витошской и Рыльской грамот показывает, что в Витошской слишком сжато сказано о монастырском иммунитете. В этой грамоте, например, фигурирует лишь «подвод», т. е. освобождение от гужевой повинности. Видимо, остальные отработочные повинности крестьяне монастыря отбывали в эти тяжкие годы османского нашествия *наравне с другими* жителями Софийской области. Это, вероятно, говорит нам о дальнейшем сокращении податных привилегий церковного и монастырского землевладения в конце XIV в.

В то же время, если считать термин «падалище» (он не встречается в других грамотах) аналогичным вышеназванному «митату», то и в Витошской, как и в Рыльской, зафиксировано освобождение зависимых крестьян и владений монастыря от постоя.

Наконец, постановление Витошской грамоты о передаче монастырю судебных пошлин (глобы и др.)⁵⁸ совпадает с другими грамотами.

В итоге рассмотренные данные Витошской и Рыльской грамот достаточно убедительно свидетельствуют о том, что в последние десятилетия существования Второго Болгарского царства уже было осуществлено *значительное сокращение* податных привилегий церковного и монастырского землевладения. О том, что данные мероприятия царского правительства затрагивали интересы, по всей видимости, всех духовных феодалов, говорит явное сходство тех податных льгот, которые еще сохранялись в названных выше документах. Это сходство тем разительнее, что речь шла о совсем разных монастырях: богатом и влиятельном Рыльском и малозначительном Витошском. Кстати сказать, заслуживает внимания и еще один факт. Любопытно, что в обеих грамотах фиксируются права и привилегии *давно существовавших* монастырей, иными словами, в данном случае нельзя предположить, что ограниченные податные привилегии предоставлялись новосозданным монастырям, как это было, например, в те же годы в Сербии⁵⁹.

В то же время появление этой новой тенденции в политике центральной власти Второго Болгарского царства, связанной с определенным сокращением прежних широких налоговых экскуссий духовных феодалов, представляет собой примечательную параллель к аналогичным фискальным мероприятиям некоторых сербских правителей второй половины XIV в. Отмечая наличие некоторых общих черт и известных отличий (в данном смысле) в развитии феодального иммунитета Сербии

и Болгарии эпохи османского нашествия, мы можем подчеркнуть общность исторических процессов в тех балканских государствах, которые вели тогда борьбу с османскими завоевателями или уже были вынуждены признать зависимость от Порты⁶⁰.

Сопоставляя иммунитетные формулы последних болгарских грамот с соответствующими постановлениями более ранних актов Второго Болгарского царства, с одной стороны, и сербских грамот второй половины XIV в., с другой стороны, мы можем указать на появление в истории болгарского феодального иммунитета новой черты, которая прежде не отмечалась в историографии. Анализ этой особенности иммунитетных формул (т. е. заметного сокращения податных льгот) позволяет исправить распространенные в литературе мнения о существовании *полного* налогового иммунитета в Болгарии вплоть до османского завоевания⁶¹. Вместе с тем это свидетельствует и о типологическом сходстве тех ограничений податных привилегий, которые имели место в Сербии и Болгарии во второй половине XIV в. Показательно, что рассмотренные нами материалы вновь подтверждают уже высказанную в историографии точку зрения, что «Сербия в XIII—XIV вв. развивалась во многих отношениях так же, как и Болгария»⁶².

Иными словами, как показывают сохранившиеся исторические источники эпохи османского завоевания балканских стран, анализ вопроса о типологической общности феодального развития государств Юго-Восточной Европы должен подразумевать не только выявление тех единых черт и особенностей социально-экономического и политического строя, которые были присущи этим государствам на протяжении всей эпохи их самостоятельного существования. Конкретный разбор свидетельств, дошедших до нас от переломной эпохи, дает нам возможность установить, что и в эти последние десятилетия балканской феодальной государственности намечаются определенные общие черты, примером чего и служит история Сербии и Болгарии той поры.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Цветкова Б. Проблемы от историята на Европейския Юго-изток през периода на османското проникване (края на XIV—първата половина на XV в.) Исторически преглед (далее: ИП), 1974 г., № 6; Сметанин В. А. Турецкое нашествие и военные издержки Византии (1282—1453).—В сб.: Античная древность и средние века, вып. 13. Свердловск, 1976; Наумов Е. П. Анонимная болгарская хроника и проблемы балканской общественно-политической мысли (XIV—XV вв.). — В сб.: Освободительные движения на Балканах. М., 1978; и др.

² См.: Советов П. В. Типологические пути развитого феодализма и турецкое завоевание Юго-Восточной Европы: — В сб.: Юго-Восточная Европа в эпоху феодализма (далее: ЮВЕ). Кишинев, 1973; Наумов Е. П. Динамика сербского феодализма и проблема типологических сдвигов на Балканах

(в эпоху турецкой экспансии). — В сб.: Карпато-Дунайские земли в средние века. Кишинев, 1975; и др.

³ *Наумов Е. П.* Сербский феодализм накануне турецкого завоевания. — В сб.: ЮВЕ; *Он же.* Господствующий класс и государственная власть в Сербии XIII—XV вв. М., 1975; ср. статьи в сб.: О кнезу Лазару. Београд, 1975; и др.

⁴ *Достян И. С.* Борьба южнославянских народов против турецкой агрессии в XIV—XV вв. — Византийский временник, т. VII, 1953; *Наумов Е. П.* Секуляризация в феодальном развитии балканских стран в XIV—XV вв. (по материалам Македонии, Зеты и Сербии). М., 1966; и др.

⁵ См., например: *Наумов Е. П.* Анонимная болгарская хроника..., с. 243—247.

⁶ См.: *Наумов Е. П.* Анонимная болгарская хроника..., с. 252—253; *Иуречек К.* Историја Срба, т. II. Београд, 1952, с. 380; и др.

⁷ *Наумов Е. П.* Секуляризация..., с. 18.

⁸ См. например: *Наумов Е. П.* Феудализм и иммунитет по распалаганьето на Српското царство. — Историја, 1969, № 2.

⁹ Ср., например: *Черепнин Л. В.* К вопросу об иммунитете на Руси и у южных славян. — В сб.: Славяне и Россия. М., 1972; *Флоря Б. Н.* Эволюция иммунитета светских феодалов в период образования единых Польского и Русского государств. — В сб.: Польша и Русь. М., 1974.

¹⁰ *Флоринский Т. Д.* Южные славяне и Византия во второй четверти XIV века, вып. 2. СПб., 1882, с. 211—213.

¹¹ См.: *Иуречек К.* Историја..., т. I. Београд, 1952; *Острогорски Г.* Серска област после Душанове смрти. Београд, 1965; *Михальчић Р.* Крај Српског царства. Београд, 1975; и др.

¹² См., например: *Бурмов А.* Избрани произведения, т. I. София, 1968, с. 15, 220 и др. (как известно, труд Златарского кончается 1280 г.).

¹³ См.: *Острогорски Г.* Серска..., с. 3 и др. (*Радојчић Н.* Српски државни сабори у средњем веку. Београд, 1940, с. 288—289).

¹⁴ *Дестунис Г. С.* Историческое сказание инока Комнина и инока Прокла о разных деспотах Эпирских и о тиране Фоме Прелумбове Комнине, деспоте. СПб., 1858, с. 5; *Михальчић Р.* Крај..., с. 20.

¹⁵ Ср.: *Наумов Е. П.* Две которские грамоты Стефана Душана. — В сб.: Вопросы истории славян, вып. 4. Воронеж, 1972, с. 18—19.

¹⁶ *Наумов Е. П.* Господствующий класс..., с. 145 (об идентичности его с вельможей царя Уроша Срацимиром см. ниже).

¹⁷ *Пурковић М.* Српски патријарси средњег века. — Гласник Скопског научног друштва, кн. XV—XVI, 1936, с. 311.

¹⁸ См., например: *Острогорски Г.* Серска област..., с. 4; *Михальчић Р.* Крај..., с. 20—21.

¹⁹ *Наумов Е. П.* Южнославянский эпос и проблемы сербского средневековья. — В сб.: Славянский и балканский фольклор. М., 1971, с. 15.

²⁰ См. например: *Михальчић Р.* Крај... (Он не использует данную надпись для анализа тех процессов.)

²¹ *Стојановић Л.* Стари српски записи и натписи, кн. I. Београд, 1902, с. 45.

²² *Наумов Е. П.* Господствующий класс..., с. 145.

²³ См.: *Etudes balkaniques*, 1976, № 3, p. 123.

²⁴ *Наумов Е. П.* Господствующий класс..., с. 145.

²⁵ *Стојановић Л.* Стари српски записи..., кн. I, с. 41, 45, ср. с. 43.

²⁶ Там же, с. 45; ср.: *Наумов Е. П.* Южнославянский эпос..., с. 14; *Он же.* Из истории русско-сербских средневековых связей. — Ученые записки Института славяноведения, т. 26, 1963, с. 42.

²⁷ *Стојановић Л.* Стари српски записи..., кн. I, с. 38, 60 (ср. с. 58—59.— «В дни благоверного короля Марка»).

- ²⁸ *Иуречек К.* Историја..., т. I, с. 238.
- ²⁹ *Острогорски Г.* Серска..., с. 8.
- ³⁰ Там же, с. 6—7.
- ³¹ *Новаковић С.* Законски споменици српских држава средњег века. Београд, 1912, с. 442; ср.: *Наумов Е. П.* Господствующий класс..., с. 136—137 (с. Худины, или Худинцы, находилось в южной Сербии).
- ³² См., например: *Иуречек К.* Историја..., т. I, с. 245.
- ³³ *Даничић Ђ.* Животи кралиева и архиепископа српских, написано архиепископ Данило и други. Београд, 1866, с. 384—385.
- ³⁴ Там же, с. 382.
- ³⁵ Там же, с. 386.
- ³⁶ *Наумов Е. П.* Феудалниот имунитет..., с. 48 и сл.; *Он же.* Господствующий класс..., с. 149—150.
- ³⁷ См.: *Ангелов Д.* Въпроси на феодализма в българските земи през XIII—XIV в. — ИП, 1960, № 6, с. 72—74 (ср. ИП, 1960, № 4, с. 123, 125); *Горина Л. В.* Социально-экономические отношения во Втором Болгарском царстве М., 1972, с. 56—60; ср. также: *Андреев М.* Българската държава през средновековието. София, 1974, с. 184—192; *Андреев М., Ангелов Д.* История българского государства и права. М., 1962, с. 55; и др.
- ³⁸ См.: *Андреев М.* Ватопедската грамота и въпросите на българското феодално право. София, 1965; и др.
- ³⁹ См.: *Наумов Е. П.* К вопросу о подлинности некоторых болгарских грамот XIII—XIV вв. — Известия на Института за история, т. 14—15. София, 1964, с. 545, прим. I; *Наумов Е. П.* Месемврийские грамоты XIV века. — *Revue des études sud-est européennes*, 1968, № 1; *Мошин В. А.* Да ли је аутентична Рилска повелѝа а цара Јована Шишмана? — *Историјски часопис*, кн. XVI—XVII, 1970; и др.
- ⁴⁰ *Андреев М.* Българската..., с. 179—180.
- ⁴¹ *Иванов И.* Български старини из Македонија. София, 1931, с. 597—598.
- ⁴² Там же, с. 598.
- ⁴³ Там же.
- ⁴⁴ Там же («...ни сенари, ни митати, ни сокољничне...»).
- ⁴⁵ Ср.: *Горина Л. В.* Социально-экономические..., с. 58.
- ⁴⁶ *Иванов И.* Български..., с. 592.
- ⁴⁷ Там же, с. 592—593.
- ⁴⁸ Там же, с. 576, 586.
- ⁴⁹ Там же, с. 598—599.
- ⁵⁰ Там же, с. 599.
- ⁵¹ Там же.
- ⁵² Там же, с. 586.
- ⁵³ Там же, с. 599.
- ⁵⁴ Там же, с. 577, 585—586, 593.
- ⁵⁵ Ср.: *Острогорски Г.* Историја Византије. Београд, 1959, с. 506.
- ⁵⁶ *Иванов И.* Български..., с. 600. Любопытно, что в грамоте город именуется Софией, хотя наместник его назван Средецким — по старому имени этого города (Средец, ныне София).
- ⁵⁷ *Иванов И.* Български..., с. 600—601.
- ⁵⁸ Там же, с. 601.
- ⁵⁹ Ср.: *Наумов Е. П.* Феудалниот имунитет..., с. 51.
- ⁶⁰ Ср.: *Острогорски Г. А.* К истории иммунитета в Византии. — *Византийский временник*, т. 13, 1958, с. 93.
- ⁶¹ См., например: *Ангелов Д.* Въпроси..., с. 73—74; *Горина Л. В.* Социально-экономические..., с. 59—60; и др.
- ⁶² *Андреев М., Ангелов Д.* История..., с. 58.

ИЗМЕНЕНИЕ ТАКТИКИ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО КУРСА МОЛДАВСКОГО ГОСУДАРСТВА В ПОСЛЕДНИХ ДЕСЯТИЛЕТИЯХ XV — НАЧАЛЕ XVI в.

На рубеже XV—XVI вв. в центре внешней политики Молдавского государства было сопротивление османской экспансии, ставшей главной опасностью для самостоятельного существования страны. Ее будущее зависело от того, насколько она окажется способной мобилизовать внутренние ресурсы страны, нейтрализовать внешних противников и, таким образом, собрать все силы для отпора врагу.

В исторической литературе антиосманская борьба молдавского народа во второй половине XV — начале XVI в., в период правления Стефана III, описана довольно широко. При этом главное внимание уделялось основным моментам борьбы против турецких захватчиков в Молдавии и той роли, которую она сыграла в антиосманском европейском сопротивлении¹. Отмечалось также, что Молдавия пережила определенную эволюцию от прямых конфронтаций с противником к переговорам и поискам компромисса с ним. Начало такой ориентации во внешней политике Молдавского княжества связывалось с конкретным событием — заключением мирного польско-турецкого договора 1489 г.² Эта точка зрения была выдвинута еще в начале нынешнего столетия буржуазным румынским историком И. Урсу. По его мнению, главная причина перехода от политики конфронтации с турецкими завоевателями к мирным переговорам с ними заключалась в предательстве Польши, заключившей в 1489 г. мир с султаном³.

Нельзя отрицать определенного влияния польско-турецкого мира на внешнюю политику Молдавского государства. Тем не менее говорить о нем как о решающем факторе изменения тактики внешнеполитического курса княжества не представляется возможным, проблема требует всестороннего освещения. Необходимо прежде всего определить эволюцию характера внешнеполитического курса Молдавии за весь период второй половины XV — начала XVI в. исходя из соотношения как внутрисполитических, так и внешнеполитических факторов. На наш взгляд, переориентация во внешней политике Молдавии произошла намного раньше 1489 г. и имела более глубокие корни.

До конца 60-х гг. XV в. Молдавия регулярно выплачивала дань Османской империи, но в начале 70-х гг. в ответ на усиливавшийся турецкий натиск на княжество Стефан III порвал даннические отношения с Портой и перешел к прямым столкновениям с ней, используя при этом выступления международной антиосманской лиги в 1470—1476 гг.

Молдавский господарь возлагал большую надежду на помощь со стороны союзников антиосманского сопротивления. Это видно из его письма к европейским монархам, написанного непосредственно после победы над турками 25 января 1475 г.⁴ В нем Стефан III очень уверенно обращается за военной помощью. Причина этой уверенности объяснялась военно-стратегическим значением Молдавии для европейских стран в борьбе против османской экспансии⁵. Однако Молдавия, кроме словесных обещаний, не получила почти никакой помощи от своих союзников. В результате через полтора года страна осталась одна и в решающем сражении с войсками противника во главе с султаном Мехмедом II при Белой Долине (в 1476 г.) потерпела поражение от превосходящей турецкой армии⁶.

В литературе часто отмечается тот факт, что турецкая армия, хотя и победила при Белой Долине, но не сумела выполнить свою миссию — захватить Молдавию. По мнению историков, в конечном итоге Молдавское княжество не проиграло данную войну⁷, а Стефан III был даже удовлетворен результатом политики конфронтации с Турецкой империей: до сих пор военные успехи были на его стороне. Данная точка зрения объясняется тем, что исследователи мало обращали внимания на изменения во внешней политике Молдавского княжества в дальнейшем.

Прежде всего отметим, что после поражения у Белой Долины Молдавия возобновляет уплату дани. Согласно недавно опубликованному турецкому документу она должна была платить Порте дань в размере 5000 золотых, что в два с половиной раза превышало первоначальный ее объем, установленный в 1456 г.⁸ Так как в своих экспансионистских планах Порты рассматривала уплату дани со стороны европейских стран, находившихся под угрозой османской экспансии, как первый шаг к политическому и экономическому подчинению страны, то повышение дани в 1476 г. являлось очередной ступенью постепенного покорения Молдавии Османской империей. Также следует указать, что во время молдавско-турецких сражений середины 70-х гг. XV в. Порты требовала отдать ей Килию. Особенно настойчивым это требование было перед переходом турецкой армией границ Молдавского княжества в 1476 г.⁹ и то, что во время переговоров молдавские дипломаты сумели отклонить требование турок, в немалой степени связано с международным положением¹⁰.

Однако несмотря на то, что Молдавия входила в антиосманскую лигу, фактически перед лицом противника она оказалась одна. Поэтому Стефан III начинает изменять тактику внешней политики Молдавского государства, которая теперь соответствовала объективным обстоятельствам развития феодальных отношений в стране и общему ходу международных

отношений¹¹. В этом состояла основная заслуга Стефана III как прозорливого политика.

На внутривластную обстановку в стране до недавнего времени историки обращали меньше всего внимания. Считалось, что в период борьбы с османской агрессией у молдавского господаря была надежная социальная и военная опора в лице огромной прослойки свободных крестьян и значительного военно-рыцарского сословия (немешей и куртян)¹².

Между тем последние исследования молдавских советских историков показали, что к концу XV в. свободное крестьянство в Молдавии в основном исчезло, а общинная собственность была почти ликвидирована¹³. Незначительным было военнотрудовое сословие (около 2 тыс. чел.) и число горожан, господарский домен уменьшился. В этих условиях в годы непосредственной внешней опасности в армию призывались феодально зависимые частновладельческие крестьяне, которые еще не были отделены от военного дела и имели при себе оружие¹⁴.

Несомненно, феодалы-землевладельцы были недовольны частым призывом своих зависимых крестьян в войско, особенно в период активных действий Молдавии против Османской империи. Бояр больше устраивала политика компромисса в отношениях с Турцией, в противном случае они не могли далее закрепощать вооруженного и обученного военному делу крестьянина. А это мешало развитию феодализма вглубь. Отсюда и рост «боярской оппозиции» систематическому созыву войска «крестьянского типа»¹⁵. Со временем против продолжения военных действий с Турцией стало выступать не только крупное, но и среднее и даже мелкое боярство¹⁶.

В подобных условиях Стефану перед лицом возросшей оппозиции молдавского боярства ничего не оставалось, как идти по пути компромисса¹⁷. Классовые цели боярства, заинтересованного в углублении процесса феодализации и, следовательно, ограждения крестьян от военного дела, взяли верх над интересами обороны страны. Таким образом, в переходе молдавского правительства к новой ориентации во внешней политике внутренний фактор был одним из ведущих.

Характерно, что именно первая неудача в войне с Турцией в 1476 г. привела к открытому выступлению боярской оппозиции, направленной против Стефана III по вопросам антиосманских войн, в основном против политики лобовых конфронтаций с турецкими полчищами. Для молдавского боярства борьба в одиночку с самым сильным военным противником Европы — Турцией¹⁸, не сулила никаких надежд. Поэтому им казалось, лучше было бы договориться с последней и крепче привязать к себе зависимых крестьян¹⁹.

Итак, в последних десятилетиях XV в. выступления Молдавии с участием войск «крестьянского типа» все меньше нахо-

дят поддержку среди феодалов-землевладельцев. Другая причина отказа от политики конфронтации с турками связана с тем, что не оправдалась надежда на успешный ход войн против Османской империи, проводимых европейскими и международными лигами²⁰. Не увенчались успехами и частые обращения молдавского правительства к папе римскому, Венгрии, Венеции и прежде всего к Польше об оказании Молдавии действенной помощи в ее борьбе с османской экспансией²¹. Более того, вместо помощи Венгерское и Польское королевства угрожали Молдавии; наиболее ярко их агрессивные действия проявились в конце XV в., когда Польское королевство предприняло попытку захватить Молдавию. Это привело последнюю к концентрации всех усилий для обеспечения независимости страны²².

Совокупность внутренних и внешних факторов привела к тому, что хотя Молдавское княжество в конце XV в. и сохраняет полную независимость (в частности, благодаря союзу с Россией)²³, все-таки его позиция на международной арене сильно ослабла. Это обстоятельство и вышеназванные определили изменение тактики внешнеполитического курса страны.

Развитие внешней политики Молдавии могло идти либо по пути крутого поворота от политики конфронтации с Османской империей к полному подчинению Молдавии Портой, либо постепенного отхода от прежней тактики к политике мирных отношений с последней. Молдавское правительство избрало второе.

В конце 70-х гг. хотя молдавская армия и продолжает военные походы против ставленников султана в Валахии (Влада Цепеша, Влада Цепелюша в 1477 г.), однако отношение молдавского правительства к антиосманской войне изменилось. Об этом свидетельствует заявление самого Стефана. Так, в 1477 г. в послании господаря венецианскому сенату вместе с просьбой о помощи против Турции и призывов к сплочению рядов для антиосманского сопротивления подчеркивается и мысль иного рода²⁴. Молдавский господарь подчеркивает, что если не будет оказана помощь в борьбе с Османской империей, то Молдавия может исчезнуть как государство или ее заставят покориться Порте («Et se Dio permettera che io non sia ajutato duo cosse sara: o veramente se perdera questo paexe, o veramente saro astretto dalla recessita a sottometer mi a infedeli») ²⁵. Хотя Стефан также уверяет, что он сам без сопротивления никогда не подчинится Турции²⁶, этот факт позволяет утверждать следующее: после событий 1476 г. молдавское правительство находилось на распутье и в его политической ориентации произошли изменения. Дайное послание не было дипломатической уловкой, а являлось предостережением о грозящей Европе, и прежде всего Молдавии, опасности. До сих пор подобная тема в письмах господаря не звучала.

Более того, тогда, после победы при Васлуе в 1475 г., молдавский господарь, будучи уверенным в успехах антиосманского сопротивления, позволил себе дипломатическую дерзость в отношении турецкого султана²⁷. Он посылает к султану посольство с жалобой на то, что армия турецких «бандитов» напала на Молдавию без ведома Порты и причинила княжеству большой урон (это говорилось о стотысячной армии под предводительством Сулеймана-паши!). В связи с этим он просил султана с целью наказания виновных передать ему всех участников похода²⁸. Безусловно, так может действовать лишь монарх, уверенный в своих дальнейших победах над противником.

После поражения молдавской армии при Белой Долине в 1476 г. молдавский господарь уже не позволял себе таких дипломатических выступлений, а, наоборот, поспешил, как мы уже отмечали, возобновить уплату дани туркам, возросшей вдвое²⁹.

В это время для европейских стран³⁰ и Венеции³¹ судьба Молдавии была небезразлична. Они сознавали ее роль в антиосманском сопротивлении, особенно после победы Молдавии над турецкими полчищами в 1475 г. В мае 1476 г. венецианский сенат послал в Молдавию своего постоянного посла Эмануила Жерардо³². Среди прочих наказов ему поручают — не допустить мирного соглашения Стефана III с султаном³³. Можно предположить, что венецианская дипломатия допускала возможность мирного соглашения Молдавии с Османской империей. И действительно, это не являлось чем-то новым для венецианского сената. Временные соглашения о мире, о торговле или даже военном союзе заключались и раньше между европейскими странами и Турцией³⁴. Поэтому такого рода соглашения можно было ожидать и со стороны Молдавии. Однако сообщения Э. Жерардо из Молдавии были малоутешительны для венецианского сената³⁵. Теперь, прибыв в Молдавию после поражения ее при Белой Долине, Э. Жерардо замечает, что молдавское правительство потеряло всякую веру в европейских монархов и, самое главное, оно стало считать безнадежным дальнейшее ведение антиосманской войны «...sed in disperatione progre modum esse deductum»³⁶.

Получив такие известия, венецианский сенат начал опасаться практических действий Молдавии (очевидно, подчинения Молдавии Османской империи). Это более встревожило сенат, чем известие об обычном соглашении Молдавии с Портой³⁷. Тем не менее Венеция, как и остальные европейские страны, не предоставила Молдавии никакой практической помощи³⁸. Нас интересует прежде всего сопоставление информации Э. Жерардо с содержанием послания самого Стефана о положении в молдавском правительстве после событий 1475—1476 гг. Мы видим, что они по содержанию в общем совпадают, и это еще

раз подтверждает изменение отношения молдавского правительства к антиосманскому сопротивлению.

Итак, события 1475—1476 гг. дали толчок новой внешнеполитической тактике Молдавского государства по отношению к османской агрессии и явились одной из ее ступеней, результатом которой стал мирный договор, заключенный между Молдавией и Турцией примерно в 1480—1481 гг. Настоящий мирный договор ничего нового не внес в молдавско-турецкие отношения. Он юридически оформил статус-кво, установленный между Молдавией и Османской империей после 1476 г., а также повысил сумму дани Молдавии с 5000 до 6000 золотых, оказавшейся временной. После 1481 г. Стефан III вновь стал платить Порте по 5000 золотых³⁹.

В начале 80-х гг. XV в. молдавское правительство ищет новые возможности, чтобы обезопасить себя от дальнейшего усиления османской агрессии. Для этих целей предполагалось привлечь на свою сторону крымского хана, вассала султана. Политический союз с Москвой, установившийся в это время, сыграл в дальнейшем положительную роль в осуществлении данного плана. Московское правительство, используя хорошие отношения с Крымом, оказало содействие молдавско-крымскому сближению, что позволило косвенно, через крымских татар, оказать влияние на Османскую Порту. В литературе также установлено, что молдавско-русский союз способствовал борьбе Молдавии против Польского королевства, что имело большое значение в дальнейшем противостоянии османской агрессии⁴⁰.

Османская Порта после походов 1475—1476 гг. не отказалась от идеи завоевания территории Молдавии. Новый султан Баязид II, воспользовавшись ее трудным международным положением⁴¹, захватил в 1484 г. важные в военно-стратегическом и торговом отношении молдавские крепости — Килию и Белгород⁴². Даже в условиях, когда княжество стремилось к политике мирных отношений с Портой, турецкие феодалы превыше всего ставили свои агрессивные планы экспансии в Европе. Превратив Черное море в османское озеро и закрыв его для свободных торговых операций, Порта тем самым создала условия для успешной агрессии и влияния на международные связи, установившиеся с XIV в. в этой части Европы⁴³.

Знаменательно, что при захвате Килии и Белгорода, некоторые бояре, как и в 1476 г., опять переходят на сторону турок⁴⁴. И на этот раз при османской экспансии бояре открыто показывают свое недовольство политикой конфронтации с Турцией.

После захвата турецкими войсками Килии и Белгорода молдавское правительство не было уверено, что османская агрессия на этом закончится. Поэтому оно и ставит перед собой прежде всего задачу обороны Молдавии, а затем освобождения Килии и Белгорода. Для этой цели молдавский господарь

вновь обращается к европейским странам и, в первую очередь к Венгрии и Польше за военной помощью. Венгерский король Матяш Корвин предпринимает дипломатическую акцию перед султаном в пользу Стефана III, но реально она никаких результатов не дала⁴⁵. Тогда Молдавское княжество пытается сблизиться с Польским королевством. Обращение Молдавии к Польше в такое время главным образом связано с тем, что в польских правительственных кругах более решительно начали высказываться за предоставление Молдавии военной помощи. Этот вопрос ставится на повестку дня вального сейма. Так, проходивший Любельский сейм рассматривает предложения о военной помощи Молдавскому княжеству⁴⁶. Этим обстоятельством попыталась воспользоваться молдавская дипломатия.

В связи с этим она прекращает на время сближение с Крымом и возвращается к прежнему курсу прямых конфронтаций с турками и, по всей вероятности, с крымскими татарами. Это приводит к конфликтам Молдавии с турецкими пограничными санджакбеями в 1485—1486 гг., которые по приказу султана грабили молдавские земли⁴⁷.

На деле Польское королевство обмануло надежды Молдавии, не предоставив ей почти никакой реальной помощи⁴⁸. Более того, в 1486 г. оно посредством венецианских дипломатов ищет путь к заключению мира с турками⁴⁹ и в 1489 г. заключает его⁵⁰. В связи с событиями этих лет (1484—1486 гг.) особенно важны для нас сведения турецких летописцев о том, что многие бояре во время похода турецкой армии в Молдавию в 1485 г. вышли ей навстречу и перешли на ее сторону⁵¹. Это означает, что возвращение к курсу прямых конфронтаций с турками не было поддержано боярством. Его не устраивали опустошительные набеги турок на их владения, а также новые призывы в армию зависимых крестьян⁵². Вот почему выражение покорности молдавских бояр туркам в 1485 г. еще больше настораживало Стефана III в вопросе о перспективах будущих военных сражений с Османской империей с участием войск «крестьянского типа»⁵³. К вышесказанному следует добавить мизерные результаты выступления европейской антиосманской лиги в это время⁵⁴. Фактически Молдавия в одиночку воевала с турецкими агрессорами.

Все это вместе взятое показало молдавскому правительству, что в таких условиях возобновить и продолжать без всяких изменений прежнюю политику прямых конфронтаций с Турцией стало невозможно. И в действительности, вскоре Молдавия при очередной османской угрозе возвращается к курсу внешней политики, проводимому во второй половине 70-х — начале 80-х гг. Этому способствовало и заключение польско-турецкого мира в 1489 г.⁵⁵ В этом же году был заключен молдавско-турецкий мирный договор⁵⁶. Нельзя сказать, что если бы не было польско-османского мира 1489 г., то не было бы и

изменения тактики внешнеполитического курса Молдавского княжества⁵⁷. Новая тактика началась не с 1489 г., а, как уже отмечалось, в 1476 г. Заключение польско-турецкого договора 1489 г. лишь ускорило оформление молдавско-турецких мирных отношений в это время.

Заклучив в 1489 г. мир с Портой, молдавское правительство согласилось возобновить ей оплату прежней дани⁵⁸. Кроме того, Молдавское княжество переходит вновь к более тесным связям с союзниками антиягеллонского лагеря. По мере развития такого курса в 1492 г. при содействии русского правительства был заключен союз между Молдавией и Крымским ханством⁵⁹. Этот союз является в последней трети XV в. одним из дипломатических актов борьбы Османской империи против усиления позиций Ягеллонов в Восточной Европе, а также их союзников — правителей Большой Орды⁶⁰. По отношению к Молдавии у Порты возникают новые требования. Так, заключенный молдавско-турецкий мир предполагает признание Молдавией Килии и Белгорода и прилегающих к ним территорий османскими землями.

Документа, указывающего на такое требование турок, в нашем распоряжении нет. Мы исходим из того, что, заключив мирный договор 1489 г., Стефан III юридически признал статус-кво новых границ Османской империи, т. е. включение Килии и Белгорода с прилегающими к ним территориями в Османскую империю. То, что не сделал Стефан после поражения в 1476 г., он делает сейчас, в 1489 г., когда Молдавия находится в более благоприятных условиях, чем в 1476 г.⁶¹

На наш взгляд, возобновление новой внешнеполитической тактики Стефана III в конце 80-х—начале 90-х гг. связано прежде всего с юридическим признанием территориальных захватов в пользу Османской империи. Поэтому молдавско-турецкий мирный договор 1489 г. был больше, чем простое соглашение о мире.

Итак, если во второй половине 70-х — начале 80-х гг. новая тактика внешней политики Молдавского княжества лишь намечалась, то в конце 80-х — начале 90-х гг. она становится определяющей.

Совершенно очевидно, что на такой ход молдавской дипломатии своеобразно реагировало Польское королевство. Не удивительно, что именно тогда новый польский король Ян Ольбрахт решает возобновить проведение в жизнь антиосманского плана Калимаха⁶², выдвинутого еще в конце 70-х гг. XV в. Одной из главных причин обращения к нему Польши была активизация действий Молдавии в рамках антиягеллонской коалиции в конце 80-х — начале 90-х гг.⁶³ В гораздо меньшей мере можно отнести к этим причинам то, что Ян Ольбрахт был учеником Калимаха и после его прихода на польский престол Калимах играл первостепенную роль во внешней политике

Польши. Также нельзя сказать, что это было вызвано личной враждой Яна Ольбрахта к Стефану III, связанной с тем, что последний в 1490 г. военными действиями помешал его избранию на венгерский престол⁶⁴. Объясняется подобная позиция Польского королевства тем, что по сравнению с периодом второй половины 70-х — начала 80-х гг. сближение Молдавии с союзниками антиягеллонской коалиции после разочарования в польской военной помощи в борьбе с турками было очень опасным для нее.

Если в плане борьбы с антиягеллонским союзом крымских татар можно было еще в какой-то мере нейтрализовать союзом с Большой Ордой⁶⁵, то в отношении Молдавии таких возможностей не было. То есть, в случае войны с Россией Ягеллоны должны были воевать на двух фронтах, против России и против Молдавии. Кроме того, мы уже отмечали, их положение осложнялось тем, что антиягеллонская коалиция поддерживалась со стороны Османской Порты. А Польшу отделяли от Османской империи в основном лишь молдавские земли⁶⁶. На это указывают в молдавско-польской дипломатической переписке как польский король, так и молдавский господарь. Так, в 1496 г. молдавский господарь в письме к великому князю Литовскому об османской опасности для их стран отмечает: «Естли ся государь наш помирить с Вашою милостью и запишет, тогда они (турки. — Г. Г.), конечно, мают потягнути в землю государа нашего. Естли пакь Ваша приязни быти, тогда о то там (в Османской империи. — Г. Г.) так слышати што же мают тыи люди (турки.— Г. Г.) тягнути, любо на королеву землю, брата Вашею милсти, любо на Вашу милость у Вашу землю»⁶⁷.

Поэтому именно сейчас с целью выхода из такого внешнеполитического положения польское правительство Яна Ольбрахта решается на завоевание Молдавии. Причем масштабы приготовлений к этой войне были огромными. По всей стране проводилась полная мобилизация⁶⁸. О том, как в целом шла кампания, о ее результатах много написано, поэтому нет надобности останавливаться на этом⁶⁹. Можно лишь отметить, что после поражения польской армии в Козминском лесу Польское королевство ослабло⁷⁰.

Об успехе Молдавии в этой войне говорит и то, что молдавские дипломаты при переговорах о мире предъявили свои условия, указывая на то, что подчинение Молдавии Османской империи будет иметь катастрофические последствия для Польского и Венгерского королевств, и потребовали от них заключения совместного антиосманского союза. При этом Молдавия обещала выставить 25-тысячное войско в борьбе против турок⁷¹. Венгерский король Уласло II призывал Яна Ольбрахта избежать действий, которые заставили бы Стефана покориться Турции и пропустить турецкие войска на территорию Польши. Он признавал, что на стороне молдавского гос-

подаря находятся не только все разумные доводы, но и военные и политические силы, способные заставить Польское королевство заключить с ним мир и союзный договор⁷². В результате в 1499 г. был оформлен антиосманский союз Молдавии с Польшей, Литвой и Венгрией⁷³.

Данный союз является своеобразным итогом всей внешней политики правительства Стефана III, проводимой с середины 70-х гг. XV в. В договоре, как и в начале 70-х гг., отмечается, что главной угрозой для Молдавии является османская агрессия. Молдавское правительство учитывает это обстоятельство и прилагает все силы для организации антиосманского сопротивления⁷⁴. Однако такое сравнительно постоянное направление внешней политики (имеется в виду ее главная цель — антиосманское сопротивление) претерпело изменение. Если в начале 70-х гг. XV в. Молдавское княжество вступало в конфронтации с Османской империей, надеясь на успешный ход антиосманского сопротивления в Европе и на получение военной помощи от союзников (в первую очередь от Венгрии и Польши), то теперь в договоре утверждается совершенно другое положение. Оно было основано на практике середины 70—90-х гг. XV в., приведшей молдавское правительство к постепенному изменению внешнеполитической тактики страны, которая официально утверждается Польшей и Венгрией в договоре 1499 г. и становится главной линией внешней политики Молдавии на международной арене⁷⁵. Эта тактика, как и ранее, состояла в следующем: правительство Стефана вступает в борьбу против турок, не надеясь на будущее, а исходя из реальных объективных условий: во-первых, из внутреннего и внешнего положения страны перед вступлением в войну с турками, во-вторых, из общего состояния антиосманских сил в Европе, а также из величины конкретной помощи союзников. Кроме того, добавляется еще один важный принцип: Молдавия вступает в войну исходя из соотношения молдавских и османских военных сил, прежде всего если противник не превысит ее численности. В противном случае Молдавия останется в стороне от выступлений антиосманской лиги⁷⁶.

Интересно то, что если Турция превосходящими военными силами заставит Молдавию оказать ей помощь, то Молдавия вынуждена будет в конечном итоге согласиться на это, оставаясь при этом верной делу антиосманского сопротивления. «...Вънъвши коли бы нѣкотораа моц або сила турского чъсарѣ, або его санжак(а) або его подданных, пришла бы, и нас поневолили бы соби на помоч, и были быхом им на помоч без нашей воли...» Поэтому (это является особенно важным для Молдавского княжества) «...с того вѣтра наша и вѣтра нашего сына Богдана воеводѣ и вѣтра наших бояр и покой стокмленѣи жадным ѡбичаем аби не бил зламан, и не имаем в том быти вицовати; а турком, колико боудѣм мочи, быти

им непріатели»⁷⁷. Этим пунктом господарь и молдавская дипломатия добиваются утверждения со стороны Польского и Венгерского королевств важного аспекта нового курса внешней политики, основанного на тактике переговоров с турками, вплоть до соглашения с ними по некоторым вопросам. Речь идет о том, что в случае отсутствия принятых в договоре условий возможен временный переход Молдавии на сторону Порты и оказание ей помощи, что в большой степени затрагивало интересы Венгрии и, в первую очередь, Польши. Они открывали османской экспансии свободную дорогу на их территории (до сих пор Молдавия была для них щитом перед османской агрессией), а также сильно усиливали османскую военную мощь в этом районе за счет присоединения к пограничным османским военным силам молдавской армии.

Возможность сближения Молдавии с Турцией и ранее беспокоила Венгерское и Польское королевства и приводила к походам на территорию Молдавского государства с целью предостережения действий его господаря. Это были захватнические тенденции в отношении Молдавии, ибо под предлогом отражения османской агрессии захватываются ее территории. Сейчас же правительства Польши, Литвы, Венгрии отказываются от такого рода политики.

Во избежание захватнических кампаний Венгрии и Польши Стефан III добился включения в договор 1499 г. конкретных маршрутов для продвижения венгерских и польских войск в случае их выступления против Турции в рамках союзной лиги: «...И тогди наіаснѣиши Владислав, крал Угрьскїи и Ческїи, господарь наш ласковїи, имал бы проити через Бесарабскѹю землю (Валахию.— Г. Г.) и тѹда перевозити сѣ черес Дѹнай на земли тѹрецкого чьсарѣ. А пак наіаснѣиши Іан Ёлбрахть, крал полскїи, и с прѣ реченою братїю его милости, тогда имали би перевозити сѣ також на земли тѹрецкого чьсарѣ черес Дѹнай, али ѹброд що сѣ зовет Ёлбѹчица алибо порозѹмивши сѣ ѡба пререченїи кралеве и ис пререченною, братїю их милости и ис нами, пререченым Стефаном воеводою, по коуда сѣ им и нам будет видити наиполипшеи, наипожиточнѣи, тѹда перевозити сѣ». И лишь при таких условиях Стефан III сам отправляется в антиосманский поход. «Мы тогди Стефан воевода, сам своею парсѹною и сѣ ѹсею нашею моцю и землею нашею молдавскою, из их милостми ѡбличне бѹдѹм ехати на тѹрецкого чьсарѣ»⁷⁸. Вышеуказанные пункты договора были приняты после продолжительных переговоров по требованию молдавских дипломатов. Это отчетливо видно из сравнения окончательного варианта договора, подписанного господарем 12 июля 1499 г. в Хырлове, с его предварительным вариантом, выдвинутым польской и венгерской сторонами во время переговоров в Кракове в апреле 1499 г.⁷⁹

В предварительном варианте договора отсутствует пункт о

том, что Стефан III принимает участие в выступлениях против Порты лишь при условии, когда в походы отправляются одновременно оба: и польский, и венгерский короли. В нем написано, что молдавское войско должно участвовать в походе и в том случае, если в него отправляется лишь один из королей (Польши или Венгрии). Также нет указания на обязательную договоренность со Стефаном III о конкретных маршрутах продвижения венгерских и польских войск. Отсутствует и главный пункт договора о возможности соглашения с турками и даже перехода на их сторону в случае, если последние превосходящими военными силами заставили бы молдавского господаря это сделать⁸⁰.

Но молдавское правительство после продолжительных переговоров добилось включения в окончательный вариант договора всех указанных пунктов. Приняв их, оба королевства фактически отказались от своих захватнических планов в отношении Молдавии. Это являлось большим успехом правительства Стефана III. Договор 1499 г. открывал новые возможности для Молдавского княжества при дальнейшем осуществлении тактики сопротивления османской экспансии. В 1502 г. в своем послании к польскому королю Александру I Стефан высоко оценивал результаты соглашения 1499 г. В случае выполнения условий договора со стороны Польши, Литвы и Венгрии молдавский господарь еще раз обещал: «И как есмо вчынили межы нами мир и покой мы и есма силовали и через нашы земли не имала польская земля ни одну шкоду ни от турков, ни от татар»⁸¹. Договор 1499 года, во-первых, ликвидировал польскую угрозу, во-вторых, разрешал молдавскому правительству в трудный для него период османской экспансии заключать соглашения с Портой⁸².

Таким образом, молдавское правительство Стефана III после 1476 г. начинает менять внешнеполитическую тактику Молдавского государства. Приспособившись к объективным обстоятельствам развития феодальных отношений в стране и к ее внешнеполитическому положению, правительство Стефана III ведет переменную внешнюю политику, которая выражалась, с одной стороны, в оказании сопротивления османской экспансии, а с другой стороны, в ограждении себя от нее путем мирных переговоров с турками.

Завершая обзор эволюции внешней политики правительства Стефана III, можно заключить следующее. Молдавское государство, хотя и достигает кульминационной точки в своем политическом могуществе в конце XV — начале XVI в., но оно решительно ориентирует внешнюю политику страны от прямых вооруженных столкновений с турками на путь переговоров и заключения мира с ними.

Наряду с героической борьбой молдавского народа против турок новая тактика молдавского правительства предоставляла

возможность сохранения государственной самостоятельности Молдавии в условиях дальнейшей османской экспансии в Европу. Подобная политика отвечала сложившейся внутривосточной обстановке в стране. Закономерности развития феодальных отношений в Молдавии вглубь при условии завершения их развития вширь, связанные с усилением эксплуатации молдавских крестьян, в первую очередь и привели правительство Стефана III к новой внешнеполитической тактике.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Мохов Н. А.* Молдавия эпохи феодализма (далее: *Мохов Н. А. МЭФ*). Кишинев, 1964, с. 173—198; История Молдавской ССР, т. I. Кишинев, 1965, с. 138—148; См. также литературу по периоду правления Стефана III (1457—1504 гг.) в кн.: *Cultura moldovenească în timpul lui Ștefan cel Mare*. Buc., 1964, p. 641—675.

² *Neagoe M. Ștefan cel Mare*. Buc., 1970, p. 218—219; *Papacostea Ș. De la Colomeea la Codrul Cozminului. Poziția internațională a Moldovei la sfârșitul secolului al XV-lea.* — *Romanoslavica*, vol. XVII, 1970, p. 535.

³ *Ursu I. Relațiunile Moldovei cu Polonia pîna la moartea lui Ștefan cel Mare. Piatra-Neamț. 1900*, p. 131—132; *Idem. Ștefan cel Mare și turcii*. Buc., 1914, p. 28—29.

⁴ *Esarcu C. Documente istorice descoperite în arhivele Italiei*. Buc., 1878, p. 30; *Bogdan I. Documentele lui Ștefan cel Mare, vol. II*. Buc., 1913, p. 321.

⁵ В письме Стефан III замечает, что Молдавия является «воротами христианства». «И если эти ворота падут, — писал государь, — то вся Европа будет в большой опасности и тогда ей придется самой столкнуться с силами Турции». См.: *Bogdan I. Op. cit.*, p. 321, 323.

⁶ История Молдавской ССР, т. I, с. 141—142; *Мохов Н. А. МЭФ*, с. 183.

⁷ *Мохов Н. А. МЭФ*, с. 185; *Семенова Л. Е.* Некоторые аспекты международного положения Молдавского княжества во второй половине XV в. — В кн.: Юго-Восточная Европа в средние века. I. Кишинев, 1972, с. 216—217.

⁸ С 1456 г. Молдавия начала выплачивать Порте дань в сумме 2000 золотых. В 1465 г. сумма дани повысилась до 3000 золотых. См.: *Ульяницкий В. А.* Материалы для истории взаимных отношений России, Польши, Молдавии, Валахии и Турции в XIV—XVI вв. М., 1887, с. 88—89; *Documente turcesti privind istoria României, vol. I (1455—1774)*. Buc., 1976, p. I; *Mehmed M. A. Un document ture concernant le kharatch de la Moldavie et de la Valachie aux XV-e—XVI-e siècles.* — *Revue des études sud est européennes*, t. V, 1967, N 1—2, p. 267; *Guboglu M. Le tribut payé par les principautés roumaines à la Porte jusqu'au début du XVI-e siècle, d'après les sources turques.* — *Revue des études Islamiques*, t. XXXVII, fasc. I. Paris, 1969, p. 68—69.

⁹ *Năstase G. I. Istoria moldovenească, din Hronica polska a lui Bielski (traducere). Cercetări istorice. Iași, 1925, № 1*, p. 124.

¹⁰ В это время Турция вела войну с лгой, в которую входило Папское государство, Ак-Коюнлу. Венеция, королевство Неаполь, Венгрия, Кипр и Молдавия. См.: *Пигулевская Н. В., Якубовский А. Ю., Петрушевский И. П., Строева Л. В., Беленицкий А. М.* История Ирана с древнейших времен до конца XVIII века (далее: История Ирана). Л., 1958, с. 236—237; *Papacostea S. Venise et les Pays Roumains au Moyen Age.* — In: *Venezia e il Levante fino al secolo XV*, vol. I. Storia—Diritto—Economia. Parte seconda. Firenze, 1973, p. 612—613.

¹¹ *Советов П. В.* Исследования по истории феодализма в Молдавии (Очерки истории землевладения в XV—XVIII вв.), т. I. Кишинев, 1972, гл. V, § 2—3.

¹² *Cîmpina V. T. Cercetări cu privire la baza socială a puterii lui Ștefan cel Mare.* — In: *Studii cu privire la Ștefan cel Mare*. Buc., 1956, p. 108.

¹³ *Драгнев Д. М., Советов П. В.* Перестройка структуры землевладения в Молдавии XV—XVIII вв. — История СССР, 1968, № 1, с. 75—76.

- ¹⁴ *Советов П. В.* Исследования..., с. 268.
- ¹⁵ Там же, с. 270.
- ¹⁶ *Руссов Е. М.* Борьба молдавского народа против османского ига. Кишинев, 1968, с. 23.
- ¹⁷ *Советов П. В.* Исследования..., с. 272.
- ¹⁸ *Королюк В. Д.* Турецкая феодальная агрессия в страны Юго-Восточной и Центральной Европы и формирование многонациональной Дунайской монархии (XVI—XVIII вв.). — В кн.: Юго-Восточная Европа в эпоху феодализма (Резюме докладов Кишиневского симпозиума 1973 года). Кишинев, 1973, с. 146.
- ¹⁹ *Советов П. В.* Исследования..., гл. V, § 2—3.
- ²⁰ *Новичев А. Д.* История Турции. Эпоха феодализма (XI—XVIII вв.) (далее: История Турции), т. I. Л., 1963, с. 48—52. *Достян И. С.* Борьба сербского народа против турецкого ига XV — начало XVI в. М., 1958, с. 24; История Ирана, с. 237.
- ²¹ История Венгрии, т. I. М., 1971, с. 23. *Семенова Л. Е.* Некоторые аспекты..., с. 217, 223; *Bogdan I.* Op. cit., p. 321; *Hurtmuzaki*, vol. II, part. II, p. 237—243.
- ²² История Молдавской ССР, т. I, с. 138—140; 146—147; *Мохов Н. А.* МЭФ, с. 189—190.
- ²³ *Мохов Н. А.* Очерки молдавско-русско-украинских связей, Кишинев, 1961, с. 24—25.
- ²⁴ *Cindea V., Giurescu D. C., Malița M.* Pagini din trecutul diplomației românești. Buc., 1966, p. 88—97.
- ²⁵ *Bogdan I.* Op. cit., p. 347; *Esarcu C.* Op. cit., p. 81.
- ²⁶ Это последнее заявление в послании являлось лишь декларативным. Оно связано с тем, что европейские монархи из религиозных принципов не допускали идею подчинения страны мусульманам. См.: *Новичев А. Д.* История Турции, т. I, с. 41—42; *Panaiteescu P. P.* Ștefan cel Mare în lumina cronicarilor contemporani din țările vecine. — Studii și cercetări științifice. Istorie, an. XI, fasc. 2, 1960, p. 199—200.
- ²⁷ *Bogdan I.* Op. cit., p. 319—321.
- ²⁸ *Minea I.* Informațiile românești ale oronicii lui Jan Dlugosz. Iași, 1926, p. 56; *Ursu I.* Relațiunile..., p. 104.
- ²⁹ *Mehmed M. A.* Un document..., p. 267, 273; *Guboglu M.* Le tribut..., p. 68—69.
- ³⁰ Полное собрание русских летописей, т. 17. СПб., 1907, с. 550; Там же, т. 32, М., 1975, с. 90—94; *Стоянович Л.* Српски родослови и летописи. — Гласник српског ученог друштва, кн. 53. Београд, 1883, с. 98—99; *Он же.* Стари српски родослови и летописи. Београд, 1927, с. 249—251.
- ³¹ *Esarcu C.* Op. cit., p. 70, 72, 77.
- ³² *Papacostea Ș.* Étienne le Grand. Prince de la Moldavie (1457—1504). Buc., 1975, p. 42.
- ³³ *Esarcu C.* Op. cit., p. 75.
- ³⁴ *Spuler Bertold.* La diplomatie européenne à la Sublime Porte aux XVII-e et XVIII-e siècles. Revue des études Islamique, t. XXXIX, fasc. I, 1971, p. 3—4; *Babinger F.* Mahomed II le Conquerant et son temps (1432—1481). Paris, 1954, p. 456. Например, сама Венеция позже, в 1479 г., заключает против своих противников военный союз с Портой. См.: *Archivo storico italino*, tomo VII, parte primo. Annali Veneti. Firenze, 1843, p. 122.
- ³⁵ *Esarcu C.* Op. cit., p. 75.
- ³⁶ *Ibidem*, p. 77—79.
- ³⁷ *Ibidem*.
- ³⁸ История Молдавской ССР, т. I, с. 138—140; 146—147; *Мохов Н. А.* МЭФ, с. 179—180, 189—190.
- ³⁹ *Guboglu M.* Le tribut..., p. 69—70; *Mehmed M. A.* Din raporturile Moldovei cu Imperiul Otoman în a doua jumătate a veacului al XV. lea. — Studii. Revista de istorie, 1960, № 5, p. 173—177; *Decei A.* Tratatul de pace — sulhname — încheiat între sultanul Mehmed al II-lea și Ștefan cel Mare la 1479. — În: *Relații româno-orientale*. Buc., 1978, p. 118—139.

⁴⁰ Семенова Л. Е. Некоторые аспекты..., с. 218—221; Базилович К. В. Внешняя политика Русского централизованного государства. Вторая половина XV века. М., 1952, с. 246; Греков И. Б. К вопросу о роли турецко-крымской дипломатии в политической жизни Восточной Европы конца XV—XVI вв. — В кн.: Юго-Восточная Европа в эпоху феодализма, с. 151—152; Мохов Н. А. МЭФ, с. 191—192; Он же. Очерки молдавско-русско-украинских связей, с. 24—25; Он же. Зарождение экономических, политических и культурных связей молдавского народа с русским и украинским народами (XV—начало XVI века). — Учен. зап. Кишинев. гос. ун-та, 1957, т. XXVI, сер. ист., с. 33.

⁴¹ Международное положение Молдавии намного ухудшилось после 1483 г., когда венгерское правительство заключило договор о мире с Турцией на 5 лет. См.: Семенова Л. Е. Некоторые аспекты..., с. 215; 221; *Papacostea Ș. Etiénne le Grand...*, p. 45; *Ursu I. Relațiunile...*, p. 118—119.

⁴² Значение Килии и Белгорода отмечали как османская, так и антиосманская стороны. — См.: *Подградская Е. М.* Торговые связи Молдавии со Львовом в XVI—XVII вв. Кишинев, 1968, с. 57; *Antalffy A.* Două documente din Biblioteca Egipteană de la Cairo despre cucerirea Chilie și Cetății-Albe în 1484. — *Revista istorică*, XX, 1934, N 1—3, p. 38—40; *Esarcu C.* Op. cit., p. 77; *Gorka O.* Białogrod i Kilja a wyprawa r. 1497. Warszawa, 1932, s. 3;

⁴³ *Papacostea Ș. De la Colomeea...*, p. 528.

⁴⁴ *Cronici turcești privind țările române*, vol. I. Buc., 1966, p. 98.

⁴⁵ *Ursu I. Relațiunile...*, p. 119—120.

⁴⁶ ЦГАДА, ф. 389. Литовская метрика, д. № 4, л. 120 об; 154; Исторические связи народов СССР и Румынии в XV — начале XVIII в. Документы и материалы, т. I (1408—1632). М., 1965, с. 63—64; Сборник Муханова. М., 1836, с. 52; Литовская метрика. Отд. первый, ч. I. Книги записей, т. I. — В кн.: Русская историческая библиотека, т. XXVII. СПб., 1910, с. 367, 443—445; *Papée Fr.* Jan Olbracht. Kraków. 1936, s. 16—17; *Kotankowski L.* Polska Jagiellonów. Dzjeje polityczne. Lwów, 1936, s. 16.

⁴⁷ *Уреке Гр.* Летописецул Цэрий Молдовеи. Кишинэу, 1973, п. 102; Хюсейн Беда и(ул века и((Удивительные события). Издание текста, введение и общая редакция А. С. Тверитиновой, ч. I. М., 1961, с. 61.

⁴⁸ *Мохов Н. А.* МЭФ, с. 188—189.

⁴⁹ *Garbacik J.* Materialy do dziejów dyplomacji polskiej z lat 1486—1516. (Kodeks Zagrzebski). Wrocław—Warszawa—Kraków, 1966, s. 1—9.

⁵⁰ *Abrahamowicz Z.* Katalog dokumentów tureckich. Documenty do dziejów Polski i krajów ościennych w latach 1455—1672, tom I. cześć I. Warszawa, 1959, с. 22—25; *Hurmuzaki*, vol. II, part. 2, p. 315—316; *Ursu I.* Ștefan cel Mare și turcii, p. 125—129.

⁵¹ *Cronici turcești privind țările române*, vol I, p. 101, 103; Хюсейн Беда и(ул века и((Удивительные события), с. 61.

⁵² *Советов П. В.* Исследования ..., с. 270—273; Он же. Типологические аспекты молдавского феодализма (в период турецкого ига и в проектах о вступлении в подданство России, Польши и Австралии). — В кн.: Карпато-Дунайские земли в средние века. Кишинев, 1975, с. 120.

⁵³ *Советов П. В.* Исследования..., с. 273, 311.

⁵⁴ Вместо действительной помощи Молдавии в это время Венгрия и Польша спорили, кто имеет право на сюзеренство в княжестве. Для посредничества они обращались к папе Иннокентию VIII. См.: *Hurmuzaki*, vol. II, part. 2, p. 288—289; 291—293. Также см.: *Papacostea Ș. De la Colomeea...*, p. 528.

⁵⁵ *Abrahamowicz Z.* Katalog dokumentów tureckich..., tom I, sześc I, 1959. s. 22—25.

⁵⁶ *Cronici turcești privind țările române*, vol. I, p. 187; *Papacostea S. De la Colomeea...*, p. 535.

⁵⁷ *Ursu I. Relațiunile...*, p. 131—132.

⁵⁸ *Cronici turcești privind țările române*, vol. I, p. 187; *Papacostea S. De la Colomeea...*, p. 535; *Mehmed M. A.* Un document..., p. 267; *Guboglu M.* Le tribut..., p. 68—69.

⁵⁹ Исторические связи..., т. I, с. 68—69; Памятники дипломатических сношений Московского государства с Турцией, Крымскою и Ногайскою ордами, т. I (1484—1505). — В кн.: Сборник императорского русского исторического общества, т. 41. СПб., 1884, с. 151, 166.

⁶⁰ Греков И. Б. К вопросу..., с. 151.

⁶¹ В 1475—1476 гг. турецкий султан также потребовал от молдавского господаря отдать ему Килию. См.: *Năstase Gh. I. Istoria moldovenească...*, p. 124; *Iorga N. Studii istorice...*, p. 143, 149.

⁶² Ф. Б. Калимах, итальянец по происхождению, служил в это время дипломатом при польском королевском дворе. План состоял в укреплении Польши на берегах Черного моря путем завоевания Молдавии и отсюда оказание дальнейшего сопротивления османской агрессии. Официально вопрос о кампании на Молдавию был поставлен в 1494 г. на Левочском съезде, где присутствовали братья Ягеллоны (кроме Александра). На тайных заседаниях съезда было решено захватить Молдавию и назначить на престол вместо Стефана Сигизмунда Ягеллона. — См.: *Finkel F. Zjazd Jagiellonów w Lewoczu r. 1494.* — *Kwartalnik Historyczny*, t. XXVII, 3/3 (1914), s. 317—318; *Garbacik J. Kallimach jako dyplomata i polityk.* Kraków, 1948, s. 74—76; также см.: *Ursu I. Relațiunile...*, p. 138—141; *Duzinchevici C. Războiul moldopolon din anul 1497. Critica izvoarelor.* — *Studii și materiale de istorie medie*, vol. VIII, 1975, p. 11—12.

⁶³ Для Ягеллонов в это время нарастала грозная опасность объединения Турции, Крыма, Венгрии и Молдавии. См.: *Базилевич К. В.* Указ. соч., с. 245.

⁶⁴ *Ursu I. Relațiunile...*, p. 138; *Idem.* Ștefan cel Mare și turcii, p. 135—137; *Holban T.* Ioan Albert al Poloniei și Moldova. — *Revista istorică*, an. XXII, 1936, N 10—12, p. 286.

⁶⁵ *Базилевич К. В.* Указ. соч., с. 245.

⁶⁶ Там же, с. 245.

⁶⁷ ЦГАДА, ф. 389. Литовская Метрика, д. № 5, л. 215 об; д. № 6, л. 61; *Jablonowski A. Sprawy woloskie za Jagiellonów.* — *Zróżdła dziejowe*, t. X. Warszawa, 1878, s. 70.

⁶⁸ *Borzemski A. Sily zbrojne w woloskiej wojnie Jana Olbrachta.* Lwów. 1928, s. 9—47; *Acta expeditionum belicolum palatinum Calissiensis et Posnaniensis in Valachos et in Turcas anno 1497—98.* In archivo regio Posnaniensi asservata. Edit. M. Bobrzyński. Cracoviae, 1882, s. 1—54.

⁶⁹ См. историографию по этому вопросу в кн.: *Cultura moldovenească în timpul lui Ștefan cel Mare*, p. 641—675.

⁷⁰ Славяно-молдавские летописи XV—XVI вв. Составитель Ф. А. Грекул. М., 1976, с. 33—34, 78. Также см.: *Ursu I. Ștefan cel Mare și turcii*, p. 144—152.

⁷¹ *Garbacik J.* Op. cit., s. 42, 45.

⁷² В инструкции послам (1498 г.), направленным к польскому королю, венгерский король Уласло II писал: «Item dicit predictus Andreas Voievodum ipsum ibi rasem a nobis p habere non posset velle penitus ad Turcum deficere et cum se perit videret de nostro ociam incommodo et casu velle cogitare et operare» См.: *Garbacik J. Materialy ...*, s. 45.

⁷³ *Hurmuzaki*, vol. II, part. 2, p. 421—425; 439—445. *Bogdan I.* Op. cit., p. 417—426.

⁷⁴ *Bogdan I.* Op. cit., p. 423—424.

⁷⁵ *Ibidem*, 419—426.

⁷⁶ *Ibidem*, p. 423—424.

⁷⁷ *Ibidem*, p. 424.

⁷⁸ *Ibidem*, p. 423.

⁷⁹ *Ульяницкий В. А.* Указ. соч., с. 157—170.

⁸⁰ Там же, с. 160, 161, 167, 168.

⁸¹ ЦГАДА, ф. 389. Литовская метрика, д. № 5, л. 283; *Jablonowski A. Sprawy woloskie...*, s. 80.

⁸² *Гонца Г. В.* О степени вассальной зависимости Молдавии от Османской империи в 1512—1538 гг. — *Известия АН МССР. Серия общественных наук*, 1976, № 3, с. 59—65.

ПРОЕКТ АНТИТУРЕЦКОЙ КОАЛИЦИИ В РУССКОЙ ВНЕШНЕЙ ПОЛИТИКЕ 70-х гг. XVI в.

Данная тема не была до сих пор предметом специального рассмотрения в исторической литературе. Разумеется, вопрос о возможном выступлении России против Турции так или иначе затрагивался всеми исследователями, изучавшими русско-австрийские отношения периода борьбы за польско-литовский трон в 1572—1576 гг. При этом все они приходили к заключению, что постановка этого вопроса русским правительством была следствием его ориентации на сближение с Габсбургами и имела для него лишь вспомогательное, тактическое значение. Никаких шагов, направленных непосредственно против Турции и Крыма, русское правительство в эти годы не предпринимало, концентрируя свои усилия на решении наиболее важной для него в то время проблемы — балтийской¹. Некоторые наблюдения, приходящие в противоречие с данной схемой, сделали лишь два исследователя — Я. С. Лурье и А. А. Новосельский.

Я. С. Лурье, анализируя международную обстановку 1575—1576 гг., привел материалы о происшедшем именно в это время обострении отношений между Россией и Крымом, поставив его в связь с русско-австрийскими переговорами о союзе против Турции². Конкретные наблюдения исследователя были существенно пополнены А. А. Новосельским, который привел ряд данных, извлеченных из разрядов и крымских посольских книг о военных акциях, предпринимавшихся против Крыма в 1575—1576 гг. при участии русского правительства³. Следует отметить и другое важное наблюдение Я. С. Лурье, который, рассматривая русские внешнеполитические планы середины 70-х гг., отметил, что они исходили из представления о взаимосвязи между решением в пользу русского правительства проблем балтийской и черноморской. «Оба курса внешней политики Грозного, наметившиеся в середине века, — писал он, — как бы сливались — борьба за Балтику должна была вестись против Турции»⁴. К сожалению, оба исследователя не развивали дальше своих наблюдений. Однако и того, что ими сделано, достаточно для констатации, что вопрос о роли проектов анти-турецкой коалиции в русской внешней политике 70-х гг. нуждается в специальном рассмотрении.

В советских исследованиях последних десятилетий была убедительно показана вся глубина и серьезность конфликта между Россией и Османской империей на рубеже 60-х — 70-х гг. XVI в. Стало ясно: за походами турок и татар на русские земли стояли далеко идущие планы объединения татарских орд в

Восточной Европе под эгидой Турции и отторжения Поволжья от Русского государства и эти планы были хорошо известны русскому правительству.

В его дипломатической деятельности исследователи выделяют две линии. С одной стороны, русское правительство пыталось выйти из войны с Османской империей и Крымом, идя на определенные уступки турецко-татарским феодалам (ликвидация русской крепости на Тереке, обещание посадить в Астрахани крымского царевича под русским протекторатом и др.). Однако эти акции не дали желаемых результатов. По мере нарастания турецко-татарского наступления тон заявлений турецких и татарских правителей становился все более агрессивным: в 1572 г. султан обещал Ивану IV мир, если он станет «подручным» у «султанского высокого порога»⁵.

Поражение татар при Молодях заставило одного из правителей — крымского хана — сменить тон, но русское правительство отдавало себе отчет в том, что прочной стабильности на южной границе ему добиться не удалось. Через несколько лет аналогичная ситуация могла повториться. Отсюда — вторая линия в русской внешней политике, направленная на поиски возможных союзников против Османской державы. Поход турок на Астрахань в 1569 г. повлек за собой оживление контактов между Россией и Ираном⁶, а после разорения Москвы татарами в 1571 г. объектом дипломатических усилий русского правительства стала также Речь Посполитая. Для таких, на первый взгляд неожиданных, шагов по отношению к государству, являвшемуся одним из главных противников России на международной арене, имелись вполне определенные основания. Во-первых, уже в силу чисто географических условий: лишь военно-политическое сотрудничество с Речью Посполитой могло обеспечить успешную защиту русских границ на юге. Во-вторых, к концу 1571 г. русское правительство располагало сведениями о том, что во внешней политике Речи Посполитой намечается поворот к сближению с Россией, чтобы предотвратить чрезмерное усиление Османской империи и Крыма в Восточной Европе.

К 1570 г. в Москве стало известно, что во время подготовки к Астраханскому походу Сигизмунд II отказался пропустить через свою территорию турецкие войска⁷. К лету 1571 г. от русских послов в Речи Посполитой поступили сведения, что Сигизмунд II хочет отречься от престола и предложил искать себе преемника. Тогда польская и литовская рада решила просить Ивана IV, чтобы он «на Коруну Польскую и Великое княжество Литовское дал царевича, и Польша б и Литва с Московским государством поспол и на недругов бы на мусульманских родов были заодин», и лишь интриги некоторых королевских приближенных помешали осуществить это решение⁸.

Наконец, осенью 1571 г. к царю прибыл посол Сигизмунд

да II М. Гарабурда с грамотой, в которой прозвучали ноты, необычные для русско-польской переписки предшествующих лет. Указывая на то, что он и царь «одного словенского народу люди», Сигизмунд призывал прекратить раздоры, которые «неверным потеху приносят», и предлагал уладить все споры, «кгда ж мы... не зычим того, абы обьчие народы з неприязни и нелюбости меж нас мели се веселити»⁹.

Готовность польско-литовских политиков пойти на сближение с Россией русское правительство использовало для того, чтобы начать переговоры о союзе против турок и татар. К сожалению, грамоты, в которых излагались царские предложения, не сохранились, но в 1575 г. литовский магнат М. К. Радзивилл Сиротка сообщал императору, что Иван IV предлагал Сигизмунду II союз против турок, о чем свидетельствуют грамоты царя, которые находятся ныне в Тыкоцинском замке¹⁰. Отголосок русских заявлений на переговорах можно проследить по высказываниям папского нунция Руджиери. В записке, поданной папе в конце 1571 г., нунций предлагал привлечь к антитурецкой лиге московского государя, который, как он сам заявил, ничего так не желает, как воевать против турок¹¹. Летом 1572 г. вопрос о возможном союзе между Россией и Речью Посполитой против турок стал предметом обсуждения ведущих представителей папской дипломатии¹².

Таким образом, поиски Россией союзников против Турции были начаты еще до наступления в Речи Посполитой «бескоролья», а между русским и австрийским дворами вообще не было дипломатических сношений. Наступление «бескоролья» лишь поставило русское правительство перед необходимостью искать новый путь к достижению своей цели — союза с Речью Посполитой против турок.

Вместе с тем нет оснований полагать, что выдвижение этой задачи на первый план означало отказ русского правительства от решения других стоявших перед ним проблем. Напротив, в представлениях русских политиков их разрешению должно было способствовать именно заключение союза с Речью Посполитой. Так, характерно, что выдвижение проекта союза против «бусурман» сопровождалось предложением о разделении сфер влияния России и Речи Посполитой в Прибалтике. Царь заверил посла М. Гарабурду, что если будут признаны его права на Ливонию и заключен союз между государствами, он уступит королю земли к югу от Западной Двины и Полоцк с пригородами¹³. Так вырисовываются контуры русской политической концепции начала 70-х гг., предусматривавшей одновременно решение и «балтийской», и «восточной» проблем в тесном сотрудничестве с Речью Посполитой.

Другим государством, на которое в начале 70-х гг. обратили внимание русские дипломаты, стала держава австрийских Габсбургов.

Известно, что в июле 1571 г. посольские книги сношений с Австрией были «взяты» из архива и доставлены к царю. Тогда же ему был представлен и текст русско-австрийского договора 1514 г.¹⁴ Русско-австрийские соглашения конца XV — начала XVI в. были направлены против Ягеллонов, но вряд ли именно эта их сторона могла привлечь к себе внимание царя в 1571 г. Более вероятно другое объяснение: царя заинтересовали эти старые документы потому, что в них поднимался вопрос о создании антитурецкой коалиции с участием восточноевропейских государств. Представляется не случайным, что интерес к ним проявился сразу после того, как в июне 1571 г. посольство Г. Ф. Мещерского доставило в Москву сведения о том, что австрийский посол, побывавший у Сигизмунда II «сее зимы», порицал короля за дружбу с турками и призывал, чтобы король «вперед с Московским и со всеми крестьянскими государствами на проклятых и на всех мусулман был заодин»¹⁵.

Под воздействием таких сообщений в Москве могло сложиться представление о державе Габсбургов как ведущей силе антитурецкой борьбы в Европе и как о государстве, с помощью которого можно было добиться присоединения Речи Посполитой к антитурецкой коалиции. Однако на первых порах русское правительство пыталось решить вопрос путем непосредственных переговоров с Речью Посполитой. Уже весной 1572 г. в Литву отправился гонец И. Бибилов с предложением прислать «великих послов» для переговоров о союзе к «Петрову дню» во Псков, а когда приезд обещанных послов задержался, царь послал в Литву нового гонца — В. Малыхина. «Ты, — писал Иван IV королю, — добрым делом поволочи-ваешь, а в том христианство гинет»¹⁶.

Когда со смертью Сигизмунда II в Речи Посполитой наступило «бескоролье», русское государство продолжало прежнюю политику. В новой ситуации речь шла уже о том, чтобы скрепить антитурецкий союз обоих государств избранием Ивана IV на польский трон. Принимая в сентябре 1572 г. польско-литовского посланца Воруяпа, Иван IV подчеркивал, что благодаря несогласию между восточноевропейскими державами «берет верх рука поганская». Между тем, если бы они объединились под властью Ивана IV и не расточали сил в войнах между собой, то «татарскому хану указал бы я дорогу за море»¹⁷. При этом посланцу одновременно было разъяснено, что если бы по каким-то причинам выбор Ивана IV оказался невозможным, то он готов на тех же условиях, которые предлагались Сигизмунду Августу, заключить «вечный» мир и союз с новым государем, которого польско-литовские феодалы выберут на польский трон¹⁸. Тем самым подчеркивалось, что разработанный в начале 70-х гг. план сотрудничества с Речью Посполитой, направленный против Османской империи, русское правительство готово осуществлять в обоих возможных вариан-

тах. Кого же именно царь и его советники желали бы видеть на польском троне, посланцу не разъяснялось. В то время это было, вероятно, неясно и самому царю.

К зиме 1572/73 г. положение в значительной мере прояснилось. Стало ясно, что в борьбу за вакантный польский трон активно включились австрийские Габсбурги, выдвинувшие кандидатуру эрцгерцога Эрнеста, второго сына императора Максимилиана II. Сообщения об этом имели для русского правительства тем большее значение, что одновременно стало известно о выдвижении кандидатуры Генриха Анжуйского, брата французского короля Карла IX, представителя традиционно дружественной Турции державы. Победа этого кандидата ставила под угрозу осуществление всех задуманных русскими политиками планов.

Каким изменениям подверглась в этой ситуации русская внешнеполитическая линия, позволяет судить запись о переговорах Ивана IV с посланцем литовской рады М. Гарабурдой в феврале—марте 1573 г. Часть этой записи, где Иван IV излагал условия, на которых он согласен вступить на польско-литовский трон, неоднократно подробно анализировалась исследователями. Здесь хотелось бы обратить внимание на другие моменты переговоров. Прежде всего следует отметить, что к вопросу о возможности выбора Ивана IV их содержание отнюдь не сводилось. Так, Иван IV снова повторил предложение заключить мир и союз между Россией и Речью Посполитой на условиях, предложенных сначала Сигизмунду Августу, а затем раде Речи Посполитой через Воряпая¹⁹. Таким образом, была предпринята еще одна попытка убедить польско-литовских феодалов пойти на выработку согласованной с Русским государством политики по отношению и к Османской империи, и к Прибалтике.

Новым элементом в русской внешней политике было заявление Ивана IV, что соглашение он может заключить лишь с австрийским кандидатом на польскую корону. К этому царь добавил: если на польский трон выберут эрцгерцога Эрнеста, то он готов заключить с ним и с его отцом, австрийским императором, союз против «каждого неприятеля» и в особенности против «всех поганских панов», так чтобы обе стороны «войска один другому посылали», «а если из-за дальности войска послать трудно... тогда скарбом один другому помогать». А союз императора и его сына — польского короля — с Иваном IV, — подчеркивал далее царь, — может в дальнейшем привести к тому, что «с помощью божьей смогут все государи христианские с нами стать заодно на все поганские государства»²⁰.

Из этих заявлений видно, что на последнем этапе «бескорольевья» русское правительство стало связывать осуществление своих планов с победой австрийского кандидата на поль

ско-литовский трон. Хотя между русским и австрийским дворами не было непосредственных контактов, русское правительство, как показано выше, располагало такими данными, которые позволяли предположить, что заинтересованные в борьбе с турками Габсбурги будут содействовать тому, чтобы польско-литовские феодалы приняли русский проект союзного соглашения, предусматривавший совместное выступление России и Речи Посполитой против Османской империи. В этих условиях русское правительство могли даже устраивать поступавшие к нему сообщения о неспособности Габсбургов самим дать отпор наступлению Османской империи²¹. В случае конфликта с османами они вынуждены были бы тогда с особым вниманием относиться к требованиям русского союзника.

Кроме того, если в 1571—1572 гг. речь шла лишь о союзе России и Речи Посполитой против Османской империи, то к 1573 г. русское правительство поставило вопрос о создании более широкой коалиции, которая наряду с восточноевропейскими государствами охватывала бы и державы Габсбургов и ряд других западноевропейских держав. Следует лишь добавить, что создание такой коалиции не связывалось лишь с выбором Габсбурга на польский трон. Во время переговоров с Гарабурдой Иван IV и не думал отказываться от своей кандидатуры. Не случайно переговоры завершились соглашением о приезде из Речи Посполитой «великих» послов для обсуждения вопроса о выборе русского монарха²². И в случае выбора Ивана IV на польский трон русская дипломатическая акция имела свой смысл: декларации о готовности русского правительства воевать вместе с Габсбургами против «неверных» создавали почву для будущих переговоров о союзе объединенных под властью Ивана IV государств с габсбургским блоком против Турции.

Как известно, русский демарш не достиг своей цели — элекция завершилась выбором Генриха Анжуйского при прямой поддержке Турции, угрожавшей Речи Посполитой войной в случае выбора других кандидатов. Между тем инициатива Ивана IV привела все же к двум важным последствиям. Во-первых, управлявшие Великим княжеством Литовским магнаты после бесславного бегства избранного ими короля Генриха Анжуйского во Францию постановили поддержать кандидатуру Габсбурга на польский трон и пойти на соглашение с Россией против Турции²³. Во-вторых, царский «ответ» Гарабурде очень скоро стал известен Габсбургам, и это подтолкнуло их к решению возобновить прерванные давно контакты с русским правительством.

В грамоте от 20 ноября 1572 г. император выражал надежду «любительства и суседства меж нами держати» и сообщал о своем намерении направить в Москву посольство²⁴. Учитывая, что ранее на протяжении ряда лет Габсбурги воздерживали-

вались от контактов с русским двором, этот шаг, несомненно, был воспринят в Москве как свидетельство изменения их позиции в сторону сближения с Россией.

В июле 1573 г. эту грамоту доставил в Новгород австрийский гонец Магнус Паули. Гонец сделал важное заявление, оказавшее влияние на политику русского правительства. По традиции, сложившейся в историографии, внимание уделялось прежде всего той части его заявления, где говорилось о предложении императора «поделить» Речь Посполитую: «Коруну б польскую к цысарю, а Литовское Великое княжество к Московскому государству»²⁵, но надо отметить, что как раз на эту часть «речей» русское правительство никак не реагировало. Для него в этой конкретной ситуации большее значение имело заявление М. Паули, что «цысарь со всем цысарским чином приговорили со государем Московским мир вечной постановити, на татарских государей стояти с одного и оберегати своего государства»²⁶. Посланец сообщил, что папа, Венеция и Испания уже ведут войну с Турцией, а у императора руки пока связаны перемирием, но от перемирия «остался только уж один год», а по его истечении император также намерен выступить против турок вместе с царем²⁷. Поскольку выбор на польский трон связанного с Турцией Генриха Анжуйского может поставить эти планы под угрозу, посланец предлагал от имени императора совместными действиями воспрепятствовать его прибытию в Речь Посполитую.

Заявления посланца явились для русского правительства важным свидетельством правильности расчетов на создание в сотрудничестве с Габсбургами (и связанной с ними группировкой стран) антитурецкой коалиции и привлечение к этой коалиции Речи Посполитой, и Иван IV постарался сразу же использовать открывающиеся с заявлением М. Паули возможности. В своей ответной грамоте он не только обещал препятствовать приезду Генриха Анжуйского, но и прямо поставил вопрос о возобновлении некогда существовавшего между Россией и державами Габсбургов союза, настоятельно советуя поскорее прислать в Москву «великих» послов, «чтоб меж нас братское соединение навеки и докончанье ранее утвердилось на всякого недруга заодин». Чтобы не было сомнений, о каком «недруге» идет речь, царь указывал: «А мы хотим и свыше прежнего с тобою, братом нашим, братцки любви и соединенья... на всех бессерменских государей»²⁸. Таким образом, летом 1573 г. русская политика продолжала следовать ранее намеченным курсом.

Направляя с М. Паули в Австрию своего гонца К. Скобелыца, Иван IV стремился составить более точное представление о силах и намерениях возможных союзников. Посланец должен был выяснить, «какова цысарева область воинскими людьми издоволена и казною и много ли с цысарем живет

воинских людей в походе» и «вперед цысарю и суседом его, сложась с ним, стоять ли на турского и чаять ли его на турского походу и коль борзо»²⁹. Этот перечень вопросов является определенным доказательством того, что вопрос об участии в большой общеевропейской войне против турок стал передвигаться для русского правительства из сферы проектов в сферу практической политики.

Ориентация на создание антитурецкой коалиции России, Речи Посполитой и Габсбургов наложила своей отпечаток и на развитие отношений русского правительства с Турцией и Крымом. По возвращении из Константинополя осенью 1572 г. А. Ищеина-Кузьминского царь не направил к султану нового посольства, и сношения между Москвой и Стамбулом возобновились лишь после его смерти. Одновременно царь сослал прибывшего после битвы при Молодях крымского гонца Шигая в Дорогобуж, не давая никакого ответа на ханские предложения³⁰. Осенью 1573 г. обеспокоенный хан предпринял шаги для возобновления контактов. Он отправил в Москву находившихся в Крыму русских послов³¹ и своего гонца Мустафу, который заверял, что хаң согласен на возобновление переговоров о мире³². Все, однако, закончилось тем, что царь в январе 1574 г. вызвал к себе крымских послов и гонцов, в большой речи перед ними обличал вероломство ханской политики по отношению к России и отказался принять ханские «поминки»³³. Трудно оценить эти факты иначе как определенную линию на разрыв отношений с Крымом и Турцией.

Представляется не случайным, что поворот в русской внешней политике начала 70-х гг. совпал по времени с появлением в царском окружении целого ряда знатных балканских выходцев. В разряде поездки Ивана IV в Новгород весной 1572 г. среди лиц, сопровождавших царя, отмечены «Радул мутьянской воеводич, Стефан волоской воеводич, Микифор греченин»³⁴. Их появление в царском окружении является свидетельством роста интереса русского правительства к балканским делам. Затем в конце 1573 — начале 1574 г. царь предложил молдавскому воеводе Иоанну Водэ Лютому заключить с ним союз, скрепленный браком воеводы с дочерью главы боярской думы князя И. Ф. Мстиславского³⁵. Наконец, к этим же годам относится установление контактов с изгнанным турками молдавским воеводой Богданом Александровичем, которого царь пригласил в Россию и обещал оказать ему помощь в возвращении на родную землю³⁶. Все эти факты свидетельствуют о том, что русские политики определенно подготавливали почву для выступления против Османской империи не только в Восточной Европе, но и на Балканах.

При осуществлении своих планов русское правительство скоро столкнулось с серьезными трудностями. Прежде всего, вопреки данным заверениям Габсбурги не оказали никакого

сопротивления Генриху Анжуйскому и позволили ему перейти через немецкие земли в Речь Посполитую, а пропустил его император, как сообщал вернувшийся в августе 1574 г. из Австрии К. Скобельцын, боясь султана³⁷. Гонец также известил об ослаблении позиций антитурецкой коалиции в связи с тем, что Венеция заключила мир с Турцией³⁸. И что весьма важно, он крайне низко оценил военно-финансовые возможности австрийских Габсбургов: «А у цысаря служивые люди, которые служат на пенезях... скучают от найму, иным два годы наем не давыван, казны, сказывают, мало у цесаря»³⁹.

В условиях, когда на трон Речи Посполитой был избран Генрих Анжуйский, о ее присоединении к антитурецкой коалиции не могло быть и речи, поэтому и проведение политической линии, избранной на рубеже 1571—1572 гг., становилось невозможным. В июне 1574 г. царь и боярская дума постановили послать в Крым гонца И. Т. Мясоедова с сообщением, что царь желает мира и направляет к хану своего посла князя З. Сугорского с «поминками»⁴⁰. В августе посольство выехало в Крым⁴¹.

В то самое время, когда предпринимались эти шаги, Генрих Анжуйский бежал из Польши и перед русским правительством открылись новые возможности решения внешнеполитических проблем на путях создания антитурецкой коалиции. Но на первых порах, пока ситуация оставалась неясной и не было исключено возвращение Генриха Анжуйского на польский трон, русское правительство соблюдало осторожность. Характерно, что когда в начале октября 1574 г. в Новгород снова прибыл М. Паули, он лишь 29 декабря смог получить аудиенцию у царя⁴².

В своей грамоте Максимилиан II повторял обещание прислать в Москву «великих» послов, «чтобы промеж нами любительное приятельство и соседство крестным целованием укрепили»⁴³. Правда, грамота, датированная 8 мая 1574 г., т. е. написанная еще до отъезда Генриха Анжуйского из Польши, не позволяла определить политику Габсбургов в новой ситуации, но этот пробел был восполнен устными «речами» М. Паули. Австрийский посланец не только заверил, что император и «все Римское царство» намерены вместе с царем «заодни стояти против всех своих недругов», но и предложил вести согласованную борьбу за польский трон, «чтоб мимо нас, обеих государей, то государство не прошло и турскому не поддалось»⁴⁴.

В январе 1575 г. Иван IV отправил в Вену своего гонца Никона Ушакова. В своей ответной грамоте царь снова предлагал прислать в Москву «великих» послов для заключения договора о союзе. Соглашаясь вести совместную борьбу за польский трон, царь при этом указывал, что поддержка австрийскому кандидату будет оказана при условии, чтобы он, «будучи на том государстве (т. е. на польском троне. — Б. Ф.),

...на всякого недруга стѣял с нами заодин»⁴⁵. Одновременно с этим русское правительство предприняло другой важный шаг. Весной 1575 г. Иван IV и его советники изложили приехавшему в Москву польскому шляхтичу К. Граевскому условия унии между Россией и Речью Посполитой, которые царь просил сообщить польско-литовским феодалам⁴⁶. Арестованный на обратном пути литовцами, К. Граевский писал из тюрьмы, что царь желает вступить на польский трон прежде всего для того, чтобы выступить против «турецкого тирана» и сокрушить его могущество, соединив свои силы с силами Речи Посполитой⁴⁷. Наконец, тогда же, весной 1575 г. воевода Богдан отправил послов к австрийскому наместнику «верхней Венгрии» Г. Рюберу и виднейшему украинскому магнату Константину Острожскому с просьбой помочь ему возвратиться на молдавский трон⁴⁸. Такой шаг, разумеется, не мог быть предпринят без санкции русского правительства.

Сопоставление этих фактов показывает, что с начала 1575 г. русское правительство снова вернулось к проекту решения своих внешнеполитических проблем путем заключения с Речью Посполитой союза, направленного против турок. Его заключения, как и раньше, пытались добиться либо с установлением династической унии между Россией и Речью Посполитой, либо в рамках тройного русско-польско-габсбургского соглашения.

Возросшая активность русского правительства не была, однако, связана с укреплением русско-австрийских контактов. Выехавший из Нарвы весной 1575 г. Н. Ушаков попал на море в плен к шведам⁴⁹ и вплоть до конца 1575 г. между русским и австрийским дворами не было сношений. Представляется, что определяющее значение имела здесь оценка перспектив политической борьбы в Речи Посполитой. О ходе этой борьбы русское правительство было осведомлено благодаря донесениям гонца Ф. Ельчанинова, присутствовавшего на съезде польско-литовских феодалов в Стенжице весной 1575 г. Судя по ним, ни одна из группировок не выдвинула на авансцену связанного с Турцией кандидата. Если магнаты отдавали предпочтение Габсбургу, то противившаяся им шляхта выдвигала кандидатуру Грозного⁵⁰. Существенно при этом, что один из виднейших литовских магнатов Ян Ходкевич заверял Ивана IV, что литовские сенаторы поддерживают австрийского кандидата в соответствии с тем, «што государь через пана Гарабурду сказал о сыне цысаря избранного»⁵¹. Тем самым как бы давалось понять, что они принимают сформулированный тогда царем план соглашения между Россией и Речью Посполитой. При таком положении, казалась, любой исход борьбы гарантировал антитурецкий союз России с Речью Посполитой и создание условий для широкой антитурецкой коалиции.

Определенные коррективы в свою внешнеполитическую линию русское правительство внесло зимой 1575/76 г. К этому

времени «бескоролье» в Речи Посполитой завершилось расколом ее господствующего класса: польские и литовские магнаты избрали императора Максимилиана II, а польская шляхта провозгласила королем кандидата, поддержанного султаном, семиградского воеводу Стефана Батория. Одновременно в Москву прибыло для переговоров с Иваном IV посольство Максимилиана II во главе с Гансом Кобенцлем.

Как известно, австрийское посольство, не зная об исходе выборов, обратилось к Ивану IV с просьбой поддержать кандидатуру эрцгерцога Эрнеста на польский трон, направив польско-литовским феодалам грамоты, «чтобы арцыкняже Эрнеста за короля себе обрали мимо иных всех, сказываючи им о покое и о правдивом приятельском суседстве и о соединенье против всех недругов»⁵². При этом послы не только обещали от имени будущего польского короля заключение мира и союза между Россией и Речью Посполитой⁵³, но и подчеркнули, что к этому союзу присоединятся также испанский король, папа и другие христианские государи, «чтобы мы тех неверных людей могли выгнати за Арапы до Азии» и с согласия всех христианских государей «все цесарство Греческое на всход Солнца к твоему величеству пришло»⁵⁴. Выдвижение именно этих мотивов в аргументации австрийских дипломатов на первый план показывает, что австрийские политики хорошо понимали большое значение восточного вопроса для правительства Ивана IV.

После некоторых колебаний⁵⁵ Иван IV пошел навстречу австрийским предложениям и направил в Речь Посполитую грамоты с обещанием мира и союза с Россией в случае избрания Габсбурга⁵⁶, хотя он был далек от того, чтобы подчинять свою внешнюю политику австрийским интересам. Это подтверждает факт неприкрытого давления, оказанного на Габсбургов и на их сторонников в Речи Посполитой с тем, чтобы вместо Максимилиана II на польско-литовский трон был посажен его второй сын Эрнест⁵⁷. Здесь, несомненно, сказались опасения слишком тесного политического сближения Речи Посполитой с державами Габсбургов. Кроме того, помощь Эрнесту и его сторонникам в Речи Посполитой не только дипломатическую, но и вооруженную («войной промышляти») Иван IV был согласен оказать лишь на определенных условиях. Текст этих условий не сохранился, но может быть восстановлен по ответам австрийских послов. Во-первых, Иван IV требовал официального признания Габсбургами и «всеми немецкими государями» своих прав на Ливонию, а также чтобы император «учинил» шведского короля ему «покорна». Во-вторых, Габсбурги и их сторонники в Речи Посполитой должны были согласиться либо на «вынесение» младшего сына царя Федора на литовский великокняжеский стол, либо на передачу России Киева с прилегающими к нему городами⁵⁸. Сопоставляя эти

условия с записью переговоров Ивана IV с Гарабурдой в 1573 г., можно констатировать определенную преемственность русской внешнеполитической линии. И в 1573, и в 1576 гг. соглашение с Речью Посполитой и с Габсбургами должно было способствовать одновременному решению «турецкой» и «балтийской» проблем. Вместе с тем новый вариант соглашения предусматривал такие уступки в пользу России, о которых в 1573 г. не было речи. В то время русское государство само искало союза с Речью Посполитой и Габсбургами против турок, а в 1576 г. Габсбурги и их сторонники в Речи Посполитой нуждались в русской помощи для борьбы с турками и сторонниками Батория, и это позволяло Ивану IV выдвигать свои условия⁵⁹.

Вместе с тем анализ материалов русско-австрийских переговоров позволяет выявить и другую линию в русской внешней политике — стремление накануне конфликта с Турцией заручиться надежным соглашением с возможно более широким кругом европейских государств.

Так, в ответ на заявление Кобенцля о заключении союза против турок русские представители прямо поставили вопрос о гарантиях прочности такого соглашения, указывая, что Иван IV не желает оказаться в положении Людовика Венгерского перед битвой при Мохаче⁶⁰. Одновременно они требовали, чтобы вместе с послами императора, которые приедут в Москву для заключения договора о союзе, прибыли представители папы, испанского короля и других христианских государств, готовых воевать с турками⁶¹. Отправленным в Австрию с Кобенцлем З. Сугорскому и А. Арцыбашеву были даны полномочия выдать всем этим представителям царские «опасные грамоты»⁶². Сторонникам Максимилиана II в Речи Посполитой также было предложено прислать вместе с австрийскими послами своих представителей, чтобы «о докончанье... и соединенье на всякого недруга стояти заодин... договор учинити»⁶³. Все приведенные факты свидетельствуют о том, что и в первой половине 1576 г. вопрос об участии России в антитурецкой коалиции продолжал рассматриваться русским правительством как важная проблема его реальной политики.

Полученные данные важно сопоставить с тем, как развивались в 1575—1576 гг. русско-крымские отношения.

Как показано в работе «Россия и походы запорожцев...», в конце 1575 — начале 1576 г. русское правительство не только снабжало нападавших на Крым запорожских казаков продовольствием и оружием, но и выслало им на помощь своих ратных людей⁶⁴. Когда в апреле 1576 г. в Россию прибыло крымское посольство во главе с Девлет-Кильдеем, послы даже не были допущены в Москву, а по «приговору» царя и боярской думы отправлены «до осени» в Углич⁶⁵. Приговор был принят 26 апреля, а 28 апреля датирована роспись большого войска,

которое должно было идти «на берег против крымского царя Девлет-Кирея» во главе с самим Иваном IV⁶⁶. «И тово ж лега государь и сын его царевич Иван Московские ездили по берегу и смотрели бояр и воевод и дворян во всех полках»⁶⁷. Обращает на себя внимание наличие в составе русской армии так называемой «судовой рати», состоящей из трех полков. В состав каждого полка входили отряды донских атаманов⁶⁸. Повидимому, действия запорожцев в низовьях Днепра должен был подкрепить, с другой стороны, поход русских войск на Крым на судах («судовая рать») по Дону.

Думается, приведенные выше факты говорят о том, что в случае благоприятного завершения борьбы за польско-литовский трон русское правительство было готово перейти к широким военным действиям против Крыма, даже не дожидаясь формального соглашения европейских государств о союзе против Турции.

Быстрая победа в Речи Посполитой протурецкого кандидата Стефана Батория не позволила воплотить задуманные планы в жизнь, и русское правительство оказалось вынужденным серьезно изменить свой внешнеполитический курс.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Сводку результатов исследований этого вопроса см.: Греков И. Б. Очерки по истории международных отношений Восточной Европы XIV—XVII вв. М., 1963, с. 336—359.

² Лурье Я. С. Новые данные о посольстве Сугорского и Арцыбашева в 1576 г. — Исторические записки, т. 27. М., 1948, с. 297.

³ Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII века. М.—Л., 1948, с. 30—31.

⁴ Лурье Я. С. Новые данные..., с. 294.

⁵ Смирнов Н. А. Россия и Турция ..., т. I. М., 1946, с. 124—125.

⁶ Бушуев П. П. История посольств и дипломатических отношений Русского и Иранского государств в 1586—1612 гг. М., 1976, с. 43—44.

⁷ Путешествия русских послов XVI—XVII вв. М.—Л., 1954, с. 82; ЦГАДА, ф. 123 (Сношения России с Крымом), кн. 13, л. 275 об.

⁸ Сборник Русского исторического общества (далее: РИО), т. 71. СПб., 1892, с. 802—803.

⁹ Книга Посольская Метрики Великого Княжества Литовского, содержащая дипломатические сношения Литвы в государствовании Сигизмунда Августа. М., 1843, с. 312.

¹⁰ Вержбовский Ф. Посольство Иоанна Кобенцля в Москву в 1575—1576 гг. — Варшавские университетские известия, VII, 1896, с. 6—8, прил. с. 24.

¹¹ Россия и Италия, т. II, вып. 2. СПб., 1913, с. 64.

¹² Там же, с. 308.

¹³ E. de Noailles. Henri de Valois et Pologne, t. III. Paris, 1867, p. 175—176.

¹⁴ Описи царского архива XVI в. и архива Посольского приказа 1614 г. Под ред. С. О. Шмидта. М., 1960, с. 18—19.

¹⁵ РИО, т. 71, с. 800.

¹⁶ E. de Noailles. Op. cit., t. III, p. 176—177.

¹⁷ Przewdziecki A. Jagiellonki polskie, t. IV, s. 237.

¹⁸ Historica Russiae Monumenta, t. I. Spb., 1841, s. 231.

- ¹⁹ Ibidem, s. 239—240.
- ²⁰ Ibidem, s. 240.
- ²¹ См., например, следующий отзыв польско-литовских феодалов об австрийском кандидате: «А у цысаря взяти королевича и в нем оборони не будет же, и за свое мало могут стояти». — РИО, т. 71, с. 802.
- ²² ЦГАДА, ф. 389, оп. 2, № 618.
- ²³ *Floria B. Magnateria litewska a Rosja w czasie drugiego bezkrólewia. — Odrodzenie i reformacja w Polsce, t. XXII. Warszawa, 1977, s. 143—144.*
- ²⁴ ЦГАДА, ф. 53 (Сношения России с Данией), кн. 2, л. 42—45 об.
- ²⁵ Там же, л. 34.
- ²⁶ Там же, л. 32.
- ²⁷ Там же, л. 38—38 об.
- ²⁸ Там же, л. 64 об.; 69 об., 72—72 об.
- ²⁹ Там же, л. 98, 99.
- ³⁰ См.: там же, ф. 123, кн. 14, л. 171.
- ³¹ Запись о их приезде см. там же, л. 171 об.
- ³² «Вся земля крымская со царем и великим князем доброго дела и дружбы хочет». — Там же, л. 194.
- ³³ Там же, л. 173 об—183 об.
- ³⁴ Разрядная книга 1475—1598 гг. М., 1966, с. 243.
- ³⁵ Исторические связи народов СССР и Румынии, т. I (1408—1632). М., 1965, с. 129—134.
- ³⁶ *Флоря Б. Н.* Россия и походы запорожцев в Молдавию в 70-х годах XVI в. — Карпато-Дунайские земли в средние века. Кишинев, 1975, с. 221, 227.
- ³⁷ ЦГАДА, ф. 53, кн. 2, л. 151 об.—152.
- ³⁸ «А винищеяне и с турским в докончанье». — Там же, л. 152.
- ³⁹ Там же, л. 153.
- ⁴⁰ Там же, ф. 123, кн. 14, л. 196 и сл.
- ⁴¹ Там же, л. 199.
- ⁴² Там же, ф. 53, кн. 2, л. 162—166.
- ⁴³ Там же, л. 176.
- ⁴⁴ Там же, л. 180—180 об.
- ⁴⁵ Там же, 197 об. — 198, 202—203.
- ⁴⁶ См.: Показания польского шляхтича Криштофа Граевского о своей поездке в Москву. С предисл. И. Рябинина. — Чтения Общества истории и древностей Российских, кн. I, 1905.
- ⁴⁷ *Orzelski S. Bezkrólewia ksig ośmioro czyli dzieje Polski od zgonu Zygmunta Augusta r. 1572 do r. 1576, t. II. Spb.—Mohylew, 1856, str. 116.*
- ⁴⁸ *Флоря Б. Н.* Россия и походы запорожцев..., с. 221—222. В августе 1575 г. в Речь Посполитую был снова послан приближенный воеводы Иван-логофет. Официальной целью его миссии было организовать выезд в Москву «чиновных людей» воеводы, но весьма вероятно, что в действительности она была связана с продолжением начатых весной 1575 г. переговоров (о поездке Ивана-логофета см.: ЦГАДА, ф. 79, кн. 10, л. 82 об.; Акты Западной России, т. III. СПб., 1848, с. 175).
- ⁴⁹ См. об этом: *Almqvist H.* En förolyckad moskovitisk beskickning. — *Historiskt Tidskrift*, 1938, N 2.
- ⁵⁰ ЦГАДА, ф. 79, кн. 10, л. 11—12.
- ⁵¹ Там же, л. 7—7 об.
- ⁵² Памятники дипломатических сношений древней России с державами иностранными, т. I. СПб., 1851, стб. 524.
- ⁵³ Если Эрнест «доступит» польского трона, то он бы «ежечас против Вашего величества недругов, где будет надобе, всегда был готов». — Там же, стб. 527—528.
- ⁵⁴ Памятники..., т. I, стб. 528—529.
- ⁵⁵ Об этом говорит такой факт, как посылка в январе 1576 г. в Речь Посполитую Л. Новосильцева для выдвижения кандидатуры царя на польско-литовский трон (ЦГАДА, ф. 79, кн. 10, л. 105 об. — 106). По-видимому, в самом начале 1576 г. Иван IV считал это еще возможным.

⁵⁶ Памятники..., т. I, стб. 574 и сл.

⁵⁷ Не только во время переговоров с посольством Кобенцля, но и в ответе польско-литовскому посольству, приехавшему с сообщением об официальном выборе Максимилиана II, Иван IV последовательно подчеркивал, что единственным приемлемым для русской стороны кандидатом на польский трон является Эрнест (см., например, ЦГАДА, ф. 79, кн. 10, л. 125 об—127 об).

⁵⁸ См. ответ австрийских послов. — Памятники ..., т. I, стб. 534—536. Грамоты Ивана IV литовским сенаторам от 30 января 1576 г. — Там же, стб. 578 и сл.; наказ З. Сугорскому и А. Арцыбашеву, посланным в Австрию с Кобенцлем. — Там же, стб. 596 и сл.

⁵⁹ К тому же в Москве к концу 1575 г. располагали сведениями о начавшейся войне между Османской империей и Габсбургами: переводчики посольства Кобенцля сообщали, что «турской у цесаря многих людей побил». — Памятники..., т. I, стб. 489.

⁶⁰ Когда Людовик Венгерский, — говорили русские представители, — заключил союз с императором и выступил против турок, «цесарь и немецкие государи ему помочи не учинили и его выдали». — Памятники..., т. I, стб. 536.

⁶¹ Памятники..., т. I, стб. 536.

⁶² Там же, стб. 603—604.

⁶³ ЦГАДА, ф. 79, кн. 10, л. 127—127 об.

⁶⁴ Флоря Б. Н. Россия и походы запорожцев..., с. 217—218.

⁶⁵ ЦГАДА, ф. 123, кн. 14, л. 276—276 об.

⁶⁶ Роспись см.: Разрядная книга 1475—1598 гг. М., 1966, с. 259 и сл. О дате росписи см.: Отдел рукописей и старопечатных книг Государственного исторического музея в Москве. Собр. П. И. Шуккина, № 496, л. 546.

⁶⁷ Там же, л. 554 об.

⁶⁸ Разрядная книга 1475—1598 гг., с. 263—264.

Н. С. Захарьина

РУССКО-КРЫМСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В ГОДЫ ПРАВЛЕНИЯ ВАСИЛИЯ ШУЙСКОГО (1607—1610 гг.)

Изучение русско-крымских отношений в первые годы крестьянской войны и польско-литовской интервенции в Русском государстве связано с трудностями*. Известный исследователь русско-крымских отношений XVII в. А. А. Новосельский обратил внимание на то, что в архиве Посольского приказа документация о сношениях с Крымом обрывается на весне 1607 г. — на материалах о поездке в Крым С. Ушакова, причем сохранился только наказ посольству, а материалов о приезде и его возвращении из Крыма нет. Следующие имеющиеся документы относятся уже к 1614 г. Поэтому А. А. Новосельский пришел к выводу, что никаких сношений между Москвой и Крымом в 1607—1613 гг. не было. «Нет никаких указаний на то, что С. Ушакову удалось пробраться в Крым... После не-

* Пользуюсь случаем поблагодарить Б. Н. Флорю за предоставление некоторых архивных материалов из ЦГАДА.

удачной попытки послать С. Ушакова сношения с Крымом прервались до 1613 г.»¹ Исследуя наказ посольству С. Ушакова, Новосельский пришел к выводу, что главной целью посольства было предотвратить вмешательство татар в русские внутренние дела. Он особо отметил, что послы должны были отказываться от татарской помощи правительству Шуйского в его борьбе с противниками². Утверждение же более поздних грамот В. Шуйского о том, что татарские «загоны» пришли на Русь, чтобы помочь царю в его борьбе с «ворами», А. А. Новосельский определил как попытку «скрыть собственное бессилие и тяжкие последствия татарского нашествия от населения»³. Однако в своих исследованиях А. А. Новосельский не учел описей Посольского приказа 1614 и 1626 гг., в которых сохранилось описание не дошедших до нашего времени документов о русских посольствах в Крым в 1607—1610 гг. В описи 1626 г. мы находим запись о посольстве С. Ушакова: «Отпуск в Крым Степана Ушакова да и выписка по челобитью ево за крымскую службу, 115 году и служилых станичных татар, которые с ним были в Крыму»⁴. Следовательно, Ушаков не только добрался до Крыма, но и благополучно вернулся назад, чего не отметил А. А. Новосельский.

Более того, вскоре после возвращения С. Ушакова в 1608 г. В. Шуйским было отправлено в Крым новое посольство под руководством Степана Звягина⁵ и подъячего Дея Витовтова. В сохранившейся записи так указана цель посольства: «В прошлом во 116-м году царь и великий князь Василий Иванович всеа Руси посылал в Крым х Кази Гирею царю Степана Звягина да подъячего Дея Витофтова, чтоб он на полских и на литовских людей и на русских воров вспоможенье учинил»⁶. Сравнив наказания, данные посольству Ушакова и Звягина, можно прийти к заключению, что позиция правительства Шуйского по отношению к Крыму изменилась: в 1607 г. оно отказывалось от татарской помощи, а в 1608 искало ее.

Это было связано с изменением положения правительства Шуйского. Победа над Болотниковым не привела к подчинению Северной земли московским боярам. Туда пришли отряды польско-литовских феодалов, которые выдвинули нового претендента — Лжедмитрия II. К ним присоединились отряды казаков и местных служилых людей, боявшихся репрессий за участие в крестьянской войне. В июне 1608 г. армия Лжедмитрия II стала под Москвой. Возобновление после подавления крестьянской войны борьбы различных группировок русского дворянства, недовольного политикой правительства, было не в пользу Шуйского. Многие служилые люди уже весной 1608 г. отъезжают к ставленнику польско-литовских феодалов Лжедмитрию II.

В таких условиях правительство, не имевшее поддержки населения, непопулярное, стало искать поддержки извне. По

свидетельству Авраамия Палицына, «царь же Василий Иванович вскоре послал тогда к западным и к полунощным странам... и на своих изменников с ложным царем их помощи прося»⁷. В тяжелой ситуации 1608 г. Василий Шуйский пытался привлечь к себе на службу и запорожцев («столп 116 году, отпуск з государевым жалованьем к запорожским черкасам атамана Богдана Мстиславца»)⁸. Поэтому же было отправлено в Крым посольство С. Звягина и Д. Витовтова. Оно было успешным, и на помощь Шуйскому вскоре пришли первые отряды татар.

Об их появлении говорит запись в описи 1626 г.: «Наказ, каков дан при царе Василье Ивану Язвцову во 116 году за рукою дьяка Василья Телепнева, как посылан от царя Василья х крымским людем ко князем, и к мурзам, и к татаром з грамотою, которые приходили на помочь на литовских людей и на руских воров и в ту пору воевали на Рязани пронские, и михайловские, и резанские места»⁹. Она подтверждает, что в ответ на приглашение Шуйского крымские татары не позднее сентября 1608 г. пришли в Рязанский уезд, разорив по пути русские земли. Дополнительные сведения дает грамота В. Шуйского рязанскому воеводе Прокопию Ляпунову от 16 августа 1608 г. В ней говорится, что Ляпунов уже ранее писал царю, что татары «воюют пронския, и михайловския, и рязанския, и инья места»¹⁰. Царь велел «послать» к татарам, очевидно, чтобы прекратить разорение, но воевода не мог этого сделать, так как у него «татарских толмачей нет». Таким образом, еще до 16 августа царь и воевода обменялись грамотами о приходе татар на Рязанщину. Из этого видно, что татары появились в этом районе в самом начале месяца.

В грамоте от 16 августа царь сообщал воеводе о том, что к крымцам направляется И. Язвцов, который вручит «крымским князем» грамоту Василия Шуйского, написанную «татарским письмом». Прокопию Ляпунову поручалось собрать сведения о местонахождении татар и обеспечить проезд к ним Язвцова. Видимо, Язвцов должен был указать «союзникам», куда они должны направиться, но об этом можно только догадываться, так как текст грамоты В. Шуйского до нас не дошел. Результаты поездки Язвцова неизвестны.

Новый приход татар «на помощь» Шуйскому имел место летом 1609 г. Весной этого года новый крымский хан Селамет-Герей отправил к Шуйскому своего брата калгу Джанибек-Герей с большим войском. Шуйский возлагал большие надежды на татарскую помощь; в грамотах, которые он рассылал по городам, сообщая о скором прибытии союзников, каждый раз указывалось, где именно находятся татары. На основании этих грамот А. А. Новосельский проследил путь татар: они появились в мае в районе Оскола и Ливен и шли мимо Болхова и Орла к Оке¹¹. Татары жгли села, истребляли и угоняли насе-

ление¹². Поскольку земли, через которые шла орда, в то время признавали власть Лжедмитрия II, то действия татар были, безусловно, актом, дружественным по отношению к В. Шуйскому и враждебным по отношению к Тушину.

В середине июля крымская орда подошла в районе Коломны к Оке. В грамоте по городам от 26 июля Василий Шуйский писал, что из-под Коломны калга прислал в Москву своих послов с объявлением о приходе крымцев на помощь и что «они стоят у реки, ожидают от нас посланников наших, куды им велим итти и на которые места». В ответ царь отправил к татарам своего посланника Г. Волконского, «а велел им итти... к Москве наспех»¹³. Сведения грамоты дополняют и уточняют записи одной из Разрядных книг о том, что Г. К. Волконский был послан к татарам «за Оку з дары и речью» 17 июля 1609 г. Он должен был сообщить татарам, что на соединение с ними будут направлены воеводы И. М. Воротынский, Б. М. Лыков, А. В. Измайлов. Охрана посланника на пути в Орду поручалась Д. М. Пожарскому «с ратными людьми»¹⁴. Волконскому, вероятно, не удалось добиться прихода Орды к осажденной тушинцами Москве. Правда, 5 августа тушинский «гетман» Р. Ружинский сообщал Я. П. Сапеге, что «войско крымских татар идет к Шуйскому на помощь и уже (находится) в двадцати милях от Москвы»¹⁵. Но в написанной двумя неделями позже грамоте Шуйского «по городам» от 17 августа говорится, что татары стоят «перелезчи Оку» по Боровской и по Можайской дорогам¹⁶, т. е. довольно далеко от Москвы, так что в сообщении Ружинского, видимо, речь идет о слухах, вызвавших беспокойство в тушинском лагере.

В 1618 г. крымский мурза И. Сулешев вспоминал, что в 1609 г. татары во главе с калгой «пришедчи де на Каширу, взяли у царя у Василья многую казну и взем деи казну пошел прочь, а помочи никакой не учинил, идучи от Коширы многие города вывоевал»¹⁷. Таким образом, вся «помощь» свелась к тому, что в течение нескольких недель татары грабили и разоряли русские земли, не различая тех, кто признавал Шуйского, а кто — Лжедмитрия.

Можно установить, почему татары не стали воевать против войска Лжедмитрия II. В инструкции посольству Г. К. Волконского в Крым (1614 г.) упоминаются жалобы крымцев, что калга Джанибек-Герей помогал Шуйскому, «а царь Василий тогда царю поминков прислал мало»¹⁸. Есть сведения, что правительство пыталось собрать средства на жалование союзникам: 10 августа 1609 г. М. В. Скопин-Шуйский обратился к северным посадам с просьбой собрать деньги «немецким и крымским ратным людем сколько кому мочно дать»¹⁹. Однако Орда требовала больших денег за свои «подвиги» на землях Лжедмитрия II, а таких денег у правительства не было и бы-

стро собрать их не удалось²⁰ и Орда, не пожелав ждать, ушла.

Несмотря на это, правительство В. Шуйского продолжало вести переговоры о союзе с Крымом. Из записи в описи архива Посольского приказа 1614 г. следует, что в «7118», т. е. в 1609—1610 гг., в Крыму побывало и вернулось в Москву посольство В. Пургасова²¹. В записи нет сведений о цели и результатах посольства. Некоторые сведения о нем можно обнаружить в наказе П. Врасскому, отправленному весной 1610 г. в Ногайскую орду. П. Врасский должен был сообщить ногайскому князю Иштереку, что хан Селамет-Герей прислал царю Василию Шуйскому грамоту с сыном боярским Воином Пургасовым, в которой сообщал, что, желая показать царю свою «дружбу и любовь», он «хочет на сей весне со многими своими ратями итти на литовского Жигимонта короля землю»²². Так как наказ П. Врасскому датирован 10 марта, а к этому времени В. Пургасов уже вернулся в Москву, то, учитывая трудности сообщения зимой и расстояния, можно считать, что посольство было отправлено в Крым осенью 1609 г. вскоре после ухода отрядов калги в Крым. Такая поспешность в обновлении контактов объяснялась тем, что осенью 1609 г. положение правительства В. Шуйского осложнилось. Началась открытая польско-литовская интервенция против Русского государства: в сентябре 1609 г. армия Сигизмунда III осадила Смоленск. В таких условиях Шуйскому требовалась помощь уже не только против тушинцев, но и против Речи Посполитой.

Как видно из записи, в наказе хан обещал через Пургасова весной 1610 г. напасть на Речь Посполитую. Есть основания полагать, что это обещание было выполнено. Когда П. Врасский прибыл в Ногайскую орду, князь Иштерек сообщил ему, что «в осень прошлова году» крымский хан приглашал ногайцев принять участие в весеннем походе на поляков и что ногайцы действительно ходили в набег с «крымскими людьми на весне рано»²³. Статейный список П. Врасского датирован издателями июнем — августом 1611 г., но из содержания этого документа видно, что Врасский находился в Орде в июне—августе предшествующего года²⁴. Следовательно, упоминания князя Иштерека о «прошлой осени» и «теперешней весне» имеют в виду осень 1609 г. и весну 1610 г. Именно весной 1610 г. в польских источниках отмечены нападения татар на Речь Посполитую²⁵. Сопоставление их сообщений с высказываниями Иштерека показывает, что нападавшими были именно крымские татары и ногайцы.

Весной 1610 г. Шуйский отправил в Крым еще одно посольство. Сведения о нем находим в том же статейном списке П. Врасского. 6 июля он записал, что татары спрашивали его, посылал ли царь в Крым «на сей весне посла своего со своими царскими подарками»²⁶. П. Врасский отвечал, что такое посоль-

ство готовилось («сказано было ехать в Крым дворянину»), но во время его пребывания в Москве еще не было отправлено. Эти вопросы были вызваны сообщениями возвращавшихся из набег-га ногайцев, которые хвалились тем, что «меж собою друг друга заделили посолскою казною, которой шел с Москвы на Крым, и они его погромили».

Время отправки посольства — весна 1610 г.; то, что оно везло в Крым «поминки», заставляет думать, что цель его, как и у П. Врасского, состояла в попытке добиться посылки крымским ханом войск против польско-литовского войска под Смоленском. После поражения тушинцев и снятия осады со столицы в начале 1610 г. правительство готовило большой поход против королевской армии, в котором определенная роль отводилась крымским татарам.

Упоминания в статейном списке П. Врасского о русском посольстве в Крым весной 1610 г. можно сопоставить с записью в описи архива Посольского приказа 1614 г.: «2 столпа 118 году отпуск в Крым посланника Ортемья Шеншина»²⁷. «118» год охватывает период с 1 сентября 1609 г. по 31 августа 1610 г. Так как осенью 1609 г. и в начале 1610 г. ездил в Крым Воин Пургасов, то посольство А. Шеншина можно отнести лишь к более позднему времени, т. е. к весне 1610 г., и отождествить его с посольством, упоминаемым П. Врасским.

А. Шеншин известен и по другим источникам. Имеется челобитная 1613 г. об освобождении его от уплаты пошлин за выдачу царской грамоты. Из сохранившейся подборки подобных документов явствует, что, подавая прошения, служилые люди обычно ссылались на те бедствия, которым они подвергались в прошедшие годы. Шеншин упоминает в этой связи лишь о своем сидении в Москве «в осаде» и ничего не говорит о плене у крымских татар. Это позволяет предположить, что рассказы ногайцев о разгроме посольского каравана были преувеличены и посланник, по крайней мере, с частью «поминок» благополучно добрался до Крыма. Это объясняет, почему к июлю 1610 г. крымские татары снова пришли на помощь Шуйскому.

Сообщение о приходе крымцев под Москву летом 1610 г. имеется в наказе посольству Г. К. Волконского²⁸, а также в «Новом летописце»²⁹. По данным этих двух источников, ситуация складывалась таким образом: когда «на помощь» В. Шуйскому пришел большой отряд крымских «царевичей» во главе с князем Богатырь-Гиреем Дивеевым, царь послал к ним посольство во главе с боярином И. М. Воротынским, которое встретило «царевичей» в Серпуховском уезде³⁰. Боярское правительство, нуждавшееся во внешней поддержке и боявшееся опереться на народ, готово было за военную помощь взять на себя самые кабальные обязательства, Богатырь-Гирею за его

выступление против польско-литовских войск царь Василий обещал выплатить огромную сумму в 30 тыс. рублей и, кроме того, ежегодно посылать в Орду «поминки» в размере 20 тыс. рублей. В виде аванса татарским мурзам (князьям) было выплачено 7 тыс. рублей. Затем мурзы, как описывает «Новый летописец», пошли против войск Лжедмитрия II и встретили их в Боровском уезде на реке Наре, где было большое сражение и «едва вор усиде в табарах». На этом участие татар в военных действиях окончилось, «царевичи же поидоша опять за Оку, а сказаша, что изнел их голод, стоять не мочно», а бояре отошли к Москве «едва наряд увезоша от воровских людей». Рассказ «Нового летописца» во многом подтверждается уже упоминавшимся сообщением И. Сулешова, о том, что Богатырь (Бахадур-Гирей Дивеев), участвовал лишь в одном сражении с литовскими людьми, «а другово-де бою не дождався пошел прочь и идучи назад... города воевал»³¹.

Уточнить, когда именно происходили эти события, позволяют записи в так называемом «Дневнике Яна-Петра Сапеги», составленном одним из дворян этого гетмана Лжедмитрия II. Из них видно, что первые сведения о крымском войске под Серпуховом в войсках Лжедмитрия II получили 11 июля, столкновения с татарами происходили 20 и 21, а уже 23 июля разъезды тушинцев, доходившие до Серпухова, их не обнаружили. Таким образом, крымские татары и на этот раз не оказали Василию Шуйскому никакой реальной помощи. Авраамий Палицын отмечал, что татары, призванные Шуйским «на зашищение граду», не помогли ему и лишь «от всяя земли плену, яко скот в Крымское державство согнаша»³².

Вскоре после ухода татарского войска Василий Шуйский был свергнут с престола, а в Москву вступили польско-литовские войска. Отношения между Россией и Крымом прервались на ряд лет³³. Таким образом, в истории русско-крымских отношений 1608—1610 гг. были временем большой дипломатической активности правительства Шуйского, пытавшегося обеспечить себе поддержку Крыма сначала в борьбе с Лжедмитрием, а затем с Сигизмундом III. Вопреки предположениям А. А. Новосельского татары приходили тогда на Русь по приглашению Шуйского как его союзники. Однако следует с ним согласиться в том, что эти походы в сущности не отличались от грабительских набегов предшествующих лет, а царские грамоты, рассылаемые по городам, с объявлением о приходе союзников только дезориентировали население. Поиски сотрудничества с татарами дорого стоили стране и ничем не помогли Василию Шуйскому. Реальной поддержки оказано не было, а недальновидная политика, способствовавшая разорению южных уездов, вела к росту недовольства рязанского дворянства, что в конечном итоге привело к потере Шуйским трона.

ПРИМЕЧАНИЯ

- 1 Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. М.—Л., 1948, с. 52.
- 2 Там же, с. 52—53.
- 3 Там же, с. 54.
- 4 Опись архива Посольского приказа 1626 г., ч. I. М., 1977, с. 277.
- 5 О нем см.: Веселовский С. Б. Дьяки и подьячие XV—XVII вв. М., 1975, с. 193.
- 6 Опись..., ч. I, с. 337.
- 7 Сказание Авраамия Палицына. М.—Л., 1955, с. 130.
- 8 Описи царского архива XVI в. и архива Посольского приказа 1614 г. Под ред. С. О. Шмидта. М., 1960, с. 127.
- 9 Опись..., ч. I, с. 278.
- 10 Акты XIII—XVII вв., представленные в Разрядный приказ представителями служилых фамилий после отмены местничества, ч. I. Собр. и изд. А. Юшков. М., 1898, № 277, с. 295—296.
- 11 Новосельский А. А. Борьба..., с. 69.
- 12 Об этом сообщал тушинскому «гетману» Я. П. Сапеге тушинский «полковник» Млоцкий, действовавший в районе Коломны. — Polska a Moskwa w pierwszej połowie XVII wieku. Lwów, 1901, s. 225.
- 13 Акты, собранные Археологической экспедицией Академии наук (далее: ААЭ), т. I. СПб., 1836, с. 244.
- 14 Разрядные записи за Смутное время. Собр. и изд. С. А. Белокуровым. М., 1907, с. 98—99; А. А. Новосельский относит поездку Г. К. Волконского к татарам к лету 1610 г. (Новосельский А. А. Борьба..., с. 71), но летом 1610 г. Г. К. Волконский находился в Новгороде (Разрядные записи..., с. 105—106).
- 15 Polska a Moskwa..., s. 254.
- 16 ААЭ, т. II, с. 251.
- 17 ЦГАДА, ф. 123 (Сношения России с Крымом), 1619 г., № 7, л. 3; Новосельский А. А. Борьба..., с. 54.
- 18 ЦГАДА, ф. 123 (Сношения России с Крымом), 1614 г., № I, л. 155.
- 19 ААЭ, т. II, с. 253.
- 20 Если отписки о сборе средств рассылались 10 августа, то собраны и доставлены в Москву они могли быть не ранее чем через 2 недели.
- 21 Описи..., с. 113.
- 22 Акты времени правления царя Василия Шуйского. М., 1914, с. 226.
- 23 Акты времени междуцарствия. М., 1915, с. 20. Новосельский А. А. Борьба..., с. 62—63.
- 24 Вслед за издателями ту же ошибку повторил и А. А. Новосельский (Борьба..., с. 62—65). О том, что Врасский находился в Ногайской орде летом 1610 г., особенно ясно свидетельствует помеченная июнем запись в его статейном списке, что «прислал де вор из украинских городов в Асторохань грамоты». (Акты времени междуцарствия..., с. 14.) Писать в Астрахань «вор» Лжедмитрий II мог лишь летом 1610, а не 1611, так как в декабре 1610 г. он был убит.
- 25 В апреле—мае 1610 г. татары трижды нападали на южные земли Речи Посполитой. — Horn M. Chronologia i zasięg najazdów tatarskich na ziemie Rzeczypospolitej polskiej w latach 1600—1647. — Studia i materiały do historii wojskowości, t. VIII, cz. I. Warszawa, 1962, s. 12—13.
- 26 Там же, с. 10.
- 27 Описи..., с. 132.
- 28 ЦГАДА, ф. 123 (Сношения России с Крымом), 1614 г., № 1, л. 162—163.
- 29 Полное собрание русских летописей, т. 14, гл. 232.
- 30 Место переговоров позволяет уточнить упомянутая в Описи 1626 г. (Описи..., с. 337) выписка: «как крымские татарове з Богатырь Гиреем князем приходили на Лопасну».
- 31 ЦГАДА, ф. 123 (Сношения России с Крымом), 1619 г., № 7, л. 3.

³² Сказание Авраамия Палицына, с. 207.

³³ В наказе посольству в Крым в 1614 г. отмечалось, что между Москвой и Крымом «ссылки не было три года» (ЦГАДА, т. 123, 1613 г., № 1, л. 6). Известно, что весной 1613 г. в Крым было отправлено посольство В. Пургасова (*Сухотин Л. М. Первые месяцы...*, с. 4,6), значит, контакты оборвались весной 1610 г. на посольстве А. Шеншина.

П. В. Советов

СОРОКАЛЕТНЯЯ РЕФОРМА И ОГРАНИЧЕНИЕ СУДЕБНОГО ИММУНИТЕТА В МОЛДАВИИ КОНЦА XVI — НАЧАЛА XVIII в.

Установление турецкого ига в Молдавском княжестве в XVI в. заметно подорвало возможность усиления сеньориальной эксплуатации в деревне (доход от которой шел местным землевладельцам-вотчинникам), но, в свою очередь, привело к огромной интенсификации феодально-государственной эксплуатации крестьян за счет катастрофического роста налогообложения и централизованных форм ренты (их львиная доля отправлялась в Османскую империю)¹. В этих условиях система частнофеодальных податных привилегий землевладельца в вотчине была почти полностью ликвидирована². Сначала в 1632 г. ряд государственных податей распространяется на всех монастырских крестьян³, а с конца XVII в. податной иммунитет в церковно-монастырском землевладении почти полностью ликвидирован⁴. Что касается светской вотчины, то она и раньше располагала незначительным иммунитетом. Проблема ограничения феодального иммунитета в Молдавии XVI—XVIII вв. до сих пор в историографии исследована слабо. Многие авторы вообще не заметили даже самого процесса ликвидации иммунитета в это время⁵, особенно судебного иммунитета, который оказался изучен еще слабее, чем податной.

Судебные доходы были важным источником присвоения прибавочного продукта, произведенного крестьянами. Конечно, их общий размер не шел ни в какое сравнение с повинностями, которые взимались постоянно. По своему значению и удельному весу судебные доходы намного уступали той части прибавочного продукта, которая складывалась из государственных податей и сеньориальных платежей. Поэтому судебные доходы не могли играть такой решающей роли в определении удельного веса государственной и вотчинной систем феодальной эксплуатации, как регулярная, систематическая рента. Но пути взимания штрафов и пошлин с крестьян влияли на

соотношение удельного веса двух основных каналов присвоения прибавочного продукта. Причем это зависело в данном случае от степени распространения и оформления судебного иммунитета феодалов-землевладельцев.

Общая тенденция роста централизованной системы феодальной эксплуатации должна была сказаться и на состоянии судебного иммунитета, хотя в данном случае это влияние было менее ощутимо, чем на податном, поскольку первый вид иммунитетных привилегий был в гораздо большей степени связан с внеэкономическим принуждением. Здесь экономическая сторона часто отходила на второй план перед общими классовыми интересами подавления ожесточенного сопротивления крестьян, вызванного нарастанием феодального гнета. Однако хотя далеко не в той же степени (как для податного иммунитета) общий рост феодально-государственной эксплуатации коснулся в определенной мере и экономической стороны судебного иммунитета вотчины, содействовал его ограничению и перераспределению судебных доходов⁶ в пользу господаря и служилого боярства.

Ограничение судебного иммунитета началось примерно одновременно с сокращением податных привилегий в последней четверти XVI в. Совпадение во времени этих двух явлений не случайно. В основе их лежат во многом идентичные предпосылки. Разумеется, что как и в отношении податных привилегий (и по тем же самым причинам) процесс ограничения судебного иммунитета затрагивал в основном земельный домен духовных феодалов. Объяснялось это тем, что в отличие от светской вотчины владения духовных феодалов располагали не только довольно широким податным, но и судебным иммунитетом.

Проведение Стефаном III политики усиления централизации государства сопровождалось в это время сокращением иммунитетных прав духовных феодалов в области суда. Ограничить же судебный иммунитет светской вотчины Стефан III не пытался опять же потому, что светский землевладелец и так располагал весьма ограниченными судебными прерогативами. Он рассматривал лишь те тяжбы зависимых крестьян, которые были связаны с их хозяйственной деятельностью. Этой последней стороны административно-судебных прав вотчинника политика ограничения судебного иммунитета во второй половине XV в. вообще не затрагивала. Под ее влияние попадает юрисдикция по наиболее важным делам (убийства, татьбы с поличным и др.), которой располагали только монастыри и епископства. Поэтому и впоследствии отмена введенных Стефаном III ограничений вновь коснулась только духовных феодалов. Светская вотчина по-прежнему оставалась в XVI в., как и раньше, наделенной правом юрисдикции только по очень узкому кругу тяжб, связанных преимущественно с землепользова-

нием и взысканием сеньориальной ренты, в то время как земельный домен духовных феодалов в целом располагал правами высшей юрисдикции по всем тяжбам.

Особенно красноречиво об этом говорит иммунитетная грамота от 29 апреля 1529 г., пожалованная Салаженскому монастырю. В ней предоставляется полный судебный иммунитет и указывается, что в пределах монастырских владений господарские «судьи да не судят их (т. е. крестьян. — П.С.) и чтобы был закон этому селу, каков есть закон всем другим монастырским селам страны»⁷. Монастырь-вотчинник сам судил и собирал все судебные штрафы и пошлины в свою пользу. Таким образом, в 20-е гг. XVI в. полный судебный иммунитет вновь стал общим правилом для церковного и монастырского землевладения и поэтому господарская власть почти прекратила на полвека издание отдельных иммунитетных грамот. К более систематическому изданию грамот с судебным иммунитетом правительство приступило вновь лишь в 1588 г.⁸

Новая волна иммунитетной правительственной политики, которая началась с этого года, сопровождалась рядом серьезных изменений принципиального характера в области феодальной юстиции. Связано это было прежде всего с судебной реформой, начавшейся в Молдавии в 1588 г. и занявшей длительный период конца XVI — начала XVII в. Основной ее предпосылкой явилось резкое обострение классовой борьбы, вызванное усилением эксплуатации и закрепощением крестьянства. В ответ на его выступления господствующий класс феодалов приступил к перестройке органов классового принуждения, в том числе судеоустройства и судебного процесса.

Судебная реформа, которая до сих пор оставалась неизвестной в исторической науке⁹, имеет много сторон. В настоящей статье нас интересует в основном ее экономическая сторона: как сказались судебная реформа конца XVI — начала XVII в. на распределении судебных доходов господствующего класса (т. е. судебных штрафов и пошлин).

Приступая к рассмотрению этого вопроса, нужно в первую очередь сказать, что судебная реформа касалась наиболее важных судебных дел, которые входили в сферу юрисдикции духовной вотчины, и не задела (как и при Стефане III) того узкого круга тяжб, которые рассматривал светский землевладелец.

В ходе судебной реформы феодальный законодатель, автор иммунитетных грамот конца XVI — начала XVII в., начинает проводить настоятельную политику выделения из сферы вотчинной юстиции ряда важнейших дел, и в первую очередь татьбы и разбоя, а также преследования так называемых «людей злых», «людей лихих», т. е. наиболее опасных для господствующего класса деяний¹⁰. Так, в первом же документе, отражавшем начало судебной реформы, — иммунитетной грамоте, выданной 30 апреля 1588 г. на имя Побратского монастыря, — гово-

рилось, что «пръкалаби и велики ватажи и глобници и дешугубинари да имают токмо съдитї и възимати себе ферїи. А аще будет таковїи человекъ злїи или повинен съмртїи или буд за ино каранїе, а болѣри да сътворѣт по закону и по дѣло, а которїи ѡт тать кет съ глобою ѡт закона, але токмо да съдѣт и да възимают ферїи»¹¹.

То же самое встречаем и в иммунитетной грамоте, пожалованной 25 августа 1590 г., в которой указывается, что «старости и глобници и дешугубинари да имают токмо съдитї и възимати себе ферїи. А аще будет таковїи человекъ злїи или повинен съмртїи или будет за ино каранїе, а болѣри да сътворѣт ему по закону и по дѣло, а которїи ѡт тать кет с глобою ѡт закона, але токмо да съдѣт и да възимают ферїи... да бѣдет въси глобе и дешугубини монастырѣ»¹².

Выделяя наиболее опасные для господствующего класса деяния в особую подсудность государственных органов, реформа вместе с тем оговаривала новые принципы распределения судебных доходов, которые представляли собой определенное увеличение доли феодально-государственной эксплуатации. Согласно реформе все пошлины по делам, подсудным государственным органам, на частновладельческих монастырских землях шли в пользу служилых бояр и господарских слуг. В этом смысле многочисленные господарские грамоты указывали, что «старости и глобници и дешугубинари да имают токмо съдитї и възимати себе ферїи»¹³. Ранее, до судебной реформы, начатой в 1588 г., вотчинники, имевшие широкий иммунитет (т. е. духовные феодалы), сами рассматривали дела и брали пошлины в свою пользу наряду с судебными штрафами.

Оговаривая переход судебных пошлин духовной вотчины в русло феодально-государственных доходов, господарские грамоты вместе с тем постоянно подчеркивали, что штрафы по этим же делам по-прежнему идут феодалу-землевладельцу, т. е., как указывалось в грамотах, «въси глобе и дешугубини монастырѣ»¹⁴.

Судебная реформа конца XVI — начала XVII в. представляет собой не единожды изданный законодательный акт, она отражена в серии иммунитетных грамот (их свыше 20), в которых содержались основные положения этой реформы¹⁵. Новая политика в области судебного иммунитета, как мы увидим ниже, охватывала в основном сорокалетний период — с 1588 по 1628 г. Она была не только значительно растянута по времени проведения и документально ограничена земельным доменом духовных феодалов, но и в целом непоследовательна, в том числе по интересующему нас вопросу о перераспределении судебных доходов¹⁶.

Наиболее ярко это проявилось в том, что в одних грамотах духовным феодалам устанавливался статус судебной реформы, в других — оговаривались только те или иные судебные при-

вилегии¹⁷. В течение этих сорока лет государство иногда ограничивало судебные доходы вотчинника в гораздо большей степени, нежели предусматривали общие положения судебной реформы, предоставляя по ряду дел в пользу служилого боярства и господарских слуг не только пошлины, но и штрафы с зависимых крестьян духовной вотчины¹⁸. С другой стороны, довольно часто иммунитетные грамоты в нарушение положений судебной реформы исходили из того, что почти по всем делам в духовной вотчине судит сам землевладелец и он берет в свою пользу не только все штрафы, но и судебные пошлины¹⁹.

Конечно, степень непоследовательности проведения судебной реформы в смысле отступлений от нее с трудом поддается уточнению. Дело в том, что многие господарские предписания на запрет въезда господарских слуг в села феодалов содержат зачастую трафаретные формулировки и не раскрывают полностью всех сторон судопроизводства и распределения судебных доходов²⁰. Вопрос этот требует самостоятельного рассмотрения, так как определяется конкретным проявлением классовой борьбы в отдельных вотчинах в то или иное время, а также тех мер, которые принимались для подавления сопротивления крестьян²¹, т. е. зависит от соотношения классовых сил и способов подавления классовой борьбы.

Рассмотрим лишь ту сторону отступлений от судебной реформы, которая была связана с перераспределением судебных доходов. С экономической точки зрения эти отступления заключались в проявлении вотчинной тенденции в развитии феодальных отношений, которая стала особенно ощутимой в первые десятилетия XVII в., т. е. в условиях некоторого спада темпов возрастания феодально-государственной эксплуатации крестьян.

Таким образом, непоследовательность в проведении судебной реформы в этом плане имела те же корни; что и разные направления в развитии податного иммунитета в духовной и светской вотчине в первой трети XVII в. Не случайно актовый материал содержит не только много грамот с неограниченным судебным иммунитетом духовной вотчины²² (нарушающих тем самым сорокалетнюю судебную реформу), но и в отличие от предыдущего периода встречаем отдельные (хотя, правда, и весьма редкие) грамоты о судебном иммунитете светской вотчины по таким делам, по которым раньше светский землевладелец не судил и не брал штрафов²³.

Так что в первой трети XVII в. наряду с ограничением податного и судебного иммунитета в духовной вотчине мы становимся свидетелями противоположной тенденции в светской вотчине. Но как в отношении податного иммунитета, так и в отношении судебных привилегий главной тенденцией в целом оставалось ограничение иммунитета, а противоположная тенденция возрастания иммунитета в светской вотчине закрепиться не смогла. Характерен чрезвычайно узкий состав светских землевла-

дельцев, получивших грамоты с судебными привилегиями. В основном это те же землевладельцы, которые в порядке исключения получали грамоты с податным иммунитетом (отдельные крупные служилые бояре, приближенные к господарю, и в редких случаях потерявшие доступ к централизованным доходам бывшие служилые бояре). Все эти явления ни в коем случае не перевешивают общую тенденцию, отраженную в сорокалетней судебной реформе, в смысле перераспределения судебных доходов из вотчинного в централизованное русло присвоения. Наоборот, несмотря на многочисленные отступления самой государственной власти от положения судебной реформы, шаг, сделанный в сторону ограничения судебного иммунитета духовной вотчины, был значителен. Конечно, он уступал темпам ограничения податного иммунитета, и на это имелись свои причины внутриклассового характера. Внутриклассовая борьба шла не по вопросу о выдаче землевладельцами зависимых крестьян, обвиняемых в татьбе и душегубстве, в случае если они подлежали устрашающим наказаниям (смертная казнь, членовредительные наказания) со стороны государственных чиновников. В этом наблюдается полное единство. Противоречия шли по поводу тех крестьян, которые подвергались материальным взысканиям, т. е. в связи с перераспределением судебных доходов²⁴ — глоб, душегубин и ферый.

Именно в этой части и отразилась основная непоследовательность в политике выдачи грамот с судебным иммунитетом в ходе проведения сорокалетней судебной реформы. Эти противоречия были частью общей борьбы за раздел прибавочного продукта в стране, который, как указывалось выше, определялся проявлением двух тенденций (вотчинной, т. е. частновладельческой, и централизованной) в развитии феодальных отношений.

Однако в отличие от податного иммунитета судебный иммунитет в большей мере был связан с осуществлением внешнеэкономического принуждения в стране в целом, а экономическая сторона (т. е. судебные доходы) имела гораздо меньшее значение по сравнению с регулярной рентой. Вот почему судебный иммунитет подвергался пока в меньшей степени ограничению, чем податной. И хотя судебная реформа была важнейшим шагом на пути увеличения централизованных феодально-государственных доходов, она проведена менее последовательно, нежели мероприятия правительства по ограничению податного иммунитета. Причем это проявлялось не столько в разрастании судебных прав светских землевладельцев (последняя тенденция в конечном итоге заглохла, так и не получив заметного развития), сколько в менее быстрых темпах ограничения судебного иммунитета сравнительно с податным в духовной вотчине.

Именно эта общая черта характерна и для Уложения

М. Барновского 1628 г., которое, собственно говоря, подвело итоги сорокалетней судебной реформы, начатой впервые в 1588 г. Но это только одна из сторон нового Уложения. Наряду с ней в новом Уложении господаря М. Барновского наблюдается еще один шаг вперед (новый по сравнению с реформой) в деле ограничения судебного иммунитета и определенного перераспределения в связи с этим судебных доходов. Он заключался в новых дополнительных возможностях увеличения централизованных судебных доходов, которые можно было получить, взыскивая судебные штрафы и пошлины по таким руслам, которые реформа не предусматривала. Несомненно, Уложение М. Барновского в отношении судебного иммунитета (как и податного) ограждало вотчинную систему феодальной эксплуатации крестьян от чрезмерного натиска служилого боярства. Вместе с тем уложение отвечало направлению основной тенденции развития эксплуатации в стране — росту централизованной системы. Но поскольку непосредственным поводом к изданию нового законодательного акта 1628 г. было обращение к господарю вотчинников-землевладельцев, то Уложение берет под защиту судебные доходы духовной вотчины от злоупотреблений государственных чиновников, хотя одновременно расширяет законные рамки централизованного взыскания судебных доходов по сравнению с положениями сорокалетней судебной реформы. Так, в Уложении указывалось, чтобы «пыркалабы не имели дела с селами святого монастыря (здесь далее шло наименование вотчинника. — П. С.) грабить за разные дела или сваду, которая произойдет, а только если окажутся разбойники и тати, чтобы имели дело пыркалабы их ловить, а другие, которые окажутся, чтобы судил игумен с собором и глобил по вине как положено. А если не подойдет им суд, как будет судить монахи, пусть идет в суд пыркалабский, но чтобы там бралась только ферья, а глоба оставалась монахам»²⁵.

Уложение полностью воспроизводит лишь одно из основных положений сорокалетней судебной реформы: о выделении из сферы вотчинной юстиции наиболее опасных деяний для классовых интересов феодалов (особенно татьба, разбой и действия «злых людей»). В этом вопросе по-прежнему внутрикласовые противоречия отходят на второй план и преследование поручается более мощному государственному аппарату принуждения. Но когда дело касается получения штрафов и пошлин, Уложение допускает большие возможности для централизованного взыскания судебных доходов, нежели сорокалетняя реформа. Во-первых, Уложение передает в руки служилого боярства и господарских служилых людей не только все пошлины, но и все штрафы по наиболее важным делам (татьбе и разбою), если виновный не будет казнен. Ранее сорокалетняя судебная реформа исходила из раздела судебных доходов по этим делам из принципа: судебные пошлины —

господарским чиновникам, а судебные штрафы — духовной вотчине. Теперь и то и другое переходит в руки служилого боярства.

Во-вторых, авторы Уложения, изменив принцип раздела судебных доходов по особо важным делам, вместе с тем распространили его на более широкую категорию дел, доходы от которых до этого по судебной реформе шли целиком (как штрафы, так и пошлыны) в руки землевладельцев. Правда, по этому вопросу Уложение не давало единого решения. С одной стороны, оно допускало возможность взыскания феодалом-землевладельцем не только штрафов, но и судебных пошлин по всем делам, кроме татьбы и разбоя. С другой — Уложение, в случае пожелания тяжущихся сторон, допускало по этим же делам судопроизводство и соответственно распределение доходов на основе: судебные пошлины — господарским чиновникам, а судебные штрафы — вотчиннику-землевладельцу. Совершенно ясно, что Уложение в гораздо большей степени ограничивало судебный иммунитет землевладельца-вотчинника, нежели сорокалетняя судебная реформа, увеличивая тем самым централизованные судебные доходы.

Однако Уложение М. Барновского и сорокалетняя судебная реформа распространялись в части, касающейся судопроизводства и распределения судебных доходов, только на землевладение духовных феодалов — обстоятельство, на которое до сих пор при анализе Уложения не обращали внимания. Дело в том, что Уложение 1628 г. состояло из двух частей. В первой части указывалось, что при возврате беглых вечин предусматривались общие положения применительно ко всем зависимым крестьянам независимо от того, проживали ли они в светской или духовной вотчине. Это была общая норма для всей страны и всех частнофеодальных земель. Во второй части Уложения, где регламентировался судебный иммунитет, во всех нам известных случаях обязательно оговаривалось, что речь идет только о духовной, в частности монастырской вотчине²⁶.

Такое противопоставление в тексте Уложения становится вполне понятным, если мы учтем разную степень распространения судебного иммунитета в духовной и светской вотчинах. Исходя из этого Уложение делало шаг вперед в ограничении судебного иммунитета только в духовной вотчине, ибо и к 1628 г. (несмотря на некоторое возрастание судебных привилегий светских землевладельцев) судебная юрисдикция продолжала быть в духовной вотчине гораздо шире, чем в светской. Уложение совершенно не фиксировало противоположную тенденцию — некоторое возрастание судебных привилегий светских землевладельцев. В качестве общей нормы оно признавало определенный ограниченный уровень судебного иммунитета лишь за духовной вотчиной. В этом отношении Уложение 1628 г. по-разному подходило не только к духовной и свет-

ской вотчинам, но и к регламентации податного и судебного иммунитета в самой духовной вотчине. Для определения податных привилегий духовной вотчины Уложение исходило из необходимости получения иммунитетной грамоты («общей нормы» не существовало). Такая «общая норма» судебного иммунитета духовной вотчины для всей страны была выработана самим Уложением.

Уровень судебного иммунитета духовной вотчины в качестве общей нормы вначале пыталась установить сорокалетняя судебная реформа, а затем это сделало Уложение М. Барновского 1628 г. По-видимому, здесь можно наблюдать определенную последовательность в иммунитетной политике, ибо из этого же положения исходил и последующий законодательный акт, непосредственно примыкающий к Уложению, — Указная грамота 1631 г. господаря М. Могилы. Она была результатом новой жалобы, с которой обратились к господарю «епископы и игумены всех монастырей на пыркалабов всех волостей, говоря, что они заходят в их села и грабят вечинов и берут на чюботе без основания...»²⁷

Господарь М. Могила вновь подтверждает ту часть Уложения 1628 г., которая касалась судопроизводства и распределения судебных доходов в духовной вотчине, и предписывает не взysкивать штрафы и пошлины («чюботе») «без основания», т. е. в нарушение «общей нормы» судебного иммунитета, установленной тем же Уложением.

Итак, Указная грамота 1631 г. М. Могилы брала под защиту судебные доходы духовной вотчины от злоупотреблений служилого боярства. Но Указная грамота не делала никаких отступлений от оформленного Уложением 1628 г. сдвига в сторону ограничения судебного иммунитета. Наоборот, она еще раз закрепляла его.

Указная грамота 1631 г. была последней известной нам попыткой правительства признать под давлением землевладельцев-вотчинников определенный уровень судебного иммунитета (а отсюда и распределения судебных доходов) в духовной вотчине в общегосударственном масштабе.

В дальнейшем, после 1632 г., правительство переходит к следующему этапу в ограничении судебного иммунитета. Он характерен тем, что происходит не за счет сокращения «общей нормы» привилегий для духовной вотчины всей страны, а, как и при ограничении податного иммунитета, используется политика выдачи грамот с определенным уровнем судебных привилегий для отдельных вотчин. Это подтверждают грамоты второй трети XVII в., в которых господари, несмотря на жалобы «всех епископов и игуменов от всех монастырей» страны, не делают больше попыток установить в общегосударственном масштабе «общий уровень» судебного иммунитета духовной вотчины. Привлекает внимание в этом отношении грамота

господаря А. Илиаша, выданная 26 октября 1666 г. и сообщавшая о жалобе господарю всех духовных феодалов страны. Епископы и игумены монастырей указывали на то, что «бояре великие и все ватавы и пыркалабы волостей и другие служилые, а также слуги боярские, которые справляют службу моего господства в селах и во всех городах... грабят монахов от всех святых монастырей и метохов и послушников их... и облагают глобами, што не положено делать». В грамоте сообщалось далее, что служилые бояре штрафуют также «детенышей²⁸ их и наймитов их, чего из века не делали»²⁹.

Первое, что бросается в глаза, — это чрезвычайно узкий круг зависимых людей (послушники, монастырские детеныши, наймиты), на которых еще распространяются в общегосударственном масштабе определенные судебные привилегии духовной вотчины. Это подавляющее меньшинство зависимых людей, а их абсолютное большинство уже не попадали под действие «общей нормы» судебного иммунитета духовной вотчины. На них распространялось наличие особой для каждой вотчины (или группы вотчин) грамоты с указанием размера судебных привилегий землевладельца. А в этой области иммунитетная политика во второй и третьей четвертях XVII в. шла по линии ограничения судебного иммунитета как в количественном (в смысле охвата зависимых крестьян и сел духовных феодалов), так и в качественном (в смысле размера судебных привилегий и доходов вотчинника) отношениях. Таким образом, методы ограничения податного и судебного иммунитета отныне совпадают и сводятся к попытке выдачи иммунитетных грамот с указанием размеров судебных и податных привилегий.

После 1632 г. (т. е. после отказа от определения «общей нормы» судебных привилегий духовной вотчины) ограничение судебного иммунитета пошло гораздо более быстрыми темпами, чем раньше. В количественном отношении это привело к тому, что во второй и последней трети XVII в. постепенно начинает складываться обычай, по которому основные привилегии по присвоению судебных доходов получают незначительное количество вотчин преклоненных монастырей и гораздо реже — отдельные духовные феодалы страны³⁰.

Параллельно с этим происходит и ограничение объема судебных привилегий, которыми еще пользовались на основании иммунитетных грамот отдельные непреклонные духовные вотчины. Из ведения вотчинной юстиции изымаются не только татьба и разбой, но и многие другие дела. Причем господарские грамоты подчеркивали, что по этим делам не только судебные пошлины, но и штрафы взыскиваются господарскими чиновниками³¹. Дело дошло до того, что во второй половине XVII в. господарские чиновники стремятся рассматривать даже дела о нарушении брачного права, т. е. посягают на давние права церкви³². Правда, в ответ на жалобу «всех

монастырей и епископств страны» господарская власть берет под защиту эти права церкви³³, но по другим вопросам судебной юрисдикции и распределения судебных доходов вмешательство центральной власти идет по линии неуклонного ограничения объема судебных привилегий. Духовные вотчины, обладающие более широкими судебными привилегиями, становились редкими островками.

В этом отношении особенно характерен господарский рескрипт от 1 июля 1693 г., данный большой группе крупных духовных феодалов страны (11 монастырям). Согласно грамоте, судебный (как и податной) иммунитет распространялся лишь на весьма небольшое число монастырских вечин и послушников. Но даже в отношении этого незначительного количества крестьян-вечин (всего 76 человек) права были довольно ограничены. Не только судить, но и штрафовать и брать пошлины по важнейшим делам (татьба, разбой, убийство) должны были представители государства. Лишь по остальным делам судебные доходы оставались монастырям³⁴.

Разумеется, основная масса крестьян в духовной вотчине перешла уже на то же положение, что и в светской вотчине. Что касается светского землевладения, то редкие и спорадические случаи пожалования судебных привилегий отдельным светским землевладельцам уже не встречаются³⁵.

Можно сказать, что в последней трети XVII — начале XVIII в. широкий доступ к судебным доходам сохранили в основном только преклоненные монастыри. Их привилегии охватывали всех зависимых от них крестьян и были признаны государством как обычай, не подлежащий нарушению. Это обстоятельство совершенно определенно подчеркивалось в грамоте от 28 февраля 1673 г., пожалованной монастырю Четацуя на села Динганы, Фрасины и Паркова. Господарь прямо предписывал: «Не прикасаться к глобам людей из этих сел, не валовать и оставить их в покое, в села не входить, так как имеет дело игумен с ними, наказывать и глобить, каков есть обычай и в других преклоненных монастырских селах»³⁶. Имелось в виду, что все судебные доходы из преклоненных вотчин и монастырей должны отправляться церковным учреждениям, расположенным в Турецкой империи. Об этом, как правило, говорит большинство господарских грамот второй половины XVII в.³⁷ Таким образом, к концу рассматриваемого периода был оформлен еще один канал, по которому из страны отправляли в Турецкую империю доходы не только от систематической ренты, но и судебные, хотя они и не принимали характера централизованных платежей, а взыскивались владельцем духовной вотчины, сохранившим более широкий судебный иммунитет.

Это было оформление судебного иммунитета только для узкой группы фактически иноземных духовных феодалов (полу-

чающих доход в пределах Турецкой империи). Но, как мы уже заметили, количество таких вотчин в общем числе частновладельческих сел было незначительно³⁸.

Не только для податного, но и для судебного иммунитета конец XVII — начало XVIII в. означали в основном завершение процесса ограничения более широких судебных привилегий.

Судебные права (и соответственно объем судебных доходов) в духовной и светской вотчинах наконец окончательно сблизились. Духовный и светский землевладельцы вступили в XVIII век, имея в основном (за редким исключением) одинаковые судебные привилегии.

Совокупность этих судебных привилегий, для подтверждения которых не требовалось наличия особой иммунитетной грамоты, была сравнительно скромной в смысле объема судебных доходов. Их основная и важнейшая часть к концу XVII — началу XVIII в. взыскивалась, как правило (за очень редким исключением), на всех частновладельческих землях централизованным путем. Если взглянуть на состав судебных штрафов и пошлин (глобы, душегубины, хаталм, ферыя, чюботе), то все они окажутся в перечне судебных доходов, которые вливались в русло феодально-государственной эксплуатации. Именно эти судебные платежи чаще всего встречаются в источниках XVII — начала XVIII в., доминируя и, несомненно, представляя собой львиную долю судебных платежей крестьян.

Что же оставалось землевладельцам-вотчинникам, не имевшим доступа к централизованной системе феодальной эксплуатации крестьян? Это только те судебные взыскания, которые были связаны с мелкими тяжбами, административно-хозяйственными вопросами в вотчине и штрафами по делам о нарушении сеньориальных прав. Обычно в источниках XVII — начала XVIII в. они определялись формулой документов, гласящей о том, что вотчинник-земледелец может «наказывать и глобить каждого по делу его, каков есть обычай»³⁹. Такая формулировка означала лишь осуществление права административно-хозяйственной эксплуатации вотчины в пределах сеньориальных прав при отсутствии более широкой юрисдикции⁴⁰. Но наличие таких прав было нормой феодального обычного права, «обычаем», который давно утвердился вне зависимости от пожалования, полученного от центральной власти. Иными словами, эти сеньориальные административно-судебные права были атрибутом феодальной земельной собственности, издавна сложившимся феодальным обычаем. Не мог же земледелец в условиях феодализма осуществлять свои права по административно-хозяйственному управлению земельного домена без этих, хотя и сравнительно скромных, сеньориальных прав, и феодальное государство даже в условиях резкого усиления централизованной системы феодальной эксплуатации не покушалось на их ликвидацию⁴¹. Да и судебные доходы от этой

весьма ограниченной юрисдикции мало что значили в общей сумме совокупной ренты. Достаточно взглянуть на известную опись монастырских доходов и расходов первой половины XVIII в., чтобы убедиться, что они там почти совершенно не фигурируют как источники сеньориальных доходов⁴².

Итак, хотя процесс ограничения судебного иммунитета по сравнению с податным шел вначале более медленно, он все же привел к тому, что судебные взыскания (штрафы и пошлины) с зависимых крестьян в подавляющем большинстве случаев присваивались централизованным путем. В экономическом отношении это означало еще один поворот к господству феодально-государственной централизованной системы феодальной эксплуатации крестьян, которая достигает своего апогея в конце XVII — середине XVIII в.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Дмитриев П. Г., Советов П. В. Роль централизованного пути присвоения прибавочного продукта с крестьян феодальной Молдавии XV—XVIII вв.— Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы за 1963 г. Вильнюс, 1965, с. 275.

² История Молдавской ССР, изд. 2, т. I. Кишинев, 1965, с. 201—204.

³ Arhivele statului Iași (далее: ASI), CCC XXIII/39.

⁴ Гросул В. Я., Дмитриев П. Г., Советов П. В. Переходные формы феодальной эксплуатации крестьян в Молдавии XVIII — начала XIX в. — Известия АН МССР. Серия общественных наук, 1967, № 2, с. 7—10.

⁵ Р. Росетти считал, что иммунитет возник еще до образования Молдавского государства и сохранился без каких-либо существенных изменений до 1859 г. (*Rosetti R. Pământul, sătenii și stăpîniia în Moldova*. Buc., 1907, p. 288—289). И. Филитти также не видел ограничений в иммунитете до 40-х гг. XVIII в. (*Filitti I. Proprietatea solului în Principatele române*. Buc., 1935, p. 213—214). См. также: *Istoria României*, vol. III. Buc., 1964, p. 438. В советской историографии такого мнения придерживается лишь Ф. А. Грекул. Он считает, что феодальный иммунитет не ограничивался в XVI—XVII вв., а, наоборот, разрастался. (Аграрные отношения в Молдавии XVI — первой половины XVII в. Кишинев, 1961, с. 234—248.)

⁶ Центр внеэкономического принуждения постепенно передвигался туда, где был центр феодальной экономической эксплуатации.

⁷ Documente privind istoria României, A. Moldova (далее: DMA), veac. XVI, vol. I, p. 321.

⁸ Обращает на себя внимание, что в 60—80-е гг. XVI в., т. е. до 1588 г., было издано несколько иммунитетных грамот, но они предназначались для вновь образованных монастырей и подтверждали их полный судебный иммунитет (DMA, veac. XVI, vol. III, p. 232; *Studii și documente*, vol. VI, p. 75).

⁹ О судебной реформе, начавшейся в 1588 г., впервые мы писали в 1965 г. Об этом см.: История Молдавской ССР, изд. 2, т. I, с. 201—204.

¹⁰ О понятии «злые люди» см. раздел о классовой борьбе в XVI — начале XVIII в.— В кн.: История Молдавской ССР, изд. 2, т. I, с. 221.

¹¹ DMA, veac. XVI, vol. III, p. 385—386 (фотокопия оригинала там же, с. 612). Грамота была выдана на все села Побратского монастыря. Ферья была довольно высокой пошлиной. Об этом см.: Советов П. В. К вопросу о правильном освещении понятия «третина» в иммунитетных грамотах Молдавии XV в. — Известия АН МССР. Серия общественных наук, 1961, № 5(83), с. 14—15.

¹² DMA, veac. XVI, vol. III, p. 463—464, 642. Грамота выдана тому же монастырю специально для сел Черновицкой волости. В 1590 г. была дана

еще одна подобная грамота селам того же монастыря в Сучавской волости (Arhiva istorică centrală a statului din București (далее: ASB), M-rea Sf. Sava—Iași, XXXV B/4).

¹³ DMA, veac. XVI, vol. III, p. 642.

¹⁴ Ibidem.

¹⁵ См. помимо вышеуказанных документов Побратскому монастырю господарские иммунитетные грамоты от 22 января 1593 г., 23 октября 1607 г., 7 мая 1608 г., 21 января 1612 г., 14 января 1622 г. на имя этого же монастыря для всего земельного домена или отдельных сел (DMA, veac. XVI, vol. IV, p. 307—308; veac. XVII, vol. II, p. 129—130, 257—258; vol. III, p. 56—58; vol. V, p. 98—99); от 3 июля 1599 г., 1 августа 1606 г., 22 апреля 1607 г., на имя Нямецкого монастыря (DMA, veac. XVI, vol. IV, p. 263; veac. XVII, vol. II, p. 58, 97, 367); от 3 января 1605 г. на имя Тазловского монастыря (DMA, veac. XVII, vol. I, p. 190); от 2 июля 1607 г., 28 октября 1607 г. 11 мая 1608 г., 5 мая 1626 г. на имя Галатского монастыря (DMA, veac. XVII, vol. II, p. 97, 133—134, 153—154; ASB, M-rea Sf. Sava—Iași, XXXIV/7); от 14 июля 1619 г., 4 ноября 1621 г., 21 мая 1626 г. на имя Пангарацкого монастыря (DMA, veac. XVII, vol. IV, p. 381—382; vol. V, p. 69—70; ASB, M-rea Pîngarați, III/29); от 10 января 1624 г. на имя Бистрицкого монастыря (DMA, veac. XVII, vol. V, p. 257—258); от 28 февраля 1627 г. на имя монастыря св. Саввы (Biblioteca Academiei RSR (далее: Acad. RSR), Fotografii XXVIII/13). В уложении М. Барновского 1628 г. были закреплены лишь некоторые положения судебной реформы (см. далее).

¹⁶ Конечно, реформа выдвинула ряд новых для Молдавии принципов в области судоустройства и судебного процесса (ликвидация остатков коллективной судебной ответственности родственников, оформление строго индивидуальной ответственности; введение некоторых принципов следственного процесса; изменение принципов судебного вменения; оформление раздела сферы юстиции на людей «злых» и «добрых» и многое другое), которые, по-видимому, отражали общие сдвиги в развитии права страны. Нас же интересуют вопросы ограничения судебного иммунитета в связи с перераспределением судебных доходов.

¹⁷ Так, Галатский монастырь, на все села которого распространялась судебная реформа, вместе с тем в течение этих сорока лет получил иммунитетные грамоты, запрещающие въезд господарских чиновников для суда по всем делам в села Садна, Тамашены, Вылчешты, Плопи, Белчешты, Калугарены (DMA, veac. XVI, vol. IV, p. 3, 276; veac. XVII, vol. II, p. 152—153; vol. III, p. 48; vol. IV, p. 489—490, 500; vol. V, p. 119—120, 244—246, 248, 318—319; ASB, ms. 629, f. 231; ibidem, M-rea Galata 1/5; Acad. RSR, XLVI/140). То же положение наблюдается в отношении монастыря св. Саввы для сел Строешты, Гушецей, Уриканы (DMA, veac. XVI, vol. IV, p. 424; veac. XVII, vol. II, p. 165; vol. IV, p. 40—41; Acad. RSR, DXCI/25; ibidem, DXCI/27).

¹⁸ Из этого исходят, например, ряд грамот конца XVI — начала XVII в., которые говорят о выделении из сферы вотчинной юстиции дел по обвинению в татьбе, разбое, иногда убийстве, а также преследования «людей злых». Так, в грамоте от 7 апреля 1591 г. указывалось, что господарские судьи не должны брать мелкие душегубины (т. е. мелкие штрафы), а только душегубины за убийство в селах Хушской епископии (ASB, ms. 543, f. III). Об этом же говорится и в грамотах от 22 июня 1612 г. и 6 апреля 1621 г. (DMA, veac. XVII, vol. V, p. 44; ASB, ms. 543, f. 19). В январе 1614 г. господарь предписывал чиновникам, чтобы в селах Пангарацкого монастыря в Нямецкой волости оставить монахам «глоабе (штрафы. — П.С.) малі» и брать только «глоабе что сѣ сътворѣют за крадуи или инши злоторци» (DMA, veac. XVII, vol. III, p. 154, 319). См. также грамоты от 7 января 1625 и 24 марта 1626 гг. монастырю Арона-Водэ на села Аверешты, Жировул, Никорешты (DMA, veac. XVII, vol. V, p. 313; Acad. RSR, LXXLII/49); от 1 января 1613 г., 15 января 1614 г. и 5 мая 1626 г. на села Вылчешты, Садна, Тамашены, Кончешты Галатского монастыря

(DMA, veac. XVII, vol. III, p. 109—110, 155—156, 303, 321; ASB, ms. 628, f. 205 v).

¹⁹ Так, например, в грамоте от 1 ноября 1620 г. указывалось, что епископ Хушский в своих селах сам судит и берет не только все глобы, но и ферьи, за исключением татей и разбойников, которых надлежит ловить совместно с людьми епископа и направлять к господарю (DMA, veac. XVII, vol. IV, p. 502).

²⁰ Очень часто в грамотах конца XVI — начала XVII в. указывалось, что господарские слуги не должны входить в село «валовать» и собирать глобы «без оснований» или «вне закона» (см., например, грамоту от 6 ноября 1633 г., пожалованную для монастыря Арона-Водэ на село Мираешты. — Acad. RSR, XCIX/55 a—b). Но в таких документах не уточнялись ни «основания», ни «закон». В некоторых случаях оказывалось, что при данной формулировке речь идет не о судебном иммунитете, а о запрете господарским слугам взыскивать в данном селе судебные штрафы «за других людей или за другие села», т. е. в порядке круговой поруки (см., например, грамоту от 13 января 1634 г. монастырю Успения на село Фынтына. — *Ghibănesci G. Surete și izvoade*, vol. XV, p. 74—75).

²¹ В те годы для местностей и вотчин, в которых нарастала мощная волна протеста крестьян, господарские предписания указывают на необходимость борьбы с крестьянским движением всего государственного аппарата. В них подчеркивается особо обязательность рассмотрения дел о татбе, разбое и т. д. господарскими судьями. В годы сравнительного затишья встречаем документы, свидетельствующие лишь о запрете господарским чиновникам вступать в села и взыскивать судебные штрафы и пошлины, которые целиком предназначались монастырям.

²² См., например, грамоты, пожалованные Воронежскому монастырю, на села в Суачской волости (DMA, veac. XVII, vol. IV, p. 1); монастырю св. Параскивы на село Юкаш (*ibidem*, veac. XVII, vol. IV, p. 341); монастырю Секул на села Себонаны, Бериндешты; Бисериканскому монастырю на с. Троица (*ibidem*, veac. XVII, vol. III, p. 91—92); монастырю Арона-Водэ на села Жеровул и Никорешты (DMA, veac. XVII, vol. II, p. 74, 170); монастырю Вэнэторь на село Данешты (*ibidem*, veac. XVII, vol. IV, p. 28); Радауцкой епископии на село Кицман (*ibidem*, veac. XVII, vol. I, p. 249; vol. II, p. 188—189) и др.

²³ См. грамоты от 13 апреля 1603 г. на имя стольника Теодора для вчени села Боцешты (DMA, veac. XVII, vol. I, p. 87); от 11 июня 1608 г. на имя бывшего вел. вистерника Исака Балки для села Юкаш (*ibidem*, vol. II, p. 158); от 18 июля 1608 г. на имя бывшего пыркалаба Малая для села Хреска (ASB, Achiziții Noi, MMDXIX/7); от 30 апреля 1626 г. постельнику Енаке на село Скумпия (Acad. RSR, DXCI/26); от 18 октября 1620 г. на имя вдовы покойного логофета Небожатко (DMA, veac. XVII, vol. IV, p. 499). Впрочем, в некоторых случаях (в частности, в указанной выше грамоте от 18 октября 1620 г.) скорее всего речь идет не о штрафах и пошлинах, а об уплате «за других людей или за другие села».

²⁴ В этом смысле даже сорокалетняя судебная реформа подчеркивала, что «аще будет таковъи человекъ злѣи или повиненъ смертѣи болѣи да сътворятъ ему по законъ и по дѣло» (т. е. применяет к нему соответствующее наказание). В данном случае вмешательство служилых бояр в духовную вотчину не ограничивалось. Что же касается крестьян духовной вотчины, подлежащих только судебному штрафу, которые «кет с глобою от закона (служилые бояре) але тожко да съдѣт и да възимаютъ ферьи, ды бѣдетъ вси глобе и дешгубини монастырв» (DMA, veac. XVI, vol. III, p. 642).

²⁵ Кроме того, в Уложении указывалось также, что душегубинары могут заходить в боярские и монастырские села только один раз в год — в сентябре месяце (приводится грамота от 12 января 1628 г., данная на имя Воронежского монастыря (Acad. RSR, LXXV/25). См. также грамоты, пожалованные другим вотчинникам, с идентичным содержанием от 13 января 1628 г. (Acad. RSR, ms. III, f. 84v—85) и 16 января 1628 г. (ASB, ms. 629, f. 238/246—239/24v).

²⁶ См. известные опубликованные документы 1628 г., отражающие Уложение М. Барновского: *Haşdeu B. P. Arhiva Istorică*, vol. I, p. 175—176; *Ghibănescu G. Surete şi izvoade*, vol. XV. Iaşi, 1926, p. 16, а также приведенные выше архивные данные (Acad. RSR, LXXXV/25; *ibidem*, ms. III, f. 84v—85; ASB, ms. 629, f. 238—247v).

²⁷ Acad. RSR, IXXXIII/109; В Указной грамоте 1631 г. далее говорилось также, что епископы и игумены всех монастырей обеспокоены тем, что пыркалабы всех волостей «...заходят в села во всякое время года и подвергают напастям женщин и девушек, людей добрых и бедных (Уложение 1628, г. допускало заход в села один раз в год в сентябре. — П.С.) и обманным путем грабят их и берут с них ферыи и чуботе» (там же).

²⁸ В тексте оригинала на молдавском языке «фечиорь», т. е. категории крестьян наподобие монастырских детенышей на Руси.

²⁹ ASB, ms. 543, f. 88.

³⁰ См. грамоты, выданные в течение второй трети XVII в., на имя Галатского монастыря (для сел Вылчешты, Воровешты, Тамашены, Плоиш, Калугарены, Белчешты. — Acad. RSR, XLVI/132, 135, 136, 138; ASB, M-rea Galata, X/15; X/10; 1/6; 11/6); монастыря св. Саввы (для сел Строешты и Хорельканы. — Acad. RSR, DXCI/30; 32; 33); монастыря св. Параскивы из Ясс (для с. Ульми.—ASB, ms. 629, f. 286—286v; 365—366v; 361—362); монастыря Барновского (для сел Шипотеле и Топорауцы. — ASB, M-rea Bagnovski 11/2); Епископий Хушской, Радауцкой и Романской, в основном для послушников. — ASB, ms. 543, f. 55, 56, 67, 110—112; M-rea Putna, N 626g; Ep. Roman, 1/1; и др.

³¹ Так, в грамоте от 23 августа 1638 г. предусматривалось, что в селах Хушской епископии татей и разбойников судят господарские чиновники, они же берут душегубины за убийство. Все остальные глобы за любые мелкие тяжбы идут в пользу епископа (ASB, ms. 543, N 30; *ibidem*, f. 41). Это же положение оговаривалось в грамотах от 9 августа 1630 и 28 августа 1633 г., данных Хушской епископии (ASB, ms. 543, f. 29). В грамотах от 18 июня и 6 апреля 1683 г. указывалось, что все великие душегубины в епископских селах взыскивались централизованным путем (ASB, ms. 543, f. 110, 111).

³² Еще из грамоты игумена Путнянского монастыря Гервасия от 17 января 1612 г. видно, что все эти дела были подсудны церкви (*Bălan T. Documente bucovinene*, vol. I, p. 146).

³³ Имеется в виду упоминавшаяся выше грамота господаря А. Илиаша от 26 октября 1666 г. В жалобе епископы, в частности, обращали внимание господаря на то, что не могут рассматривать дела о нарушении брачного права из-за притязаний служилых бояр. Господарь указывал последним, что «не может епископ в своей епархии... рассматривать дела людей, живущих вне церковного брака, кровосмешение, кумэтрий, кунунии и другие беззакония» (ASB, ms. 543, f. 88) и поэтому, чтобы впредь епископы в своей епархии рассматривали дела и взыскивали штрафы по делам о нарушении христианских канонов брака без вмешательства служилых бояр (там же).

³⁴ ASI, XLIX/I.

³⁵ Последняя известная нам грамота относится к 28 марта 1649 г. В ней господарским слугам временно запрещалось взыскивать глобы в селе Братены, принадлежащем наследникам постельника Йорги (Acad. RSR, XLIII/115). Правда, Р. Росетти пытается доказать обратное, неправомерно ссылаясь на грамоту, пожалованную 10 июля 1725 г. спатарю Строчи на село Прилипка (*Rosetti R. Op. cit.*, p. 228). Р. Росетти не сумел правильно понять содержание этого документа. Грамота 1725 г. проводит раздел судебных функций ворников и пыркалабов. Первые (т. е. ворники) должны рассматривать только дела по обвинению в шугубине (нравственные преступления) и убийстве. Однако из этого нельзя сделать вывод (как сделал Р. Росетти), что все остальные дела судил сам вотчинник. Их судили, как прямо указывается в грамоте, по всем делам, которые наказываются «от стола», т. е. государством, пыркалабы Хырловской волости, куда входило село Прилипка. Такой раздел судебных функций между ворниками и

пыркалабами встречаем во многих документах первой половины XVIII в. Землевладелец (в частности, и в селе Прилипка) рассматривал лишь те дела, которые ворники не судят и которые «от стола не глобятся», т. е. мелкие тяжбы и дела, связанные с экономической реализацией феодальной земельной собственности.

³⁶ ЦГА МССР, ф. 220, оп. 11, д. 264.

³⁷ Так, в грамоте от 1 января 1668 г. указывалось, что все судебные доходы из села Глижены необходимо собрать и послать монастырю св. Екатерины в Синае (ASB, ms. 629, f. 396—397). Согласно грамоте от 6 марта 1669 г., преклоненный Галатский монастырь должен был собрать все судебные доходы в селах Вережены и Хечиул и отправить их в Синай (ASB, ms. 629, f. 403—404v). В грамоте от 4 августа 1670 г. господарь указывает, что монастырь Барновского должен отправить все штрафы и пошлины из сел Шипотеле и Топорауцы в Иерусалим (ASB, M-rea Barnovski 1/4). То же самое следовало сделать, согласно грамоте 1673 г., со всеми судебными доходами из преклоненных вотчин Ульм, Белчешты, Калугарены и Плопи (ASB, ms. 629, f. 421—422v; *ibidem*, M-rea Galata 1/13; 1/44).

³⁸ Многие источники конца XVII — начала XVIII в. свидетельствуют, что судебные доходы с зависимых крестьян взыскивались, как правило, централизованным путем. Из письма от 11 декабря 1707 г., например, видно, что в селах Путнянского монастыря все глобы получали господарские слуги (*Iorga N. Anciens documents de droit roumain, vol. I. Paris—Buc., 1931, p. 261*). См. также запись ворника Дабижи (*ibidem*, p. 266—267).

³⁹ Они не охватывают доходы от рассмотрения земельных правонарушений, имущественных преступлений (татьбы, разбоя), преступлений против личности (убийства, телесных повреждений), против нравственности (дивковолочение, прелюбодеяние, оскорбления словом или действием) и, конечно, политических и государственных преступлений.

⁴⁰ Так, еще в грамоте от 10 декабря 1633 г. господарь М. Могила указывает, что тяжбу по поводу владения селом Вэнаторь выиграл Бистрицкий монастырь. В связи с этим ватаману и крестьянам предписывалось оказывать «послушание» (т. е. нести сеньориальные повинности и вести хозяйство в связи с учетом интересов вотчины). Те же, кто «не будет оказывать послушание, чтобы имел право (монастырь. — П.С.) наказывать и штрафовать каждого по его вине, каков есть обычай» (ASB, M-rea Bisericani, 1/26). То же самое явствует и из грамоты от 9 августа 1637 г., данной монастырю Солка для села Лозна (Acad. RSR, XIX/75). В грамоте от 20 марта 1641 г. господарь В. Лупу предписывает игумену Галатского монастыря штрафовать тех крестьян, которые не будут огораживать свои виноградники в монастырской вотчине Мирослава (ASB, M-rea Pobrata, XIV/5).

⁴¹ Подобное могло произойти лишь в результате ликвидации феодально-землевладения вообще либо вотчинного землевладения и сеньориальной эксплуатации в частности. Но этого не случилось, хотя Турция неоднократно собиралась превратить страну в пашалык, что, конечно, привело бы к ликвидации вотчинного землевладения и сеньориальных прав молдавских землевладельцев.

⁴² Наоборот, сами монастыри-вотчинники несли гораздо большие судебные расходы.

АНТИФЕОДАЛЬНАЯ БОРЬБА В ГАЛИЦКОМ ПРИКАРПАТЬЕ В XVI — ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVIII в. В ПОСЛЕВОЕННОЙ СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Развитие товарно-денежных отношений в странах к востоку от Эльбы, где в это время господствовали феодально-крепостнические отношения, привело к перестройке вотчинного хозяйства феодала, появлению фольварков и к дальнейшему наступлению феодалов на экономическое и правовое положение крестьянства и населения городов. Это, в свою очередь, вызвало усиление антифеодальной борьбы.

В буржуазной историографии вопрос о классовой борьбе крестьян в Галицком Прикарпатье не получил освещения, поскольку ею вообще отрицались классовые противоречия в западноукраинских землях в период феодализма.

Научная разработка данного вопроса началась в советской историографии в послевоенное время. Ныне имеется уже относительно большая литература по этой проблеме, особенно украинская.

Первые исследования появились в конце 40-х гг. В 1948 г. вышла статья Е. М. Косачевской, в которой на основе критического анализа работ буржуазных исследователей, широкого привлечения фольклорного и этнографического материала была показана борьба галицких, закарпатских и буковинских опришков в XVI — XVIII в. и впервые определен антифеодальный характер опришковского движения¹.

В этом же году была напечатана работа Е. И. Дракохруст «Галицкое Прикарпатье в XVI в. и движение опришков»². В ней на примере восьми Прикарпатских староств — Снятынского, Коломыйского, Стрыйского, Дрогобычского, Самборского (с Озиминской волостью), Перемышльского, Саноцкого, связанных с опришковским движением, были проанализированы социально-экономические процессы, проходившие в Галицком Прикарпатье, которые явились причиной возникновения опришковства. Е. И. Дракохруст приходит к выводу, что резкое ухудшение экономического и правового положения крестьян в Галицком Прикарпатье вызвано развитием фольварочно-барщинной системы хозяйства феодалов и продвижением его уже в XVI в. в Подгорье. В связи с этим автор рассматривает масштабы распространения и тенденцию развития фольварков, их структуру и размеры продукции, влияние их на усиление крепостничества в Прикарпатье, прослеживает связь между ростом фольварков и обезземеливанием крестьян. Останавливается Е. И. Дракохруст на специфике социально-экономических отношений в селах, управлявшихся волошским

правом, и изменениях, происшедших в правовом положении их жителей в связи с образованием фольварков.

По мнению исследователя, середина XVI в. была особенно трудным периодом для волошских сел: ломается скотоводческий уклад хозяйства с традиционной формой повинности — данью скотом, или чиншем со скота. Теперь и в этих районах барщина доходит до трех дней в неделю. Жители горных пастушеских сел, несмотря на их большую отдаленность (до 20 км) от фольварков, принуждались к сельскохозяйственным работам и к выполнению других многочисленных отработочных повинностей. Особенно тяжелой была извозная повинность — подвоз дров на солеварни, зерна на рынок, строительных материалов и т. д. В роли угнетателей крестьян выступали также и князья-солтысы, хозяйство которых включало те же статьи дохода, что и панские³. Все эти перемены вызвали недовольство крестьян горных сел, которое вначале выражалось в форме жалоб к королю, а со второй половины XVI в. перерастает в открытую борьбу. Формируются вооруженные отряды, в них вливаются и крестьяне с равнинных земель, бежавшие в Карпаты от феодального гнета. Именно волошские села, по мнению Е. И. Дракохруст, стали местом, где зародилась особая форма антифеодальной борьбы — опишкоство.

Исследуя структуру фольварков, тенденцию их распространения, размеры продукции, автор рассматриваемой статьи приходит к выводу, что густота фольварков зависела от природных условий и близости рынка сбыта сельскохозяйственной продукции, прежде всего хлеба, и что удельный вес зерновой продукции (хотя в фольварках развивалось и скотоводческое, рыбное, мельничное, мукомольное, крупорушное, валяльное, лесопильное хозяйство, пасеки, дубильни, белильни и т. д.) был уже в XVI в. значительным по отношению к общей сумме доходов королевских имений — от 40,1% до 64%⁴. Очевидно, хлеб в это время шел в основном на внутренний рынок⁵. Выводы Е. И. Дракохруст о развитии фольварочно-барщинной системы хозяйства феодалов в Галицком Прикарпатье в XVI в. имели важное значение, так как в исторической литературе того времени существовало мнение, что фольварки в этот период развивались только в равнинной части Галиции. Последующие исследования подтвердили и углубили точку зрения Е. И. Дракохруст.

Так, В. Ф. Инкин в работе, посвященной этому вопросу⁶, на примере Самборского и Дрогобычского староств приходит к выводу, что фольварки в Галицком Прикарпатье появились еще в конце XV в., число их и размеры посевных площадей в течение XVI и XVII вв. растут, в результате происходит сгон крестьян с земли и их обезземеливание. Причину возникновения фольварков В. Ф. Инкин, так же как и Е. И. Дракохруст,

связывает с развитием внутреннего рынка. По подсчетам В. Ф. Инкина, на фольварках Самборского староста и Озиминской волости в 60-е гг. XVI в. по сравнению с началом XVI в. (1507 г.) сбор зерновых увеличился в 10 раз. С конца XVI в. и в начале XVII в. хлеб идет уже на экспорт. Именно рост цен на хлеб на внешнем рынке и усилившийся его вывоз за границу стимулировали образование новых фольварков и рост запашки на старых, которые до этого ориентировались на внутренний рынок⁷.

В. Ф. Инкин также считает, что конец XVI — начало XVII в. были периодом наиболее интенсивного феодального наступления на экономические интересы крестьян волошских сел в связи с бурным развитием здесь фольварочного хозяйства и солеваренного «предпринимательства» казны. Он говорит о большой роли института сборов (веча) как органа коллективных и организованных действий крестьян, князей-солтысов, крайников против грубых злоупотреблений и произвола феодальной администрации. На сборах-вечах вырабатывались и принимались обращения к королю и выбирались ходоки с жалобами и протестами против произвола старост и администраторов. Сборовые решения, делает вывод В. Ф. Инкин, подводили как бы правовую основу для самых решительных антифеодальных акций крестьян⁸.

О большой роли волошского права в организации сопротивления феодальному угнетению в горных районах пишет Я. С. Мельничук. Хотя волошское право и не устояло перед наступлением фольварочно-барщинной системы, оно, по его мнению, сыграло положительную роль в борьбе крестьян против социального и национального гнета со стороны польских и венгерских феодалов⁹.

В 1955 г. вышла вторая статья Е. И. Дракохруст¹⁰, которая была посвящена исследованию непосредственно опришковского движения в Галицком Прикарпатье в XVII—XVIII вв.

На основе материалов Саноцкого городского суда XVI—XVII вв., судебных книг г. Станислава XVIII в., г. Дрогобыча, протоколов Галицкого суда и других источников автор приходит к выводу о том, что опришковское движение возникло на местной почве вследствие резкого ухудшения положения крестьян во второй половине XVI в. и было направлено как против польских, так и украинских крепостников. Отличительной чертой этой формы борьбы являлись конспиративность, присяга на верность, внезапные ночные нападения, маневрирование в случае неудачи выступления, связь с селами, из которых вышли опришки. Сила и действенность небольших опришковских отрядов, по мнению Е. И. Дракохруст, заключались в связи с беднейшим крестьянством.

Автор исследует социальный состав опришков и приходит к выводу о том, что в конце XVI — первой половине XVII в.

отряды опришков были разнородными (наряду с подавляющим числом крестьян в них насчитывалось значительное число разорившейся мелкой шляхты, князей-солтысов волошских сел, сельских священников), поэтому их выступлениям присущи элементы разбоя. Со второй половины XVII в., и особенно в XVIII в., отряды опришков становятся чисто крестьянскими. Происходит усиление бедняцких элементов среди опришков, малоземельных и безземельных крестьян: загородников, халупников, подсадков, коморников, батраков, наемных пастухов и др. Объекты нападений в это время значительно расширяются: панские дворы, паны и арендаторы поместий и корчем, служащие поместий, богатые купцы, ростовщики-евреи и т. д. Е. И. Дракохруст показывает, что движению опришков была присуща классовая и национальная солидарность. Галицкие опришки часто выступают совместно с закарпатскими, молдавскими опришками, польскими, словацкими и венгерскими збойниками против польских, венгерских и молдавских феодалов.

Е. И. Дракохруст считает, что борьба опришков хотя и носила стихийный характер, но способствовала расшатыванию устоев феодально-крепостнического строя. Сравнивая опришковское движение в Галицком Прикарпатье в XVIII в. с гайдамацким в Правобережной Украине, автор высказывается против отождествления этих движений, имевшего место в исторической литературе¹¹. Движение опришков было локальным, тогда как борьба гайдамаков носила организованный и ярко выраженный национально-освободительный характер.

Наиболее полное и всестороннее освещение антифеодальной борьбы крестьян в Галицком Прикарпатье во второй половине XVII — первой половине XVIII в. получила в исследованиях В. В. Грабовецкого¹², который выясняет внутренние социально-экономические и политические причины усиления антифеодальной борьбы, а также влияние внешних факторов — антифеодальных и освободительных движений в других украинских землях, подробно исследует все формы борьбы крестьян, но основное внимание уделяет опришковскому движению.

Обострение классовой борьбы в этот период В. В. Грабовецкий связывает, как и предшествующие исследователи, со значительным ухудшением социально-экономического и правового положения крестьян, вызванным прежде всего дальнейшим распространением фольварочно-барщинного хозяйства феодалов, а также разорительными войнами, которые вела Речь Посполитая¹³. На основании инвентарных описей частновладельческих имений и люстраций королевщины В. В. Грабовецкий приходит к выводу, что это время наибольшего упадка крестьянского и сельского хозяйства в целом¹⁴. Существующая система аренды, эксплуатация крестьян в хозяйствах, сданных магнатами в аренду средней шляхте, не имела гра-

ниц, а правовое положение крестьян было близким к рабству¹⁵. Разоряли и многочисленные монополии феодалов, особенно монополия на спиртные напитки и принудительная их продажа крестьянам. Расширение фольварков вело к росту числа бестяговых крестьян, дальнейшему обезземеливанию и пауперизации, увеличению барщины и других многочисленных отработочных, денежных и натуральных повинностей.

В. В. Грабовецкий приводит большой материал источников, свидетельствующий о разорении крестьян государственными и военными налогами, а также междоусобными войнами шляхты и длительным пребыванием войск на территории Галицкого Прикарпатья, набегами татар. Все это способствовало не только окончательному разорению крестьянского хозяйства, но и значительному обезлюдению Галицкого Прикарпатья.

На подъем антифеодальной борьбы в Галицком Прикарпатья в середине XVII в. оказала влияние и освободительная война украинского народа 1648—1654 гг. В данном районе Галиции, по мнению В. В. Грабовецкого¹⁶, антифеодальное движение достигло наибольшего размаха, в результате восстаний 1648 и 1655 гг. на большей части Галицкого Прикарпатья власть шляхты была ликвидирована. Действия опришков распространяются и на Подолию, они принимают участие и в восстании Костки Наперского в Подгалье в 1651 г.

На огромном материале источников В. В. Грабовецкий показывает, что и после освободительной войны украинского народа 1648—1654 гг. борьба крестьян в Галицком Прикарпатья не прекращалась в течение всей второй половины XVII—первой половины XVIII в.¹⁷ Наиболее действенной из всех форм антифеодальной борьбы опришков являлась та, которая усиливала крестьянские движения¹⁸. Центрами действий опришков, как и в предшествующий период (вторая половина XVI—первая половина XVII в.), были Саноцкая, Перемышльская и Галицкая земли.

Большое место в исследованиях В. В. Грабовецкого уделяется показу совместной борьбы галицких опришков с молдавскими на польско-молдавском пограничье, особенно в Покутье¹⁹, и с закарпатскими опришками на польско-венгерском пограничье, в Саноцкой земле. В конце XVII—начале XVIII в. опришковское движение особенно активизируется в горных районах Коломыйского повета. Вершиной его В. В. Грабовецкий считает борьбу под руководством Олексы Довбуша (1737—1745), когда прикарпатские, закарпатские и молдавские опришки вместе со словацкими и польскими збойниками выступали против шляхты в Польше, Венгрии и Трансильвании. Выступление опришков носило не только классовый, антифеодальный характер, но и ярко выраженный национально-освободительный. Радиус их действий достигает 100—300 км.

Оценивая в целом антифеодальную борьбу второй половины XVII — первой половины XVIII в., В. В. Грабовецкий приходит к выводу, что ее характерной чертой являлось массовое участие крестьян во всех формах борьбы, причем наибольшую активность проявляли беднейшие слои крестьян — малоземельные и безземельные. На усиление крестьянских волнений, особенно в первой половине XVIII в., оказывали влияние крестьянско-казацкие восстания против польской шляхты в Правобережной Украине и в Подолии²⁰.

Исследуя трехсотлетнюю историю карпатского опишковства, В. В. Грабовецкий дает периодизацию, в основу которой кладет социально-экономическое развитие Галицкого Прикарпатья в системе государства Речи Посполитой. Выявляя наиболее характерные черты социально-экономического развития Галицкого Прикарпатья в отдельные периоды позднего средневековья, он увязывает их с классовой борьбой. Так, XVI — первую половину XVII в. он выделяет как период формирования феодально-крепостнических отношений в Галицком Прикарпатье и первый период в истории опишковского движения. Для него характерны локальные выступления опишков и небольшой радиус их действий (10—100 км). Вторую половину XVII — первую половину XVIII в. исследователь определяет как период усиления феодально-крепостнических отношений и наибольшего подъема опишковского движения, его распространение по всему Прикарпатья, Закарпатья, Буковине и части Правобережной Украины. Конец XVIII — первая половина XIX в. — это период разложения феодально-крепостнических отношений и третий период в движении опишков. Их борьба с победой капиталистического способа производства утрачивает значение антифеодальной силы.

Нужно отметить, что периодизация развития социально-экономических отношений, данная В. Грабовецким, вызвала возражение некоторых украинских историков²¹. Е. С. Компан справедливо указала, что XVI — первую половину XVII в. вряд ли можно определять как время формирования феодально-крепостнических отношений в Галицком Прикарпатье, так как они устанавливаются здесь значительно раньше. Так же и конец XVIII — первую половину XIX в. нельзя считать периодом разложения феодально-крепостнических отношений в Галицком Прикарпатье, ибо это произошло, как и в других украинских землях, раньше. Конец XVIII — первая половина XIX в. — кризис феодально-крепостнических отношений в Галицком Прикарпатье.

К критическим замечаниям по исследованиям В. Грабовецкого кроме указанных выше нужно отнести неосвещенность вопроса идеологии крестьянских и опишковских движений в Галицком Прикарпатье, который является одним из сложных и мало разработанных в историографии в применении к

крестьянским движениям эпохи феодализма. О наличии элементов сознания в антифеодальной борьбе галицких опришков, нам думается, можно говорить на основании связей, существовавших между галицкими, закарпатскими и буковинскими опришками и польскими и словацкими збойниками, и совместных выступлений против общих классовых врагов — феодалов. Манифесты Довбуша также свидетельствуют об этом.

Грабовецкий не раскрывает причины участия жителей городов и предместий Галицкого Прикарпатья в крестьянских движениях, хотя на факты участия мещан в опришковских отрядах и в восстаниях крестьян указывает (в 1648, 1655 гг. и др.).

В связи с празднованием трехсотлетия воссоединения Украины с Россией в 1954 г. появился целый ряд работ, авторы которых касались вопроса причин усиления классовой борьбы в западноукраинских землях, находившихся под властью Речи Посполитой, в том числе и на землях Галицкого Прикарпатья, накануне и в период освободительной войны на Украине в 1648—1654 гг. Это статьи М. В. Горна²², Е. С. Компан²³, Ю. М. Гроссмана²⁴, В. И. Неточаева²⁵, Е. Ф. Белинского²⁶ и ряда других историков.

М. В. Горн на большом источниковедческом материале показал, что в десятилетие, предшествующее освободительной войне украинского народа, т. е. в 1638—1648 гг., которое в буржуазной историографии получило определение периода «золотого покоя», в западноукраинских землях не угасала классовая борьба крестьян и городской бедноты. Автор приходит к выводу, что восстания крестьян и городских низов, охватившие Западную Украину в период освободительной войны, были подготовлены всем предшествующим ходом исторических событий.

Большая часть фактического материала, приведенного М. В. Горном, свидетельствует о различных формах антифеодальной борьбы крестьян в это десятилетие на Саноцкой, Галицкой и Перемышльской землях; в том числе и об опришковском движении, центром которого были горные села Галицкого Прикарпатья; о социальной и национальной борьбе средних и бедных слоев городского населения, украинского по этническому составу, против немецкого патрициата и польской шляхты (в Перемышле, Галиче, Снятине) и о совместной борьбе крестьян и городских низов.

Причины усиления классовой борьбы в середине XVII в. в западноукраинских землях М. В. Горн, как и другие исследователи, видит в усилении закрепощения крестьян, росте барщины²⁷.

Он указывает на рост политического господства магнатов Речи Посполитой в XVI—XVIII в., которые с падением королевской власти фактически превращаются в самостоятельных

князьков. Это в первую очередь относится к Галицкому Прикарпатыю, находившемуся фактически во власти нескольких родов, большая часть которых была католиками. Значительно ухудшилось экономическое положение мелкой шляхты, являющейся преимущественно православной, оно мало отличалось от положения крестьян. Этим объясняется участие шляхты в опришковском движении в первой половине XVII в. и в крестьянских движениях в Галицком Прикарпатье в период освободительной войны украинского народа, когда она нередко возглавляла крестьянские отряды.

В 1954 г. вышла статья Е. С. Компан²⁸, в которой освещаются социально-экономические и политические изменения, происшедшие в Речи Посполитой в середине XVI в., положение народов, находившихся под властью Польши, причины усиления классовой борьбы крестьян и городских низов на землях Речи Посполитой. Автор подчеркивает общность интересов украинского, польского и белорусского народов в освободительной и антифеодальной борьбе, расшатывающей феодальные устои Речи Посполитой, главная роль в которой принадлежала крестьянству. Е. С. Компан указывает на различные формы антифеодальной борьбы крестьян в Галицком Прикарпатье и также считает, что наиболее распространенной и действенной формой ее являлись действия опришков, которые вели борьбу по всему украинскому и польскому Прикарпатыю и принимали активное участие в освободительном движении украинского народа²⁹.

Причин усиления антифеодальной борьбы крестьян и различных ее форм в Галицком Прикарпатье и Закарпатье в конце XVI — первой половине XVII в. касается В. И. Неточаев в обзорной статье, посвященной крестьянским движениям на всех украинских землях — Галиции, Волыни, Подолии, Киевщине, Поднестровье, Левобережной Украине, Черниговщине, Буковине — накануне освободительной войны украинского народа 1648—1654 гг.³⁰ Неточаев дает обзор социально-экономических отношений и положения крестьян, выявляет общие тенденции и специфику аграрного развития в каждой из украинских земель и характерные формы классовой борьбы, которая вылилась в середине XVII в. в освободительную войну всего украинского народа. Неточаев указывает также на возникновение в этот период в Галицком Прикарпатье и Закарпатье особой формы антифеодальной борьбы — опришковского движения.

Об антифеодальном движении в Галицком Прикарпатье в период освободительной войны украинского народа 1648—1654 гг., о совместных выступлениях крестьян и городского населения в Клушском и Долинском повете Саноцкой земли, в Покутье, в Жидачевском, Дрогобычском и Стрыйском поветах, в районе городов Перемышля, Яворова, Городка в 1648 г. говорится в статье Е. Ф. Белинского «Роль народных масс в освободительной войне украинского народа 1648—1654 гг.»³¹

Причины упадка крестьянского хозяйства в Саноцкой земле и пауперизации крестьянства во второй половине XVII в. исследует Я. С. Мельничук³². Разорение крестьянского хозяйства здесь привело к тому, что в поместьях шляхты около 30% крестьянских наделов не обрабатывалось, а на королевщине — до половины³³.

Исследования советских историков показали, что многовековой гнет, которому подвергалось украинское население Галицкого Прикарпатья со стороны украинских и иноземных феодалов, не сломил сопротивления украинского народа, а породил многовековую борьбу прикарпатского крестьянства против социального и национального порабощения.

Наряду с борьбой опришков на протяжении второй половины XVI — первой половины XVIII в. в Галицком Прикарпатье существовали и другие многочисленные формы антифеодальной борьбы крестьян — жалобы, побег, отказ от выполнения феодальных повинностей, уничтожение господского имущества, и, наконец, восстания.

Движение опришков находилось в тесной связи с антифеодальной борьбой крестьян по обеим сторонам Карпат, опришки принимали активное участие в крестьянских выступлениях, а в отдельные периоды, прежде всего во второй половине XVII — начале XVIII в., оказывали влияние на усиление их антифеодальной борьбы. Последняя, в свою очередь, со второй половины XVI в. была связана с ростом феодально-крепостнического гнета, вызванного развитием фольварочно-барщинного хозяйства феодалов, а со второй половины XVII в. — с расширением фольварков и распространением системы аренды магнатских хозяйств средней шляхтой, а также ростом государственных налогов и разорением крестьянского хозяйства феодальными войнами.

Конечно, ряд вопросов по истории социально-экономического положения и классовой борьбы крестьянства Галицкого Прикарпатья остаются еще не до конца выясненными в нашей литературе. К их числу, прежде всего, относится вопрос об идеологии крестьянских движений и движения опришков, вопрос волошской колонизации и волошского права и другие, но в целом состоянии исследования по истории антифеодальных движений крестьянства в период позднего феодализма на землях Карпатского региона в советской историографии и в исторической литературе социалистических стран — Чехословакии и Польши — дает возможность поставить вопрос о создании работы, в которой путем сравнительно-исторического метода в результате выяснения общих и специфических черт борьбы может быть рассмотрена типология крестьянских движений в данном регионе в этот период.

Уже на основе имеющихся в настоящее время работ можно говорить о типологии крестьянских движений XVI — первой

половины XVIII в. по ту и другую сторону Карпат. Наиболее ярко общие черты борьбы проявились в возникновении особой формы антифеодальной борьбы крестьян — опришковства в Галицком Прикарпатье и Закарпатье, збойничьего движения в Польше и в Восточной Словакии. Сравнительно-историческое изучение социально-экономического положения крестьянства и классовой борьбы в Карпатском регионе позволит решить важную общен историческую проблему, установить специфику «второго издания крепостничества» и всей совокупности связанных с ним явлений в зоне со значительными элементами пастушеско-скотоводческого хозяйства.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Косачевская Е. М.* Народные мстители — галицкие опришки. — Вестник Ленинград. ун-та, 1948, № 3, с. 46—64.

² *Дракохруст Е. И.* Галицкое Прикарпатье в XVI в. и движение опришков. — Вопросы истории (далее: ВИ), 1948, № 1, с. 35—58.

³ Там же, с. 41—42, 50—52.

⁴ Там же, с. 38.

⁵ Там же, с. 43—44.

⁶ *Инкин В. Ф.* Фольварки и рынок в Галицком Прикарпатье в XVI в. — Ежегодник по аграрной истории Восточной Европы, 1964 (далее: ЕАИВЕ, 1964). Кишинев, 1966, с. 121—129.

⁷ Там же, с. 128.

⁸ *Инкин В. Ф.* К вопросу о социально-политической организации сел на волошском праве (о сборах-вечах). — В сб.: Карпато-Дунайские земли в средние века. Кишинев, 1975, с. 299—330.

⁹ *Мельничук Я. С.* К вопросу о так называемой волошской колонизации и волошском праве в Карпатах в XVI—XVIII вв. — ЕАИВЕ, 1964, с. 193—198.

¹⁰ *Дракохруст Е. И.* Опришки. (Из истории крестьянских движений в Западной Украине XVII—XVIII веков.) — В сб.: Из истории крестьянства XVI—XIX вв. М., 1955, с. 31—59.

¹¹ Например: *Зеленин Д. К.* Воссоединенные украинцы. — Советская этнография, 1941, № 5, с. 1—18. См. также: Советская наука, 1940, № 10, с. 3—16; Вестник АН СССР, 1940, № 11—12, с. 38—50.

¹² *Грабовецкий В. В.* Селянский рух на Прикарпатті (XVII—XVIII ст.). Київ, 1962; *Грабовецкий В. В.* Карпатське опришківство. Львів, 1966; *Грабовецкий В. В.* Західноукраїнські землі в період народно-визвольної війни 1648—1654 рр. Київ, 1972. *Грабовецкий В. В.* Народный герой Олекса Довбуш. Исторический очерк. Львов, 1957 (на укр. яз.); *Грабовецкий В. В.* Олекса Довбуш — легендарный герой украинского народа. М., 1959; *Грабовецкий В. В.* Полководец селянсько-козацького війська Семен Височан (До 300-річчя з дня загибелі). — Український історичний журнал, 1966, № 8, с. 142—145; *Грабовецкий В. В.* З історії опришківського руху XVIII ст. Василь Баюрак. — В зб.: З історії західноукраїнських земель, т. 5. Київ, с. 25—36.

¹³ *Грабовецкий В. В.* Селянський рух на Прикарпатті..., с. 8—54; *Грабовецкий В. В.* Селянський рух на Галицькому Прикарпатті в другій пол. XVII ст. — В зб.: З історії західноукраїнських земель, т. 2. Київ, 1957, с. 32—57.

¹⁴ К аналогичному выводу приходят и авторы «Истории Польши» (М., 1956, т. I, с. 168, 300), и другие советские и польские историки.

¹⁵ Об этом же см.: *Горн М. В.* Классовая борьба крестьян западноукраинских земель в 1638—1648 гг. — ВИ, 1954, № 2, с. 60—62.

¹⁶ *Грабовецький В. В.* Західноукраїнські землі в період народно-визвольної війни 1648—1654 гг. Київ, 1972. *Грабовецький В. В.* Рух карпатських опришків напередодні і в роки Визвольної війни 1648—1654 рр. — В зб.: 3 історії західноукраїнських земель, т. I. Київ, 1957, с. 26—42.

¹⁷ *Грабовецький В. В.* Селянський рух на Прикарпатті..., с. 83—112; *Грабовецький В. В.* Селянський рух на Галицькому Прикарпатті в другій пол. XVII ст., с. 32—57.

¹⁸ *Грабовецький В. В.* Виступи галицьких опришків у другій пол. XVII ст. — Український історичний журнал, 1959, № 4, с. 40—52; *Грабовецький В. В.* Опришківський рух у Галицькій землі в першій пол. XVIII ст. (1700—1738) — В зб.: 3 історії західноукраїнських земель, т. 4. Київ, 1960, с. 15—29; *Грабовецький В. В.* Карпатське опришківство, с. 52—142; *Грабовецький В. В.* Селянський рух на Прикарпатті..., с. 162—206.

¹⁹ Найбільше крупним восстанням в Покуття було восстання 1673 — 1674 гг., во главе которого стоял молдавський опришек Бордюк.

²⁰ *Грабовецький В. В.* Селянський рух на Прикарпатті..., с. 140—146, 152—155.

²¹ По вопросу кризиса и упадка феодального строя Речи Посполитой в польской и советской историографии шла длительная дискуссия. См.: *Мельничук Я. С.* Польская деревня в XVII в. в современной польской историографии. — В зб.: Советское славяноведение. Материалы IV конференции историков-славистов в Минске. 31/I—3/II — 1968. Минск, 1969, с. 621—632, а также статью *Е. Топольского* «Исследования по аграрной истории в народно-демократической Польше». — ЕАИВЕ, 1959. М., 1961.

²² *Горн М. В.* Классовая борьба крестьян..., с. 58—70; и др.

²³ *Компан Е. С.* Значение освободительной войны украинского народа 1648—1654 гг. для антифеодальных движений в Польше. — КСИС, 1954, № 13, с. 17—27.

²⁴ *Гроссман Ю. М.* Західноукраїнські землі перед визвольною війною 1648—1654. — Науковий збірник. Львів, 1954; *Гроссман Ю. М.* Класова боротьба селян Руського воеводства в кінці XVI — першій половині XVII ст. — Вісник Львів. держ. ун-ту, серія історична, вып. 7, 1971, с. 123—133.

²⁵ *Неточаев В. І.* Селянські рухи напередодні визвольної війни українського народу (кінець XVI — I пол. XVII ст.). — Наукові зап. Ужг. ун-ту, 1954, т. 9, с. 3—89.

²⁶ *Белінський Е. Ф.* Роль народних мас у визвольній війни українського народу 1643—1654 рр. — Наукові зап. Ужг. ун-ту, 1954, т. 9, с. 91—118.

²⁷ См. также: *Горн М. В.* Расслоение деревни Русского воеводства в середине XVII в. — Наукові зап. Львів. держ. пед. інст., 1948, № 11.

²⁸ *Компан Е. С.* Значение освободительной войны украинского народа..., с. 17—27.

²⁹ Там же, с. 19.

³⁰ *Неточаев В. І.* Селянські рухи..., с. 3—89.

³¹ *Белінський Е. Ф.* Роль народных масс..., с. 91—118.

³² *Мельничук Я. С.* Аграрные отношения в Саноцкой земле во 2-й половине XVII в. — Автореф. на соиск. учен. степени канд. ист. наук. Львов, 1959.

³³ Там же, с. 7.

РАСПРОСТРАНЕНИЕ СЛАВЯНСКОЙ ГРАМОТНОСТИ В МОЛДАВИИ ПОСЛЕ ПОЯВЛЕНИЯ И УТВЕРЖДЕНИЯ ПИСЬМЕННОСТИ НА МОЛДАВСКОМ ЯЗЫКЕ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XVII — НАЧАЛО XIX в.)

Известно, что со времени образования Молдавского княжества (середина XIV в.) в нем установилось безраздельное господство славянской письменности и славянского языка. Они применялись в государственном делопроизводстве (в органах центрального и местного управления, в дипломатической и частной практике), в школах и местной православной церкви. Это положение было обусловлено исторической традицией длительных славяно-волошских связей, приведших к формированию в XIII—XIV вв. молдавской народности, а также соседством и теснейшими связями молдавской народности со славянскими народами, восприятием христианства в его восточном (православно-греческом) варианте¹.

В конце XVI — первой половине XVII в. в результате дальнейшего социально-экономического и культурного развития страны происходит постепенный закономерный процесс перехода от славянского языка к молдавскому во всех указанных выше сферах его употребления².

При таких обстоятельствах, естественно, возникает вопрос: каково было значение славянского языка в Молдавии после появления и утверждения письменности на молдавском языке?

В некоторых работах как отечественной³, так и зарубежной⁴ историографии поддерживается верное в основном мнение, что XIV—XVI вв. были в истории Молдавии периодом господства письменности на славянском языке, затем следует период письменности на молдавском языке (XVII в.), который в XVIII в. до некоторой степени был потеснен распространением греческого языка. В переходный же этап от господства славянской письменности к молдавской (конец XVI — первая половина XVII в.) было характерно параллельное употребление обоих языков. Но в опубликованных работах не показана роль славянского языка впоследствии, т. е. в период господства письменности на молдавском языке. Данное обстоятельство привело к высказыванию предположения о том, что в этот период славянский язык если и не сошел полностью с исторической арены Молдавии, то имел небольшое значение для дальнейшего развития культуры.

Еще в начале нашего столетия русский славист А. И. Яцимирский указывал на постоянное присутствие славянского языка в Молдавии на протяжении XVII — начала XIX в.⁵ В советской литературе данное мнение было поддержано Н. А. Мохо-

вым, который показал, что хотя с XVII в. господствующее положение в письменности занял молдавский язык, «славянский язык в письменности и книги на славянском языке продолжали употребляться в Молдавии еще в XVIII веке»⁶. Но дальше общих предположений исследование этой проблемы в историографии не пошло.

В настоящей статье предпринята попытка установить степень распространения славянской грамотности как элемента и фактора развития молдавской культуры во второй половине XVII — начале XIX в.

После того как завершился переход к молдавскому языку в письменности, практическая необходимость в знании славянского языка несколько ослабла. Однако еще на протяжении долгих лет во второй половине XVII — начале XIX в. он изучался в церковных и светских школах, применялся в повседневной государственно-административной, судебной, церковной и культурной практике. За несколько столетий славяноязычной культуры в Молдавии накопилось огромное количество поземельных актов (славяно-молдавские грамоты)⁷, летописей⁸, писем⁹, церковных книг, различных памятников литературы (летописи и хронографы) славянских и неславянских народов на славянском языке,¹⁰ оставленных местными переписчиками (писцами), а также поступивших из соседних славянских стран. Для использования в повседневной жизни этих документов требовалось знание славянского языка. Оно было нужно при купле, продаже, дарении сел, земельных участков, мельниц, при разборе различных тяжб между собственниками.

С переходом церковнослужения на молдавский язык требовалось определенное количество людей, хорошо владевших славянским языком, которые могли бы переводить многочисленную церковнославянскую литературу на молдавский язык¹¹.

Кроме того, знание славянского языка в Молдавии обуславливалось наличием здесь славянского населения¹² и многосторонними экономическими, политическими и культурными связями со славянскими народами¹³.

И наконец, во второй половине XVII — начале XIX в. славянский язык продолжал оставаться наряду с греческим и латинским языком культуры и науки, языком, который представлял богатую культуру различных славянских народов и без знания которого человек не мог считаться образованным. Поэтому он являлся одним из главных предметов обучения в школах Молдавии XVII — начала XIX в.

Таким образом, вышеперечисленные обстоятельства вызывали необходимость подготовки специалистов по славянскому языку.

Первые переводы со славянского языка на молдавский были сделаны из церковной литературы. Их авторы остались неизвестными. Связано это с тем, что церковь во многих странах

Европы, в том числе и в Молдавии, преследовала тех, кто осмеливался передать «слово божье» на родном языке, рассматривая это как ересь¹⁴.

В конце XVI — первой половине XVII в. переводов появляется все больше. Молдавский язык постепенно заменяет славянский во многих сферах государственной, церковной, частной и культурной жизни.

Документальный материал позволяет привести несколько имен переводчиков. Так, например, в 1617 г. упоминается переводчик («тэлмач») Никэ постельник¹⁵. 19 августа 1634 г. господарь В. Лупу поручает сучавским пыркалабам (начальник крепости, гарнизона) разобрать разногласие между Побратским монастырем и некоей Султаной «тэлмэчоая»¹⁶. (Султана была женой какого-то переводчика.) В 1818 г. переводчик И. Стамати в конце сделанного им перевода писал, что эта грамота была переведена и раньше — 20 марта 1553 (1645) великим логофетом (руководитель господарской канцелярии) Белдиманом¹⁷. В грамоте молдавского господаря А. Илиаша от 18 августа 1666 г. Ясскому монастырю Трех святителей в подтверждении об освобождении от податей 10 послушников (портного, сапожника и др.) упоминается и переводчик («тэлмач») ¹⁸.

Одним из самых известных переводчиков со славянского языка на молдавский в первой половине XVII в. является митрополит Варлаам (1590—1657). Ему принадлежит перевод «Казаний»¹⁹. Не менее известным переводчиком в то время был и Евстратий логофет (? — 1646). Совместно с Варлаамом он перевел со славянского «Семь тайн церковных» — церковная книга вспомогательного характера, которая была издана в Яссах в 1644—1645 гг. Предполагается, что Евстратий перевел и славяно-молдавскую летопись XV—XVI вв. Впоследствии ее использовал Григоре Уреке²⁰.

Во второй половине XVII в. известным переводчиком был митрополит Досифей²¹. Со славянского языка он перевел «Псалтырь в стихах», а в 80-е гг. перевел и издал ряд жизнеописаний «святых»²². Ниже мы приведем и другие имена лиц, занимающихся переводом в XVII в. Тем не менее, судя по источникам этого периода, переводчиков все же не хватало. Так, в письме молдавского митрополита Досифея к Всероссийскому патриарху Иоакиму от 15 августа 1679 г., в частности, указывалось: «Да сотвориши с нами человеколюбное милосердие и послещи типографии, да сотворим себе книги их же претолковахом от грецка и славенска на волосский (молдавский. — Е. А.) язык, а у нас бо исчезнуло есть учение книжное — и мало их' есть, иже разумют книжный (славянский. — Е. А.) язык...»²³

Безусловно, это не значит, что только переводчики знали славянский язык. Археографы, издававшие славяно-молдавские документы, Т. Кодреску²⁴, Г. Гибэнеску²⁵, коллектив издателей Каталога молдавских средневековых документов²⁶ на основе

накопленного документального материала своего времени приводят списки дьяков, грамматиков, урикаров (писарей), священников Молдавии XV—начала XVIII в., которые писали на славянском и молдавском языках. Г. Гибэнеску, например, перечисляет 47 человек, из которых 40 относятся к XVII в.²⁷ Более полный список лиц, знавших славянский язык, составлен авторским коллективом Каталога молдавских средневековых документов, изданного в 50—70-х гг. нашего столетия. Только по XVII в. представлено 820 человек²⁸. Правда, в список включены и дьяки, писавшие на молдавском языке, поскольку составители не преследовали цели выделить лиц, знавших славянский язык.

В литературе также имеется список дьяков Молдавии, ведущих делопроизводство на латинском языке, их оказалось значительно меньше, чем тех, кто пользовался славянским²⁹.

Нами предпринята попытка составить список переводчиков со славянского языка на молдавский во второй половине XVII—начале XIX в., т. е. в период, когда славянский язык использовался уже довольно редко в государственном делопроизводстве и церкви. Данный список основан частично на материале, опубликованном в различных сборниках документов, а также на собрании неизданных славяно-молдавских грамот XV—XVII вв., которые хранятся в библиотеках и архивах СССР.

На наш взгляд, список, в который включены, как мы увидим ниже, 157 человек, наглядно показывает, что славянский язык в Молдавии не был забыт в тот период. Он был необходим в повседневной жизненной практике, поэтому преподавался в так называемых «славянских школах», выпускниками которых, очевидно, являются и включенные в данный список лица. Конечно, часть переводчиков могла приехать сюда, другая часть — получить образование за пределами Молдавии³⁰. Например, такие переводчики, как Паисий Величковский³¹, Памво Болгарин*, Михаил Стрельбицкий³² и другие, приехали в Молдавию из соседних славянских стран. Большинство же обучались славянскому языку в местных школах или домах своих родителей — чаще всего местных землевладельцев.

Конечно, по-видимому, наш список пока неполный, но он позволяет заключить о степени распространения славянской грамотности в Молдавии во второй половине XVII—начале XIX в. Здесь следует заметить, что имеется довольно много анонимных переводов XVIII—начала XIX в. со славянского языка на молдавский, которые, безусловно, не отражены в списке³³. Кроме того, существует еще большое количество переводов, сделанных в славянских школах того времени³⁴. Встречаются иногда документы с указанием, в каких именно школах сделаны переводы³⁵. Часть их, вероятно, принадлежит ученикам и осу-

* Сведения о нем см. на с. 178.

ществлялась под руководством учителей. Здесь приобретались первые навыки перевода. Имена учеников опять-таки остались неизвестны и поэтому также не отражены в списке.

Документальный материал показывает, что центрами, в которых осуществлялись переводы, были, во-первых, государственные учреждения — диван, господарская канцелярия, вистерия (казна), таможни, центры цинутов-уездов, крепости и другие; во-вторых, теологические (митрополия, епископства, монастыри, скиты, церкви), в-третьих, школы.

Переводы делались как светскими лицами (дьяками, переводчиками, учителями, представителями служилых сословий, которые занимали различные государственные должности), так и церковными (начиная от митрополитов и кончая священниками и монахами). Кроме этого, надо указать, что при государственных и церковных учреждениях имелись специальные должности переводчиков («тэлмэчиторь»), поэтому многие из тех, кто включен в список, именуется: «переводчик при диване», «переводчик при митрополии» и др.

Следует сказать и о профессиональном мастерстве переводчиков. Мы не будем давать здесь всесторонний анализ их знаний славянского языка и практического применения в конкретных переводах (эта проблема специального исследования), тем более, что по этому вопросу имеются отдельные работы³⁶. Отметим лишь, что профессиональный уровень переводчиков был различным и качество их переводов варьировало от одного к другому. Самыми квалифицированными являлись переводы Варлаама, Досифея, Якова, а также Аксинтия Урикарула, Евлогия даскала (учителя) и его сына Георгия Евлогия, Прокония даскала, Павла Дебрича, Симиона Кешку и др.

Переводчики не только переводили различные документы (грамоты, записи и др.), летописи, церковные книги, но и делали копии со славянских оригиналов³⁷, выверяли сделанные ранее переводы³⁸. Появились необходимые для такой работы славяно-молдавские словари, составители которых неизвестны³⁹.

Ниже предлагаем список переводчиков середины XVII — начала XIX в., составленный на основе имеющихся в распоряжении автора сведений.

Несмотря на их скудность, список дает представление о масштабах изучения и распространения славянского языка в Молдавии во второй половине XVII — начале XIX в., позволяет выяснить в определенной мере имена учеников той или иной славянской школы.

Следует отметить также, что многие лица, знавшие славянский язык, не занимались переводами, но они оставили различные надписи, приписки, примечания и даже книги на славянском языке. Поэтому мы попытались составить также список людей, владевших славянским языком, в Молдавии во второй половине XVII — начале XIX в.

Переводчики со славянского на молдавский язык
(середина XVII — начало XIX в.)*

Варлаам, митрополит Молдавии (1590—1657). Перевел со славянского на молдавский язык «Казанию», изданную в Яссах в 1643 г.⁴⁰

Евстратий, логофет (? — 1646). Совместно с Варлаамом перевел на молдавский язык книгу «Семь тайн церковных», изданную в Яссах в 1644—1645 гг.⁴¹

*Белдима*н, логофет. Известен перевод одной грамоты от 20 марта 1645 г.⁴²

Константин, дьяк из села Вындыоны. В 1646 г. он переписал двуязычное «Деяние апостолов» на славянский и молдавский языки⁴³. Видимо, перевод этой работы на молдавский язык принадлежит также ему.

Арсение, иеромонах Бисериканского монастыря. В середине XVII в. переводит церковную книгу⁴⁴.

Николай Милеску Спафарий. В 50—60 гг. XVII в. перевел несколько церковных текстов⁴⁵.

Михаил, иеромонах Бисериканского монастыря. Переписал в 1652 г. один двуязычный церковный сборник на славянский и молдавский языки. Перевод со славянского на молдавский, видимо, также принадлежит ему⁴⁶.

Андроник, дьяк Кашинского монастыря. Перевел со славянского на молдавский язык сокращенную турецкую летопись и отрывок из трансильванской хроники⁴⁷.

Петру Данович. В 60—70 гг. XVII в. он переводит хронограф Дороефа Монеувасийского. В литературе нет единого мнения по вопросу, с какого языка был сделан перевод: с греческого или со славянского. В одной из работ по этому вопросу автор придерживается мнения, что перевод на молдавский язык был сделан со славянского посредника⁴⁸.

Досифей, митрополит (80-е гг. XVII в.). Перевел со славянского на молдавский язык «Псалтырь в стихах», а также ряд жизнеописаний «святых»⁴⁹.

Косма, монах. В 1692 г. переводит на молдавский язык церковную книгу⁵⁰.

*Вална*ч, урикар (писарь). Нам известен один его перевод грамоты, сделанный в 1700 г.⁵¹

*Георге Херме*зиу. Сохранился один его перевод грамоты, сделанный в 1701 г.⁵²

Василе Ружинэ. В 1701 г. он перевел одну грамоту⁵³.

*Аксинте Урика*рул. Он известен как автор летописи. Впервые его имя встречается в источниках 29 октября 1694 г., когда он пишет: «И я Аксинти бив** ватав (ответственный за работу слу-

* В данном списке мы приводим только переводы, известные нам. Вероятно, они еще не все обнаружены.

** Сокращенная форма, общепринятая в молдавских документах, от слова «бывший».

жащих и администрации.—Е. А.) написал запись»⁵⁴. На протяжении многих лет он был дьяком господарской канцелярии, являясь и автором многих грамот и записей⁵⁵. Его переводческая деятельность, видимо, начинается в середине 1708 г. (9 июня), тогда он делает первые переводы грамот на молдавский язык⁵⁶. Нам удалось обнаружить в различных изданиях более 20 его переводов грамот. Самый поздний перевод, которым мы располагаем, относится к 9 января 1723 г.⁵⁷ Имя переводчика упоминается в источниках до 1724 г.⁵⁸, умер он в 1733 г.⁵⁹ Подлежит сомнению его перевод грамоты от 18 июня 1444 г., сделанный 8 августа 1749 г., который находится якобы в коллекции «Saint Georges»⁶⁰. Если это соответствует действительности, то Аксинте Урикарул умер не в 1733 г., как указывает его биограф И. С. Петре⁶¹, а значительно позже, после 8 августа 1749 г.⁶²

Варлаам Молдованул, иеромонах. В 1716 г. он переписал двуязычную церковную книгу на славянский и молдавский языки. Видимо, ее перевод на молдавский также принадлежит ему⁶³.

Штефан Лука, вистиерник (казначей). Известен один его перевод грамоты, сделанный в 1722 г.⁶⁴

Павел, дьяк. Сделал несколько переводов грамот в 1722, 1723, 1725 гг.⁶⁵

Павел, грамматик. Известны два его перевода грамот, сделанных в 1724⁶⁶ и 1732—1733 гг.⁶⁷ Не исключено, что вышеназванный «Павел дьяк» и «Павел грамматик» одно и то же лицо.

Софроний, архимандрит Нямецкого монастыря. Один его перевод грамоты сделан 17 декабря 1726 г.⁶⁸

Мирон Гафенко. Несколько его переводов грамот относятся к 1726, 1739, 1741 гг.⁶⁹

Григораш. Один его перевод грамоты сделан в 1728 г.⁷⁰

Варлаам, пресвитер, митрополит. Около 1732 г. он перевел «Лествицу» И. Синайского⁷¹.

Иоан Кужбэ. Известен один его перевод грамоты, сделанный в 1732 г.⁷²

Тоадер, дьяк дивана. Один его перевод грамоты сделан в 1732 г.⁷³

Ион Милкул, капитан. Нам известен один его перевод грамоты, сделанный 23 мая 1733 г.⁷⁴

Тэнасе, логофет тайных дел, урикар. Несколько его переводов относятся к 1735, 1736, 1750, 1755 гг.⁷⁵

Василе Некулческул, «священник от Кэлугэра». Несколько его переводов грамот сделаны в 1739, 1743, 1751 гг.⁷⁶

Тоадер Кокоран, «священник от Мындрешть». Нам известен один его перевод грамоты от 5 октября 1741 г.⁷⁷

Симеон Кешку, урикар. Известны более 15 его переводов грамот. Самый ранний — от 21 октября 1741 г.⁷⁸, самый поздний — от 2 марта 1765 г.⁷⁹ Он делал также копии со славянских оригиналов⁸⁰.

Георге, логофет тайных дел. Сохранился один его перевод грамоты от 13 мая 1744 г.⁸¹

Йорга, иеродиакон. Известен один его перевод грамоты от 28 августа 1744 г.⁸²

Иоанов Штефан. В 1746 г. он переписал «Русскую грамматику и русско-молдавский словарь»⁸³.

Ефрем, даскал. Один его недатированный перевод⁸⁴ был выверен даскалом Евлогием, переводческая деятельность которого относится к 1750—1773 гг.*

Дамиан, игумен Бистрицкого монастыря. 14 августа 1750 г. он закончил перевод поминальника этого монастыря⁸⁵.

Тоадер, «протопоп от Мындрешть». Известны два его перевода, но ни в одном не указана дата. Мы датируем их примерно первой половиной XVIII в.⁸⁶

Михай, священник. Один его перевод грамоты относится к первой половине XVIII в.⁸⁷

Евлогие, даскал. Нами было просмотрено около 100 датированных переводов грамот, сделанных Евлогием-даскалом. Нет сомнений, что он перевел больше. На основе имеющегося в нашем распоряжении материала мы пришли к выводу, что известный переводчик и учитель Евлогие начал свою переводческую деятельность в начале 50-х гг. XVIII в. 25 апреля 1750 г. он переводит грамоту от 17 июля 1607 г.⁸⁸ Это самое раннее в источниках упоминание о Евлогии-даскале, найденное нами. По всей вероятности, к этому времени относится и начало его педагогической деятельности в Ясской славянской школе при монастыре св. Саввы и митрополии, где он занимал должность даскала (учителя) славянского языка. Очевидно, перевод поземельных документов (грамот) был его побочным занятием. По источникам нам удалось проследить его жизненный путь до 1773 г.⁸⁹ Самый поздний точно датируемый перевод, подписанный Евлогием-даскалом, относится к 4 июля 1772 г.⁹⁰ Евлогие-даскал не только переводил со славянского языка на молдавский, но и делал славянские копии с оригинальных славяно-молдавских документов⁹¹. К сожалению, мы очень мало знаем о педагогической деятельности Евлогия, за исключением, может быть, того, что он обучил и воспитал своего сына Георгия Евлогия, который впоследствии заменил отца**. Евлогие-даскал имел еще одного сына Константина. На одной записи от 18 января 1769 г. мы находим подпись: «Константин диакон сын Евлогия даскал». На обороте этой же записи имеется ее начало, сделанное отцом Евлогием-даскалом⁹².

Штефан, «даскал от Романской епископии». Сохранился один его перевод грамоты 1752 г.⁹³

Грамэ Йордаки. Известен один, хотя сомнительный, его перевод грамоты⁹⁴.

* См. о нем ниже.

** О Георгии Евлогии см. ниже.

Яков, «монах от Кэприанского монастыря». Один его перевод грамоты относится к 1753—1754 гг.⁹⁵

Натанаил, иеромонах, является автором перевода церковного сборника, который был сделан в 1754 г.⁹⁶

Варлаам Нэческул, «иеромонах от с. Лукань». Нам известен один его перевод грамоты, относящийся к 1755 г.⁹⁷

Михаил Мазерянул. В 1756 г. по поручению молдавского митрополита Якова перевел со славянского языка на молдавский работу Ильи Минаита «Камень преткновения»⁹⁸.

Ионицэ Рацэ. Нам известен один его перевод грамоты, который относится к 1757 г.⁹⁹

Георгие Евлогие, даскал, сын даскала Евлогие*, который был одним из учеников своего отца, а впоследствии стал учителем при той же школе в Яссах. До сих пор в литературе не было четкой границы между деятельностью отца и деятельностью сына. Однако наличие некоторых документов позволяет решить этот вопрос. Например, в конце перевода от 29 мая 1760 г. указано, что перевод сделал Евлогие, а записал его сын Георгие¹⁰⁰. В другом месте также указано, что «перевел Евлогий даскал со славянского (языка) в 7269 (1761) мая 6», а «Георгий Евлогиевич (т. е. сын Евлогия.— Е. А.) писарь»¹⁰¹. К 1760—1761 гг., видимо, кончается период ученичества Георгия и он впервые появляется как писец переводов своего отца¹⁰². Затем некоторое время он был дьяком при Молдавском диване («перевел Георги Евлогу диак при диване 1765, марта 13») ¹⁰³. Фактически эту должность он занял несколько раньше¹⁰⁴. Переводческая деятельность Георгие Евлогие началась в начале 60-х гг. XVIII в. Первый датируемый его перевод, имеющийся в нашем распоряжении, относится к 20 декабря 1761 г.¹⁰⁵ Следующий — к 8 января 1762 г.¹⁰⁶ К этому времени Георгие уже даскал, подписывается он как «Георге Евлоге, даскал». Всего нами было рассмотрено около 130 точно датированных его переводов грамот, а также большое количество недатированных его переводов, которые были опубликованы различными археографами. Несмотря на такую обширную переводческую деятельность, продолжавшуюся примерно до 1795 г., главным его занятием, по-видимому, была преподавательская деятельность. К сожалению, конкретными сведениями в этом плане мы не располагаем. Самый поздний перевод Г. Евлогия, по нашим данным, относится к 18 марта 1795 г.¹⁰⁷ Г. Евлогие знал не только молдавский и славянский языки, но и греческий. Об этом свидетельствует его перевод в 1777 г. на греческий язык одной из грамот¹⁰⁸. Известно также из грамоты от 28 ноября 1775 г., что Г. Евлогие был мелким земельным собственником, ему принадлежала часть села Мунчел¹⁰⁹.

Иоан, писарь. Им сделан один перевод грамоты, который относится к 1761 г.¹¹⁰

* О даскале Евлогие см. выше.

Константин Леондари. Одна его выверка перевода грамоты сделана в 1761 г.¹¹¹

Урсаки, дьякон. Сохранился один его перевод грамоты от 1761 г.¹¹²

Прокопие, даскал и урикар. Нам известны около 30 его датированных и недатированных переводов грамот. Самый ранний перевод, который имеется в нашем распоряжении, — от 18 декабря 1762 г.¹¹³ Уже в это время он фигурирует как «даскал от митрополии». В 1767 г. к подписи «даскал» добавляется и «урикар»¹¹⁴. В 1768 г. он подписывается только как «Прокопие, даскал от митрополии»¹¹⁵. В 1769 г. опять «даскал и урикар»¹¹⁶; в 1773 г. «урикар и даскал домнеск (господарский)»¹¹⁷, будучи, видимо, учителем при Ясской господарской школе (академии); 13 декабря 1773 г. — «Прокопие Ардариевич Голэескул, урикар»¹¹⁸. В другом недатированном переводе он подписывается как «дьяк митрополии»¹¹⁹. Кроме этого, имеется недатированный перевод грамоты, который подписан неким «Прокопие Голэескул, урикар домнеск ши даскал домнеск»¹²⁰. Видимо, это одна и та же личность — Прокопие Голэескул¹²¹. Самый поздний его перевод относится к 1775 г.

Логин, даскал. Нам известен один его перевод грамоты, сделанный в 1762 г.¹²² Не исключено, что «Логин даскалул» одно и то же лицо, что и «Евлогие даскал», который работал в это время.

Никифор, «иеромонах от Стэнишоарэ». Ему принадлежит перевод одного церковного сборника со славянского на молдавский язык¹²³.

Андрей Дашкевич. Нам известны около 20 датированных и недатированных его переводов грамот. Самый ранний — от 15 февраля 1765 г.¹²⁴, когда Дашкевич был писарем. С 1772 г. он числится писарем Хотинской крепости и делает здесь несколько переводов¹²⁵. До 1787 г. включительно он упоминается как писарь в Черновцах¹²⁶ и как «тэлмач сэрбеск», т. е. переводчик со славянского языка¹²⁷ в Яссах¹²⁸. После 15 ноября 1787 г.¹²⁹ никакими данными об Андрее Дашкевиче мы не располагаем.

Тоадер Мусте. Нам известен один его перевод грамоты, сделанный 15 июля 1766 г.¹³⁰

Исая, иеромонах, даскал. 22 мая 1766 г. он закончил перевод псалтыря¹³¹.

Вартоломей Мэзэрян, архимандрит Путнянского монастыря. Это довольно крупная фигура политической и культурной жизни Молдавии второй половины XVIII в. Нам известны 5 его переводов грамот. Самый ранний — 30 августа 1766 г.¹³², а самый поздний — от 16 августа 1771 г.¹³³, когда он был архимандритом монастыря Солка¹³⁴. Известен также его перевод со славянского хронографа, который он закончил в апреле 1768 г.¹³⁵ В Бисериканском монастыре В. Мэзэрян сделал перевод Путнянской анонимной летописи (1359—1518)¹³⁶. Оригинал этой

летописи опубликован несколько раз¹³⁷. В 1764 г. он перевел церковную книгу «Итика иерополитика»¹³⁸. В 1775 г. В. Мэзз-ряну переводит со славянского языка на молдавский «Поминальник» Воронежского монастыря. Оригинальная рукопись этого перевода была обнаружена нами в Отделе редкой и рукописной книги Центральной научной библиотеки Академии наук Молдавской ССР (без шифра хранения). В декабре 1779 г. он закончил перевод еще двух церковных книг «Служба» и «Страдания св. мученика Прокопия»¹³⁹.

Ени, «священник от Дялул Марэ». Известен один его перевод грамоты от 29 июля 1768 г.¹⁴⁰

Тарасий, иеромонах. Сохранился его перевод грамоты от 17 июня 1771 г.¹⁴¹

Ион Кличук, дьяк. Ему принадлежит перевод части хронографа, сделанный в 1772 г.¹⁴²

Иларион Рус «от Харача», иеромонах. Известен один его перевод грамоты от 26 апреля 1772 г.¹⁴³

Поп Атанасие, «векил от Дорохой». Переписал (видимо, и перевел) сборник различных религиозных текстов со славянского на молдавский язык¹⁴⁴, который относится к 1775 г.

Панку Сырбу, иеромонах. Известен один его перевод грамоты от 6 октября 1776 г.¹⁴⁵

Онофрей, писарь Сорокский. Им сделан один перевод грамоты 1 декабря 1776 г.¹⁴⁶

Андрей, даскал. Переписал в 1776—1777 гг. одну грамоту¹⁴⁷.

Василе Кодряну, дьяк дивана. 29 марта 1777 г. он выверяет и исправляет перевод грамоты, сделанный раньше Аксинтием Урикарулом¹⁴⁸.

Геннадие Кукоранул, иеромонах. Перевел грамоту 21 июня 1778 г.¹⁴⁹

Паисие, старец монастыря Секул. Известен один его перевод грамоты от 21 июня 1778 г.¹⁵⁰

Ионицэ Кондикар. Сохранился один его перевод грамоты (до 1779 г.)¹⁵¹

К. Комишескул. Один его перевод грамоты от 5 июня 1749 г.¹⁵²

Павел, «логофет и писарь Хушской епископии». Нам известны 4 его перевода грамот. Самый ранний относится к 1779 г.¹⁵³ Самый поздний — к 5 января 1785 г.¹⁵⁴

Михаил Стрельбицкий, типограф (издатель). Известны три его перевода грамот. Самый ранний — от 23 марта 1779 г.¹⁵⁵, а самый поздний — от 11 марта 1786 г.¹⁵⁶

Михаил, «священник от митрополии». Нам известен один его перевод грамоты, который относится к 1780 г.¹⁵⁷

Василий Гени, капитан. Один его перевод грамоты сделан в 1780 г.¹⁵⁸

Памво Булгарюл, иеромонах. Известны 5 его переводов грамот. Самый ранний — от 24 июля 1781 г.¹⁵⁹, самый поздний — от 19 апреля 1787 г.¹⁶⁰

Афанасие, поп из села Озерены. Есть один его перевод грамоты от 1781 г.¹⁶¹

Гаврил Хушавский, Сохранился один его перевод грамоты от 1782 г.¹⁶²

Исае, «иеромонах от Агапиевского монастыря». Известен один его перевод грамоты от 1783 г.¹⁶³

Доротей, архимандрит и старец Нямецкого монастыря. Один его перевод грамоты относится к 1785 г.¹⁶⁴

Хажу Герасим, «иеромонах Путнянул». Известны 7 его переводов грамот. Самый ранний — от 2 апреля 1785 г.¹⁶⁵, самый поздний — от 19 июня 1792 г.¹⁶⁶

Василе Кочалэ, комис. Сохранились два его перевода грамот. Первый — от 20 ноября 1786 г.¹⁶⁷, второй — от 10 декабря 1789 г.¹⁶⁸

Григорий, сэрдар (боярский чин, руководитель административной единицы). Выверяет один перевод Георгия Евлогия 5 июля 1786 г.¹⁶⁹

Тома Стамати. 10 сентября 1787 г. совместно с Теофаном иеромонахом закончил перевод церковного сборника¹⁷⁰.

Теофан, «иеромонах от Хушской епископии». 10 сентября 1787 г. совместно с Т. Стамати закончил перевод церковного сборника¹⁷¹.

Савва, иеромонах. В 1791 г. закончил перевод церковного сборника¹⁷².

Павел Дебриц (Дебрич), полковник митрополии, клучар (ключник). Известны более 120 его переводов грамот. Самый ранний из известных нам относится к 29 июля 1791 г. С этого времени, видимо, он начал свою карьеру, будучи «переводчиком при диване»¹⁷³. С января 1793 г. до 1808 г.¹⁷⁴ он подписывается как «Павел Дебриц, полковник от митрополии». На протяжении 1809¹⁷⁵ и 1810 гг.¹⁷⁶ он подписывается в переводах «Павел Дебриц, клучар». Правда, встречаются редкие случаи, когда он подписывается «Павел Дебриц, клучар», до 1809 г.¹⁷⁷ В последующие годы он подписывается то «клучар», то «полковник от митрополии». Самый поздний известный нам датированный его перевод — от 25 июля 1825 г.¹⁷⁸ Дебриц не только переводил различные документы, но и выверял переводы, сделанные другими переводчиками¹⁷⁹. Кроме молдавского и славянского языков он знал также латинский и греческий¹⁸⁰.

Серафим, иеродьяк от Добруша, впоследствии игумен этого монастыря. Нам известны два его перевода грамот, первый — от 20 декабря 1792 г.¹⁸¹, второй — от 1811 г.¹⁸²

Гаврил Косовский, капитан, переводчик дивана Молдавского княжества. Нам известны 11 его переводов грамот. Первый перевод от 19 октября 1792 г., когда он переводит две грамоты и подписывает их «капитан в Яссах»¹⁸³. Остальные датированные переводы относятся ко второму десятилетию XIX в., из которых один сделан 7 апреля 1820 г.¹⁸⁴ в бессарабском монастыре

Курки. Это самый поздний из известных нам его переводов. Остальные переводы сделаны в Кишиневе, и подписывает он их как «бывший переводчик при диване Молдавского княжества»¹⁸⁵. Нам известен также один недатированный перевод, подписанный неким капитаном Гаврилом (фамилия неразборчива)¹⁶⁶. Видимо, и здесь речь идет о Гаврииле Косовском. Предполагается существование определенного количества переводов Косовского в период 1792—1813 гг., когда он был переводчиком при диване, но обнаружить их пока не удалось.

Константин Вейса, «дьяк от вистерии». Судя по его утверждению, 13 февраля 1792 г. он начал переводить со славянского работу исторического характера Ильи Минаита «Камень преткновеня»¹⁸⁷.

Андрей Тэлмач, капитан. Нам известны более 40 его переводов грамот. Переводческая деятельность А. Тэлмача прослеживается с 1793 по 1797 г. включительно. Кроме того, в нашем распоряжении имеются 10 переводов (от 30 мая, 3, 4, 15 июля, 8 августа 1795 г. и 21 июня 1796 г.), подписанных неким «Андреем Сабиным, капитаном»¹⁸⁸. Видимо, здесь речь идет об одной и той же личности. По имеющимся у нас данным, самый ранний его перевод относится к 23 августа 1793 г.¹⁸⁹, самый поздний — к 21 июля 1797 г.¹⁹⁰

Яков, митрополит. Речь идет о молдавском митрополите Якове Стамати. 31 января 1793 г. он выверяет один перевод грамоты¹⁹¹.

Юстин, «иеромонах от Нямецкого монастыря». Сохранился один его перевод грамоты от сентября 1795 г.¹⁹²

Софроние, старец монастырей Секул и Нямец. Нам известны два его перевода. Первый — от 17 декабря 1796 г.¹⁹³ и второй — от 1797 г.¹⁹⁴

Димитрие Стурза, спатар (командующий армией). Известна одна его сверка перевода грамоты от 26 июня 1796 г.¹⁹⁵

Янку Миклескул, пахарник (боярский чин, администрирующий виноградники и винные погреба господаря). Одна его сверка перевода грамоты от 26 июня 1796 г.¹⁹⁶ сделана вместе с Д. Стурзой.

Мирон, дьякон. Три его перевода грамот относятся: первый — к 28 января 1800 г.¹⁹⁷, второй — к 12 ноября 1802 г.¹⁹⁸, третий — к 6 июля 1804 г.¹⁹⁹

Иосиф, дьякон (XVIII в.). Известен один его перевод грамоты²⁰⁰.

Василе, урикар (XVIII в.) Датировка наша приблизительна. В ней мы руководствовались тем, что понятие «урикар» употребляется чаще в период до XIX в. По самому переводу очень трудно судить, в каком веке он сделан, так как язык переводов первых десятилетий XIX в. почти ничем не отличается от языка переводов второй половины XVIII в. Датировка затруднена еще тем, что нам известен пока только один его перевод²⁰¹.

Ефим, иеромонах. Известны 10 его переводов грамот, но все они без даты. Мы датируем их примерно XVIII в. В одном из них переводчик подписывается «Ефим иеромонах фост ла шкоа-ла словеняскэ»²⁰², в другом — «Ефим, иеромонах»²⁰³. По всей вероятности, эти переводы относятся к 40—60 гг. XVIII в., так как в это время часто делались переводы при Славянской школе в Яссах²⁰⁴.

Иоан Стамати, «капитан за дарабань, питар» (боярин, занятый обеспечением боярского двора хлебом). Нам известны более 120 его переводов грамот. Самый ранний перевод — от 10 апреля 1798 г.²⁰⁵, когда он выполнял должность «капитана дарабан при Молдавском диване». В этой должности он остается до 1804 г. (включительно)²⁰⁶. Затем до 1831 г. он числится «питарем»²⁰⁷, «вел питарем» или «бив вел питар»²⁰⁸. Имеются два перевода: первый — от 30 мая 1801 г., подписанный неким «Иоаном капитан за дарабань»²⁰⁹, и второй — от 18 января 1802 г., подписанный «Иоан тэлмачу, капитан за дэрэбань»²¹⁰. Видимо, здесь в обоих случаях речь идет об Иоане Стамати. Еще один случай, который выделяется: перевод грамоты от 16 декабря 1798 г., подписанный неким «Ионицэ Стате, капитан де дэрэбань, дьяк де диванул домнеск»²¹¹. Видимо, это тот же Иоан Стамати. У него был сын, Андрей Стамати, который впоследствии также стал переводчиком²¹².

Янку Латиф. Одна его выверка перевода грамоты относится к 1798 г.²¹³

П. Стоянович. Один его перевод сделан до 13 июня 1799 г.²¹⁴

Даскал от Чофень. Известен один его перевод от 2 сентября 1799 г.²¹⁵

Иосиф (Иосаф) Лука, иеромонах. Нам известны 6 его переводов грамот, но, к сожалению, ни один из них не имеет даты. Мы их датируем примерно XVIII в. Два из них он подписывает «Лука иеромонах в Сучаве»²¹⁶. Три перевода подписаны «перевел Иосаф»²¹⁷ и последний подписан «Иосиф Лука, иеромонах»²¹⁸.

Митрофан Паусий, старец Нямецкого монастыря (вторая половина XVIII в.). Сохранилось два его недатированных перевода грамот²¹⁹. Датировка наша приблизительна.

Платон, монах, ученик П. Величковского (конец XVIII — начало XIX в.). Написал биографию П. Величковского на славянском языке²²⁰.

Андрей Стамати (первая четверть XIX в.). Известен один его недатированный перевод грамоты²²¹.

Черкез, «дьяк от дивана» (XVIII в.). Обнаружена одна его выверка перевода грамоты²²².

Павел, кэмэраш (служащий) от таможни (XVIII в.). Одна его выверка перевода грамоты сделана вместе с Черкезом, дьяком²²³.

Мустья Т. (конец XVIII — начало XIX в.). Известен один его перевод грамоты²²⁴.

Доситей Калмуски. Два его перевода грамот: первый — от 6 марта 1801 г.²²⁵, второй — от 30 марта 1803 г.²²⁶

А. Р. К. (А. Р. К.). Одна его выверка перевода грамоты от 9 июня 1802 г.²²⁷ Пока нам не удалось идентифицировать эту подпись ни с кем из известных нам переводчиков конца XVIII — начала XIX в.

Александр Станку. Один его перевод грамоты от 29 октября 1802 г.²²⁸

Ионицэ Тэлмачу, «капитан де дэрэбань». Нам известен один его перевод грамоты от 18 января 1802 г.²²⁹

Иоан Стрэтулат. Обнаружен один его перевод грамоты от 21 февраля 1803 г.²³⁰

Хофманда Х. Один его перевод грамоты от 1804 г.²³¹

Иордаки, капитан. Одна его выверка перевода грамоты от 1804 г.²³²

К. Платон, пахарник. Один его перевод грамоты от 19 января 1807 г.²³³

Иван, капитан. Нам известен один его перевод грамоты от 27 ноября 1807 г.²³⁴

Василе Скэнтие, сулжер (боярин, занятый обеспечением армии и господарского двора всем необходимым). Известна одна его выверка перевода грамоты от 21 декабря 1807 г.²³⁵

Иордаки, «бив вел портар» (глава столичного города). Один его перевод сделан 30 августа 1808 г.²³⁶

Серафим, игумен Гырбовецкого монастыря. Один его перевод от 10 сентября 1808 г.²³⁷

Константин, питар. Известны два его перевода: первый — от 7 февраля 1809 г., подписан «Костаке, питар»²³⁸ и второй от 10 июля 1810 г.²³⁹ Имеется также перевод, подписанный «Константин спэтар», от 8 апреля 1809 г.²⁴⁰ Очевидно, это одно и то же лицо.

Григоре, сулжер. Один его перевод от 19 января 1810 г.²⁴¹

Ион Яноли, «тэлмач от вистерии». Один его перевод относится к 1810 г.²⁴²

Мойсей Бушил, инженер. (В начале XIX в. инженеры, имея специальное образование, выполняли обязанности землемера.) Один его перевод грамоты от 11 сентября 1811 г.²⁴³

Иоан Кешку, столник. Одна его выверка перевода грамоты от 8 июня 1811 г.²⁴⁴

Исая Бэлэшеску. Известны две его выверки переводов, которые он сделал в 1811 г.²⁴⁵

Тома, инженер. Известны четыре его перевода. Самый ранний — первый — от 8 мая 1811 г.²⁴⁶ Второй — от 18 мая 1811 г.²⁴⁷ Третий перевод, от 1813 г., примечателен тем, что сделан в Кишиневе²⁴⁸. Четвертый — от 14 января 1817 г. — переводчик подписывает «Тома Панипопол, инженер»²⁴⁹. Мы склонны считать, что здесь речь идет об одной и той же личности.

Иоан, архимандрит, старец монастырей Секул и Нямец.

Известны четыре его выверки переводов грамот, которые он сделал в 1812 г. вместе с митрополитом Вениамином Костаке²⁵⁰.

Вениамин, митрополит. Четыре выверки переводов грамот он сделал в 1812 г. вместе с Иоаном, старцем монастырей Секул и Нямц²⁵¹.

Тоадер Бухуш. Один его перевод грамоты относится к 1812 г.²⁵²

Ион Янкул, «тэлмач от вистерии». Известен один его перевод от 9 января 1813 г.²⁵³

Константин Тэутул, логофет дивана. Один его перевод грамоты от 25 ноября 1813 г.²⁵⁴

Василе Сырбу, инженер. Одна его выверка перевода грамоты сделана в 1813 г.²⁵⁵

Константин Сыркул, логофет дивана. Один его перевод грамоты от 19 марта 1814 г.²⁵⁶

Павел Панат. Один его перевод грамоты от 2 мая 1814 г.²⁵⁷

Василе Дану. Известны две его выверки переводов. Первая — от 3 сентября 1814 г.,²⁵⁸ вторая — от 1819 г.²⁵⁹

Сильвестру, архимандрит монастырей Секул и Нямц. Одна его выверка перевода грамоты от 10 сентября 1814 г.²⁶⁰

Георге Радоевич, даскал. Известны три его перевода грамот. Первый — от 1815 г.²⁶¹, второй — от 10 января 1817 г.²⁶² и третий — от мая 1817 г.²⁶³

Николай Мандря. Один его перевод грамоты от 1 декабря 1816 г.²⁶⁴

Думитру Филипеску, великий логофет. Одна его выверка перевода относится к 1816 г.²⁶⁵

Василий Зотов (Зота), переводчик департамента иностранных дел Молдавского княжества. Нам известны четыре его перевода грамот. Самый ранний — от 21 августа 1816 г.²⁶⁶, самый поздний — от 19 марта 1824 г.²⁶⁷

Ион Стрэч. Одна его выверка перевода грамоты от 3 июня 1817 г.²⁶⁸

Енаке Панаюполо, постельник. Один его перевод грамоты, который 7 марта 1817 г. выверяет известный переводчик П. Дебрич²⁶⁹.

Теодор Мавродин. Одна его выверка перевода грамоты от 3 июня 1817 г.²⁷⁰

Тоадер Гашпар, дьяк. Один его перевод от 12 июля 1817 г.²⁷¹

Арсение, «иеромонах от скита Парпаница». Известен один его перевод от 3 апреля 1817 г.²⁷²

Иоан Тэутул. Один его перевод от 9 апреля 1819 г.²⁷³

Тома Петришкан, секретарь Верховного совета Бессарабии. Один его перевод от 26 июня 1819 г.²⁷⁴

Скорцескул, секретарь. Известна одна его выверка перевода грамоты от 8 мая 1819 г.²⁷⁵

Андронаки Донич, великий ворник (боярин, ведавший внутренними делами государства и обеспечивающий охрану госпо-

дарского двора). Известна одна его выверка перевода грамоты от 1819 г.²⁷⁶, а также один его перевод грамоты от 1819 г.²⁷⁷

Штефанаки Бошэнеску, бан. Одна его выверка перевода грамоты от 1819 г., которую он сделал вместе с Андронакием Доницем²⁷⁸.

Иордаки Стамати, питар (боярский чин Молдавского дивана, ответственный за пекарню молдавского двора). Один его перевод от 19 мая 1820 г.²⁷⁹

Александру, «даскал от села Сэминешты Фэлчиуского цинута». Нам известно упоминание об одном его переводе грамоты, который датирован нами приблизительно (конец XVIII — начало XIX в.)²⁸⁰.

Георгий Булгарюл, священник. Один его перевод первой половины XIX в.²⁸¹.

Фома Георге, даскал. Один его перевод начала XIX в.²⁸²

Тоадер, «даскал от Хырлэу». Известны четыре его перевода без даты. Один из них датируется авторским коллективом DIRA XIX в.²⁸³, остальные три перевода опубликовал Г. Гибэнеску без попыток их датировать²⁸⁴.

Ниже приводим табл. 1, которая показывает количество церковных и светских лиц в составе переводчиков славянских текстов.

Таблица 1

Период	Количество переводчиков	Из них церковные чины		Всего церковных лиц	Из них светские лица		Всего светских лиц
		высшие*	низшие и средние**		высших сословий***	низших и средних чинов и сословий****	
Вторая половина XVII в.	12	2	3	5	4	3	7
Первая половина XVIII в.	25	3	6	9	2	14	16
Вторая половина XVIII в.	72	6	25	31	4	37	41
1801—1820 гг.	48	4	2	6	10	32	42
Итого	157	15	36	51	20	86	106

* Сюда мы включили митрополитов, епископов, игуменов, архимандритов и старцев.

** Это монахи, священники и др.

*** Это логофеты, постельники и остальные представители высших государственных чинов и боярства.

**** Это переводчики, дяки, урикары, даскалы, грамматики, писари и другие, а также лица, которые не поставили рядом со своей подписью никакого титула.

Приводим табл. 2, наглядно показывающую, какое количество переводчиков переводили тексты светского характера, какое — церковного, а сколько — те и другие.

За период с XVII по начало XIX в. (до 1820 г.) по одному переводу сделали 115 человек, от двух до пяти переводов — 28

Таблица 2

Период	Всего переводчиков текстов		
	светских*	религиозных**	светских и церковных
XVII в.	6	7	1
Первая половина XVIII в.	20	2	—
Вторая половина XVIII в.	62	10	1
1801—1820 гг.	48	—	—
Итого	136	19	2

* К светским текстам мы относим славяно-молдавские грамоты и записи, славяно-молдавские летописи, хронографы и др.

** Церковные тексты: библия, служебники и вся остальная религиозная литература.

человек, от 6 до 20 переводов — 6 человек и более 20 переводов — 8 человек*.

Безусловно, нельзя приравнивать перевод грамоты или другого небольшого текста к переводу церковной или другой рукописной книги, но этот аспект нами не учитывался.

Приводим список людей, владевших славянским языком (середина XVII — начало XIX в.).

Иванко. В 1643 г. переписал «Литургию» на славянском языке в Радовской епископии²⁸⁵.

Василе, пан. Надпись на славянском языке сделана им в 1653 г. на славянской рукописной книге. Видимо, прочитал ее²⁸⁶.

? — «иеромонах, клисарх от Путна». Надпись неизвестного лица на славянском языке на рукописном минее XV в. на славянском языке. Видимо, прочитал ее²⁸⁷.

Вениамин, иеромонах Нямецкого монастыря. В 1682 г. прочел церковную книгу на славянском языке²⁸⁸.

Еремия, поп из Ясс (XVII в.). Дарит псалтырь XV в. Каракальскому монастырю на Афоне, о чем гласит его дарственная надпись на рукописи на славянском языке²⁸⁹.

Пахомий, епископ Романский (1707—1717 гг.). Прочитал «Повесть о Варлааме и Иоасафе» на славянском языке²⁹⁰, а также рукописный церковный сборник XV в. Сохранилась его собственноручная надпись на этой книге²⁹¹.

* Следует заметить, что эти данные далеко не полные, очевидно, каждый из переводчиков сделал значительно больше переводов, но они не все дошли до нас или их пока еще не обнаружили.

Анфим, игумен. Его надпись от 1712 г. на молдавском языке на церковной книге на славянском языке²⁹².

Ефрем, иеродиакон Нямецкого монастыря. Прочел в 1713—1714 гг. церковную книгу на славянском языке. На ней его собственноручная надпись на славянском языке²⁹³. На другой церковной рукописной книге на славянском языке 20 декабря 1713 г. он писал: «Сию книга рекомаа Василіе Новиі прочитох аз смереніи іеродиакон Ефрем...»²⁹⁴

Гедион, иеромонах Бисериканского монастыря. Его надпись от 1713 г. на славянском языке на церковной книге²⁹⁵.

Георгий, епископ Романский (1718—1723). Ему принадлежала церковная рукописная книга XV в. на славянском языке. На ней сохранилась и его надпись²⁹⁶.

Филарет, иеродиакон Нямецкого монастыря. Его надпись 1722 г. на молдавском языке на рукописной книге на славянском языке. Видимо, прочитал ее²⁹⁷.

Константин Владулович, логофет дивана, из Филипешт. Сохранилась его надпись 1724 г. на славянском языке на славянской рукописи²⁹⁸.

Моисей, митрополит Сучавский (1730—1731). Ему принадлежала славянская минея XV в. Есть надпись на славянском языке на ней²⁹⁹.

Лазарь, иеромонах Нямецкого монастыря. В 1734 г. прочитал на славянском языке церковную рукописную книгу³⁰⁰. На переплете славянского рукописного Евангелия находим его надпись на молдавском языке, в которой он призывает читателей прочитать его (конец первой половины XVIII в.)³⁰¹. В феврале 1753 г. на другой церковной книге на славянском языке в своей надписи, сделанной на молдавском языке, он указывает: «Эту книгу, которая называется «Василий Новый», прочитал я, смиренный иеромонах Лазар...»³⁰²

Иорест, иеродиакон (1743). На минее XV в. обнаружены его надписи на славянском языке. В одной надписи он указывает, что является учеником иеромонаха Макария в дни митрополита Никифора³⁰³.

Николай, иеромонах. В 1779 г. он переписал церковную книгу на славянском языке³⁰⁴.

Онуфрий, скимонах Воронского монастыря. В 1779 г. переписал вместе с иеромонахом Николаем церковную книгу на славянском языке³⁰⁵.

Софроний, Нямецкий монастырь. В 1780 г. вместе со Спиридоном переписал церковный сборник на славянском языке³⁰⁶.

Спиридон, Нямецкий монастырь. В 1780 г. вместе с Софронием переписал церковный сборник³⁰⁷.

Касиян, монах Нямецкого монастыря. В 1795 г. составил «Грамматику славянского языка», которая впоследствии оказалась в Хиландарском монастыре на Афоне³⁰⁸.

Иларион, монах Нямецкого монастыря (XVIII в.). Сохранилась его надпись на славянском языке на церковной книге³⁰⁹.

Иоаникий, игумен (XVIII в.). Видимо, ему принадлежала рукописная книга на славянском языке. Есть его надпись на этой книге³¹⁰.

Андрей, дьякон (XVIII в.). Ему принадлежала, видимо, рукописная книга XV в. на славянском языке. Сохранилась его надпись на этой книге³¹¹.

Варлаам, монах (XVIII в.). Его надпись на «Триоде» XVI в. на славянском языке. Очевидно, книга принадлежала ему³¹².

Николай (XVIII в.). Его надпись на славянском языке на рукописи 1704 г., состоящей из двух разделов: славяно-молдавского словаря и славянской грамматики³¹³.

Глигораш, пан (XVIII в.). Он указывает в своей надписи на церковном сборнике XVI в., что прочел эту рукопись³¹⁴.

Вениамин, иеромонах Сучевецкого монастыря (XVIII в.). Его надпись на славянском языке на славянской книге церковного содержания. Видимо, прочитал ее³¹⁵.

Самоил, дьякон (XVIII в.). Его надпись на славянском языке на одной славянской рукописной книге XVII в. Видимо, прочитал ее³¹⁶.

Ионицэ (XVIII в.). Его надпись и подпись на славянском языке на рукописной книге XVII в.³¹⁷

Иоан, скимонах Воронского монастыря. В 1808 г. сделал надпись на славянском языке на иконе³¹⁸.

На основе данного списка также определим количество церковных и количество светских лиц, знавших славянский язык. Итак, из 30 человек церковных — 25, а светских — 5. Из них: среди первых 14 — представители высших чинов, 11 — средних и низших; среди вторых — 3 человека из высшего сословия и 2 из среднего и низшего.

Анализ этих двух списков показывает, что из 190* человек, знающих славянский язык, 76 (40%) являются церковными чинами (29 человек, или 15%, — высшее духовенство и 47, или 25%, мелкое и среднее духовенство), а 114 человек (60%) — светские лица (из них 26 человек, или 13,7%, — представители высших светских чинов, а 88 человек, или 46,3%, — низшего и среднего сословия), т. е. подавляющее большинство переводчиков — это светские лица.

Приведенные данные убедительно показывают, что в рассматриваемый период славянский язык имел достаточно широкое распространение в Молдавии, будучи постоянно необходимым в повседневной практике.

Благотворное влияние и воздействие славянского языка, знаний памятников культуры на развитие молдавского языка и

* 187 человек указаны в списках, а 3 человека — это Григоре Уреке, Мирон Костин, Дмитрий Кантемир, владевшие славянским языком в совершенстве.

культуры этого времени происходило через посредство людей, усвоивших славянский язык, оказывая влияние на формирование молдавской культуры. Благодаря знанию славянского языка они приобщались к достижениям науки и культуры соседних славянских народов. Эти люди являлись самыми образованными, самыми передовыми представителями своего времени, активными творцами молдавской культуры.

В итоге можно сказать, что славянская грамотность была распространена в Молдавии на всем протяжении второй половины XVII — начала XIX в., т. е. в период после появления и утверждения письменности на молдавском языке, постоянно играя активную роль во всех сферах практической и культурной деятельности Молдавского княжества.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Напомним, что славянский язык был признан в качестве третьего «священного» языка церкви наряду с греческим и латинским (см.: История МССР, т. I. Кишинев, 1965, с. 260).

² По мнению ряда современных исследователей, первые переводы со славянского языка и в то же время появление письменности на молдавском языке относятся к концу XV — началу XVI в. Речь идет о 4 переводах религиозных текстов (см. подробнее об этом: История литератур молдовенешть, вол. I. Кишинэу, 1958, п. 29—30; История МССР, т. I, с. 261—262). Следующие переводы со славянского языка относятся к 30—40-м гг. XVI в. (История МССР, т. I, с. 262). Массовое распространение письменности на молдавском языке происходит в последние десятилетия XVI — начала XVII в. (там же, с. 262—263). Вопрос о времени появления письменности на молдавском языке является дискуссионным и как самостоятельная проблема в данной работе не рассматривается.

³ См.: История литератур молдовенешть, вол. I, п. 10; История МССР, т. I, с. 259—263; и др.

⁴ Istoria României, vol. II. Buc., 1962, p. 181—185, 1028—1032, 1034; vol. III. Buc., 1964, p. 256—294; Istoria României, compendiu. Buc., 1971, p. 181—202.

⁵ Яцимирский А. И. Славянские и русские рукописи румынских библиотек. СПб., 1905, с. IX—XL.

⁶ Мохов Н. А. Молдавия эпохи феодализма (далее: Мохов Н. А. МЭФ). Кишинев, 1964, с. 29.

⁷ Большинство сохранившихся до наших дней славяно-молдавских грамот были опубликованы. См.: Молдавия в эпоху феодализма. Славяно-молдавские грамоты (далее: МЭФСМГ), т. I. Кишинев, 1961; Documenta Romaniae Historica A. Moldova (далее: DRHA), vol. I. Buc., 1975; vol. II. Buc., 1976; и др.

⁸ Славяно-молдавские летописи XV—XVI в. М., 1976.

⁹ Такого рода документы опубликованы в различных сериях и сборниках документов. См.: Hurmuzaki E. Documente privitoare la istoria României, vol. I—XVIII. Buc., 1887—1916; и др.

¹⁰ Panaitescu P. P. Manuscrisele slave din Biblioteca RPR, vol. I. Buc., 1959.

¹¹ На протяжении XVII—XVIII вв. молдавскими переводчиками было переведено большое количество церковных книг (Catalogul manuscriselor românești (далее: СМР), vol. I—IV. Buc., 1907—1967).

¹² Сведения о наличии славянского населения в XVII в. в Молдавии находим в летописи Г. Уреке (Уреке Г. Летописецул Цэрий Молдовей. Кишинэу, 1971, п. 111. Комментарий и анализ этих сведений см.: Мохов Н. А. МЭФ, с. 29—30).

¹³ *Мохов Н. А.* Паžинь дин история уней приетений мултесекуларе. Кишинэу, 1977; *Bezviconi Gh. Contribuții la istoria relațiilor româno-ruse.* Buc., 1962; и др.

¹⁴ *Константинов Н. А.* Начальное образование в Киевской и Московской Руси (до конца XVII века). — Начальная школа, 1944, № 7, с. 40.

¹⁵ *Documente privind istoria României, A. Moldova* (далее: DIRA), veac. XVII, vol. IV, p. 317.

¹⁶ *Catalogul documentelor Moldovenești din arhiva istorică centrală a statului București* (далее: CDM), vol. II, p. 217, N 1025, 1026.

¹⁷ DIRA, veac. XVII, vol. III, p. 205.

¹⁸ CDM, vol. III, p. 299, N 1373.

¹⁹ История литературий молдовенешть, вол. I, п. 34.

²⁰ История МССР, т. I, с. 274; *Руссев Е. М.* Кронोगрафия молдовеняскэ дин вякурле XV—XVIII. Кишинэу, 1977, п. 152—156.

²¹ О митрополите Молдавии Досифее (1624—1693) см. подробнее: *Чебан С. Н.* Досифей — митрополит Сочавский и его книжная деятельность. Киев, 1915.

²² История литературий молдовенешть, вол. I, п. 37—38.

²³ *Строев П.* Описание старопечатных книг славянских, служащее дополнением к описаниям библиотек графа Ф. А. Толстого и купца И. Н. Царского. М., 1841, с. 246.

²⁴ *Codrescu T. Uricarul, vol. XVIII.* Iași, 1892, p. 526—530.

²⁵ *Ghibănescu Gh. Cultura slavonă la sate.* — Surete și izvoade (далее: Surete...), vol. XVI, p. XL—XLIV.

²⁶ CDM. Buc., 1957—1974, vol. I—V.

²⁷ Surete..., vol. XVI, p. XL—XLIV.

²⁸ CDM, vol. I—V. Для XV в. в список логофетов вошло 16 человек (CDM, vol. I, p. 449); для XVI в. — 41 (ibidem); для XVII в. — 73 человека (CDM, vol. I, p. 449; vol. II, p. 437; vol. III, p. 523; vol. IV, p. 486). В список дьяков для XV в. включены 42 человека (CDM, vol. I, p. 450); для XVI в. — 153 (ibidem, p. 450—451); для XVII в. — 820 человек (CDM, vol. I, p. 451—452; vol. II, p. 438—439; vol. III, p. 523—527).

²⁹ *Ciurea D. Observații pe marginea documentelor latine românești. Studii de diplomatică.* — «Apulum» Buletinul muzeului regional Alba-Iulia, vol. V (1943—1945). Alba-Iulia, 1946, p. 215—250. Для Молдавии автор данной статьи выявил имена 33 дьяков, ведущих документацию на латинском языке.

³⁰ См.: *Хижняк З. И.* Киево-Могилянская Академия и ее роль в межславянских культурных связях. Киев, 1971, с. 23.

³¹ П. Величковский, монах русского происхождения, ставший впоследствии в Молдавии во главе Нямецкого монастыря. В последней четверти XVIII в. он развернул здесь большую культурную деятельность. Под его руководством в Нямецком монастыре были переписаны многие церковнославянские книги и переведено значительное количество различной литературы со славянского на молдавский язык. Подробнее о нем см.: *Яцимирский А. И.* Славянские и русские рукописи..., с. 515—583.

³² Подробно см.: *Кирияк В., Мадан И.* Книжная деятельность Михаила Стрельбицкого. — Кодры, 1973, № 8, с. 32—34; *Левит Е.* О типеритуре некуноскутэ а луй Михаил Стрелбицкий. — Нистру, 1977, № 12, п. 96—103.

³³ Несколько таких переводов см., например, перевод 1728 г. (DRHA, vol. I, p. 177); перевод от 25 апреля 1739 г. (Труды Бессарабской губернской ученой комиссии, т. I, с. 173—174); перевод 1742 г. (DIRA, veac. XVII, vol. IV, p. 15); перевод от 5 июня 1752 г. (ibidem, p. 233); перевод от 5 ноября 1799 г. (DRHA, vol. I, p. 194). О некоторых переводах есть и частичные сведения. Например, перевод от 20 сентября 1780 г. был сделан в Нямецком монастыре по повелению «святого отца» Паисия, но своего имени переводчик, к сожалению, не оставил (Surete..., vol. XXI, p. 26—27). В коллекции копий славяно-молдавских грамот сектора истории Молдавии досоветского периода имеется большое количество переводов грамот XV—XVII вв., в которых подписи переводчиков совершенно неразборчивы, соответственно их имена мы не включили в нижеприведенный список (см., например: ЦГА

МССР, ф. 37, оп. 2, д. 1631, л. 6—7; ф. 121, оп. 1, д. 276, л. 5—5 об. и др.) Множество анонимных надписей на славянском и молдавском языках сделаны на славянских книгах XV—XVI вв. (Яцимирский А. И. Славянские и русские рукописи..., с. 697, 720, 724, 731—732, 810, 816, 822).

³⁴ См.: перевод от 25 апреля 1739 г. (Труды..., т. 1, с. 171—172); перевод от 1 июня 1741 г. (CDM, p. 285, № 1373); перевод от 17 августа 1743 г. (ibidem, p. 105, N 450); и др.

³⁵ Перевод без даты за № 1372 Ясской славянской школы св. Саввы (CDM, vol. II, p. 284); перевод от 3 июля 1752 г. (Surete..., vol. XXIII, p. 124). См. также: DIRA, veac. XVI, vol. I, p. 84—85; vol. III, p. 380; veac. XVII, vol. IV, p. 377. Имеются переводы, сделанные в так называемой Господарской школе (ла шкоала домняскэ) в Яссах (Surete..., vol. XIV, p. 23). Перевод грамоты от 11 апреля 1558 г. был сделан в Фокшанской школе (CDM, vol. I, p. 139, № 512). Сохранились также переводы, сделанные в славянских школах, без указания даты и автора (CDM, vol. II, p. 284, N 1317).

³⁶ См.: Turcu C. Din cultura vechilor dieci moldoveni. — Revista arhive-lor, 1960, N 2, p. 201—212; Surete..., vol. XVI, p. XL—XLIV; и др.

³⁷ См.: DIRA, veac. XVI, vol. II, p. 186—197; и др.

³⁸ См.: МЭФСМГ, т. I, с. 181—183; DIRA, veac. XVI, vol. II, p. 170—171; и др.

³⁹ Борцу А. Т. Из истории молдавской лексикографии. — Известия Академии наук СССР. Отделение литературы и языка, 1953, т. XII, вып. 3, с. 284—293. Всего известны 13 славяно-молдавских и молдавско-славянских словарей конца XVI — начала XIX в. (там же).

⁴⁰ История литературной молдовенешть, вол. I, п. 34.

⁴¹ Bianu I., Hodoş N. Bibliografia românească veche. Buc., 1903, vol. I, p. 147—150.

⁴² DIRA, veac. XVII, vol. III, p. 205.

⁴³ См.: Ştrempel Gh. Copiştii de manuscrise româneşti pînă la 1800 (далее: Copiştii...). Buc., 1959, p. 33.

⁴⁴ CMR, vol. II, p. 283—284, N 540.

⁴⁵ См. об этих переводах: Mareş A. In legătură cu o traducere românească a lui Nicolae Milescu. — Limba română, 1979, N 3, p. 253—265. Подробнее о нем см.: Михайловский И. Н. Важнейшие труды Николая Спафария. Киев, 1897; Урсул Д. Г. Философские и общественно-политические взгляды Н. Г. Милеску-Спафария. Кишинев, 1955.

⁴⁶ CMR, vol. I, p. 165.

⁴⁷ Copiştii..., p. 6—7.

⁴⁸ Монастырская А. К. Из истории славяно-молдаво-византийских литературных связей. — Вестник Ленинград. ун-та, серия История, язык, литература, 1977, № 8, вып. 2, с. 95—103.

⁴⁹ История литературной молдовенешть, вол. I, п. 37—38.

⁵⁰ Drăganu N. Un nou exemplar din Mîntuirea păcătoşilor. — Anuarul institutului de istorie naţională, vol. IV. Buc., 1929, p. 423—427.

⁵¹ DIRA, veac. XVI, vol. IV, p. 226.

⁵² Ibidem, vol. III, p. 162—163.

⁵³ Ibidem.

⁵⁴ Studii şi documente cu privire la istoria românilor (далее: SD), vol. VI. Buc., 1904, p. 147.

⁵⁵ См. об этом: Petre I. S. Axinte Uricarul. Buc., 1944, p. 5—28.

⁵⁶ SD, vol. XVI. Buc., 1909, p. 296—297.

⁵⁷ CDM, vol. II, p. 366, n. 1858.

⁵⁸ Petre I. S. Op. cit., p. 28.

⁵⁹ Ibidem.

⁶⁰ DRHA, vol. I. Buc., 1975, p. 351—352.

⁶¹ Petre I. S. Op. cit., p. 28.

⁶² См. подробнее о нем: Petre I. S. Op. cit., p. 5—78.

⁶³ Copiştii..., p. 261.

⁶⁴ DIRA, veac. XVI, vol. I, p. 597.

⁶⁵ См.: DIRA, veac, XVII, vol. IV, p. 5; CDM, vol. I, p. 263, N 1114; p. 263, № 1114; Центральная научная библиотека Академии наук Украинской ССР. Киев, фонд V, № 36, л. I, 1^{об.}, 2^{об.}.

⁶⁶ DIRA, veac, XVII, vol. IV, p. 108.

⁶⁷ DRHA, vol. I, p. 337.

⁶⁸ *Haşdeu B. P.* Arhiva istorică a României, vol. I, part. I. Buc., 1865, p. 46—47.

⁶⁹ См.: DIRA, veac, XVII, vol. I, p. 242; *ibidem*, veac, XVI, vol. III, p. 201; *ibidem*, p. 414 (перевод недатирован); ЦГА МССР, ф. 220, оп. I, д. 5498, л. 7.

⁷⁰ DIRA, veac, XVI, vol. II, p. 226—227. Не исключено, что этот переводчик — зять Аксинтия Урикарула «Григораш от вистерии», который работал вместе с Аксинтием.

⁷¹ *Яцимирский А. И.* Славянские и русские рукописи..., с. 845.

⁷² DIRA, veac, XVI, vol. III, p. 247.

⁷³ *Ibidem*.

⁷⁴ *Ibidem*, veac, XVII, vol. V, p. 129—130.

⁷⁵ *Ibidem*, vol. I, p. 168. — Здесь он фигурирует как «Танасие урнкар ла велет 7243(1735) июль 20». В переводе от 7 февраля 1736 г. — «Тэнас: логофэт де тайнэ» (*ibidem*, veac, XVII, vol. V, p. 190—191). Такая же подпись на переводе от 16 февраля 1755 г. (*ibidem*, veac, XVI, vol. I, p. 265) и от 7 апреля 1755 г. (*ibidem*, veac, XV, vol. II, p. 64). Имеется один перевод от 1750 г., подписанный неким Тэнасием Петраке Явич Мэкэрескул (CDM, vol. II, N 1667, p. 336). Видимо, это одно и то же лицо.

⁷⁶ См., например, DIRA, veac, XVII, vol. II, p. 84. Встречается и такая подпись: «Василе Некулческул от Унгурень» (DRHA, vol. XXI, p. 120). очевидно, это то же лицо, что и «священник от Кэлугэра». Мы предполагаем, что в чтении даты «7151(1643), апреля 12» допущена ошибка. По-видимому, надо читать 1751 или 7251(1743) апреля 12. Ошибка в чтении еще более очевидна, если добавим, что имя священника «Василия Некулческула (здесь «Негулческул») от Унгурень» встречается еще один раз в «7260 г. (т. е. в 1751 г.), сентября 18» (см.: DRHA, vol. I, p. 189). Исходя из этого на с. 120, DRHA, vol. XXI следует читать 7251(1743).

⁷⁷ DRHA, vol. II, p. 91.

⁷⁸ DIRA, veac, XVI, vol. I, p. 553.

⁷⁹ *Ibidem*, veac, XVII, vol. III, p. 163.

⁸⁰ См., например, копию от 9 ноября 1760 г. (DIRA, veac, XVI, vol. II, p. 196—197).

⁸¹ *Surete...*, vol. V, p. 279—280.

⁸² Ленинградское отделение Института истории АН СССР, ф. Молдавские акты, д. 5, л. 54.

⁸³ *Copişti...*, p. 127.

⁸⁴ DIRA, veac, XV, vol. II, p. 311.

⁸⁵ Об этом переводе см.: *Bogdan D. P.* *Pomelnicul mănăstirii Bistriţa*. Buc., 1941.

⁸⁶ Первый перевод (DIRA, veac, XVI, vol. III, p. 306), второй (*ibidem*, vol. IV, p. 7). В датировке руководствовались тем, что второй из указанных выше переводов грамоты был сделан еще раз уже упомянутым даскалом Евлогием, деятельность которого относится ко второй половине XVIII в. В практике того времени встречаются довольно часто случаи, когда переводы, сделанные ранее, некоторое время спустя перепроверяются. Видимо, здесь (DIRA, veac, XVI, vol. IV, p. 7) речь идет именно о таком случае.

⁸⁷ *Arhiva Românească*, vol. V. Buc., 1940, p. 329—330.

⁸⁸ CDM, vol. I, p. 325, N 1412.

⁸⁹ *Surete...*, vol. XI, p. 33—34.

⁹⁰ *Arhivele Basarabiei* (далее: AB), 1934, N 4, p. 38.

⁹¹ См., например: CDM, vol. I, p. 271, N 1153.

⁹² SD, vol. VI. Buc., 1904, p. 164.

⁹³ *Ibidem*, vol. VII. Buc., 1904, p. 378.

- ⁹⁴ Surete..., vol. II, p. 321—322.
- ⁹⁵ МЭФСМГ, т. I, с. 74—77.
- ⁹⁶ Sopiști..., p. 157.
- ⁹⁷ DRHA, vol. I, p. 208.
- ⁹⁸ Copiști..., p. 267.
- ⁹⁹ *Melchisedec*, episcop. Cronica Hușilor. Buc., 1869, p. 16—17.
- ¹⁰⁰ DIRA, veac. XIV—XV, vol. I, p. 345.
- ¹⁰¹ Ibidem, veac. XVI, vol. III, p. 315.
- ¹⁰² Ibidem, veac. XIV—XV, vol. I, p. 345; veac. XVI, vol. III, p. 315.
- ¹⁰³ Ibidem, veac. XVII, vol. I, p. 198.
- ¹⁰⁴ Surete..., vol. I, p. 152—153.
- ¹⁰⁵ *Codrescu T. Uricarul*, vol. XXV, p. 32—33.
- ¹⁰⁶ Surete..., vol. III, p. 86—87.
- ¹⁰⁷ DIRA, veac. XVI, vol. I, p. 298.
- ¹⁰⁸ Ibidem, p. 84.
- ¹⁰⁹ Surete..., vol. I, p. 110.
- ¹¹⁰ DIRA, veac. XV, vol. II, p. 82.
- ¹¹¹ DRHA, vol. II, p. 10.
- ¹¹² DIRA, veac. XVII, vol. II, p. 216—218.
- ¹¹³ DRHA, vol. I, p. 281.
- ¹¹⁴ DIRA, veac. XIV—XV, vol. I, p. 146—147; veac. XVII, vol. I, p. 124.
- ¹¹⁶ Ibidem, veac. XVII, vol. I, p. 358.
- ¹¹⁶ *Codrescu T. Uricarul*, vol. XIX, p. 7—8.
- ¹¹⁷ CDM, vol. II, p. 218—219, N 1033.
- ¹¹⁸ DRHA, vol. II, p. 227.
- ¹¹⁹ МЭФСМГ, т. I, с. 303—305.
- ¹²⁰ DIRA, veac. XVI, vol. III, p. 58—59; veac. XVII, vol. I, p. 75.
- ¹²¹ DRHA, vol. II, p. 320.
- ¹²² DIRA, veac. XVI, vol. I, p. 197.
- ¹²³ Copiști..., p. 161.
- ¹²⁴ CDM, vol. II, p. 333—334, N 1653.
- ¹²⁵ См., например: DIRA, veac. XVI, vol. I, p. 301; veac. XVII, vol. V, p. 162.
- ¹²⁶ См., например, перевод от 2 октября 1784 г. (DRHA, vol. XXI, p. 210); DIRA, veac. XVI, vol. I, p. 91—92.
- ¹²⁷ Surete..., vol. XXIV, p. 165.
- ¹²⁸ DIRA, veac. XVI, vol. II, p. 41.
- ¹²⁹ Surete..., vol. XXV, p. 177.
- ¹³⁰ DIRA, veac. XVI, vol. II, p. 141—142.
- ¹³¹ Copiști..., p. 83—84.
- ¹³² DRHA, vol. I, p. 345.
- ¹³³ Ibidem, p. 368.
- ¹³⁴ Ibidem, p. 40.
- ¹³⁵ Copiști..., p. 29—30.
- ¹³⁶ *Crăciun I., Ileş A.* Repertoriul manuscriselor de cronici interne privind istoria României, ses. XV—XVIII. Buc., 1963, p. 46—47.
- ¹³⁷ См., например: Славяно-молдавские летописи XV—XVI вв. М., 1976, с. 68—74.
- ¹³⁸ CMR, vol. I, N 67, p. 155—157.
- ¹³⁹ *Reli S.* Un manuscris inedit al lui Vartolomeu Măzăreanu. Cernăuți, 1939. О других переводах Вартоломея Мэзэрянэ см.: *Кирияк В.* Карта ши типарул ын Молдова ын XVII—XVIII. Кишинэу, 1977, п. 106—107. Подробнее о нем см.: *Мохов Н. А.* Пажинь дин история уней приетений мултсекуларе. Кишинэу, 1977, п. 128; *Богач Г.* Летописеулулуй Вартоломеу Мэзэрянэ.— Пажинь дин история литературий ши культурий молдовенешть. Кишинэу, 1979, п. 160—170.
- ¹⁴⁰ Surete..., vol. XXI, p. 214—215.
- ¹⁴¹ DIRA, veac. XVII, vol. V, p. 158.
- ¹⁴² Copiști..., p. 29—30.

- 143 DRHA, vol. I, p. 7.
- 144 Copiști..., p. 10.
- 145 DIRA, veac. XVI, vol. II, p. 91.
- 146 Sava A. Documente privitoare la târgul și ținutul Orheiului, p. 95—96.
- 147 МЭФСМГ, т. I, с. 221.
- 148 Центральная научная библиотека Академии наук Украинской ССР. Киев, ф. Удалова, д. 3612, л. I, I об.
- 149 DRHA, vol. I, p. 254.
- 150 Ibidem.
- 151 Surete..., vol. IX, p. 124—125.
- 152 Ibidem.
- 153 DIRA, veac. XVI, vol. II, p. 24.
- 154 Ibidem, p. 131.
- 155 Surete..., vol. XV, p. 68.
- 156 Arhiva Românească, vol. V, p. 329—330.
- 157 DRHA, vol. II, p. 458.
- 158 Ibidem, vol. I, p. 145—146.
- 159 Ibidem, p. 201.
- 160 Ibidem, p. 296.
- 161 Ibidem, vol. II, p. 404.
- 162 DIRA, veac. XVI, vol. I, p. 144.
- 163 Ghibănescu Gh. Ispisoace și zapise, vol. II, part. I, p. 95.
- 164 Codrescu T. Uricarul, vol. XXV, p. 11.
- 165 CDM, vol. I, p. 324, N 1409.
- 166 DRHA, vol. XXI, p. 130.
- 167 DRHA, vol. XXI, p. 369.
- 168 CDM, vol. II, p. 101—102, N 432.
- 169 DRHA, vol. II, p. 362.
- 170 Copiști..., p. 3. См. также: Duțu A. Coordonate ale culturii românești în secolul XVIII. Buc., 1968, p. 219, nota 7.
- 171 Copiști..., p. 3.
- 172 Ibidem, p. 206.
- 173 DIRA, veac. XVI, vol. I, p. 147.
- 174 См., например: DIRA, veac. XV, vol. II, p. 84; Surete..., vol. XXIII, p. 162.
- 175 См., например: МЭФСМГ, т. I, с. 218—219.
- 176 См., например: Surete..., vol. XV, p. 74.
- 177 DIRA, veac. XVI, vol. II, p. 84.
- 178 Surete..., vol. XIX, p. 84—85.
- 179 См.: МЭФСМГ, т. I, с. 275—276; 285—286; DIRA, veac. XVI, vol. II, p. 170—171; см. также: Turcu C. Op. cit., p. 201—212.
- 180 Surete..., vol. XIX, p. 84—85.
- 181 AB, 1936, N 1, p. 108—109.
- 182 Труды Бессарабской архивной комиссии, т. III, с. 323—325.
- 183 DIRA, veac. XVI, vol. II, p. 196; CDM, vol. II, p. 212, N 997.
- 184 Sava A. Documente..., p. 42—42.
- 185 Ibidem, p. 87—88, 104, 121; Boga T. Documente basarabene, vol. VII, p. 10, 46.
- 186 МЭФСМГ, т. I, с. 277—278.
- 187 Copiști..., p. 267.
- 188 См.: Труды Бессарабской архивной комиссии, т. II, с. 325—327; DIRA, veac. XVI, vol. I, p. 289; Boga T. Documente basarabene, vol. VII, p. 13; vol. XIV, p. 9.
- 189 DRHA, vol. I, p. 51.
- 190 DIRA, veac. XVI, vol. p. 34.
- 191 Surete..., vol. XXIII, p. 162.
- 192 CDM, vol. II, p. 343, N 1709.
- 193 Ibidem.
- 194 DRHA, vol. I, p. 169.
- 195 DIRA, veac. XIV—XV, vol. I, p. 184.

- 196 Ibidem.
- 197 DIRA, veac. XVI, vol. I, p. 473.
- 198 *Ghibănescu Gh. Ispisoace...*, vol. I, part. I, p. 30—31.
- 199 DIRA, veac. XVII, vol. III, p. 1.
- 200 Ibidem, veac. XV, vol. II, p. 226. Датировка авторского коллектива DIRA-a.
- 201 Surete..., vol. XVI, p. 17—18.
- 202 CDM, vol. II, p. 199—200, N 935.
- 203 Surete..., vol. XXIV, p. 185.
- 204 Несколько таких переводов см.: Труды..., т. I, с. 171—172; CDM, vol. III, p. 105, N 450.
- 205 DIRA, veac. XVI, vol. III, p. 338.
- 206 См.: МЭФСМГ, т. I, с. 20 — его перевод от 4 сентября 1800 г.; c. 286—288 — перевод от 17 ноября 1804 г.
- 207 DIRA, veac. XVI, vol. IV, p. 14. — перевод от 26 июля 1806 г.
- 208 Ibidem, p. 129.
- 209 *Sava A. Documente...*, p. 66.
- 210 DIRA, veac. XVI, vol. III, p. 62.
- 211 Ibidem, veac. XVII, vol. III, p. 184.
- 212 DRHA, vol. I, p. 16.
- 213 Ibidem, vol. II, p. 416.
- 214 Surete..., vol. V, p. 248—253.
- 215 DIRA, veac. XVI, vol. II, p. 135—136.
- 216 Ibidem, veac. XIV—XV, vol. I, p. 378; *Boga T. Documente basarabene*, vol. IV, p. 9.
- 217 МЭФСМГ, т. I, с. 208; *Ghibănescu Gh. Ispisoace...*, vol. II, part. I, p. 211—218; Черновицкий областной архив, ф. 1023, оп. I, д. 12, л. 2,2 об.
- 218 МЭФСМГ, т. I, с. 363.
- 219 Там же, с. 372; DRHA, vol. I, p. 231.
- 220 *Racoveanu G. Viața și nevoile fericitului Paisie, starețul mănăstirii Neamțul și Secul*, date acum pre slovă nouă. Rîmnicul-Vîlcii, 1935.
- 221 DRHA, vol. I, p. 16.
- 222 DIRA, veac. XIV—XV, vol. I, p. 116.
- 223 Ibidem.
- 224 Surete..., vol. II, p. 235.
- 225 DRHA, vol. I, p. 128.
- 226 Ibidem, p. 238.
- 227 Surete..., vol. IX, p. 163.
- 228 DIRA, veac. XVI, vol. III, p. 144.
- 229 Ibidem, p. 62.
- 230 Surete..., vol. XXIII, p. 191.
- 231 DRHA, vol. I, p. 272.
- 232 Ibidem, p. 146.
- 233 Surete..., vol. XXIII, p. 135.
- 234 DIRA, veac. XVII, vol. II, p. 54.
- 235 Ibidem, veac. XIV—XV, vol. I, p. 170—171.
- 236 *Boga T. Documente basarabene*, vol. XV, p. 2.
- 237 АВ, 1937, N 1—4, p. 127.
- 238 ЦГА МССР, ф. 200, оп. I.
- 239 DRHA, vol. I, p. 297.
- 240 Ibidem, vol. II, p. 171.
- 241 МЭФСМГ, т. I, с. 20.
- 242 SD, vol. XI. Buc., 1906, p. 51.
- 243 Труды..., т. II, с. 321—322.
- 244 ЦГА МССР, ф. 220, оп. I.
- 245 DRHA, vol. II, p. 4. 31.
- 246 *Boga T. Documente basarabene*, vol. V, p. 14—15.
- 247 DIRA, veac. XIV—XV, vol. I, p. 567—568.
- 248 Ibidem, veac. XV, vol. II, p. 305.
- 249 *Boga T. Documente basarabene*, vol. VII, p. 34.

- 250 DRHA, vol. I, p. 139, 149; vol. II, p. 84, 168.
 251 Ibidem.
 252 Ibidem, vol. II, p. 236.
 253 Surete..., vol. IX, p. 161—162.
 254 DIRA, veac, XVII, vol. II, p. 222.
 255 *Ghibănescu Gh.* Ispisoace..., vol. I, part. I, p. 30—31.
 256 Surete..., vol. XXIII, p. 156. Об этом же переводе см.: DIRA, vol. I, p. 276.
 257 DRHA, vol. II, p. 389.
 258 ЦГА МССР, ф. 220, оп. I.
 259 МЭФСМГ, т. I, с. 181—183.
 260 DRHA, vol. II, p. 84.
 261 DIRA, veac, XV, vol. II, p. 204.
 262 Ibidem, veac, XVI, vol. I, p. 144—145.
 263 Ibidem, veac, XVII, vol. V, p. 211—213.
 264 SD, vol. IX. Buc., 1905, p. 52.
 265 DIRA, veac, XIV—XV, vol. I, p. 170—171.
 266 Труды..., т. I, с. 171—172.
 267 DRHA, vol. II, p. 139.
 268 DIRA, veac, XVI, vol. I, p. 207.
 269 Surete..., vol. XXIII, p. 215.
 270 DIRA, veac, XVI, vol. I, p. 207.
 271 Ibidem; veac, XVII, vol. IV, p. 122.
 272 Ibidem, vol. I, p. 52.
 273 CDM, vol. I, p. 376, N 1665.
 274 МЭФСМГ, т. I, с. 37.
 275 Там же, с. 58—59.
 276 Там же, с. 181—183.
 277 ЦГА МССР, ф. 220, оп. I.
 278 МЭФСМГ, т. I, с. 181—183.
 279 DRHA, vol. II, p. 307.
 280 *Ghibănescu Gh.* Ispisoase..., vol. I, part. I, p. 92.
 281 МЭФСМГ, т. I, с. 369—370.
 282 *Ciobanu Șt.* Documente din Basarabia. Chișinău, 1928, p. 184.
 283 DIRA, veac, XVII, vol. V, p. 89.
 284 Surete..., vol. XX, p. 9—10, 130—132.
 285 *Panaitescu P. P.* Manuscrisele slave, vol. I, p. 256.
 286 *Turdeanu E.* Manuscrise slave din timpul lui Ștefan cel Mare. — In: Cercetări literare, vol. V. Buc., 1943, p. 116.
 287 Ibidem, p. 117.
 288 *Яцимирский А. И.* Славянские и русские рукописи..., с. 697.
 289 *Chilandarec S.* Rucopisy a starotiscy Chilendarsce. — In: Vestnik kra-
 lovské společnosti nauk. Trida filosofiko-historicko-jazykozpytna ročnic, 1896.
 Praha, 1897, с. 39, N 123.
 290 *Яцимирский А. И.* Славянские и русские рукописи..., с. 695.
 291 *Panaitescu P. P.* Manuscrise slave..., vol. I, p. 195.
 292 *Яцимирский А. И.* Славянские и русские рукописи..., с. 804.
 293 Там же, с. 698.
 294 *Panaitescu P. P.* Manuscrise slave..., vol. I, p. 161.
 295 *Яцимирский А. И.* Славянские и русские рукописи..., с. 845.
 296 *Panaitescu P. P.* Manuscrise slave..., vol. I, p. 188.
 297 *Яцимирский А. И.* Славянские и русские рукописи..., с. 727.
 298 SMR, vol. I, p. 398.
 299 *Леонид*, архимандрит. Славяно-сербские книгохранилища на святой горе. — Чтения в императорском обществе истории и древностей российских при Московском университете, т. I. М., 1875, с. 80.
 300 *Яцимирский А. И.* Славянские и русские рукописи, с. 788.
 301 Там же, с. 651.
 302 *Panaitescu P. P.* Manuscrise slave..., vol. I, p. 161.
 303 *Яцимирский А. И.* Славянские и русские рукописи..., с. 686.

- ³⁰⁴ *Panaitescu P. P.* Manuscrise slave..., vol. I, p. 251.
³⁰⁵ *Ibidem* p. 252.
³⁰⁶ *Ibidem*, p. 250.
³⁰⁷ *Ibidem*.
³⁰⁸ *Chilandares S.* Rucopisy a starotisky Chilendarske, с. 80, N 423, S.a., S. 1.
³⁰⁹ *Яцимирский А. И.* Славянские и русские рукописи..., с. 700.
³¹⁰ Там же, с. 665.
³¹¹ Там же.
³¹² Там же, с. 397.
³¹³ *CMR*, vol. II, p. 12.
³¹⁴ *Mihail P., Mihail Z.* Manuscrise slave în colecții din Moldova. — *Romanoslavica*, XVIII. Buc., 1972, p. 289.
³¹⁵ *Ibidem*, p. 301.
³¹⁶ *Ibidem*.
³¹⁷ *Ibidem*.
³¹⁸ *SD*, vol. XVI. Buc., 1909, p. 265.

Л. Ф. Чащина

**РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИОННО-ДЕМОКРАТИЧЕСКАЯ
 ЭМИГРАЦИЯ И СТАРООБРЯДЧЕСТВО
 ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ
 (РЕВОЛЮЦИОННОЕ «АГЕНТСТВО»
 В ТУЛЬЧЕ В 1862—1865 гг.)**

В условиях подъема общественного движения в период революционной ситуации середины XIX в. русские революционеры-шестидесятники проводили активную работу по вовлечению широких слоев народных масс в общий поток освободительного движения¹.

Советской историографией давно установлен факт обращения революционной демократии к старообрядчеству как к оппозиционному, антиправительственному элементу с целью подготовки революционно-демократического натиска². Но следует подчеркнуть, что революционеры-шестидесятники видели в старообрядцах не просто подвергающуюся политическим и религиозным гонениям массу и потому составляющую постоянную оппозицию правительственной власти. Они выделяли среди них прежде всего старообрядцев-крестьян, которых считали составной и наиболее активной частью русского крестьянства.

А. И. Герцен и особенно Н. П. Огарев много занимались данным вопросом. Будучи сторонниками общинного социализма и находя, что у «раскольников» община «более развита, чем у православных крестьян»³, являясь идеологами крестьянства и крестьянской революции и проповедуя последнюю, они отводили в ней старообрядцам-крестьянам активную роль, ибо счита-

ли, что «старообрядцы составляют самую энергичную, здоровую часть огромного земледельческого населения России»⁴.

Такой взгляд русских революционных демократов на активную роль старообрядчества в подготовке и участии во всероссийском военно-крестьянском восстании являлся следствием идеализации ими этого религиозно-общественного движения, рассмотрения в нем социалистических элементов, непонимания глубоких социально-экономических изменений буржуазного характера, которые, кстати говоря, в старообрядческих общинах проходили еще быстрее, чем в общинах православных крестьян.

В конспиративном документе «Заграничные общества» Н. П. Огарев, характеризуя расстановку классовых сил в предстоящем восстании и выдвигая план действий революционных обществ, делит Россию на районы, в которых действуют интересы «народные», «военные» и «образованного меньшинства». При этом в классификации народных центров Огарев специально выделяет раскол, считая «центры», где присутствует «интерес раскола», более активными. В пропаганде подачи адресов царю Огарев также особое внимание призывает уделять раскольничьим центрам: «Раскольники*, у которых царствует действительная дисциплина — первые подадут пример — у них адреса пойдут»⁵.

На страницах «Общего веча» Огарев защищал мысль о неразрывности интересов простых старообрядцев и всего крестьянства и, обращаясь к старообрядческим массам, писал весной 1863 г.: «Неужели вы думаете, что купечество спасет вас?.. Не дворянство чиновное и не купечество малосильное отстают старообрядчество, т. е. свободу веры, — а только народ, крестьянство». И далее: «Заклучите же из этого, что старообрядчество и крестьянство, или народ — друг с другом тесно соединены и что их стремления и выгоды нераздельны. Требуйте свободы веры и вы дойдете до требования народного самоуправления. Созовите старообрядческий собор всех согласий и вы дойдете до необходимости созвать Земский собор»⁶.

Анализ теоретических высказываний Герцена и Огарева и документов, имевших практическое назначение в подготовке восстания, не оставляет сомнения в том, что деятельность революционных демократов среди старообрядцев нельзя рассматривать просто как тактический ход и неудавшуюся попытку использовать это движение в качестве временного союзника. Обращение революционных демократов к этому религиозно-общественному движению было обусловлено прежде всего поиском в нем социалистических, народных элементов. Пропове-

* Следует заметить, что раскольниками революционные демократы называли не только старообрядцев, но и сектантов, часто объединяя их этим термином. Однако в своей революционной практике они обращались главным образом к старообрядцам.

дую «русский» крестьянский социализм, Герцен и Огарев верили, что из «раскольничьей общины начнется народное движение... национального и коммунистического характера»; при этом они полагали, что движение это «охватит затем целые области и пойдет навстречу другому движению, источником которого являются революционные движения Европы»⁷.

Подтверждение такого подхода к старообрядческому движению мы находим при рассмотрении деятельности революционного центра русских демократов в Лондоне среди старообрядческого населения Европейской Турции, которая явилась попыткой реализовать эти идеи на практике.

Несмотря на то, что этот вопрос частично уже освещался в работах советских авторов П. Г. Рындзюнского, Е. Л. Рудницкой и особенно в монографическом исследовании В. Я. Гросула, специальное его рассмотрение представляется оправданным потому, что не все известные ранее источники были использованы с исчерпывающей полнотой, не говоря уже о некоторых вновь обнаруженных документах. К использованным нами новым источникам относятся прежде всего донесения русского консула в Тульче А. Н. Кудрявцева.

Русское консульство, образованное в Тульче 25 июля 1864 г. с тем, чтобы контролировать и препятствовать деятельности польских и русских революционных эмигрантов, принимало непосредственное участие в ликвидации в этом районе революционного «агентства»** русских демократов. Поэтому донесения русского консула в Тульче Кудрявцева за 1864—1865 гг., а также ряд документов самих революционных демократов, отсылавшихся Кудрявцевым вместе с донесениями, являются важным источником для изучения истории взаимоотношений русских революционных демократов со старообрядцами Европейской Турции. Среди них еще не известный исследователям подлинник письма А. И. Герцена А. В. Никитину — главе тульчинской секты молочан. Особенно интересным является сообщение Кудрявцева о найденном его тайным агентом среди бумаг В. И. Кельсиева 21 письме Герцена и Огарева В. Кельсиеву, в которых, как писал Кудрявцев, «главы русской заграничной революционной партии» давали Кельсиеву инструкции «для открытия действий пропаганды и для заложения на окраинах России революционной типографии и колонии русских эмигрантов». Как отмечал Кудрявцев, «из писем видно, что планы были громадны, что действия пропаганды могли разлиться по широкому полю»⁸. Письма эти пока не обнаружены исследователями. А. Н. Кудрявцев сообщал в МИД, что отослал их в Константинополь Н. П. Игнатьеву для дальнейшего отправления в МИД, но в архиве министерства их пока не удалось выявить.

* Именно так именовалась в некоторых документах того периода обособившаяся в Тульче, на границе Турции и России, в 1862—1865 гг. группа русских политических эмигрантов во главе с В. И. Кельсиевым.

Конечно, нельзя до конца полагаться на свидетельства Кудрявцева относительно содержащихся в письмах инструкций, говорящих о руководящей роли лондонского центра русских революционных демократов в деятельности братьев В. И. и И. И. Кельсиевых на территории Европейской Турции. Однако сам факт существования столь обширной переписки говорит об активном участии Герцена и Огарева в революционно-пропагандистской деятельности Кельсиевых в этом районе, в том числе и среди старообрядческого населения.

Нужно отметить, что некоторые донесения Кудрявцева частично уже были использованы исследователями. Впервые ссылка на донесение А. Н. Кудрявцева от 17 декабря 1864 г. по копии, хранящейся в Государственном архиве Киевской области, делалась в исследовательской работе Дьякова В. А., Миллера И. С. «Революционное движение в русской армии и восстание 1863 г.» (М., 1964, с. 313). Ю. М. Рекка обратил внимание на несколько донесений Кудрявцева, некоторые копии которых хранятся в ЦГВИА г. Москвы⁹. В. Я. Гросул ссылается на донесение Кудрявцева от 17 декабря 1864 г., опубликованное в сборнике «Общественно-политическое движение на Украине в 1863—1864 гг.» (Киев, 1964), и на донесение от 25 июля 1865 г. по копии, хранящейся в ЦГАОР¹⁰. Еще раньше молдавский историк К. А. Поглубко обратил внимание на донесения Кудрявцева, хранящиеся в АВПР¹¹. Но он лишь в очень незначительной степени использовал этот источник.

Таким образом, большая часть этого интересного источника не была введена в научный оборот.

Рассматривая взаимоотношения революционных демократов со старообрядцами, в их развитии следует выделить два этапа. С конца 50-х гг. и до 1861 г. деятельность лондонского центра революционной демократии среди старообрядцев была связана прежде всего с распространением изданий Вольной русской типографии и с получением сведений о притеснительной политике царского правительства по отношению к русским и зарубежным старообрядцам. Цели в это время не выходили за рамки задач мирной пропаганды.

1861 год явился переломным в деятельности лондонского революционного центра. Надежды на такую реформу, которая бы без кровопролития решила крестьянский вопрос и подвела бы к возможности мирного преобразования существующих социальных отношений, не оправдались. Революционные демократы берут курс на вооруженное военно-крестьянское восстание, начало которого намечалось ими на весну 1863 г. На базе существовавших ранее революционных кружков складывается общероссийское революционное общество «Земля и воля», руководящий центр которой после петербургских арестов 1862 г. перемещается в Лондон.

С изменением общественно-политической обстановки ме-

няются задачи и методы пропагандистской деятельности революционных демократов среди старообрядцев. С 1861 г. главной задачей становится пропаганда в старообрядческих массах идеи крестьянского восстания. Но до конца 1862 г. объективные условия определяли тот факт, что лондонский революционный центр апеллировал к старообрядческим массам, главным образом через отдельных представителей руководящей верхушки старообрядческой церкви, которые в силу своего классового положения были далеки от понимания интересов народных масс. Лишь с конца 1862 г., со времени приезда в Турцию В. И. Кельсиева и создания здесь своего революционного «агентства», эмигранты пытались проводить пропаганду непосредственно среди старообрядцев-крестьян.

В октябре 1862 г. В. И. Кельсиев приезжает в Константинополь. Мотивы своей поездки на Балканы он объяснял позднее следующим образом: «Тревожные ожидания, необходимость заводить новые связи и расширить наше влияние на старообрядцев, надежда заинтересовать в нашем деле липован*, наконец, желание осмотреть, на что можно и на что нельзя рассчитывать, — все это, вместе с досадой на неудачный исход поездки в Россию, заставило меня ехать в Турцию и Дунайские княжества, где живет огромное множество русских и откуда я надеялся устроить сношения с Петербургом и Москвой»¹².

Свою деятельность в Турции В. Кельсиев начал не как частное лицо, а как представитель общества «Земля и воля» и согласовывал ее с текущими задачами революционной пропаганды лондонского центра.

По прибытии в Константинополь В. Кельсиев сразу же попытался сблизиться с местным старообрядческим населением: он включается в устройство их дел, выступает посредником между ними и турецкой администрацией. Установив связи с руководителями добруджанских и вилковских старообрядцев, он ведет с ними переговоры о сборе денег на заведение здесь типографии, о вручении русскому правительству адреса в защиту польского освободительного движения¹³.

Из письма М. А. Бакунина от 10 ноября 1862 г. к польскому эмигранту Коссиловскому мы узнаем, что первое письмо В. Кельсиева из Константинополя в Лондон было датировано 17 октября, т. е. написано в первые же дни по прибытии¹⁴. Оно пока не обнаружено исследователями. Но по письму Бакунина к Герцену и Огареву, тоже от 10 ноября, которое являлось откликом на это послание Кельсиева, можно заключить, что письмо Кельсиева содержало соображения о широких возможностях пропагандистской деятельности в этом районе и было полно замыслов предстоящей работы. Так, Бакунин писал

* Липованами обычно называли русских старообрядцев, живших в Дунайских княжествах, в Придунайских районах Османской империи, в Австрии и Пруссии.

Герцену и Огареву: «Вы видите из письма Кельсиева и вероятно догадывались прежде, что для нас на Востоке плодovitого дела тьма — как политического, так и коммерческого»¹⁵. Как на одну из насущных задач Бакунин указывал в своем письме на необходимость пропаганды среди «староверов в Турции и в Австрии и через них на Россию». Он предлагал послать на помощь Кельсиеву русского революционного эмигранта Н. И. Жуковского (с подробной инструкцией для обоих), которому поручить дела, связанные с устройством складочного места для революционной литературы, налаживание торговли и пропаганды через Константинополь, Кельсиеву же поручить все дела по расколу¹⁶.

Из переписки М. А. Бакунина с Коссиловским мы узнаем также, что еще в октябре, т. е. до получения известий от Кельсиева, Герцен писал ему в Константинополь, но письма не доходили.

Уже в первом письме к Коссиловскому от 25 октября 1862 г. Бакунин вел с ним переговоры о переправке через него почты в Константинополь. Из писем Бакунина видно также, что лондонские эмигранты с октября 1862 г. по январь 1863 г. неоднократно посылали Кельсиеву через Коссиловского письма, а также пакеты с прокламациями и «Колоколом», предназначавшиеся для распространения в пограничных районах и в России. Посылки отправлялись аккуратно каждый понедельник и четверг, а письма почти каждую неделю, но, судя по переписке, не доходили¹⁷.

В письмах Бакунина к Коссиловскому говорится о прокламациях, составленных революционными демократами и обращенных к различным сословиям и группам, с призывом к восстанию. Среди них, безусловно, должна была посылаться Кельсиеву и прокламация «Что надо делать духовенству», написанная Огаревым как раз в октябре 1862 г. и предназначавшаяся для распространения среди русских и зарубежных старообрядцев. Огарев писал в прокламации: «Смуты возобновятся в 1863 г. ...Надо чтобы духовенство, по примеру за народ на кресте Распятого, забыло страх. Когда придет войско против народа, пусть духовенство выйдет с крестом и дарами, пусть станет впереди народа и заслонит его своею грудью и орудиями святыми от царской власти, от преступных выстрелов русских солдат по русскому народу»¹⁸. Революционные демократы обращались к духовенству с призывом поддержать народное восстание, учитывая его влияние на старообрядческие массы.

В серии прокламаций, составленных революционными демократами и обращенных к различным сословным группам с пропагандой всероссийского военно-крестьянского восстания, распространялась и написанная в Константинополе В. Кельсиевым прокламация «Слушная пора». Обращенная главным

образом к старообрядцам-крестьянам, она призывала их подняться на всеобщее восстание. Эту прокламацию В. Кельсиев распространял среди старообрядцев Европейской Турции, австрийских и русских. В письме к Герцену и Огареву от 30 мая/11 июня 1863 г. Кельсиев писал, что посылал в Тульчу огромную пачку прокламаций «Слушная пора», которые там распространялись¹⁹.

Из письма от 11/23 июля 1863 г. мы узнаем, что Кельсиев распространял с помощью руководителя добруджанских старообрядцев О. С. Гончарова «листы» среди старообрядцев-поповцев Юго-Западных районов России²⁰.

Русский консул в Бухаресте Оффенберг доносил в МИД 27 декабря 1863 г., что ему консулом из Галаца были присланы прокламации, обращенные к русскому воинству и крестьянам, которые, как он отмечал, распространяются из Тульчи. «С этого пункта,— писал Оффенберг,— революционные агенты распространяют эти возмутительные публикации между многочисленным русским населением Добруджи и стараются отправить таковые в большом числе в Россию»²¹.

Одним из результатов деятельности В. Кельсиева среди старообрядцев-некрасовцев* был приезд в 1863 г. в Лондон руководителя добруджанских старообрядцев О. С. Гончарова. О содержании переговоров между лондонскими эмигрантами и Гончаровым мы можем судить по «Памятному листку» (август 1863 г.), составленному, по-видимому, Огаревым и врученному Гончарову с целью пропаганды среди зарубежных и русских старообрядцев содержащегося в нем плана совместных действий. Основные программные требования «Памятного листка» сводились к следующему: созыв старообрядческого собора, установление переписки между старообрядцами и революционными демократами, установление связей с обществом «Земля и воля»²².

Из переписки Герцена и Огарева с Гончаровым видно, что революционные демократы пытались использовать руководителя добруджанских старообрядцев прежде всего в пропаганде созыва старообрядческого собора.

Со спадом революционной ситуации, поражением польского восстания революционные демократы заменяют пропаганду среди старообрядческого населения военно-крестьянского восстания пропагандой созыва старообрядческого собора с представительством от всех согласий и обществ — как русских, так и зарубежных. Созыв этого собора с требованием свободы веры мыслился революционными демократами как первый шаг к созыву бессловного Земского собора с требованием народного самоуправления. «Соединение всех старообрядческих со-

* Некрасовцы — старообрядцы поповского согласия, потомки донских казаков, сторонников одного из предводителей Булавинского восстания — Игната Некрасова, эмигрировавшие в XVIII в. в Турцию.

гласий,— писал Огарев, обращаясь со страниц «Общего веча» к старообрядцам,— во имя требования свободы и полного равенства веры ляжет краеугольным камнем в основание внутренней земской свободы русского народа. Поэтому мы предлагаем на ваше усмотрение мысль о созвании собора из посланцев от всех старообрядческих согласий и обществ, внутри и вне России живущих, для определения способов истребования себе в России полной свободы веры и обрядоисполнения»²³.

После 1863 г. план созыва на единый собор всех старообрядческих согласий был заменен идеей созыва собора всех заграничных старообрядцев, а затем только белокриницких и добруджанских. В марте 1864 г. Огарев писал Гончарову: «Похлопочите о предварительном соборе заграничных старообрядцев; это — первый шаг; после примкнут и тамошние»²⁴.

Главной целью созыва собора белокриницких и добруджанских старообрядцев должно было стать составление «настойчивого» адреса царю с требованием свободы веры²⁵.

Составленное верхушкой добруджанских старообрядцев и поданное еще в 1862 г. прошение царю носило верноподданический характер. Герцен и Огарев настаивали на составлении такого адреса, в котором бы с большей резкостью было выражено требование свободы веры и свободы организаций старообрядческих обществ. В письмах к Гончарову Огарев предлагал помощь в составлении нового адреса²⁶.

По-видимому, во время пребывания Гончарова в Лондоне Герцен и Огарев просили его рекомендовать им лиц, через которых можно было бы распространять революционную литературу. Об этом говорит письмо А. Герцена, подписанное от его имени и имени Н. Огарева, от 29 июня 1863 г. (время пребывания в Лондоне Гончарова) к тульчинскому купцу, руководителю местной секты молокан, близкому приятелю Гончарова А. В. Никитину. Как мы уже отмечали выше, это письмо еще не известно исследователям²⁷. Оно принципиально важно для нас прежде всего тем, что является свидетельством активного участия Герцена в общей деятельности лондонских демократов среди старообрядцев и сектантов, в том числе среди старообрядцев Европейской Турции. Письмо Герцена от 29 июня к Никитину было найдено тайным агентом Кудрявцева в бумагах В. Кельсиева после отъезда последнего из Тульчи и представлено Кудрявцеву, который препроводил его вместе со своим донесением от 18 декабря 1865 г. в МИД.

Герцен и Огарев обращаются к Никитину с предложением торговли изданиями Вольной русской типографии. Они советуют ему в свою очередь сообщить об этом лицам, занимающимся торговлей в России, для распродажи там их литературы. Из условий, оговариваемых в письме относительно торговли, видно, что среди прочих книг (список их, прилагавшийся к письму, в деле не сохранился) Герцен и Огарев предлагали Никитину для

продажи журналы «Колокол» и «Общее вече»²⁸. Из донесения русского консула в Тульче А. Н. Кудрявцева мы узнаем, что купцу Никитину через французское агентство «присылались неоднократно от Герцена пакеты с прокламациями»²⁹.

Кудрявцев указывал также, что по сведениям, собранным его тайными агентами, и по свидетельству самого Никитина, последний не согласился на предложение Герцена и Огарева и в дальнейшем не принимал присылаемые на его имя прокламации³⁰. Однако нельзя, полагаясь только на это донесение, утверждать со всей определенностью, что Никитин действительно отказался от распространения лондонских изданий. Показания Никитина могли и не отражать действительности. Правда, в сохранившихся письмах В. И. Кельсиева и его брата И. И. Кельсиева, приехавшего в Добруджу в июле 1863 г. и принимавшего активное участие в пропаганде среди старообрядцев, ни разу не упоминается о том, что Никитин распространял их издания.

На основании письма И. Кельсиева из Тульчи к Герцену и Огареву, датированного ноябрем — началом декабря 1863 г., можно предположить, что лондонские эмигранты просили его дать им справку о Никитине. Но была ли эта просьба связана с сомнениями относительно того, взялся ли Никитин распространять присылаемую ему литературу, или же это делалось в связи с указанием привлечь тульчинского купца к более активной помощи революционному делу, абсолютно точно ответить трудно. В своем письме И. Кельсиев дает подробную характеристику Никитину, указывая, что «он искренне сочувствует нашему делу, особенно нашему учению о нераздельности и неотчуждаемости земли». В то же время И. Кельсиев пишет, что «для нас он мало может быть полезен» и что он (И. Кельсиев) «почти ничего не сделал с ним»³¹. Относится ли эта последняя фраза к попытке подключить Никитина к более активной деятельности или же отражает несогласие последнего вести даже торговлю лондонскими изданиями, мы не знаем. Во всяком случае в этом же письме И. Кельсиев пишет, что Никитин рекомендовал ему одного старообрядца, который, судя по характеристике тульчинского купца, «очень интересуется нашей пропагандой»³².

Из письма В. Кельсиева к Герцену и Огареву от 27 июня 1864 г. мы узнаем, что лондонские демократы посылали «Колокол» и епископу Аркадию — руководителю турецких старообрядцев-поповцев³³. У Н. И. Субботина имеются указания, что епископ Аркадий вместе с Гончаровым помогали лондонским демократам в распространении их изданий³⁴.

Со второй половины 1863 г., со времени приезда в Турцию брата В. И. Кельсиева И. И. Кельсиева — молодого революционера, члена общества «Земля и воля», деятельность революционных демократов среди старообрядцев Европейской Турции активизировалась. Энергия брата помогла В. Кельсиеву преодолеть на время появившиеся у него сомнения в правиль-

ности и возможности революционной пропаганды среди местного старообрядческого населения. В «Исповеди» В. Кельсиев вспоминал о первых днях приезда брата: «Я не мог,— он сам взялся за работу и стал писать письма влиятельным старообрядцам с изложением наших стремлений»³⁵.

Уже в первом письме к Герцену и Огареву (сентябрь 1863 г.) Иван Кельсиев изложил обширную программу деятельности среди старообрядцев. Она состояла прежде всего в пропаганде созыва старообрядческого собора, устройстве в Турции типографии для «издания староверческих книг» и печатания агитационной литературы для «народного чтения», в устройстве контрабандного пути с целью распространения «изданий для простого народа». Этот путь, по замыслу И. Кельсиева, должен был проходить по двум направлениям: «через сухопутную турецкую границу до самой Москвы по непрерывному ряду старообрядческих селений» и «через Таганрог по Дону и Волге для распространения между православным и старообрядческим населением Поволжья». На эти районы, как отмечал И. Кельсиев, революционные демократы смотрели как на «носящие в себе наибольшее перед другими количество революционных элементов»³⁶.

Особое значение И. Кельсиев придавал распространению в этих районах «Общего веча», отводя ему первостепенное значение в пропагандистской деятельности среди простого народа. Считая «Колокол» органом главным образом передового революционного меньшинства, он основную роль для успеха движения отводил «Общему вечу». «Колокол», — писал Кельсиев, — немислим один, без «Общего веча», как успех движения немислим без массы... В «Общем вече», — писал он, — вся суть... «Общее вече» должно вести настоящую войну»³⁷.

Для уяснения позиций революционных демократов в отношении старообрядцев особенно важно то, что они определенно учитывали социальную неоднородность старообрядческой среды. Так, говоря о методе пропагандистской деятельности среди старообрядцев, Иван Кельсиев писал в первом письме к Герцену и Огареву: «Секты нам нужно брать с двух сторон. Если мы с ними будем сноситься только при посредстве их глав, т. е. книжников, то мы приобретем в них союзника на первую только половину войны, а во второй нам придется сразиться с самими ими; тогда они бросятся в объятия своих старых врагов, и реакция выйдет на славу... Поэтому нужно начать дело не только сверху, но и снизу: нужно вступать в непосредственное сношение с массой сектантов». И далее, прямое подтверждение взгляда революционных демократов на старообрядцев-крестьян как на наиболее энергичную и активную часть крестьянства: «Пропаганда все равно должна идти между простым народом; нужно будет только предпочтительно на простолудинов-рас-

кольников обращать внимание, чем на остальных простолюдинов»³⁸.

В сентябре 1863 г. И. Кельсиев переехал в Тульчу, бывшую тогда центром добруджанских старообрядцев; в начале декабря сюда же перебрался В. Кельсиев с семьей.

Еще в Константинополе И. Кельсиев начал вести обширную переписку с зарубежными и русскими старообрядцами о созыве собора. В сентябре 1863 г. он писал Герцену и Огареву, что только что «разрешился» 25 посланиями к старообрядцам и что «первый отряд посланий наших вскоре атакует Россию»³⁹. Тут же он просил прислать списки старообрядцев, оставленные его братом в Лондоне (видимо, речь шла о списках тех старообрядцев, с которыми В. Кельсиев установил связи и которых ему рекомендовали во время его поездки в Россию весной 1862 г.), чтобы через них расширить пропаганду созыва старообрядческого собора⁴⁰.

Уже из Тульчи И. Кельсиев сообщал в Лондон, что «письма пошли в Россию»⁴¹. Исследователь М. К. Лемке приводит одно из таких писем Ивана Кельсиева московскому старообрядцу. В этом письме, которое он пишет от лица «многих старообрядцев нашего тайного общества и его заграничных поверенных», И. Кельсиев сообщает о предстоящем созыве старообрядческого собора, на котором будет подано прошение царю с требованием овобождения веры. Кельсиев просит распространять известие о созыве собора среди русских старообрядцев, добавляя, что писем таких «разослано по всей России уже не в малом количестве»⁴².

Одну из важнейших задач революционной пропаганды братья Кельсиевы видели в создании в Добрудже типографии для печатания как староверческих книг, так и чисто агитационной литературы, которая помогла бы «производить волнение в массах»⁴³. В этом деле они пытались найти опору у местных влиятельных старообрядцев, которые нуждались в печатании церковной литературы. Финансировать это предприятие согласились московские старообрядцы⁴⁴.

Типография должна была разместиться в монастыре Славского скита, где жил епископ добруджанских старообрядцев Аркадий, обещавший помощь в ее устройстве. В конце 1863 г. в Россию специально для переговоров с московскими и петербургскими старообрядцами и для закупки типографского шрифта ездил посланный Аркадием и Гончаровым сын старообрядческого купца некий Лещинский. Однако в Петербурге он был арестован.

В отчетах III отделения нашла отражение попытка братьев Кельсиевых устроить в Славском скиту типографию. Здесь отмечалось, что Кельсиевы просили у епископа Аркадия помощи в этом деле⁴⁵. Очевидно, это донесение основывалось на показаниях арестованного Лещинского. В этом же отчете, посвященном деятельности братьев Кельсиевых в Добрудже, сообщалось,

что после неудачи в Славе «братья Кельсиевы завели типографию в Тульче и приступили к печатанию псалтыря с Иосифовским предисловием, который не печатается по распоряжению св. синода». Чиновник III отделения указывал на опасность этого мероприятия: «Если не будет дозволено старообрядцам возобновить их Клинцовскую и Яновскую типографии, закрытые преимущественно в видах монополии московской типографии, псалтырь разойдется по России в сотнях тысяч экземпляров и непременно возбудит сочувствие старообрядцев к лондонским агитаторам, которого они доселе напрасно искали»⁴⁶.

Мы не нашли в других источниках подтверждения существования в Тульче типографии, в которой братья Кельсиевы предприняли печатание старообрядческого псалтыря. Из донесения русского консула в Тульче Кудрявцева в МИД от 3 сентября 1864 г. (уже после смерти И. И. Кельсиева) мы узнаем, что В. Кельсиев обращался к здешним старообрядцам с предложением завести в Добрудже типографию и что он вместе с М. Васильевым* поехал «по особому соизволению здешнего турецкого начальства в Яссы для закупки типографских принадлежностей»⁴⁷.

Русский консул, предостерегая свое правительство, писал в МИД: «При учении Кельсиева и К°, при введении в действие типографии, что же случится? Здешнее бюро подобно лондонскому будет с каждою почтою получать пакеты с документами, с кривыми показаниями и доносами, с описанием вымышленных притеснений, гонений, в свою очередь оно найдет средство перевозить различными путями отпечатанные листки и распространять даже словесно свое учение»⁴⁸.

24 сентября 1864 г. Кудрявцев доносил в МИД, что В. Кельсиев и М. Васильев возвратились из поездок в Галац и Браилу, не заезжая в Яссы, но что пока не удалось узнать, привезли ли они типографские принадлежности⁴⁹. Более сведений, касающихся устройства в Добрудже типографии, Кудрявцев не сообщал. Возможно, напечатать старообрядческий псалтырь в Тульче все же удалось, но типография, как видно, создана не была. По указанию русского посланника в Константинополе Н. П. Игнатьева Порта дала распоряжение тульчинскому губернатору об «арестовании» типографии в случае ее создания⁵⁰.

В своей пропагандистской деятельности среди старообрядцев Европейской Турции братья Кельсиевы неоднократно предпринимали попытки связать старообрядцев с обществом «Земля и воля». В статье «Польские агенты в Цареграде», изданной В. Кельсиевым уже по возвращении в Россию, он писал о ящике прокламаций, которыми его снабдил Центральный комитет «Земли и воли» и которые он принялся распространять, снабжая ими и старообрядцев⁵¹.

* Михаил Семенович Васильев—русский офицер, эмигрировавший в Турцию в 1863 г. в связи с отказом участвовать в подавлении польского восстания.

В апреле 1864 г. в Добруджу приезжали епископ Пафнутий Казанский и архидьякон Филарет Захарович. Они привозили епископу Аркадию на подпись «Архипастырское послание», написанное от имени главы старообрядцев австрийского согласия митрополита Кирилла. Послание содержало в себе проклятие лондонским пропагандистам и полякам и выражение верноподданнических чувств русскому самодержцу. С Филаретом Захаровичем, секретарем белокрыницкого митрополита Кирилла В. Кельсиев был знаком по переписке, которую сначала он, а затем Герцен и Огарев вели в 1862—1863 гг. Тогда они пытались привлечь Захаровича к сотрудничеству в изданиях Вольной русской прессы, а также использовать его для пересылки через Белую Креницу в Россию и распространения среди старообрядцев изданий лондонской типографии⁵².

Аркадий был одним из первых старообрядческих епископов, подписавших привезенное ему «Архипастырское послание». Братья Кельсиевы, не подозревая об истинных целях приезда старообрядческих руководителей, вручили им по отъезде рукописи, содержащие изложение программных требований революционных демократов, снабдили их также московскими и петербургскими адресами членов общества «Земля и воля», с которыми рекомендовали связаться по приезде в Россию⁵³.

Как отмечалось в отношении министра внутренних дел в III отделение, В. Кельсиев снабжал старообрядческих монахов, приезжавших в Тульчу, прокламациями для провоза в Россию, а также советовал им связаться с обществом «Земля и воля», указывая, что адреса членов общества они могут достать в петербургском книжном магазине Кожанчикова⁵⁴.

Заключительным этапом деятельности революционных демократов в Европейской Турции была попытка наладить педагогическую и просветительную работу среди русского населения этого края. В феврале 1864 г. В. Кельсиев после длительного молчания сообщал Герцену и Огареву, что они с братом составили план создания здесь «жила для всех бедствующих порядочных людей нашей эмиграции», а при нем воспитательного дома для сирот⁵⁵.

Тульчинские эмигранты видели, что в изменившихся условиях пропаганда не находит отклика среди местных старообрядцев. Так, В. Кельсиев писал Герцену и Огареву, что теперь время для пропаганды не подходящее, что турецкие липоване, поняв, что их союз с российскими эмигрантами не представляет для них выгод, стали сближаться с представителями царского правительства⁵⁶. Это обстоятельство определило стремление Кельсиевых создать здесь школу, с помощью которой они хотели воздействовать на детей старообрядцев, «исподволь» готовить из них молодых революционеров.

Иван Кельсиев объяснял цель эмиграционной фаланги: «1) цивилизация тульчинского юношества для подготовки

пропагандистов; для этого нужно устроить при фаланстере школу и воспитательный дом для приемышей; 2) пропаганда в России всеми путями и всеми средствами; 3) приют для всех, кого служение нашему делу заставит покинуть Россию»⁵⁷.

Попытка создания в Тульче колонии и гимназии для просвещения местного юношества подробно описана В. Я. Гросулом⁵⁸, поэтому мы остановимся лишь на тех ее моментах, которые имеют отношение к вопросу о пропагандистской деятельности революционных демократов среди старообрядцев.

Уже после смерти И. Кельсиева, последовавшей 9 (21) июня 1864 г., в Тульчу по рекомендации Герцена и Огарева прибыл М. С. Васильев, и осенью здесь уже проживало несколько революционных эмигрантов, готовых принять участие в революционной деятельности и работать в создававшейся гимназии, — В. Кельсиев, М. Васильев, П. Краснопевцев, В. Эберман, П. Сливовский⁵⁹. Но для организации учебного заведения этих сил было бы недостаточно. Поэтому в ноябре 1864 г. В. Кельсиев специально ездил в Галац, чтобы найти здесь людей, желающих работать в гимназии. Как доносил Кудрявцев, 17 ноября «высадились в Тульче с Василием Кельсиевым четыре человека, приглашенные им для занятия учительских должностей в предполагаемой открыться здесь иждивением Герцена, Огарева и Бакунина мужской и женской гимназии»⁶⁰. Это были революционные эмигранты П. П. Станкевич, Г. А. Левицкий, И. Дауш и И. Шварц — все они, правда, в разной мере, принимали участие в польском восстании.

Чтобы ввести в заблуждение и отвлечь внимание местных властей, революционные эмигранты, как сообщал Кудрявцев, во главе с Кельсиевым составляли формальный акт о том, что они открывают здесь гимназию исключительно как источник материального существования и как «зародыш будущего образования здешнего края», обязываясь при этом не участвовать ни в каких политических замыслах»⁶¹.

Как только в Тульче было создано Российское консульство, В. Кельсиев познакомился с Кудрявцевым и затем неоднократно посещал его. Во время бесед с русским консулом он давал ему ложную информацию о намерениях проживающих здесь революционных эмигрантов. С целью дезинформации властей В. Кельсиев оставил у Кудрявцева при очередном посещении свой журнал с биографическими данными проживающих здесь эмигрантов. В этом журнале, как писал Кудрявцев, Кельсиев специально «представил себя и товарищей своих врагами революционной пропаганды»⁶². Герцену и Огареву В. Кельсиев писал из Тульчи 25 июля 1864 г., что он собирается познакомиться с прибывшим сюда русским консулом. «Этого, — пояснял он, — требуют местные условия и самое чувство самосохранения»⁶³. Однако Кудрявцев верно понял действия В. Кельсиева и в свою очередь хотел использовать знакомство с ним,

чтобы лучше разобраться в замыслах революционеров, а также воздействовать на него всеми способами, чтобы удалить из Добруджи⁶⁴. «В беседах моих с ним, — доносил Кудрявцев, — я старался развить перед ним мысль удаления его из Добруджи, указывая на Запад и советуя логичными доводами отправиться во Францию и Италию»⁶⁵.

Кудрявцев находил опасной пропагандистскую деятельность революционных эмигрантов среди местного русского населения. Несмотря на составление эмигрантами формального акта, в котором они отрекались от всяких политических действий, он высказывал перед своим правительством опасения по поводу создающихся в Тульче колонии и гимназии. В очередном донесении в МИД от 25 ноября 1864 г. он писал, что «типография и гимназия равно не могут быть терпимы императорским правительством»⁶⁶. По мнению Кудрявцева, программа обучения, которую предполагали использовать тульчинские эмигранты в своей преподавательской деятельности, составлена была Герценом и Огаревым⁶⁷.

Перед местными властями Кудрявцев высказывал мнение, что «учреждение здесь гимназии такими людьми, как Кельсиев и его сообщники, было бы вредно для здешнего юношества. Профессора, — заявлял он, — проповедующие с кафедры свободу, независимость, необузданную волю и полное равенство, приготовят учеников к неповиновению закону и порядку и разовьют в них революционные начала, которые всегда имеют последствием открытый мятеж и возмущение»⁶⁸.

Кудрявцев ходатайствовал перед русским послом в Константинополе Игнатьевым добиться от турецкого правительства «самого строгого и неуклонного предписания здешнему начальству о запрещении Василию Кельсиеву и прочим агитаторам открыть в Тульче гимназию»⁶⁹. В свою очередь МИД России в ответ на донесения Кудрявцева указывало Игнатьеву принять меры, препятствующие созданию гимназии⁷⁰. В результате гимназия так и не была образована. Нищета, эпидемия тифа, обрушившаяся на революционных эмигрантов, были, как видно, не главными причинами неудачи. Деятельность в Тульче русского консула, добившегося распоряжения местных властей о «недозволении образования гимназии», сделала эту идею неосуществимой. В донесении от 21 декабря 1864 г. Кудрявцев сообщал: «Проект учреждения здешними эмигрантами гимназии и самая артель уже более не существуют. Безденежность, с одной стороны, и недозволение губернатора — с другой, воспрепятствовали осуществлению проекта гимназии»⁷¹.

В дальнейшем местная администрация всячески препятствовала деятельности в Добрудже революционных эмигрантов, лишая их любой возможности материального заработка и общественной деятельности. Жить и работать в таких условиях становилось невозможно.

25 июля 1865 г. Кудрявцев писал в МИД: «Из донесений моих видно, какую долю принимало вверенное управлению моему вице-консульство в разрушении всех действий, планов и предположений Василия Кельсиева. Обессиленный борьбой, побежденный, ненавидимый всеми без исключения, он оставил Тульчу 27 апреля 1865 года и поехал вместе с семейством своим в Галац, а оттуда, как кажется, в Прагу или в другую часть Европы»⁷².

В научной литературе уже не раз предпринималась попытка пересмотреть бытующую в историографии прошлых лет точку зрения о «тульчинском периоде» жизни В. И. Кельсиева как времени его отхода от революционной деятельности. Так, анализируя письма Кельсиева из Турции к Герцену и Огареву, П. Г. Рынзюнский сделал заключение, что 1862—1864 гг. были еще временем активного участия Кельсиева в революционном движении⁷³. Ю. М. Рекка, опираясь на дополнительные источники, пришел к выводу, что деятельность В. И. Кельсиева носила революционный характер до конца 1865 г.⁷⁴ Его точка зрения нашла поддержку В. Я. Гросула⁷⁵.

Донесения Кудрявцева позволяют еще раз подтвердить, что деятельность В.И. Кельсиева в Тульче носила до конца революционный характер. Из его донесений видно также, какую значительную роль сыграло в уничтожении в Европейской Турции революционного «агентства» образованное в Тульче царским правительством русское консульство.

Учреждение 25 июля 1864 г. в Тульче императорского вице-консульства было предпринято не только с целью пресечения действий в этом районе польской эмиграции, но и для того, чтобы контролировать и препятствовать здесь деятельности русских революционных эмигрантов. Как писал Кудрявцев 20 июня 1865 г.: «Со времени утверждения здесь вице-консульства, сие последнее преследует мысль вытеснения из Добруджи революционного элемента, в особенности же религиозной пропаганды между раскольниками, кои подстрекаются Герценом, Огаревым и Кельсиевым к заявлению открытым путем гласности перед императорским правительством о даровании России свободы веры и об отделении старообрядческой иерархии от иерархии господствующей церкви»⁷⁶.

Царское правительство оценило опасность образования в пограничном с Россией районе революционного «агентства» и сделало все, чтобы уничтожить его. Значение, которое придавалось пресечению деятельности революционных эмигрантов среди русского населения Европейской Турции, нашло отражение в сообщениях Кудрявцева, высказанных в очередном донесении в МИД. Так, среди прочего он писал: «Кельсиев и К^о в Тульче все равно, что Герцен и К^о в Лондоне. Лондон умирает, Тульча возрождается. Тульча родное дитя Лондона. Императорскому правительству известно, сколько причинено зла пером и желчью

Лондона. Подобному злу начинают строить фундамент в Тульче. Лондон далеко от России, Тульча близка. Зло в будущем может пустить самые длинные, громадные, самые вредные корни среди невежественного и суеверного народа. Пресечь в его возрождении, не дать пути и времени его развитию — вот задача, долженствующая в настоящем быть рассмотрена и решена»⁷⁷.

Однако не только спад революционного движения и репрессивные меры русского и турецкого правительства определили неуспех пропагандистской деятельности революционных демократов среди старообрядческого населения как Европейской Турции, так и других районов. Объективные условия определяли тот факт, что революционные демократы, несмотря на стремление воздействовать прежде всего на широкие старообрядческие массы, апеллировали к ним чаще всего через отдельных представителей старообрядческой верхушки, последние же вели двойственную политику, в которой руководствовались лишь стремлением извлечь для себя практическую пользу. Так, сразу же по образовании в Тульче Российского консульства к Кудрявцеву тайно явились руководители добруджанских старообрядцев во главе с О. С. Гончаровым. Заявив о своей преданности царю, они обещали Кудрявцеву сообщать «о замыслах революционеров с ружьями* и лондонских — с перьями и типографией»⁷⁸. А 3 сентября 1864 г. Кудрявцев сообщал из Тульчи, что неделю назад Гончаров принес ему для снятия копии два письма, адресованных ему из Лондона Герценом и Огаревым. Это было письмо Огарева с припиской Герцена от 4 июля 1864 г., в котором лондонские эмигранты подробно излагали старшине добруджанских старообрядцев программу совместных действий, касающуюся в первую очередь созыва собора и подачи адреса⁷⁹.

Руководители добруджанских старообрядцев сотрудничали не только с Кудрявцевым. Русский консул в Измаиле А. Романенко сообщал в МИД в донесении от 16 мая 1864 г., что О. С. Гончаров принес ему письмо Герцена и Огарева от 28 февраля/10 марта 1864 г., адресованное руководителю добруджанских старообрядцев, а также письмо И. И. Кельсиева «из числа многих таких, предназначенных для отправления в Россию»⁸⁰. Несколько позднее Гончаров принес Романенко письмо Герцена и Огарева от 4 июня /22 июня 1864 г.⁸¹

Безусловно, руководителям старообрядческих согласий было не по пути с революционным движением. Середина XIX в. становится фактически переломным периодом в истории русского и зарубежного старообрядчества. С одной стороны, старообрядческая церковь достигает в этот период высшей ступени организационного оформления, что нашло отражение в образовании в 1846 г. в Австрии Белокриницкой митрополии. Впервые

---

* Имеются в виду польские эмигранты, пытавшиеся привлечь турецких старообрядцев к вооруженному восстанию.

за всю историю своего существования старообрядцы обзаводятся своей иерархией, которая дает им возможность иметь неограниченное число своих «древлеправославных» попов, а не пользоваться услугами беглых «никониан». С другой стороны, именно в этот период старообрядчество начинает исчерпывать себя как оппозиционное религиозно-общественное движение, что нашло свое выражение в стремлении старообрядческой верхушки к сближению с официальной православной церковью и государственной властью.

Тенденция сближения иерархической и буржуазной верхушки старообрядчества с царским правительством проявилась, в частности, в переходе в 60-е гг. в единоверческую церковь, подчиняющуюся синоду, крупнейших представителей старообрядчества.

В 1862 г. верхушка московских старообрядцев австрийского согласия* издала так называемое «Окружное послание», призывавшее фактически к примирению с господствующей церковью и к поддержке самодержавия. «Окружное послание» отражало стремление добившейся в XIX в. руководящего влияния в старообрядческом движении многочисленной старообрядческой буржуазии к союзу с русским царизмом, который встал на путь буржуазных реформ.

Отношение старообрядческой верхушки к революционному движению и выражение верноподданнических чувств к самодержавной власти высказал в 1864 г. в своем «Архипастырском послании» белокриницкий митрополит Кирилл. Как мы уже отмечали, это послание было подписано и руководителями добруджанских старообрядцев. «К сим же завещаю Вам возлюбленные, — обращался белокриницкий митрополит к старообрядцам, — всякое благоразумие и благопокарение покажите перед царем вашим... и от всех враг и изменников удалитесь и бегайте яко же от мятежных крамольников поляков, тако наипаче от злокозненных безбожников, гнездящихся в Лондоне... царя вашего чтите, равную преданность и благоразумие и к будущим преемникам престола и скипетра его стяжите и имейте присно, и всех во власти сущих почитайте»⁸².

Не могла иметь успеха и попытка русских революционных демократов привлечь к освободительному движению старообрядческие массы. Отводя старообрядцам-крестьянам активную роль в крестьянском восстании, революционные демократы недостаточно учитывали то обстоятельство, что старообрядческая среда была политически неразвита и неоднородна. В. И. Ленин по этому поводу писал: «Что касается до демократических элементов в угнетенных народностях и в преследуемых вероучениях, то всякий знает и видит, что классовые противоречия внутри

---

* Австрийским согласием называют старообрядцев, признающих Белокриницкую иерархию.

этих категорий населения гораздо глубже и сильнее, чем солидарность всех классов подобной категории против абсолютизма и за демократические учреждения»⁸³. Тем более далека от революционных интересов была крестьянская масса заграничных старообрядцев. Они не испытывали на себе всей тяжести крепостничества, религиозный фанатизм и стремление вернуться на родину притупляли их социальное самосознание.

Правда, отдельные деятели русской революционной демократии, столкнувшись непосредственно со старообрядческими «низами», пытались проводить в их среде революционную пропаганду, убедились, насколько далеки эти «низы» от понимания революционных интересов. Так, В. Кельсиев писал в июне 1864 г. о добруджанских «мужиках», что они «презирают бедных и бурлаков», что слова «бунт» и «мятеж» им ненавистны⁸⁴.

В свою очередь, И. Кельсиев в письме к Огареву из Тульчи отмечал, что старообрядческая масса неразвита, находится в религиозных цепях, и это не дает ей выхода в общественную деятельность, что, наконец, «гнет русского правительства для нее не существует» и в ней сильны царистские иллюзии⁸⁵.

Таким образом, реальная действительность убедила революционных демократов, действовавших непосредственно среди русских религиозных эмигрантов, что «на революцию старообрядцы не пойдут». Но в период подъема общественного движения русские демократы пытались привлечь старообрядцев к участию в освободительном движении. Анализ теоретических и других документов революционных демократов, а также новых архивных материалов показывает, что деятельность революционного «агентства» в Тульче во главе с В. И. Кельсиевым среди старообрядческого населения была не следствием его личной инициативы и самостоятельной политической линией, а входила в общие задачи лондонского центра русских революционных демократов.

Материалы, использованные нами в статье, не позволяют согласиться с мнением Ю. М. Рекка, что «идею Огарева и В. Кельсиева об успешном использовании старообрядцев как революционной силы в борьбе с царизмом Герцен не разделял»⁸⁶. Как показывают документы, А. И. Герцен принимал непосредственное и активное участие в общей деятельности лондонского центра революционных демократов в попытке привлечь старообрядческие массы к участию в освободительном движении.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ См.: Революционная ситуация в России в середине XIX в. М., 1978.

² Рассматривая взаимоотношения революционеров-демократов со старообрядцами, советские историки П. Г. Рындзюнский, Е. Л. Рудницкая, В. Я. Гросул ввели в научный оборот большой фактический материал и сделали ряд интересных научных выводов. — См.: Из переписки О. С. Гончарова с Герценом и Огаревым. Публ. П. Г. Рындзюнского. — Литератур-

ное наследство (далее: ЛН), т. 62, М., 1953, с. 70—78; Кльсиев В. И. Герцену и Огареву. Публ. П. Г. Рындогонского. — Там же, т. 63. М., 1955, с. 159—218; Кельсиев И. И. Герцену и Огареву. Публ. П. Г. Рындогонского. — Там же, с. 219—258; Рудницкая Е. Л. Огарев в русском революционном движении. М., 1969, с. 424; Гросул В. Я. Российские революционеры в Юго-Восточной Европе. Кишинев, 1973.

³ Герцен А. И. Собр. соч. в 30 т., т. 7. М., с. 187.

⁴ Там же, т. 18, с. 25.

⁵ Огарев Н. П. Заграничные общества. См.: Нечкина М. В. Новые материалы о революционной ситуации в России (1859—1861 гг.). — ЛН, т. 61. М., 1953, с. 510.

⁶ Огарев Н. П. Письмо к иноку. — Общее вече, 1863, 1 ноября, № 22, с. 103.

⁷ Герцен А. И. Собр. соч. в 30 т., т. 7, с. 187.

⁸ АВПР, ф. СПб. Главный архив, У—А₂. Тульча, 1865, д. 948, л. 38 об—39.

⁹ См.: Рекка Ю. М. А. И. Герцен и революционная эмиграция на территории Молдавии и Валахии в 50—60-х гг. XIX века. — Ученые записки Пермского университета им. А. М. Горького, 1969, № 212.

¹⁰ См.: Гросул В. Я. Российские революционеры в Юго-Восточной Европе, с. 193—194.

¹¹ См.: Поглубко К. А. О пребывании братьев Кельсиевых на Балканах. — Известия на народный музей, кн. VI. Варна, 1970.

¹² Кельсиев В. И. Исповедь. — ЛН. М., 1941, т. 41—42, с. 353.

¹³ См.: там же, с. 368.

¹⁴ См.: Бакунин Коссиловскому. — Летописи марксизма. Л., 1928, № 5, с. 61.

¹⁵ Письма М. А. Бакунина к А. И. Герцену и Н. П. Огареву. СПб., 1906, с. 205.

¹⁶ См.: там же, с. 205—206.

¹⁷ См.: Бакунин Коссиловскому, с. 59—69.

¹⁸ Огарев Н. Что надо делать духовенству. — Общее вече, 1862, 22 октября, № 5, с. 35.

¹⁹ См.: Кельсиев В. И. Герцену и Огареву..., с. 176.

²⁰ Там же, с. 188.

²¹ ЦГВИА, ф. 450 (Турция), оп. I, д. 67, л. 71.

²² Из переписки О. С. Гончарова с Герценом и Огаревым, с. 74—75.

²³ Огарев Н. Старообрядцу и его обществу. — Общее вече, 10 июля 1863 г., № 19, с. 89.

²⁴ Герцен А. И. Собр. соч. в 30 т., т. 27, кн. 2, с. 445—446.

²⁵ Там же, с. 444—446, 489—490.

²⁶ См.: Там же, с. 444.

²⁷ См.: АВПР, ф. СПб. Гл. арх., У—А₂. Тульча, 1865, д. 948, л. 41—

41 об.

²⁸ Там же.

²⁹ Там же.

³⁰ См.: Там же, л. 40—40 об.

³¹ Кельсиев И. И. Герцену и Огареву..., с. 241.

³² См.: Там же, с. 246.

³³ См.: Кельсиев В. И. Герцену и Огареву..., с. 198.

³⁴ См.: Субботин Н. И. Раскол как орудие враждебных России партий. М., 1866, с. 157.

³⁵ Кельсиев В. И. Исповедь, с. 370.

³⁶ Кельсиев И. И. Герцену и Огареву..., с. 229.

³⁷ Там же, с. 232.

³⁸ Там же, с. 234.

³⁹ Там же, с. 236.

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же, с. 237.

⁴² См.: *Герцен А. И.* Полн. собр. соч. и писем под ред. М. К. Лемке, т. XVII. Пг., 1920, с. 282—284.

⁴³ См.: *Субботин Н. И.* Раскол как орудие враждебных России партий, с. 164; *Кельсиев В. И.* Исповедь, с. 370.

⁴⁴ См.: *Субботин Н. И.* Раскол как орудие враждебных России партий, с. 158—165.

⁴⁵ См.: ЦГАОР СССР, ф. 109, 1 экспедиция, оп. 229, д. 8, ч. 4 (1866 г.), л. 6.

⁴⁶ Там же, л. 7, об.

⁴⁷ АВПР, ф. СПб. Гл. арх., У—А₂. Тульча, 1864, д. 947, л. 11 об.

⁴⁸ Там же, л. 40а—40а об.

⁴⁹ См.: там же, л. 38.

⁵⁰ См.: там же, л. 48, 49.

⁵¹ См.: *Кельсиев В. И.* Польские агенты в Цареграде. — Русский вестник, 1869, т. 81, с. 522.

⁵² Письма Филарета Захаровича к В. И. Кельсиеву и Н. П. Огареву. Публ. П. Г. Рындынского.—ЛН, т. 63. М., 1955, с. 217—218; *Субботин Н. И.* Раскол как орудие враждебных России партий, с. 141—144.

⁵³ См.: Из переписки О. С. Гончарова с Герценом и Огаревым..., с. 58; *Кельсиев В. И.* Польские агенты в Цареграде. — Русский вестник, 1870, т. 82, с. 271; *Субботин Н. И.* Современные движения в расколе. — Русский вестник, 1865, № 2, с. 769; *Он же.* Раскол как орудие враждебных России партий, с. 174—176.

⁵⁴ См.: ЦГАОР СССР, ф. 109, 1 экспедиция, оп. 229, д. 44, ч. 5 (1866), л. 5, об.

⁵⁵ Кельсиев В. И. Герцену и Огареву..., с. 193—194.

⁵⁶ См.: там же.

⁵⁷ Кельсиев И. И. Герцену и Огареву..., с. 252.

⁵⁸ *Гросул В. Я.* Российские революционеры в Юго-Восточной Европе, с. 197—203.

⁵⁹ См.: там же, с. 193.

⁶⁰ АВПР, ф. СПб. Гл. арх., У—А₂. Тульча, 1864, д. 947, л. 46.

⁶¹ См.: там же, л. 48.

⁶² Там же, л. 56—56 об.

⁶³ Кельсиев В. И. Герцену и Огареву..., с. 203.

⁶⁴ См.: АВПР, ф. СПб. Гл. арх., У—А₂. Тульча, 1864, д. 947, л. 106—106 об.

⁶⁵ Там же, 1865, д. 948, л. 14.

⁶⁶ Там же, 1864, д. 947, л. 47.

⁶⁷ Там же, л. 47 об.

⁶⁸ Там же, л. 49 об.

⁶⁹ Там же, л. 50.

⁷⁰ См.: там же, л. 47.

⁷¹ См.: там же, л. 63.

⁷² АВПР, ф. СПб. Гл. арх., У—А₂. Тульча, 1865, д. 948, л. 23.

⁷³ См.: Кельсиев В. И. Герцену и Огареву..., с. 166.

⁷⁴ См.: *Рекка Ю. М. А. И.* Герцен и революционная эмиграция на территории Молдавии и Валахии..., с. 147.

⁷⁵ См.: *Гросул В. Я.* Российские революционеры в Юго-Восточной Европе, с. 195—196.

⁷⁶ АВПР, ф. СПб. Гл. арх. У—А₂. Тульча, 1865, д. 948, с. 14.

⁷⁷ Там же, 1864, д. 947, л. 39 об.

⁷⁸ Там же, л. 7—8 об.

⁷⁹ См.: там же, л. 18—22; Письмо Герцена и Огарева к О. С. Гончарову; см. также: *Герцен А. И.* Собр. соч. в 30 т., т. 27, с. 489—490.

⁸⁰ См.: АВПР, ф. Посольство в Константинополе. Измаил, оп. 517, д. 1872, 1864 г., л. 8—8 об.; ЦГАОР СССР, ф. 109, 1 экспедиция, оп. 8, д. 8, ч. 4 (1864 г.), л. 14 об.; см. также: *Гросул В. Я.* Российские революционеры в Юго-Восточной Европе, с. 187.

⁸¹ См.: АВПР, ф. Посольство в Константинополе. Измаил, оп. 517, д. 1872, 1864 г., л. 25.

⁸² *Субботин Н. И.* Раскол как орудие враждебных России партий, с. 151—152.

⁸³ *Ленин В. И.* Полн. собр. соч., т. 2, с. 454.

⁸⁴ Кельсиев В. И. Герцену и Огареву..., с. 199.

⁸⁵ См.: Кельсиев И. И. Герцену и Огареву..., с. 243.

⁸⁶ См.: *Рекка Ю. М. А. И.* Герцен и революционная эмиграция на территории Молдавии и Валахии..., с. 148—149.

А. Н. Никитич

ПРОБЛЕМА ХРОНОЛОГИИ В МОЛДАВИИ ПЕРИОДА ФЕОДАЛИЗМА (НАЧАЛО КАЛЕНДАРНОГО ГОДА В КАНЦЕЛЯРИИ МОЛДАВСКОГО ФЕОДАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА)

Вопрос о начале календарного года в Молдавском феодальном государстве возник перед историками во второй половине XIX в. Полемика развернулась главным образом в двух направлениях и разделила буржуазных историков на сторонников наличия византийской эры с летосчислением от «сотворения мира» и началом года 1 сентября (Мелхиседек, А. Ксенопол, И. Богдан, Г. Гибанеску) и сторонников январского года при существовании византийского летосчисления и началом года 1 января (К. К. Журеску, И. Владеску, И. Урсу). Правда, параллельно возникло еще одно течение (Е. Козак, Д. Ончул, Г. Попович), допускавшее существование в средневековой Молдавии даже мартовского года, но оно просуществовало недолго.

Одним из первых исследователей вопроса начала года в средневековом Молдавском княжестве был епископ Мелхиседек, который считал, что в датировке всех славяно-молдавских письменных источников год начинается 1 сентября. Однако он не всегда придерживался строгой системы при переходе от сентябрьского года к январскому и, публикуя надписи времени Стефана III из церквей и монастырей Молдавии, датирует их по январскому году¹, а буковинские надписи даже для времени Стефана III датирует по сентябрьскому году².

А. Д. Ксенопол на основании ряда надписей и грамоты Стефана III, выданной 8 сентября 6965 г., которая согласно сентябрьскому году относилась бы к 1456 г.— времени правления Петра Арона, приходит к мнению о том, что в славяно-молдавских письменных источниках год от «сотворения мира» не всегда начинался 1 сентября³. Эту же мысль А. Ксенопол приводит и в рецензии на книгу Г. Гибанеску, который утверждал, что

календарный год в Молдавии всегда начинался 1 сентября⁴. Н. Йорга, анализируя документ, выданный молдавским господарем Йльей 1 сентября 6943 г., высказал мысль о том, что примерно до конца XV в. молдавские писари не придерживались какой-либо определенной хронологической системы, лишь позже было установлено начало года 1 сентября⁵. Такое необоснованное предположение привело к выводу о том, что в средневековом Молдавском княжестве вначале существовали две календарные системы датировки документов: сентябрьская и январская. Известный славист И. Богдан, публикуя молдавские летописи, предшествующие Г. Уреке⁶, столкнулся с тем, что в некоторых случаях при сентябрьской системе подсчета даты летописей оказывались неверными, и объяснял это ошибками летописцев. Однако, разбирая летопись Азария, он уже допускает в датировках существование и январского года, а впоследствии склоняется к признанию даже мартовского года.

В 1900 г. К. К. Журеску на основании более детального изучения надписей, летописей и документов приходит к выводу, что начало года от «сотворения мира» — 1 января представляется как общепринятое положение в Молдавии от образования государства и до 1520 г., а с этого времени в Молдавии начинает применяться и сентябрьский год⁷. Таким образом, он не только обобщил мнение сторонников январского года в Молдавии, но и высказался более конкретно в отношении хронологических рамок его существования. И. Урсу в работе⁸, которая вышла одновременно с работой К. К. Журеску, считал началом года от «сотворения мира» как в летописях, так и в документах 1 января, а в 1923 г. И. Владеску приводит новые факты в пользу январского года в молдавских летописях, предшествующих Г. Уреке⁹. Таким образом, гипотеза существования январского года в средневековом княжестве со дня его образования и до 1520 г. показалась более убедительной и приемлемой, и только вопрос, когда именно начинался календарный год в первой трети XV в., 1 января или 1 сентября, продолжал оставаться спорным.

В 50-е гг. XX в. редакционная коллегия Румынской Академии при выходе в свет 3-го тома (1571—1590 гг.) коллекции молдавских средневековых документов возвратилась к этому вопросу и не только согласилась с точкой зрения К. К. Журеску но и расширила хронологические рамки господства январского года до 1572 г., когда, по ее мнению, молдавский господарь Иоан Лютый якобы сменил январский год на сентябрьский¹⁰. Е основу данного решения легли два документа: первый, выданный Богданом Лапушняну 29 декабря 7080 (1571) г., и второй — Иоаном Лютым 21 декабря 7082 (1573) г.

В 1974 г. выходит в свет монография советского молдавского исследователя Ю. А. Поповича. В первой главе: «Начало год: в календаре молдаван» автор в основном соглашается с гипотезой наличия январского года в средневековой Молдавии и вы

сказывает мнение о том, что несмотря на принятие сентябрьского года, «в Молдавии после 1572 г. еще несколько десятилетий применялся и январский год»¹¹.

Таким образом, в историографии укрепилась версия о том, что в Молдавском феодальном княжестве со дня его образования, несмотря на летосчисление от «сотворения мира», январский год применялся при датировке надписей, летописей и документов и просуществовал до 1572 г., когда он якобы был сменен сентябрьским годом.

Однако следует внести некоторую ясность в вопрос методики исследования данной проблемы. Задача настоящей работы состоит в выяснении начала календарного года, применяемого господарской канцелярией Молдавского феодального государства при датировке документов, и мы не будем затрагивать надписи и летописи, поскольку эти источники по своей значимости, степени достоверности и происхождению принадлежат к разным категориям.

Если в основе происхождения документов, выданных господарской канцелярией, лежат главным образом объективные причины, поскольку «документ выступает как продукт борьбы антагонистических классов и результат внутриклассовых противоречий, как политическое орудие феодальной верхушки»¹², то в основе происхождения датировки летописей, а тем более надписей, как правило, находим субъективные факторы и в незначительной степени объективные.

Датировка событий в летописях в первую очередь находилась в непосредственной зависимости от самого писаря, выполнявшего эту работу (по собственной инициативе или заказу какого-либо лица), от его социально-политических взглядов, происхождения, вероисповедания, школы, уровня образования; также влияние могли оказать причины написания летописи и ее политическая направленность; немалую роль, надо полагать, играла календарная система датировки используемых источников при написании тех или иных событий летописи, а также степень правильности расчетов, производимых летописцем при переводе дат с одной системы летосчисления на другую.

Датировка надписей зависела от более узкого круга субъективных причин. Здесь в основном роль играли два фактора: политические и религиозные взгляды лица, заказывавшего надпись — с одной стороны, и лица, для которого она предназначалась, с другой стороны. В какой-то, хотя и в меньшей степени, датировка надписей зависела и от непосредственного ее исполнителя.

Таким образом, ясно, что и в летописях, и в надписях мы можем встретить при датировке событий не только январский и сентябрьский, но и любой другой год. Но поскольку в основе происхождения этих датировок лежат в большинстве случаев субъективные факторы, то вряд ли мы вправе считать, что кален-

дарный стиль датировки событий в летописях и надписях может или должен являться строгим отражением календарного стиля господарской канцелярии. Поэтому, на наш взгляд, правомернее причину применения того или иного календарного стиля рассматривать для каждого случая отдельно в пределах своей определенной разновидности.

Для исследования и выяснения нашего вопроса достаточно разделить документы канцелярии Молдавского феодального государства на две разновидности: внешнеполитические и внутренние, отражающие внутреннюю политику государства. Датировку документов будем рассматривать для каждой разновидности отдельно.

Самым ранним сохранившимся славяно-молдавским внешнеполитическим документом является грамота, написанная 10 февраля 1388 г., в которой молдавский воевода Петр уведомляет польского короля Владислава, что выслал ему 3000 рублей серебром. Она имеет следующую датировку: «А писань листь оу город Сочавѣ, оу понеѣдѣльникъ первої недѣли поста, подъ нашею печатью, оу лѣто божьего рожества ꙗ и ѿ П. П. Й.»¹³. Небезынтересно заметить, что грамота польского короля Владислава, написанная 5 января 1388 г., в которой он просит молдавского воеводу Петра одолжить четыре тысячи рублей серебром, имеет почти такую же датировку: «Оу лѣто божьего рожества ꙗ-чное ѿ П. и П. и Й. Писань листь оу Луцку, оу понеѣдѣльникъ прѣдъ рускими масопустѣ»¹⁴. Идентичную датировку находим и в грамотах: изданной молдавским господарем Романом 5 января 1393 г., в которой он присягает в верности польскому королю: «...подъ лѣтом божиимъ ꙗ. т. ч. оу г-тѣ мѣ лѣтѣ»¹⁵, выданной боярами Стефана воеводы 6 января 1395 г.: «...подлѣты рож(с)тва х(с)за тисачь ѿ Ч. Ъ. Ъ. лѣта»¹⁶. Внешнеполитические грамоты молдавского господаря Александра, адресованные польскому королю, также датированы по январскому году. Грамота от 12 марта 1402 г. датирована: «...подлѣты ро[жде]ства х[ристо]ва тисача лѣтъ и чотыриста лѣтъ и две лѣтѣ мѣсаца марта оу 12 день»¹⁷. Подобную датировку находим и в грамотах, написанных 1 августа 1404 г.¹⁸ и 6 октября 1407 г.¹⁹

Но не всегда внешнеполитические славяно-молдавские грамоты датировались по чисто январскому году с летосчислением от «рождества Христова». Например, грамота молдавского господаря Александра воеводы, адресованная польскому королю Владиславу, имеет датировку с летосчислением от «сотворения мира». «Писано оу Долній Торгъ оу лѣто шестотысячное девятьсот и девятнадесате лѣто, маѣ 25, оу поне(д)елни(к) по оузне(с)ени господни»²⁰. Если в период правления господаря Александра в датировке внешнеполитических документов летосчисление от «сотворения мира» встречается как исключение, то начиная со времени правления его сына Ильи только гра-

моты, написанные по латыни, датировались годом от «рождества Христова»²¹. Славяно-молдавские грамоты, хотя и датировались по январскому году, но летосчисление, как правило, указывалось от «сотворения мира». Тожественную датировку находим в грамоте, в которой бояре Ильи воеводы дают присягу польскому королю 4 июня 1433 г.: «въ лѣто 6941 юніа 4, оу Сочавѣ»²².

Характерное для перехода к применению летосчисления от «сотворения мира» находим в грамоте от 5 июня 1433 г., где дана двойная датировка: «Оу Сочавѣ, по(д) лѣты рож(д)ьства Христова 1000 лѣт и 433, їѢ(н) 5. Гедеѡ(н) писа лѣ(т) 6941»²³. В грамоте Стефана воеводы, написанной 13 января 1434 г., датировка следующая: «Писано оу Со(ч)авѣ, в лѣ(т) 6942, ге(н)[варїа] 13»²⁴. Идентичную датировку находим в грамотах этого же господаря, выданных 18 марта 1434 г.²⁵ и 26 мая 1435 г.²⁶ Применение январского года в датировке внешнеполитических грамот, несмотря на летосчисление от «сотворения мира», более явно видно на следующих примерах. Грамота от 26 августа 1435 г., в которой Стефан воевода сообщает польскому королю Владиславу о том, что он помирился со своим братом Илиашем воеводой, датируется следующим образом: «Ѣ Берлади, в лѣ(т) 6943, авгѢ(ст) 26»²⁷. Грамота, в которой Илиаш в свою очередь также сообщает польскому королю о примирении со Стефаном воеводой, датирована: «... в лѣ(т) 6943, се(п)[темврїа] 1»²⁸. Ясно, что, несмотря на сентябрь месяц, грамота Илиаша, как и грамота Стефана, датирована по январскому стилю, т. е. она написана 1 сентября 1435 г., так как по сентябрьскому стилю год должен быть 1434, и получилось бы, что Стефан воевода сообщил польскому королю о своем примирении с Илиашем почти через год.

От 1 сентября 1435 г. сохранились еще две совершенно одинаковые по своему содержанию грамоты от Илиаша воеводы, в которых он присягает в верности польскому королю. Первая написана по латыни и датирована: «Datum Zwezawy, die mensis Septembris prima. Anno domini Millesimo quadringentesimo tricesimo quinto»²⁹, вторая — славяно-молдавская и год дан от «сотворения мира»: «... оу Сочавѣ в лѣ(т) 6943 се(п)[темврїа] 1»³⁰.

Спустя год, в сентябре 1436 г., Илиаш воевода со своими боярами поехал во Львов лично присягать в верности королю Владиславу. Это событие нашло отражение в трех дошедших до нас грамотах. Первая, в которой Илиаш дает присягу, датирована: «Писано въ Ливовѣ, у срѣ(д), по въез(д)виженіе ч[ѣ]- (с)тнаго кр[ѣ](с)та, в лѣ(т) 6944, се(п)[темврїа] 19»³¹. Вторая грамота датирована этим же годом, месяцем и днем: «Писано оу Левовы по въз(д)виженіе ч[ѣ](с)тнаго кр[ѣ]- (с)та, в лѣ(т) 6944, се(п)[темврїа] 19»³². В этой грамоте бояре Илиаша воеводы утверждают его присягу польскому ко-

ролю и сами присягают ему в верности. Однако здесь следует обратить внимание на то, что хотя оба эти документа написаны в среду, 19 сентября 6944 г., сама присяга была дана во вторник, т. е. 18 сентября. Это видно из содержания первой грамоты, в которой написано: «... оучера, тоут ѿ Левовы поспол съ въсею радою нашею, ритерми, боаре и панстви из города, мѣсти, землѣми по(д)данными лю(д)ми виры правои голдь прѣзь оурѣдь пристѣги ...»³³, а также и из содержания грамоты бояр Илиаша: «...колижь велемжнѣи Илиашь воевода, напрѣ(д)-выписанѣи господарь нашъ милостивѣи наитснѣшему кнѣжати, панѣ Владиславови, кролю по(л)скомѣ... дв(с)тонинный голдь вырности и пристѣги оучера тоуть ѿ Лвовѣ е(ст) ѣчини(л)...»³⁴ Третья грамота, в которой Илиаш воевода возвращает польскому королю Шепеницкую землю, датирована годом от «рождества Христова»: «Писа(н) во Лвови, оу неди(л)ю блишую по с[ва]томѣ Матфвиѣ еоувангели(с)ты, в лѣ(т) 1436 лѣта»³⁵. В тексте этой грамоты также находим упоминание о данной присяге в верности польскому королю «в прошлый вторник»: «... оу голду тоуто, во Лвови, во вѣторокѣ блишыи, наитснѣшему а пану, пану нинѣшему Владисла(в)...»³⁶ Так как эта грамота написана в воскресенье 23 сентября, значит, прошлый вторник был 18 сентября, т. е. днем, указанным и в первых двух грамотах. Таким образом, ясно, что первые две грамоты также относятся к 1436 г. и, несмотря на летосчисление от «сотворения мира», датированы по январскому году.

Следующие внешнеполитические грамоты времени правления молдавских господарей Илиаша³⁷ и Стефана³⁸ воевод, Петра³⁹, Александра Младого⁴⁰, Богдана⁴¹ и других, адресованные польским королям, как правило, датированы годом от «сотворения мира», но также по январскому календарному стилю.

В отдельных случаях встречается и датировка по строгому январскому календарному стилю. Так, в грамоте молдавского господаря Александра Лапушняна Львовскому Ставропигиальному братству об отправке им ста польских золотых на строительство храма находим следующую датировку: «Писан у Соцави под лето божего нарождения 1558 месяца февраля 22 день на росказанье его милости власное»⁴². Тот же календарный стиль находим и в датировке грамоты господаря Иеремии Могилы, адресованной тому же Львовскому братству: «...у Сучаве, марта 15, лета 1598»⁴³.

На основании всех вышеперечисленных доводов можно сделать следующий правомерный вывод: внешнеполитические славяно-молдавские документы, адресованные польским королям и магнатам, торговцам и монастырям, обычно датировались по январскому стилю — календарному стилю польского государства — независимо от того, указывалось ли в датировке летосчисление от «рождества Христова» или от «сотворения мира».

Однако оказывается, что не только канцелярия Молдавского феодального государства датировала по январскому стилю внешнеполитические документы, адресованные Польше. Январский календарный стиль находим и в датировке письма турецкого султана Мурата III польскому королю Сигизмунду III Вазе: «Дано в Константинополе 22 февраля года христианского 1590, магометанского 990, двенадцатого месяца Ребиуул Ахир»⁴⁴. Подобное явление наблюдается и в датировке внешнеполитических грамот Валахии, где календарным стилем внутри государства был строгий сентябрьский стиль. Письмо валашского господаря Михаила Храброго запорожским казакам с предложением вступить в его войско датировано по январскому году⁴⁵. Но письмо валашского митрополита Луки, написанное 15 ноября 1624 г. русскому царю Михаилу Федоровичу с рекомендацией митрополита Сергия и упоминанием о своем посольстве в Москву в 1596 г., уже датировано по сентябрьскому году*: «Написаса в застолнѣ градѣ Тръговищи, в лѣто 7133 месяца ноемвриа 15 дня»⁴⁶. Грамота молдавского господаря Михаила Барновского царю Михаилу Федоровичу о приобретении в Москве молдавским посольством икон для Молдавии имеет следующую датировку: «Писалса въ господствужшим градѣ насѡх ѡт въплъщеніе спаса нашего 1628, а ѡт бытіа мира въ лѣто 7137, месѣца декемврие 9 дни»⁴⁷, из которой явно видно применение сентябрьского стиля, так как разница между годом от «рождества Христова» и годом от «сотворения мира», с учетом декабря месяца, 5509 лет.

В итоге у нас есть основания считать, что датировка внешнеполитических документов чаще всего зависела не от внутреннего календарного стиля государства-корреспондента, а от внутригосударственного календарного стиля государства-адресата.

Теперь необходимо выяснить календарный стиль датировки внутренних документов, имеющих обращение внутри страны, изданных канцелярией Молдавского феодального государства.

Судя по тому, что за исследуемый период все внутренние славяно-молдавские грамоты датированы годом от «сотворения мира», в средневековой Молдавии со дня образования государства, так же как и в других славянских государствах, был принят византийский календарный стиль. Но поскольку в историографии сложилось мнение о том, что, несмотря на летосчисление от «сотворения мира», началом года в датировке документов средневекового Молдавского княжества следует считать 1 января, коллективы исследователей, издающих славяно-молдавские документы, отсистематизировали их до 1572 г. по январскому стилю, а с первого года правления Иоана Лютого — по

* До конца XVII в. в России календарным стилем был сентябрьский, а в 1700 г. Петр I сменил его на более прогрессивный январский с летосчислением от «рождества Христова» и началом года 1 января.

сентябрьскому стилю. Однако при систематизации по январскому году оказалось, что не все документы располагаются свободно в хронологический ряд и пришлось признать, что датировка некоторых из них все же сделана по сентябрьскому году.

Первым таким документом является жалованная грамота Юги воеводы, выданная 28 ноября 1399 (6908) г.⁴⁸ При переводе на январский год получится, что этот документ был издан Югой 28 ноября 1400 г., в то время, когда страной правил господарь Александр, от которого сохранились грамоты от 29 июня 1400 (6908)⁴⁹ г., 4 августа 1400(6908)⁵⁰ г., 1 сентября 6908⁵¹ г.

Следующим документом с явной датировкой по сентябрьскому стилю является грамота господаря Александра, написанная 20 декабря 1431 (6940) г.⁵² Действительно, если считать ее по январскому стилю, то получится, что Александр издал эту грамоту после своей смерти.

За период правления молдавского господаря Александра воеводы мы имеем два документа, датировку которых, на наш взгляд, неправомерно считать по январскому стилю. Это грамоты, написанные 31 августа 1429 (6937) г.⁵³ и 1 сентября 6937 г.⁵⁴ По январскому стилю — это грамоты от 1429 г., и, значит, 31 августа Александр подтверждает, что он подарил Нямецкому монастырю озеро Загорна на Днестре и пасеку на Загорне и выдал ему иммунитетную грамоту на это дарение, а на следующий день, 1 сентября, он вместе со своей женой Мариной снова дарит Нямецкому монастырю озеро Загорна с пасекой. Таким образом, 31 августа Нямецкий монастырь получил бы иммунитетную грамоту на имущество, которым еще не владел.

Рассмотрим содержание каждого документа в отдельности, считая датировку по сентябрьскому году. В таком случае получим документ, выданный 1 сентября 1428 (6937) г., в котором господарь Александр вместе со своей женой Мариной, «яко да поновимо и оукрѣпимо монастырь ѿ(т) Нѣмца Вѣснес(е)ніа г(оспод)на, и приложихомъ въ немъ, ѿтъ нашего имѣніа, елико да можтъ ѿживати еще аще са ѿбрѣцжтъ въ немъ: блато над(ъ) Нистрѣ именѣемо Загорное озеро, съ своими грѣли, и пасѣкъ ѿт(ъ) Загорной, а на кажди годъ дванадесать бочки вина ѿт(ъ) Нямецкой десятины»⁵⁵. За это монахи должны были еженедельно по средам и четвергам молиться при жизни за здравие, а после смерти — за упокой души господаря и его жены. Далее в качестве свидетелей перечисляется боярский совет, затем следует проклятия и заверительная часть. Из содержания грамоты видно, что господарь Александр впервые дарит Нямецкому монастырю озеро и пасеку, тем более, что до этого года нет никаких документов, которые могли бы подтвердить дарение озера и пасеки раньше.

Документ от 31 августа 1429 (6937) г. — это иммунитетная грамота, написанная лаконичным языком. Надо полагать, что монахи монастыря при перевозке рыбы и меда с Загорны на

Днестре в течение года сталкивались с тем, что с них брали «мыто и броднину», и тогда они обратились к господарю, вследствие чего через год, 31 августа 1429 (6937) г., им была выдана иммунитетная грамота, в которой говорится: «уже есми оучинили за наше здравіе и за наше сп(а)сеніе и дали есми монастырю ѡт(ъ) Нѣмца Възнес(е)нію Х(ри)стовѡ ѡзеро над(ъ) Нистрѣ на има Загорное, и пасикѡ на Загорномѡ, оурикѡ съ въстѣм(ъ) доходшмѡ, що бѣдет(ъ) ѡт(ъ) них(ъ).

Того ради колико воевъ пошлютъ ѡт(ъ) Нѣмецкого монастырѣ, или по рибѡ, или по мед(ѡ) или бѣд(и) по которомѡ дѣлѡ бѣд(и) коли, що бы ѡт(ъ) них(ъ) нигде не оузѣли мыта по нашей земли, ни на которомѡ мѣста, ни на брод(ъ), щобѡ им(ъ) ни оузѣли нищо, при нашем великой казни», т. е. господарь Александр подтверждает, что озеро Загорна и пасеку он подарил Нямецкому монастырю «за свое здравіе и спасеніе», вследствие чего не брать с них «ни брода, ни мыто».

Следующим доводом в пользу господства сентябрьского стилиа в господарской канцелярии являются письма Илиаша и Стефана воевод польскому королю.

После смерти Александра воеводы престол занял его сын Илиаш. Но брат Илиаша Стефан также претендовал на корону. Между братьями разгорелась борьба за власть. Во второй половине 1435 г. они, помирившись, стали править совместно, о чем поставили в известность польского короля. Стефан воевода послал ему письмо 26 августа 6943 (1435)⁵⁶, а Илиаш — 1 сентября 6943 (1435) г.⁵⁷ Это событие (примирение) должно было найти свое отражение и в формулах внутренних документов, выдаваемых господарской канцелярией, т. е. Стефана воеводу мы должны найти в списке свидетелей после господаря Илиаша или, в крайнем случае, после его сына Романа; а если вследствие примирения Стефан воевода стал соправителем с Илиашем — то и в формуле обозначения лица, от которого исходит документ, в качестве господаря. Однако жалованная грамота, написанная 8 октября 6943 г.⁵⁸, выдана только от имени Илиаша, а в списке свидетелей после господаря указаны его сын Роман, затем следуют члены боярского совета Илиаша воеводы. Никаких упоминаний о Стефане нет и в следующих жалованных грамотах, изданных 18 октября 6943 г.⁵⁹ и 25 ноября 6943 г.⁶⁰ Только начиная с документа от 12 апреля 1436 (6944) г.⁶¹ имеются сведения, что он дан от лица Илиаша и Стефана воевод, а в последующих грамотах «господари Земли Молдавской» Илиаш и Стефан совместно издают грамоты. Чем же объяснить, что после состоявшегося примирения фактически еще полгода Стефан не упоминается ни в одном документе? На наш взгляд, этот вопрос решается следующим образом. Внешнеполитическая грамота Ильи воеводы от 1 сентября 1435 (6943) г. датирована по январскому стилию. Если же ее датировать по сентябрьскому стилию, то для сентября 1435 г. должны прибав-

вить 5509 и получим год от «сотворения мира» — 6944, и грамота будет иметь дату 1 сентября 1435 (6944) г.

Если рассматривать внутренние документы по сентябрьскому стилю, т. е. считать началом года 1 сентября, то жалованные грамоты, изданные 8 сентября 6944 г.⁶² и 19 сентября 6944 г.⁶³, соответствуют 1435 г. и выданы молдавским господарем Ильей совместно со своим братом Стефаном воеводой, а в жалованной грамоте, выданной 7 декабря 1435 (6944) г., оба именуют себя «господаре Земли Молдавской»⁶⁴. Таким образом, мы видим, что после сообщения ими о примирении 26 августа и 1 сентября 1435 г. они уже вместе участвуют в управлении страной. Грамоты же, изданные 8 октября, 18 октября и 25 ноября 6943 г., на самом деле не 1435 г., а 1434 г., когда, надо полагать, Илья, временно захватив власть в свои руки, прогнал Стефана и поэтому в указанных документах последний не упоминается вовсе.

1 сентября 1435 г. Илья воевода сообщает польскому королю о своем примирении со своим братом Стефаном и в этот же день заочно (в другой грамоте) присягает королю в верности. Через год, в 1436 г., Илья воевода со своими боярами уже лично дает присягу польскому королю во Львове, что подтверждают внешнеполитические грамоты, написанные во Львове 19 сентября 1436 (6944) г.⁶⁵ Но от 19 сентября 6944 г.⁶⁶ сохранилась жалованная грамота, выданная в Сучаве боярину Дану Месехну за его верную службу. Так как внешнеполитические грамоты, как мы убедились раньше, датированы по январскому стилю, то они соответствуют 1436 г. Но поскольку в один и тот же день господарь Илья не мог быть и во Львове, и в Сучаве, это говорит о том, что жалованная грамота, выданная в Сучаве, может быть датирована только по сентябрьскому году, соответствует 19 сентября 1435 (6944) г. и является одной из первых грамот, выданных Ильей и Стефаном воеводами через несколько дней после их примирения.

Обратимся к грамоте Богдана Лапушняна, датированной 29 декабря 1571 (7080) г.⁶⁷ По январскому стилю она должна быть отнесена к 29 декабря 1572 г., т. е. ко времени правления Иоана Лютото. Следовательно, и этот документ датирован согласно сентябрьскому году.

Еще один случай явной датировки по сентябрьскому году встречаем в грамоте Иоана Лютото, выданной 21 декабря 1573 (7082) г.⁶⁸ Если считать ее по январскому стилю, то она была бы написана 21 декабря 1574 г., тогда как еще в июне 1574 г. Иоан Лютый был убит турками, а господарем в это время был уже Петр.

Но нельзя сказать, что при систематизации документов по сентябрьскому стилю не остаются неразрешенные вопросы. За весь исследуемый период нами выявлены несколько документов,

которые не входят в сентябрьский хронологический ряд. Это следующие грамоты:

1. Три грамоты, выданные молдавским господарем Стефаном IV 7 октября⁶⁹, 8 октября⁷⁰ и 15 декабря 7025 г.⁷¹, которые по сентябрьскому стилю должны быть изданы в 1516 г., в то время как есть грамота Богдана воеводы, имеющая дату 17 января 1517 (7025) г.⁷² Этот документ является единственным, ставящим под сомнение сентябрьский стиль датировки трех вышеуказанных грамот.

2. Грамота Александра воеводы, выданная 12 ноября 7060 г.⁷³ По сентябрьскому стилю она должна соответствовать 12 ноября 1551 г., но это уже времена правления Стефана Рареша. Следует отметить, что это очень краткий и своеобразной дипломатики документ, подобных которому не встречается, и не исключена возможность, что он может быть поддельным.

3. Грамота Стефана III, изданная 8 сентября 6965 г.⁷⁴, когда, как принято в историографии, Стефан III еще не был господарем.

4. Два монастырских документа, написанных 5 ноября и 6 декабря 7076 г.⁷⁵ По сентябрьскому стилю эти документы должны были быть выданы Богданом Лапушняном во время правления Александра Лапушняна.

Кроме перечисленных документов, других доводов, выступающих против датировки документов по сентябрьскому стилю, нам не известно.

Однако в пользу существования сентябрьского стиля в средневековой Молдавии говорят следующие факты.

В «Описании Молдавии» в главе «О молдавской знати» Дмитрий Кантемир пишет, что в последний день декабря, после вечерни, все бояре оставляли знаки своей должности в спатарии или в диване господаря, а на следующий день, 1 января, после заутрени, господарь утверждал в должности или тех же бояр, или вновь назначенных и раздавал знаки должностей⁷⁶. Далее Кантемир утверждает, что в остальное время года господарь редко когда производил изменения в диване и что «так как уже издревле господари привыкли назначать и увольнять бояр в начале года, то, быть может, руководимые верой в старый обычай, они решили назначить для подобных церемоний это время, которое их предки считали вполне подходящим для данной цели»⁷⁷. Согласно Д. Кантемиру, господарь утверждал бояр в должности в первый день нового года и только на один год, и эта привычка является древним обычаем.

К. К. Журсеску, комментируя эти утверждения Д. Кантемира и пытаясь убедиться, действительно ли эти обычаи существовали и в XIV—XV вв., говорит, что для проверки того, насколько эти сведения подтверждаются, необходимо сверить смену должностных лиц, указанных в списках свидетелей, в документах за декабрь—январь месяцы этого периода⁷⁸. Однако, сверяя

списки свидетелей в нескольких сохранившихся документах за ноябрь—февраль XV в. и не находя никаких изменений, он приходит к выводу, что хотя доказательств, подтверждающих существование этих обычаев в XIV—XV вв. и нет, это еще не значит, что они не существовали. Возможно, обычаи и были, но просто за проверенное время никаких изменений не произошло⁷⁹. Но К. К. Журску искал подтверждения только для январского календарного стиля с началом года 1 января, не допуская мысли о том, что в XIV—XV вв. началом года мог считаться и день 1 сентября. Тем более, что когда Д. Кантемир описывал существовавшие обычаи увольнения и утверждения бояр в должности в конце декабря—начале января, надо полагать, что он имел в виду события конца XVII в.—начала XVIII в., а говоря о том, что издревле господари привыкли назначать и увольнять бояр в начале года, он нигде не указывал, что в XIV—XV вв.* год также начинался 1 января.

Эти сведения Кантемира нами проверены по всем сохранившимся славяно-молдавским внутренним грамотам исследуемого периода и разработаны соответствующие таблицы, в которые вошли сведения из документов примерно с 1457 по 1525 г., так как до 1456 и за 1526—1572 гг. за сентябрь—декабрь месяцы не были найдены характерные документы по интересующему нас вопросу.

Для удобства анализа в таблицы включены ворники, спатары, вистиерники, постельники, чашники, стольники, комисы, логофеты и писари. Имена и фамилии должностных лиц даны в прилагаемом к таблицам списке, а номер по порядку в списке включен в определенную графу таблиц, соответствующую году, месяцу и числу грамоты, по которой проходит то или другое должностное лицо. Документы в таблицах расположены в хронологическом порядке для каждого календарного стиля отдельно (табл. 1—14).

Из таблиц ясно видно, что при систематизации грамот по январскому календарному стилю ни в одном из имеющихся 20 случаев возможной проверки существования древнего обычая смены должностных лиц в пределах декабря—января буквально ни разу не наблюдается.

Совсем иное находим при систематизации документов по сентябрьскому стилю. Так, если в грамоте от 12 апреля 6966 г. вистиерником был Станимир, то 3 сентября 6967 г.— вистиерник Юга; 8 августа 6969 г. чашником был Тадор, а 15 сентября 6970 г.— Негрила; 15 апреля 6971 г. ворником числился Гоян, а 12 сентября 6972 г.— Красниш; 13 августа 6972 г. комисом был Ион Буорян, а 13 декабря 6973 г. в этой должности — Нягу; 11 апреля 6973 г. стольником был Збяре, а 15 сентября

* Для конца XVII в.—начала XVIII в. средневекового Молдавского государства слова «издревле господари привыкли» можно понимать только как относящиеся к XIV—XV вв.

№№ пп	(6965) 1457		(6966) 1458		(6967) 1459		(6968) 1460		(6969) 1461		(6970) 1462	
	Январский стиль (год, число, месяц)	IX IX	II IV IX X XI	3 12 30 3	I VI VII IX	I VI VII IX	I VI VII IX	I VI VII IX	V VIII IX X XII	V VIII IX X XII	V VIII IX X XII	V VIII IX X XII
Должность												
1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1
2	—	1	9	9	14	9	9	9	9	9	9	9
3	3	3	11	11	11	11	11	11	11	11	11	11
4	2	2	12	12	12	12	12	12	12	12	12	12
5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5
6	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4
7	6	6	6	6	6	6	6	6	6	6	6	6
8	7	7	7	7	7	7	7	7	7	7	7	7
9	8	—	10	—	13	15	10	15	13	13	18	18

* — Писари включены для удобства определения, кем написана грамота.

(—) — Обозначение характерных случаев для проверки изменений в составе должностных лиц по январскому стилю.

Таблица 2

(6971) 1463	(6972) 1464		(6973) 1465		(6974) 1466		(6975) 1467		(6976) 1468					
	28	11 13 12 2	3 11 13	18 10 11 21 9 28	15 8 8	1 10 30 11 2	5 28 12 24 2	II VIII IX IX X	II VIII IX IX X	II VIII IX IX X				
IV	IV VI VIII IX XI	III IV XII	II V VI VI VII VIII IX XII XII	II V VI VI VII VIII IX XII XII	I I VI IX X	— 30 30 30 30	9 9 9 9	11 11 11 11	17 17 17 17	19 19 19 19	24 24 24 24	22 22 22 22	7 7 7 7	28 27 28 29 8
1	12	12	12	12	12	12	12	12	12	12	12	12	12	12
2	9	9	9	9	9	9	9	9	9	9	9	9	9	9
3	11	11	11	11	11	11	11	11	11	11	11	11	11	11
4	17	17	17	17	17	17	17	17	17	17	17	17	17	17
5	19	19	19	19	19	19	19	19	19	19	19	19	19	19
6	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4
7	6	6	6	6	6	6	6	6	6	6	6	6	6	6
8	7	7	7	7	7	7	7	7	7	7	7	7	7	7
9	20	8	20	8	18	21	23	—	8	21	27	10	27	28

Таблица 3

	(6977) 1469		(6978) 1470		(6979) 1471		(6980) 1472			(6981) 1473			(6982) 1474	(6983) 1475									
	9	5	8	1	13	10	17	25	2	25	1	5	8	3	13	14	9	26	14	25	7	5	
	II	VI	II	IV	VIII	V	VIII	IX	I	III	IV	VI	VI	I	IX	X	XII	VIII	IV	IV	V	VI	
1	30	30	30	30	32	32	32	32	32	32	32	32	32	32	32	32	32	32	32	32	32	32	32
2	9	32	32	32	35	35	35	35	35	35	35	35	35	35	40	40	40	40	40	40	40	40	40
3	11	11	11	11	11	11	11	11	11	11	11	11	11	11	11	11	11	11	11	11	11	11	11
4	17	33	33	33	33	33	33	33	33	33	33	33	33	33	33	33	33	33	33	33	33	33	33
5	19	19	19	19	36	36	36	36	36	36	36	36	36	36	36	36	36	36	36	36	36	36	36
6	24	24	24	24	37	37	37	37	37	37	37	37	37	37	37	37	37	37	37	37	37	37	37
7	22	22	22	22	38	38	38	38	38	38	38	38	38	38	38	38	38	38	38	38	38	38	38
8	31	31	31	31	31	31	31	31	31	31	31	31	31	31	31	31	31	31	31	31	31	31	31
9	28	28	34	10	34	15	15	15	20	15	29	10	20	39	16	—	16	29	—	29	42	42	16

Таблица 4

	(6988) 1480		(6989) 1481		(6990) 1482		(6991) 1483			(6992) 1484			(6994) 1486						
	27	29	I	15	15	15	17	12	14	17	20	23	17	13	13	14	29	14	21
	V	VIII	II	X	III	IV	V	IV	VIII	VIII	IX	IX	X	V	V	V	V	IX	IX
1	43	43	43	43	43	43	43	43	43	43	43	43	43	43	43	43	43	53	53
2	44	44	44	44	44	44	44	53	53	53	53	53	53	53	53	53	53	56	56
3	50	50	50	50	50	50	50	50	50	50	50	50	50	50	50	50	50	57	57
4	45	45	—	51	51	51	51	51	51	51	51	51	51	51	51	51	51	51	51
5	46	46	46	46	46	46	46	46	46	46	46	46	46	46	46	46	46	46	46
6	47	47	47	47	47	47	47	47	47	47	47	47	47	47	47	47	47	47	47
7	48	48	48	48	48	48	48	48	48	48	48	48	48	48	48	48	48	48	48
8	20	20	20	20	20	20	20	20	20	20	20	20	20	20	20	20	20	20	20
9	49	49	49	49	49	49	49	54	54	54	54	54	54	54	54	54	54	54	54

Таблица 5

	(6996) 1488												(6997) 1489				(6998) 1490									
	9	12	29	1	15	3	5	6	17	15	13	16	22	13	14	9	14	17	18	7	9	12	15	14	26	6
	I	I	II	III	III	IV	IV	IV	VIII	X	XII	I	I	III	X	I	I	I	I	III	III	III	III	X	XI	XII
1	53	53	53	53	53	53	53	53	53	53	53	53	53	53	53	53	53	53	53	53	53	53	53	53	53	53
2	56	56	56	56	56	56	56	56	56	56	56	56	56	56	56	56	56	56	56	56	56	56	56	56	56	56
3	57	57	57	57	57	57	57	57	57	57	57	57	57	57	57	57	57	57	57	57	57	57	57	57	57	57
4	51	51	51	51	51	51	51	51	51	51	51	51	51	51	51	51	51	51	51	51	51	51	51	51	51	51
5	58	58	58	58	58	58	58	58	58	58	58	58	58	58	58	58	58	58	58	58	58	58	58	58	58	58
6	59	59	59	59	59	59	59	59	59	59	59	59	59	59	59	59	59	59	59	59	59	59	59	59	59	59
7	60	60	60	60	60	60	60	60	60	60	60	60	60	60	60	60	60	60	60	60	60	60	60	60	60	60
8	20	20	20	20	20	20	20	20	20	20	20	20	20	20	20	20	20	20	20	20	20	20	20	20	20	20
9	55	55	55	55	55	55	55	55	55	55	55	55	55	55	55	55	55	55	55	55	55	55	55	55	55	55

Таблица 6

	(6999) 1491												(7000) 1492						(7008) 1500		(7009) 1501		(7010) 1502			(7011) 1503								
	7	16	26	20	15	15	15	15	31	2	2	6	6	14	17	10	14	24	27	25	14	17	1	17	17	2	26	13	18	30	6			
	I	I	II	IV	X	X	X	X	X	X	XI	XI	XI	I	I	III	X	X	XI	III	IV	XII	II	III	III	XI	II	VIII	IX	IX	X	X		
1	53	53	53	53	53	53	53	53	53	53	53	53	53	53	53	53	53	53	53	53	53	53	53	53	53	53	53	53	53	53	53	53		
2	56	56	56	56	56	56	56	56	56	56	56	56	56	56	56	56	56	56	56	56	56	56	56	56	56	56	56	56	56	56	56	56	56	
3	57	57	57	57	57	57	57	57	57	57	57	57	57	57	57	57	57	57	57	57	57	57	57	57	57	57	57	57	57	57	57	57	57	
4	51	51	51	51	51	51	51	51	51	51	51	51	51	51	51	51	51	51	51	51	51	51	51	51	51	51	51	51	51	51	51	51	51	
5	58	58	58	58	58	58	58	58	58	58	58	58	58	58	58	58	58	58	58	58	58	58	58	58	58	58	58	58	58	58	58	58	58	
6	59	59	59	59	59	59	59	59	59	59	59	59	59	59	59	59	59	59	59	59	59	59	59	59	59	59	59	59	59	59	59	59	59	
7	60	60	60	60	60	60	60	60	60	60	60	60	60	60	60	60	60	60	60	60	60	60	60	60	60	60	60	60	60	60	60	60	60	
8	20	20	20	20	20	20	20	20	20	20	20	20	20	20	20	20	20	20	20	20	20	20	20	20	20	20	20	20	20	20	20	20	20	
9	55	55	55	55	55	55	55	55	55	55	55	55	55	55	55	55	55	55	55	55	55	55	55	55	55	55	55	55	55	55	55	55	55	55

Таблица 7

	(7015) 1507			(7016) 1508			(7031) 1523			(7032) 1524			(7033) 1525			
	20	1	III	1	16	24	25	14	15	4	8	15	10	12	26	29
	II	II	III	II	II	III	III	XII	XII	I	I	III	IV	II	VIII	IX
1	—	53	53	53	53	53	53	53	53	84	84	84	78	78	78	78
2	56	74	74	74	74	74	74	74	74	78	78	78	96	96	96	96
3	65	65	65	65	65	65	65	65	65	86	86	86	—	102	102	102
4	71	71	71	71	71	71	71	71	71	71	71	—	97	97	97	97
5	64	75	75	75	75	75	75	75	75	80	80	80	98	98	98	98
6	62	76	76	76	76	76	76	76	76	85	85	85	99	99	99	99
7	67	67	67	67	67	67	67	67	67	81	81	81	100	100	100	100
8	20	20	20	20	20	20	20	20	20	79	79	79	—	79	79	79
9	72	72	72	72	72	72	72	72	72	95	95	93	101	93	94	94

Таблица 8

№№ п/п	6965			6966			6967			6968			6969			6970													
	8	13	IX	5	26	IX	11	13	12	3	3	12	30	27	5	13	13	23	8	15	18	5	6	8	3	15	20		
	IX	IX	IX	IX	X	XI	II	IV	IV	IX	I	VI	VIII	XI	XII	I	IV	IV	VIII	IX	IX	X	X	X	X	XII	V	VIII	
	Должность																												
1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	1	
2	—	9	9	9	9	9	9	9	9	9	9	9	9	9	9	9	9	9	9	9	9	9	9	9	9	9	9	9	
3	3	11	11	11	11	11	3	3	3	11	11	11	11	11	11	11	11	11	11	11	11	11	11	11	11	11	11	11	11
4	2	2	2	2	2	2	—	—	—	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2	2
5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5	5
6	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4
7	6	6	6	6	6	6	6	6	6	6	6	6	6	6	6	6	6	6	6	6	6	6	6	6	6	6	6	6	6
8	7	7	7	7	7	7	7	7	7	7	7	7	7	7	7	7	7	7	7	7	7	7	7	7	7	7	7	7	7
9	8	—	—	—	—	—	—	—	—	13	15	10	15	16	15	13	8	15	13	13	8	8	15	8	8	15	18	18	

II — Назначение на должность нового лица.

(X) — Обозначение характерных случаев для проверки изменений в составе должностных лиц по сентябрьскому стилю.

Таблица 9

	6971			6972			6973			6974			6975			6976													
	15	12	2	28	11	13	13	3	11	15	8	8	18	10	11	21	9	28	11	2	1	10	30	12	24	2	5	28	
IV	IX	XI	IV	VI	VIII	XII	III	IV	IX	XII	II	V	VI	VII	VIII	IX	X	I	VI	IX	X	I	VI	30	30	30	30	30	
1	12	12	12	12	12	12	12	12	12	12	12	12	12	12	12	12	12	12	12	12	12	12	12	12	12	12	12	12	12
2	9	9	9	9	9	9	9	9	9	9	9	9	9	9	9	9	9	9	9	9	9	9	9	9	9	9	9	9	9
3	11	11	11	11	11	11	11	11	11	11	11	11	11	11	11	11	11	11	11	11	11	11	11	11	11	11	11	11	11
4	17	17	17	17	17	17	17	17	17	17	17	17	17	17	17	17	17	17	17	17	17	17	17	17	17	17	17	17	17
5	19	19	19	19	19	19	19	19	19	19	19	19	19	19	19	19	19	19	19	19	19	19	19	19	19	19	19	19	19
6	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4	4
7	6	6	6	6	6	6	6	6	6	6	6	6	6	6	6	6	6	6	6	6	6	6	6	6	6	6	6	6	6
8	7	7	7	7	7	7	7	7	7	7	7	7	7	7	7	7	7	7	7	7	7	7	7	7	7	7	7	7	7
9	20	8	8	20	8	21	18	20	8	27	10	27	21	23	—	8	21	—	29	8	28	27	28	28	21	29	29	—	—

Таблица 10

	6977			6978			6979			6980			6981			6982			6983										
	20	9	5	8	1	7	28	10	10	24	13	17	25	2	25	1	5	3	13	14	9	8	26	14	25	7	5		
X	II	VI	X	VI	V	V	VIII	IX	X	VIII	I	I	III	IV	VI	VI	IX	IX	X	XII	I	VIII	IV	IV	V	VI	IV	V	VI
1	30	30	30	30	30	30	30	32	32	32	32	32	32	32	32	32	32	32	32	32	32	32	32	32	32	32	32	32	32
2	32	9	32	32	32	32	32	35	35	35	35	35	35	35	35	35	40	40	40	40	40	40	40	40	40	40	40	40	40
3	11	11	11	11	11	11	11	11	11	11	11	11	11	11	11	11	11	11	11	11	11	11	11	11	11	11	11	11	11
4	33	17	33	33	33	33	33	33	33	33	33	33	33	33	33	33	33	33	33	33	33	33	33	33	33	33	33	33	33
5	19	19	19	19	19	19	19	36	36	36	36	36	36	36	36	36	36	36	36	36	36	36	36	36	36	36	36	36	36
6	24	24	24	24	24	24	24	37	37	37	37	37	37	37	37	37	37	37	37	37	37	37	37	37	37	37	37	37	37
7	22	22	22	22	22	22	22	38	38	38	38	38	38	38	38	38	38	38	38	38	38	38	38	38	38	38	38	38	38
8	31	31	31	31	31	31	31	31	31	31	31	31	31	31	31	31	31	31	31	31	31	31	31	31	31	31	31	31	31
9	34	28	28	34	10	20	29	15	15	15	15	15	15	15	15	15	15	15	15	15	15	15	15	15	15	15	15	15	15

Таблица 11

	6988				6989				6990				6991				6992				6994			
	11	15	17	27	29	15	1	15	9	10	20	23	17	17	17	12	14	17	13	13	14	29	14	21
	IX	IX	IX	V	VIII	X	II	III	IV	V	VIII	IX	IX	IX	II	IV	VIII	VIII	V	V	V	V	IX	XI
1	43	43	43	43	43	43	43	43	43	43	43	43	43	43	43	43	43	43	43	43	43	43	53	53
2	44	44	44	44	44	44	44	44	44	44	44	44	44	44	44	44	44	44	44	44	44	44	53	56
3	50	50	50	50	50	50	50	50	50	50	50	50	50	50	50	50	50	50	50	50	50	50	57	57
4	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	45	51	51
5	46	46	46	46	46	46	46	46	46	46	46	46	46	46	46	46	46	46	46	46	46	46	58	58
6	47	47	47	47	47	47	47	47	47	47	47	47	47	47	47	47	47	47	47	47	47	47	59	47
7	48	48	48	48	48	48	48	48	48	48	48	48	48	48	48	48	48	48	48	48	48	48	60	60
8	20	20	20	20	20	20	20	20	20	20	20	20	20	20	20	20	20	20	20	20	20	20	20	20
9	21	49	21	49	49	49	49	49	49	49	49	49	49	49	49	49	49	49	49	49	49	49	8	54

Таблица 12

	6986				6987				6988				6989				6990				6991				6992				6994				
	15	18	9	12	29	1	15	8	5	6	17	14	16	22	13	14	26	6	9	14	17	18	7	9	12	15	13	13	14	29	14	21	
	X	XII	I	I	III	III	III	IV	IV	IV	VIII	X	I	I	III	III	X	XI	XII	I	I	I	I	III	III	III	III	V	V	V	V	IX	XI
1	53	53	53	53	53	53	53	53	53	53	53	53	53	53	53	53	53	53	53	53	53	53	53	53	53	53	53	53	53	53	53	53	53
2	56	56	56	56	56	56	56	56	56	56	56	56	56	56	56	56	56	56	56	56	56	56	56	56	56	56	56	56	56	56	56	56	56
3	57	57	57	57	57	57	57	57	57	57	57	57	57	57	57	57	57	57	57	57	57	57	57	57	57	57	57	57	57	57	57	57	57
4	51	51	51	51	51	51	51	51	51	51	51	51	51	51	51	51	51	51	51	51	51	51	51	51	51	51	51	51	51	51	51	51	51
5	58	58	58	58	58	58	58	58	58	58	58	58	58	58	58	58	58	58	58	58	58	58	58	58	58	58	58	58	58	58	58	58	58
6	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
7	60	60	60	60	60	60	60	60	60	60	60	60	60	60	60	60	60	60	60	60	60	60	60	60	60	60	60	60	60	60	60	60	60
8	20	20	20	20	20	20	20	20	20	20	20	20	20	20	20	20	20	20	20	20	20	20	20	20	20	20	20	20	20	20	20	20	20
9	55	55	55	55	55	55	55	55	55	55	55	55	55	55	55	55	55	55	55	55	55	55	55	55	55	55	55	55	55	55	55	55	55

Таблица 13

	6999												7000			7008			7009			7010			7011		
	15			16			17			18			19			20			21			22			23		
	X	X	X	X	X	X	X	X	X	X	X	X	X	X	X	X	X	X	X	X	X	X	X	X	X	X	X
1	57	57	57	53	53	53	57	57	57	57	57	57	57	57	57	57	57	57	57	57	57	57	57	57	73	73	73
2	56	56	56	56	56	56	56	56	56	56	56	56	56	56	56	56	56	56	56	56	56	56	56	56	56	56	56
3	65	65	65	57	57	57	65	65	65	65	65	65	65	65	65	65	65	65	65	65	65	65	65	65	65	65	65
4	51	51	51	51	51	51	51	51	51	51	51	51	51	51	51	51	51	51	71	71	71	71	71	71	71	71	71
5	64	64	64	64	64	64	64	64	64	64	64	64	64	64	64	64	64	64	64	64	64	64	64	64	64	64	64
6	62	62	62	62	62	62	62	62	62	62	62	62	62	62	62	62	62	62	62	62	62	62	62	62	62	62	62
7	60	60	60	60	60	60	60	60	60	60	60	60	60	60	60	60	60	60	60	60	60	60	60	60	60	60	60
8	20	20	20	20	20	20	20	20	20	20	20	20	20	20	20	20	20	20	20	20	20	20	20	20	20	20	20
9	66	55	66	66	55	59	66	66	55	66	66	55	66	66	55	66	66	55	66	66	55	66	66	55	70	70	55

Таблица 14

	7015			7016			7031			7032			7033					
	20			16			24			25			10			29		
	II	III	I	II	II	II	III	III	III	I	I	I	IV	IV	IV	IX	II	VIII
1	—	—	—	53	53	53	53	53	53	84	84	84	78	78	78	78	78	78
2	56	56	56	74	74	74	74	74	74	78	78	78	96	96	96	96	96	96
3	65	65	65	65	65	65	65	65	65	86	86	86	—	—	—	102	102	102
4	71	71	71	71	71	71	71	71	71	71	71	71	97	97	97	97	97	97
5	64	64	64	75	75	75	75	75	75	80	80	80	98	98	98	98	98	98
6	62	62	62	76	76	76	76	76	76	85	85	85	99	99	99	99	99	99
7	67	67	67	67	67	67	67	67	67	81	81	81	100	100	100	100	100	100
8	20	20	20	20	20	20	20	20	20	79	79	79	—	—	—	79	79	79
9	72	72	72	72	72	72	72	72	72	95	95	93	101	101	93	93	93	94

*Список должностных лиц, членов боярского совета
Молдавского феодального государства
за 1457—1525 гг.*

1. Гоян — ворник	52. Ион, брат Лучина — писарь
2. Исан — постельник	53. Драгош — спатарь, ворник
3. Станимир — вистиерник	54. Косте, брат Иона — писарь
4. Збяре — стольник	55. Тоадер, брат Иона — писарь
5. Тадор — чашник	56. Клэнэу — спатарь
6. Ион (Буорян) — комис	57. Болдор — вистиерник
7. Добрул — логофет	58. Андрейка — чашник
8. Тома — писарь	59. Мэтею — стольник
9. Сякыш — спатарь	60. Шандро — комис
10. Вулпаш — диак	61. Зупка — чашник
11. Юга — вистиерник	62. Ион Фрунтюш — стольник
12. Красниш — постельник, ворник	63. Алекса (Попович) — писарь
13. Шефул — писарь	64. Могила — чашник
14. Алба — спатарь	65. Исак — вистиерник
15. Исаяя (Шушманович) — писарь	66. Матияш — диак
16. Андрейко — писарь	67. Петрика — комис
17. Пашко — постельник	68. Шандру Кырже — писарь
18. Стецко — писарь	69. Думша — постельник
19. Негрила — чашник	70. Ион Попович — писарь
20. Тэутул — писарь	71. Козма Шарпе — постельник
21. Роман — писарь	72. Васкан Владычын — писарь
22. Няга — комис	73. Журжу Долх — ворник
23. Теодор Проданович — писарь	74. Дан — спатарь
24. Лука — стольник	75. Петрика — чашник
25. Савин — спатарь	76. Косте Кырже — стольник
26. Сима — постельник	77. Васко Сырбул — писарь
27. Тадор Продан — писарь	78. Хранэ — спатарь
28. Иваи Владычын — писарь	79. Тотрушан — вистиерник
29. Иля Стравич — писарь	80. Сакуян — чашник
30. Исаяя — ворник	81. Тома Кацелян — комис
31. Томя — логофет	82. Исак — логофет
32. Бодя — спатарь	83. Фэдор — писарь
33. Юга — постельник	84. Петр — ворник
34. Стецко — писарь	85. Стырча — стольник
35. Вранчан — спатарь	86. Еремия — вистиерник
36. Дажбог — чашник	87. Иванко — писарь
37. Тома — стольник	88. Думша Козмович — писарь
38. Или Хуру — комис	89. Главан — писарь
39. Негрилаш — писарь	90. Оанца — писарь
40. Михэу — спатарь	91. Михуца (Кредевич) — писарь
41. Барсу — стольник	92. Симон — писарь
42. Ион Даскал — писарь	93. Дмитрий Попович — писарь
43. Храна — ворник	94. Маржире (Малаевич) — писарь
44. Кости — спатарь	95. Михуца Кривескул — писарь
45. Герман — постельник	96. Хуру — спатарь
46. Ион — чашник	97. Личул — постельник
47. Петр — стольник	98. Феля — чашник
48. Грозя (Микотич) — комис	99. Збяря — стольник
49. Борчя — писарь	100. Хырсу — комис
50. Караколя — вистиерник	101. Ион — писарь
51. Еремия — постельник	102. Тоадер — вистиерник

6974 г. — Лука; 30 апреля 6975 г. Красниш — дворник и Добрул — логофет, а 12 сентября 6976 г. соответственно Исая и Томя; 28 июня 6976 г. спатарем был Сякыш и постельником Пашко, а 20 октября 6977 г. спатарь Бодя, а постельник Юга. О

больших изменений в боярском совете говорят грамоты от 10 августа 6978 г., в котором спатарем был Бодя, ворником — Исая, чашником — Негрила, стольником — Лука, комисом — Няга, а 10 сентября 6979 г. должности занимают соответственно Вранчан, Бодя, Дажбог, Тома, Или Хуру. По этим грамотам особенно хорошо видно, что увольнения и назначения бояр на должности господарь проводил в конце августа — начале сентября.

Подобных примеров за период с 1457 и по 1525 г. мы насчитали 19 и только в 3 случаях состав должностных лиц оставался без изменения.

Таким образом, сведения, полученные из разработанных нами таблиц, не только подтверждают мнение Д. Кантемира о том, что обычай господарей увольнять и назначать бояр на должности — это древний обычай, но и довольно убедительно говорят о том, что канцелярия средневекового молдавского княжества датировала внутренние документы по сентябрьскому году, а последнее уже является вполне веским, на наш взгляд, основанием, дающим право говорить о том, что календарным стилем Молдавского феодального государства в XIV—XVI вв. был сентябрьский стиль с началом года 1 сентября, а не 1 января, как в основном принято в историографии до настоящего времени.

Сделанный нами вывод подтверждается еще одним документом, датированным апрелем 1593 г.⁸⁰ Это свидетельские показания бояр в связи с возникшим спором между бывшим господарем Молдавии Петром и бывшим вамешем (начальником таможни) Гивой. В документе говорится: «Я, Лукаш Строич, бывший логофет, и Еремия Могила-ворник, и Енаки Симон-грек, и Бати Амбросис, и Семион Могила-чашник ...свидетельствуем, что таможня Молдавского государства извечно начинается 15 августа и длится в течение года до 15 августа, до обеда, и ни один вамеш не может ее купить больше, чем на один год»⁸¹. В этом же документе, ниже, бояре молдавского господаря Арона воеводы: Уряке — великий логофет, Гиоргие-паркалаб, Жора-паркалаб, Симон-вистиерник, Тоадер Веверица-секретарь и Ионашко-урикар показывают, что вновь добровольно оставленные и избранные таможенники собрали все остатки таможенных налогов «по древнему обычаю и установлению»⁸².

Надо полагать, что описываемый Д. Кантемиром обычай относительно увольнения и утверждения бояр в должности господарем не следует понимать в буквальном смысле слова, так как господарь вряд ли мог успеть в первый день нового года, и всего за один день уволить и затем заново утвердить всех бояр в должности. Эти церемонии бояр со складыванием знаков должностей в спатарии или диване господаря в последний день старого года и утверждением в должности на следующий годичный срок в первый день нового года⁸³, по-видимому, относились к

боярам первой категории, членам боярского совета господаря, и они являлись как бы заключительными во всей системе ежегодных увольнений и назначений в должности. Но так как древний обычай существовал, то, очевидно, на второстепенные должности бояре назначались или увольнялись немного раньше.

Вамеш, хотя и причислялся обычно к боярам первой категории, но определенного места в диване не имел и должен был находиться там, где господарь прикажет⁸⁴. Поскольку вамеш не входил в диван господаря, вероятно, и свои полномочия он не складывал в последний день года вместе с боярами дивана. И, как видно из приведенного выше документа, делалось это немного раньше — 15 августа, т. е. за две недели до нового года, что также свидетельствует о начале года в Молдавском феодальном государстве 1 сентября, а не 1 января.

В связи с тем, что по данной проблеме работа К. К. Журеску⁸⁵ является самой крупной, поскольку спустя более полувека его выводы о существовании январского стиля в средневековом Молдавском княжестве получили признание и даже нашли дальнейшее развитие в работах современных исследователей, мы позволим себе подробнее остановиться на выдвигаемых им доказательствах в пользу январского стиля.

В своей работе, в разделе III «Документы», автор пишет: «Самое древнее доказательство того, что в документах год от «сотворения мира» начинался 1 января, находим в период Александра воеводы. Славянский документ, в котором Александр дарит своей бывшей жене Римгайле Сирет и Волховец, а также определяет ей пожизненную пенсию, имеет дату 6929 без указания месяца; месяц, однако, узнаем из латынской копии этого же документа, сделанной тогда же, то есть 13 декабря. Если бы год начинался 1 сентября,— рассуждает далее автор,— документ должен был бы быть 1420 года, но латынская копия имеет дату 13 декабря 1421 г.»⁸⁶

Действительно, от господаря Александра сохранилась подлинная славяно-молдавская грамота, в которой сам господарь, его сын Илиаш воевода и весь боярский совет жалуют пожизненно княгине Римгайле, бывшей жене господаря, город Серет и Волховец с селами, мельницами, прудами, пошлинами и всякого рода доходами, а также обеспечивают ей ежегодный доход в 600 дукатов или венгерских червонцев. Грамота датирована только годом: «В ль(т) 6929»⁸⁷. К документу привязаны большая господарская печать, печать Илиаша воеводы и, судя по сохранившимся шнурам и восковым бобышкам, печати всех бояр, указанных в документе, всего 52 боярские печати. Подлинник латинской редакции этого документа хранится вместе со славянским оригиналом⁸⁸. Он заверен также большой господарской печатью и печатью Илиаша, но в отличие от славянского оригинала заверен только 16 боярскими печатями и имеет следующую датировку: «Datum et actum ipso die sanctae Lu-

cie virginis et martiris de anno domini milesimo quadringentisimo vicesimo primo», т. е. этот документ дан в день святой мученицы и девы Люции, в год от рождества Христова 1421.

В славянском оригинале перечислены имена и фамилии 52 бояр-свидетелей, в латинском — только 34. Славянский документ более полный по тексту, в латинском же отдельные места опущены или сокращены. Например, «оуси велици и малии» в латинской копии отсутствует; «цо (ж) к тому мисту к Серету и Ве(л)ховцю слухаетъ» в латинской грамоте дано: «Ipsorum preventibus ad opidum predictum et Holthovecz pertinentibus», некоторые фамилии искажены: так, Михайло Дорогунский — Michalacz Drohimsky, Ста(н) Бръли(ч) и бра(т) его Вана — Stan et frater suus Vancza, Гри(н)ко — Rincó.

Вышеперечисленные факты, на наш взгляд, вполне достаточны для того, чтобы усомниться в написании этих документов в один и тот же день или даже в один и тот же месяц.

Надо полагать, что когда возникла необходимость написать первый (славянский) документ, еще не был установлен точно день его вручения или оглашения, иначе нельзя объяснить датировку грамоты только одним годом без указания месяца и дня. Тем более, что среди известных славяно-молдавских подлинных грамот за все время правления молдавского господаря Александра второго подлинного документа, датированного только одним годом, неизвестно. Значит, были какие-то веские причины, заставившие господаря и боярский совет воздержаться от указания месяца и дня в этом документе.

О значительности данного события говорит тот факт, что в качестве свидетелей приведен боярский совет в составе 52 человек. Следует думать, что в полном составе, так как после перечисления имен бояр в документе подчеркивается: «... оуси велици и малии». И это единственный известный случай, когда боярский совет выступает в качестве свидетелей в таком большом составе*.

Латинская грамота, в которой вместо 52 бояр перечисляются только 34, а из этого количества на месте, вероятно, оказались только 16, поскольку документ заверен лишь 16 боярскими печатями, в то время как славянский оригинал заверен печатями всех 52 бояр, говорит о том, что к тому времени, когда ее писали, в боярском совете господаря произошли довольно серьезные изменения. Из числа 18 бояр, проходящих по славянскому оригиналу, но не упоминаемых в латинском документе, такие как Лацко Боц и брат его Миклоуш, Нан Вана, Вана Порка, Унклята и его брат Татомир, Богдан, Данчул Жулич, Строишор Дружа, Боб Опришак, в дальнейшем в грамотах господаря Александра больше не встречаются.

* У Дмитрия Кантемира в «Описании Молдавии» на с. 107 находим следующую запись: «Служители дивана, числом пятьдесят, стоят возле господаря, когда он заседает».

Вполне вероятно, что эти изменения в боярском совете произошли не за один день или месяц, значит, славянский документ вполне мог быть написан где-то до сентября 1421 г., в январе—августе 6929 (1421) г.

13 декабря 1421 г., когда возникла необходимость вручить документ княгине Римгайле или, возможно, польскому королю, и была составлена латинская копия.

Но поскольку состав боярского совета несколько изменился к этому времени, составители латинской копии, надо полагать, переписали из славянского оригинала имена и фамилии только тех бояр, которые продолжали оставаться в боярском совете господаря.

Таким образом, мы видим, что нет никаких оснований славянскую грамоту господаря Александра воеводы, датированную только 6929 годом, считать написанной 13 декабря, так же как латинскую копию, и, следовательно, принять в качестве самого древнего доказательства того, что в документах год от «сотворения мира» начинался 1 января.

Здесь уместно будет заметить, что метод сравнения сведений одних источников, датированных годом от «сотворения мира», с другими источниками, где эти сведения датированы годом от «рождества Христова», для того чтобы узнать, по какому календарному стилю дана датировка в первом источнике, как отметил И. Владеску⁸⁹, не представляется самым удачным. В подобных случаях исходят из того, что второй источник принимается за достоверный, в чем мы никогда не можем быть полностью убеждены, и возможная ошибка, допущенная во втором источнике, будет перенесена на первый и может дать нам неправомерный, хотя и ожидаемый результат.

В качестве следующего примера К. К. Журску приводит четыре документа, из числа которых 3 внешнеполитических; два написаны 1 сентября 6943 (1435) г. и один — 3 сентября этого же года; четвертый документ — это жалованная грамота, выданная 18 октября 6943 г. Он доказывает, что первые три документа датированы по январскому стилю, и в свой вывод включает и четвертый документ. Здесь, как мы видим, для сравнения взяты документы неодинаковых категорий и поэтому вывод получен ожидаемый, но неправомерный.

Третьим примером является грамота, выданная Стефаном воеводой 8 октября 6942 г.⁹⁰ Автор утверждает, что 1433 г. — скорее всего время правления Илиаша воеводы, поэтому этот документ нужно считать изданным в 1434 г. Однако сохранилась последняя грамота Илиаша воеводы, выданная 15 июня 1433 (6941) г., и поэтому мы не видим причин, почему Стефан воевода не мог эту грамоту издать 8 октября 1433 (6942) г.

В качестве четвертого доказательства приводятся две внешнеполитические грамоты, написанные 19 сентября 6944 г., в

которых Илиаш со своими боярами дает присягу польскому королю. О них мы уже говорили выше.

К. К. Журеску приводит также четыре внутренних документа, изданных 3 сентября, 15 сентября, 22 сентября и 5 октября 6956 г. Петром воеводой. Он считает, что Роман, сын Илиаша, убивший своего дядю Стефана 13 июля 1447 г., в тот же день стал господарем. Поэтому вышеперечисленные документы нужно считать по январскому стилю, т. е. что они соответствуют 1448 г.

Однако сохранилась подлинная грамота, выданная господарем Петром 22 августа 1447 (6955) г., которая убеждает нас в том, что после Стефана правил Петр, а не Роман. В этой грамоте, в списке свидетелей, указано: «и вѣра брата господства ми, Романа воевода...»⁹¹ И более вероятно, что Петр правил один, так как грамота исходит лишь от Петра воеводы, «господаря Земли Молдавской», а Роман воевода упоминается только в списке свидетелей.

Но от Романа воеводы также сохранились две грамоты. Первая — это жалованная грамота, выданная в Сучаве 18 февраля 1448 (6956) г.⁹² Как видно, Роману все же удалось отнять трон у своего брата Петра. Хотя, надо полагать, ненадолго, так как за время своего правления он даже не успел изготовить свою печать, и жалованная грамота заверена печатью его отца Ильи воеводы. 23 февраля этого же года, как мы видим из второй грамоты, Роман со своей матерью Мареной и своими боярами уже находится в изгнании в Коломеи, у старосты Подольской Земли Дидриха Буцацкого и дарит ему шесть сел в качестве вознаграждения за прежнюю милость, а также за помощь, которую последний должен оказать, «добыти наша џчина»⁹³.

Следующим примером является опять внешнеполитическая грамота, написанная 16 сентября 6993 г., изданная Стефаном III, которая действительно датирована по январскому стилю. Как мы видели раньше, внешнеполитические славяно-молдавские грамоты, адресованные Польше, канцелярия Молдавского феодального государства датировала по январскому стилю.

И только о двух внутренних грамотах, выданных 8 сентября 6965 г. Стефаном III⁹⁴ и 7 октября 7025 г. Стефаном IV⁹⁵, мы ничего определенного не можем сказать, так как по сентябрьскому календарному стилю первая была издана в 1456 г., когда, как принято в историографии, господствовал Петр Арон, а вторая — в 1516 г., когда правил Богдан. На наш взгляд, эти грамоты требуют самостоятельного тщательного анализа.

Таким образом, мы убедились, что выводы К. К. Журеску в большинстве случаев делались на примерах датировки внешнеполитических документов, а затем переносились на внутренние документы.

Тем самым ошибка допущена им с самого начала и была заложена в методе исследования данного вопроса. Обобщение сведений из источников, имеющих разное происхождение и назначение, и тем самым принадлежащих к разным категориям, и привело его к неправомерным выводам.

В заключение, основываясь на приводимых нами фактах, считаем, что есть достаточно веские основания утверждать, что в Молдавском феодальном государстве со дня его образования, календарным стилем был не январский, а византийский с началом года 1 сентября.

Пересмотр установившихся взглядов о существовании январского года в средневековом Молдавском княжестве, на наш взгляд, имеет большое значение, так как позволит внести соответствующие уточнения в периодизацию истории Молдавии XIV—XVI вв.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ *Melchisedec*. Notițe istorice și archeologice adunate de la 48 mănăstiri și biserici antice din Moldova, 1885.

² *Melchisedec*. O vizită la câteva biserici și mănăstiri din Bucovina, p. 13, 17, 25.

³ *Xenopol A. D.* Istoria românilor din Dacia Traiană. Iași, 1889, vol. II, p. 268.

⁴ *Ghibănescu Gh.* Grafica cirilică la români. Arhiva Societății științifice și literare din Iași. Iași, 1890, p. 353.

⁵ *Iorga N.* Studii istorice asupra Chilie și Cetății Albe. Buc., 1889, p. 94.

⁶ *Bogdan I.* Cronicile moldovenești înainte de Ureche. Buc., 1891 și Cronice inedite atingătoare de istoria românilor. Buc., 1895.

⁷ *Giurescu C. C.* Câteva cuvinte asupra vechei cronologii românești. — In *Convorbiri Literare*, anul XXXIV (1900), p. 695, 710, 745.

⁸ *Ursu I.* Relațiunile Moldovei cu Polonia până la moartea lui Ștefan cel Mare. Piatra-N., 1900, p. 3, 56.

⁹ *Vlădescu I.* Inceputul anului in cronicile moldovenești până la Ureche. Academia Română, Memoriile secțiunii istorice, seria III, t. IV, mem. 8. Buc., 1925, p. 438.

¹⁰ *Ionașcu Ion.* Cronologia documentelor din Moldova și țara Românească. — DIR. Introducere, vol. I. Buc., 1956, p. 416, 417.

¹¹ *Попович Ю. А.* Молдавские новогодние праздники (XIX — начало XX в.). Кишинев, 1974, с. 14.

¹² *Черепнин Л. В.* Русские феодальные архивы, XIV—XV вв. М.—Л., 1948, с. 6.

¹³ *Costăchescu M.* Documente moldovenești înainte de Ștefan cel Mare, vol. II. Iași, 1932, p. 603, 604.

¹⁴ *Ibidem*, p. 605.

¹⁵ *Ibidem*, p. 607, 608.

¹⁶ *Ibidem*, p. 609, 610, 611—613, 617—619.

¹⁷ *Ibidem*, p. 621.

¹⁸ *Ibidem*, p. 625.

¹⁹ *Ibidem*, p. 629.

²⁰ *Ibidem*, p. 638.

²¹ *Ibidem*, p. 648, 649, 684, 685.

²² *Ibidem*, p. 650, 651.

²³ *Ibidem*, p. 652, 653.

²⁴ *Ibidem*, p. 663, 664, 665, 666.

- 25 Ibidem, p. 667, 670.
 26 Ibidem, p. 676, 677, 678.
 27 Ibidem, p. 678, 679, 680.
 28 Ibidem, p. 681, 682.
 29 Ibidem, p. 684, 685.
 30 Ibidem, p. 686, 687.
 31 Ibidem, p. 697, 698.
 32 Ibidem, p. 702.
 33 Ibidem, p. 698.
 34 Ibidem, p. 701.
 35 Ibidem, p. 707.
 36 Ibidem, p. 706.
 37 Ibidem, p. 710, 711, 712, 713, 716, 717.
 38 Ibidem, p. 714, 715, 725, 726, 727, 728, 729, 730.
 39 Ibidem, p. 733, 734, 735, 737, 738, 740.
 40 Ibidem, p. 742, 743, 744.
 41 Ibidem, p. 746, 747, 749, 750, 755, 756, 757.
 42 Исторические связи народов СССР и Румынии в XV — начале XVIII в., т. I, 1408—1463. М., 1965, с. 121, 122.
 43 Там же, с. 234, 235.
 44 Там же, с. 190, 191.
 45 Там же, с. 231, 232.
 46 Там же, с. 269.
 47 Там же, с. 273—275.
 48 Documenta României Historica, A. Moldova (далее: DRHA), vol. I, p. 11.
 49 Ibidem, p. 13.
 50 Ibidem, p. 16.
 51 DRHA, vol. I, p. 18.
 52 Ibidem, p. 155.
 53 Ibidem, p. 138.
 54 Ibidem, p. 139.
 55 Ibidem.
 56 Costăchescu M. Documente moldovenești..., p. 678—680.
 57 Ibidem, p. 681, 682.
 58 DRHA, vol. I, p. 196.
 59 Ibidem, p. 197, 198.
 60 Ibidem, p. 199, 200.
 61 Ibidem, p. 202.
 62 Ibidem, p. 225, 226.
 63 Ibidem, p. 227, 228.
 64 Ibidem, p. 231.
 65 Costăchescu M. Documente moldovenești..., v. II, p. 697, 698, 701, 702.
 66 DRHA, vol. I, p. 227—229.
 67 Documente privind istoria României, A. Moldova (далее: DIRA), veac. XVI, vol. III, p. 3.
 68 DIRA, veac. XVI, vol. III, p. 26.
 69 Ibidem, vol. I, p. 108, 109.
 70 Ibidem, p. 110, 111.
 71 Ibidem, p. III, 112.
 72 Ibidem, p. 106, 107, 108.
 73 Ibidem, vol. II, p. 35.
 74 DRHA, vol. II, p. 94, 95.
 75 DIRA, veac. XVI, vol. II, p. 181.
 76 Дмитрий Кантемир. Описание Молдавии. Кишинев, 1973, с. 145.
 77 Там же, с. 146.
 78 Giurescu C. C. Noi contribuțiuni la studiul marilor dregători, in secole XIV și XV. Buc., 1925, p. 34.
 79 Ibidem, p. 35.
 80 DIRA, veac. XVI, vol. IV, p. 76.

- ⁸¹ Ibidem.
⁸² Ibidem, p. 77.
⁸³ *Дмитрий Кантемир*. Описание Молдавии, с. 145.
⁸⁴ Там же, с. 101.
⁸⁵ *Giurescu C. C. Câteva cuvinte...*, p. 693—745.
⁸⁶ Ibidem, p. 738, 739.
⁸⁷ *Archiwum Glowne Akt Dawnych. Warshovia, Dokumenty pergaminowe (Archiwum koronne Krakowskie, Moldaviae)*, nr. 5308.
⁸⁸ Ibidem, nr. 5309.
⁸⁹ *Vlădescu I. Inceputul anului...*, p. 441.
⁹⁰ DRHA, vol. I, p. 186, 187.
⁹¹ Ibidem, p. 386, 387.
⁹² Ibidem, p. 388.
⁹³ Ibidem, p. 390, 391.
⁹⁴ Ibidem, vol. II, p. 94, 95.
⁹⁵ DIRA, veac. XVI, vol. I, p. 110, 111.

И. О. Князький

О ПОЛОВЕЦКИХ ЕПИСКОПИЯХ В КАРПАТО-ДУНАЙСКИХ ЗЕМЛЯХ (СООБЩЕНИЕ)

Пребывание половцев в Карпато-Дунайских землях является одним из наиболее важных моментов средневековой истории этого региона. Половцы сыграли немаловажную роль как во внутривосточной, так и во внешнеполитической истории Венгерского королевства, Второго Болгарского царства и земель к востоку от Карпат. Они, видимо, оставили след и в этногенезе местного населения этих территорий. Половецкое население Карпато-Дунайских земель находилось под пристальным вниманием папского престола, стремившегося обратить кочевников в христианство, утвердить среди них католицизм.

В связи с этим вопросы о взаимоотношениях половцев и католической церкви и об учреждении половецких епископий имеют большое значение, поскольку они связаны с политикой римской курии в Карпато-Дунайских землях и с венгеро-половецкими отношениями.

Распространение католицизма среди половцев и организация с этой целью специальных епископий вызвали интерес у многих исследователей. Одной из первых работ, упоминающих о назначении половецкого епископа, является очерк П. Голубовского «Половцы в Венгрии»¹. П. Голубовский, опираясь на письменные источники, указывает на существование половецкого епископа еще в 1217—1218 гг., а также пишет об образовании в конце 20-х гг. XII в. Половецкой епископии во главе с епископом Дитрихом, который был назначен на этот пост архиепископом Эстергома².

В современной советской историографии образование и непродолжительное существование Половецкой епископии, возглавляемой епископом Теодориком (Дитрихом у П. Голубовского), довольно подробно исследованы в работах В. Т. Пашуто, В. П. Шушарина и П. Ф. Параски³.

Изучению Половецкой епископии уделили большое внимание румынские историки. Из их работ следует выделить монографию Ференца, посвященную половцам и их епископии, и труд историка Росетти, в котором подробно излагается процесс образования Половецкой епископии⁴.

Однако в основном исследователи обращались к истории Половецкой епископии, существовавшей в 1228—1241 гг., во главе которой стоял епископ Теодорик. Вопрос же об епископии половцев в 1217—1218 гг. практически ни в прошлом, ни в настоящем историками не затрагивался. Только П. Голубовский, как указано выше, упомянул половецкого епископа 1217 г.⁵ и В. П. Шушарин в своей статье косвенно касается двух документов, свидетельствующих о наличии половецкой епископии еще в 1217—1218 гг. По его мнению, эта епископия была прямой предшественницей епископии 1228—1241 гг.⁶ Однако у нас нет данных, подтверждающих это документально.

Целью настоящей статьи является постановка вопроса об епископии половцев, упоминаемой в документах 1217—1218 гг., а также о составе населения епископии 1228—1241 гг. Последнему вопросу уделялось много внимания, но некоторые аспекты остались невыясненными, в частности, этнический состав населения Восточного Прикарпатья в XIII в. и религиозная борьба на территории Половецкой епископии.

Первое упоминание о существовании отдельного Половецкого епископата мы находим в письме папы Гонория III половецкому епископу (*Episcopo cumanorum*) от 28 августа 1217 г., в котором он поручает ему собрать церковную десятину⁷. Кроме этого, папа также пишет и о церковных поместьях (земельных угодьях), данных в пользование жителям той местности⁸.

В другом послании от 7 июля 1218 г. Гонорий III поручает архиепископу Калочи разобраться в спорах, возникших между канониками Половецкой епископии. Архиепископ обязан был их уладить, поскольку каноники поклялись держаться совместно⁹.

К тому же году относится третий, последний письменный источник, упоминающий Половецкую епископию в 10-е гг. XIII в. Им является письмо каноников Половецкой епископии папе Гонорию III, в котором они просят разрешения разделить между собой церковную десятину этой епископии (... *et decimas inter se pro vestibus dividant*)¹⁰.

Приведенные документы* свидетельствуют о том, что епи-

* Автор выражает благодарность П. Ф. Параске за совет обратиться к данным документам.

скопия 1217—1218 гг. была уже вполне сложившимся церковным институтом, в то время как половецкая епископия во главе с епископом Теодориком, согласно документам 1227—1241 гг., только создавалась. Однако эти документы не сообщают о времени образования первой епископии, о том, кто был назначен ее епископом. Также не поддаются определению географическое расположение епископии, ее границы и совершенно неясным остается вопрос об этническом составе ее населения. Основываясь на имеющихся данных, выдвинем ряд предположений о Половецкой епископии, хронологически предшествовавшей епископии Теодорика, основанной в 1228 г.

Так, епископия 1217—1218 г., несомненно, обладала прочной церковной организацией. В распоряжении ее епископа был аппарат каноников, имевших общий стол; собиралась церковная десятина. В отношении же епископии Теодорика известно, что она была основана в 1228 г. на землях юго-востока Трансильвании и далее за Карпатами до нижнего течения реки Серет в результате похода младшего короля Венгрии Белы в Куманию. В походе Белу сопровождал апостолический легат и архиепископ Эстергома Роберт.

Венгерская корона в этом походе преследовала цель, установить политическое господство над Куманией, подчинить себе половецкое население. Римская же курия в лице архиепископа Роберта стремилась распространить католицизм среди половцев, для чего и была учреждена Половецкая епископия, которую возглавил Теодорик.

В папских буллах, обращенных к самому Теодорику, архиепископу Эстергома и королю Венгрии¹¹, основное внимание уделяется процессу христианизации половцев, укреплению позиций католической церкви на землях вновь образованной Половецкой епископии, а вопрос о получении церковной десятины римской курией даже не ставится; в документах же 1217—1218 гг.—наоборот. Значит, можно предположить, что вопрос христианизации половецкого населения епископии 1217—1218 гг. не имел значения для «святого престола».

Интересным представляется и тот факт, что папа поручает разбор неясностей, возникших в Половецкой епископии, архиепископу Калочи, который к образованию диоцеза Теодорика никакого отношения не имел.

Теодорика назначил епископом половцев архиепископ Эстергома Роберт¹², который до этого был утвержден папой в должности апостолического легата в землях половцев и бродников¹³. Причем папа Григорий IX возложил на Роберта обязанность вести проповеди, осуществлять крещение половецкого населения, возводить церкви, учредить институт священников и назначить епископов на этих землях¹⁴. Следовательно, Половецкая епископия во главе с Теодориком основана на территории, где католицизм ранее не был утвержден. Следует также указать,

что первые акции по массовому крещению половцев предприняты здесь после 1226 г.¹⁵

Приведенные факты позволяют, на наш взгляд, высказать предположение, что половецкая епископия, упоминаемая в 1217—1218 гг., находилась в ином месте, нежели епископия, образованная в 1228 г. Епископия 1217—1218 гг. могла быть основана для части половецкого населения, давно уже проживавшего в глубинных районах Венгерского королевства, среди которого католическая религия получила значительное распространение. В связи с этим необходимо затронуть вопрос и о расселении половцев в Венгрии.

В работе современного венгерского историка А. Палоши-Хорвата подтверждаются данные о расселении половцев не только в юго-восточных районах королевства, но и на северо-востоке страны, в центральной ее части¹⁶.

Если обратиться непосредственно к источникам, то, согласно «Известиям Анонима», нотарию короля Бельи III, половецкое население Венгрии проживало на севере у г. Коморн, по берегам реки Ваг вплоть до впадения ее в Дунай¹⁷, на северо-востоке по берегам реки Шайо у Мишкольца¹⁸, на землях по реке Тиссе, где находилась так называемая Черная крепость (*Nigrum Castrum*)¹⁹ у гор Матры, по берегам реки Бодрог и при ее впадении в Тиссу²⁰. Центром половцев, проживавших у подножья гор и в горах Матры, по сведениям А. А. Куника, был город Апатфальва²¹.

Последнее место проживания половцев вызывает особый интерес, поскольку имеются данные об организации в горах Матры венгерским епископом Клетом в 1232 г. половецкого аббатства, которое именовалось «*Abbatia de Beel Trium fontium Beatae Mariae assumptae (alias trium fontium de Beel Cumanorum agriensis diocesis fundata 1232)*»²².

П. Голубовский дал любопытное объяснение этому названию. Поскольку слово «Beel» имеет значение «внутренний», то, следовательно, это аббатство принадлежало половцам, поселенным во внутренние районы королевства, в отличие от других, так называемых внешних половцев, проживавших на юго-восточных окраинах и за пределами королевства²³.

Существование половецкого аббатства для «внутренних половцев» позволяет допустить и существование епископии для них же. В подтверждение этого можно привести прочную церковную организацию епископии 10-х гг., наличие в ней каноников, сбора церковной десятины, церковных поместий на ее землях.

Вполне возможно, что среди половцев, для которых эта епископия была основана, христианство уже утвердилось и именно этим объясняется отсутствие у Гонория III интереса к распространению здесь католицизма. Обращение в «святую веру» именно «внутренних половцев» постоянно проводилось венгер-

скими королями. Еще в 1091 г. король Ласло I расселил пленных половцев на равнинных землях Венгрии, предварительно принудив их креститься²⁴.

Учитывая период времени, превышающий столетие, и неоднократность переселения половцев в Венгрию в XII в.²⁵, число половцев, принявших христианство, могло значительно возрасти и повлечь за собой необходимость организации для них специальной епископии.

Епископия «внутренних половцев» могла и не находиться в прямом подчинении у папской курии в отличие от епископии Теодорика, непосредственно зависимой от папы с 1229 г.²⁶ Она могла пребывать под церковной юрисдикцией архиепископа Калочи. В пользу этого предположения говорит тот факт, что именно к нему Гонорий III обращается с поручением урегулировать споры каноников епископии.

Подводя итог сказанному, можно сделать вывод, что Половецкая епископия, упоминаемая в трех документах 1217—1218 гг.,— это епископия половцев, принявших христианство и проживающих во внутренних комитатах Венгерского королевства. Предположительно она могла находиться на землях, бывших под церковной юрисдикцией калочского архиепископа, так как проживание половцев в центральных районах Венгрии между Дунаем и Тиссой вблизи города Калочи уже отмечали исследователи²⁷. Данными о хронологических рамках существования епископии мы в настоящее время не располагаем.

Что же касается епископии, основанной в 1228 г., то нам совершенно точно известна дата прекращения ее существования. Она погибла в огне монгольского нашествия в 1241 г.²⁸ Состав же ее населения можно определить по документам 1229 и 1234 гг.

Население Половецкой епископии было неоднородным, и половцы отнюдь не являлись единственным народом, в ней проживавшим. Их отношения с соседями не всегда носили мирный характер, к немалому огорчению католической церкви, желавшей примирить все народы епископии в лоне христианской веры.

Одним из основных народов земель Половецкой епископии являлись секеи, и сама епископия располагалась в основном там, где уже были основаны приходы секейских священников²⁹. Впервые же секеи появились на свободных землях юго-востока Трансильвании в начале XIII в. для несения службы в войсках короля и охраны границы королевства³⁰.

Происхождение самого слова «секей» было исследовано в свое время П. Голубовским. Он производил его от старовенгерского слова «szekellos», что означает «пограничный страж»³¹. Толкование любопытное, но вряд ли его можно признать достаточно убедительным. Секеи представляли не определенную социальную категорию, а этническую общность, проживавшую не только на пограничье Венгерского королевства.

Определение же этнического происхождения секеев является сложным. По мнению В. П. Шушарина, секеи — это часть венгерской народности, имевшей некоторые этнические особенности³². Вероятным представляется и то, что в число секеев могли входить потомки самых разных народов, расселенных в различные времена на границах королевства.

Появление половцев на землях секеев было встречено враждебно, и вскоре после создания епископии Теодорик в 1229 г. обращается с посланием к деканам (руководителям) секейских общин. Он пишет: «...зачем противодействуете перемене названия и таким образом предстоите против епископии народов ваших разумных и доблестных? Ведь в божьей церкви христовой волк и ягненок вместе пасутся! Почему же так не поступают секеи, половцы и волохи? Не оглядываются они на лик божий!»³³. Это обращение делает правомерным предположение, что территории, ранее известные как «земля секеев», стали после 1228 г. «Половецкой епископией». Правда, вся ли «земля секеев» вошла в состав образованной епископии или только часть ее, на это документ ответа не дает.

Трогательный призыв Теодорика прислушаться к словам апостола «нет (перед богом.— *И. К.*) ни грека, ни иудея, ни варвара, ни скифа»³⁴ вряд ли мог произвести впечатление на секеев. Постоянный наплыв половцев на их земли, многочисленные привилегии, щедро раздаваемые им королем, ущемляли интересы прежнего населения земель Половецкой епископии. Очевидно, отношения секеев и половцев оставались враждебными на протяжении всего существования епископии.

Другим народом, населявшим юго-восток королевства Венгрии к моменту образования Половецкой епископии, были волохи, упоминаемые в письме Теодорика деканам секейских общин, а также в булле папы Григория IX королю Венгрии Беле IV от 14 ноября 1234 г.

Румынский историк Росетти, оценивая взаимоотношения волохов и половцев на территории Половецкой епископии, высказал мнение, что волошское население было в даннической зависимости от половцев³⁵. Однако письменные источники это не подтверждают и, на наш взгляд, такое заявление не обосновано.

Важнейшим документом, говорящим о проживании волохов на территории Половецкой епископии, является уже упомянутое послание Григория IX Беле IV от 14 ноября 1234 г. Данное письмо в ряде случаев подробно разбиралось как в советских, так и в румынских работах и поэтому мы остановимся лишь на вопросе религии, исповедуемой волохами, и переходе в православие других народов.

Этот раздел документа представляет особый интерес, так как он свидетельствует о прочности позиций православной веры на землях епископии. Епископия, по замыслу «святого престола», должна была быть оплотом католицизма. Папа был

встревожен тем, что волохи принимают церковные таинства «от неких псевдоепископов, придерживающихся греческой веры, а не от уважаемого брата нашего епископа половцев, имеющего пребывание в данном диоцезе»³⁶.

Следовательно, православная церковь обладала на этой территории определенной организацией. Она имела своих епископов, не одного, как католическая церковь, а нескольких, несомненно, пребывавших там уже многие годы.

Интересно и то, что к православным волохам присоединились также многие венгры и тевтоны, которые, безусловно, под влиянием тех же псевдоепископов оставляли католичество, принимали православие и становились «одной паствой с волохами»³⁷.

Из этого следует, что православная церковь, возглавляемая своими епископами, не только оберегала свою паству — волохов — от влияния католицизма, но и вела активную политику по распространению православия. Ее успехом был переход многих тевтонов и венгров в православную веру.

Приведенные документы, письмо половецкого епископа Теодорика и послание Григория IX позволяют сделать определенные выводы о составе населения Половецкой епископии, существовавшей в 1228—1241 гг. Население ее было разноплеменным, сюда входили и сами половцы, и волохи, и секеи. На население наложила отпечаток и религиозная борьба православия и католицизма. Принимавшие православие венгры и тевтоны присоединялись к волохам, составляли с ними одну паству.

Половецкая епископия, возглавляемая Теодориком, не являла собой целостного организма. Ее населяли различные народы, между которыми не было единства. Она являлась также ареной религиозной борьбы православия и католицизма.

Говоря о проблеме существования в Карпато-Дунайских землях половецких епископий в целом, необходимо подчеркнуть, что еще ряд вопросов, с ними связанных, остается неясным. Только дальнейшее, углубленное исследование позволит их разрешить.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Голубовский П. Половцы в Венгрии. — Университетские известия. Киев, 1889, № 12.

² Там же, с. 68.

³ См.: Пашуто В. Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968; Шустарин В. П. Свидетельства письменных памятников королевства Венгрии об этническом составе населения Восточного Прикарпатья I половины XIII в. — История СССР, 1978, № 2; Параска П. Ф. Политика Венгерского королевства в Восточном Прикарпатья и образование Молдавского феодального государства. — В сб.: Карпато-Дунайские земли в средние века. Кишинев, 1975.

⁴ См.: Ferentz I. Cumani și episcopia lor. Blaj, 1931; Rosetti R. Despre Unguri și episcopiile catolice din Moldova. Mem. sect. istor., 2 serie, t. XXVII. Buc., 1904—1905.

- ⁵ Голубовский П. Половцы в Венгрии, с. 68.
- ⁶ Шушарин В. П. Указ. соч., с. 47.
- ⁷ Codex diplomaticus Hungarie ecclesiasticus ac civilis (далее: CDH). Ed. Fejer. Budapest, 1829—1844, vol. 111, pars 1, p. 243.
- ⁸ *Idem Honorius*. Episcopo Cumanorum ut decimas et possessione laicis a se, seu pradecessoribus suis in feudum, concessas ipsi redimere liceat, indulget. Datum Ferentini. V Kal. Septemb. Anno 11. — CDH, III, 1, p. 243.
- ⁹ CDH, III, 1, p. 265.
- ¹⁰ Ibidem, p. 264.
- ¹¹ Ibidem, 2, p. 238, 151, 154.
- ¹² Ibidem, p. 154.
- ¹³ Ibidem, p. 108.
- ¹⁴ «...Habeas potestatem in eisdem terris vice nostra predicandi, baptizandi, edificandi ecclesias, ordinandi clericos necnon et creandi episcopos». — Ibidem.
- ¹⁵ Шушарин В. П. Указ. соч., с. 47.
- ¹⁶ *Paloczi-Horvath A.* L'immigration et l'établissement de Comans en Hongrie. Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae, 1975, N 3, p. 320.
- ¹⁷ Scriptores rerum Hungaricarum (далее: SRH), vol. I, p. 12. Vindobonae, 1746.
- ¹⁸ SRH, vol. I, p. 21.
- ¹⁹ Голубовский П. Половцы в Венгрии, с. 52.
- ²⁰ SRH, vol. I, p. 14, 19.
- ²¹ Куник А. А. О торкских печенгах и половцах по мадьярским источникам. — Записки Академии наук, т. III. вып. V, 1855, с. 741.
- ²² Там же.
- ²³ Голубовский П. Половцы в Венгрии, с. 52.
- ²⁴ *Pray G.* Annales Regum Hungariae. Vindobonae, 1763, p. 88.
- ²⁵ Голубовский П. Половцы в Венгрии, с. 48.
- ²⁶ CDH, III; 2, p. 203.
- ²⁷ См.: *Paloczi-Horvath A.* Op. cit., p. 320 и Голубовский П. Половцы в Венгрии, с. 53.
- ²⁸ *Rogierius.* De destructione Hungariae... per Tartaroz facta. — SRH, vol. I, p. 295—296.
- ²⁹ *Ferent I.* Op. cit., p. 152.
- ³⁰ История Венгрии, т. I. М., 1971, с. 144.
- ³¹ Голубовский П. Половцы в Венгрии, с. 71.
- ³² История Венгрии, с. 144.
- ³³ *Hurmuzaki-Densusianu.* Documente privitoare la istoria Românilor, vol. I, pars 1(1119—1345). Buc., 1887, p. 106.
- ³⁴ Ibidem.
- ³⁵ *Rosetti R.* Op. cit., p. 26.
- ³⁶ *Hurmuzaki-Densusianu*, I, 1, p. 132.
- ³⁷ Ibidem.

Н. А. Мохов

ИСТОРИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА МОЛДАВСКОЙ ССР (С ДРЕВНЕЙШИХ ВРЕМЕН ДО 1812 г.)* (РЕЦЕНЗИЯ)

Издание книги «Народное хозяйство Молдавской ССР» — показатель зрелости исторической науки в Молдавии. На гла-

* Ответственный редактор П. В. Советов. Кишинев, 1976. Цена 3 руб. 51 коп.

зах одного поколения за четверть века она прошла путь от создания первых обобщающих трудов по истории (в 1951 г. вышел первый том Истории Молдавии) через издание десятков монографических и сотен других исследований к написанию сводного четырехтомного труда по истории народного хозяйства. Естественно, что такая работа могла быть выполнена только коллективом авторов, специалистов по отдельным периодам.

В первом рецензируемом томе характеристика народного хозяйства дана с древнейших времен (от палеолита) до формирования капиталистических отношений (XIX в.). Развитие хозяйства за этот огромный отрезок времени показано достаточно ярко и обосновано фактическим материалом.

В первой главе автор использовал почти исключительно археологический материал, при этом заслуга его в том, что он, избега шаблона, не перечисляет его, а стремится дать картину истории народного хозяйства. В частности, специально охарактеризовано (с. 14) крупнейшее событие того времени и всей истории человечества — так называемая «неолитическая революция», которая произошла на территории Молдавии между VI и II тысячелетиями до н. э. Ее суть состояла в том, что люди от хозяйства присваивающего, каковыми были охота и собирательство, стали переходить к производству предметов потребления (к животноводству, земледелию и т. д.). Авторы рассматривают первое в истории человечества крупное разделение труда, т. е. выделение племен скотоводов, которые на территории будущей Молдавии появились в эпоху бронзы (с. 18), и второе крупное разделение труда периода эпохи железа, когда произошло отделение ремесла от земледелия и скотоводства (с. 24 и 60).

Успехи исследований в области физики (радиоуглеродный анализ) позволили историкам относительно точно установить время существования отдельных археологических культур, например, стоянка так называемой Буго-Днестровской культуры в Трифауцком лесу около Сорок была основана около 5000 лет назад (с. 15). При изучении периодов, от которых не сохранилось письменных сведений, авторы наряду с археологическими данными успешно применяют данные палеонтологии. Все это определяет ценность труда не только для тех, кто интересуется историей Молдавии, но и для всех занимающихся древней экономикой любого региона.

Однако следует заметить, что, несмотря на множество разнообразных источников в работе, некоторые, имеющие большую значимость, не были использованы. Это данные о языке народа, его обычаях, обрядах, устное народное творчество. Например, на стр. 59 сказано, что в восточнороманском языке среди названий земледельческих орудий и агротехнических процессов славянские слова составляют 31,5% (с. 59), но не сказано, что

названия сельскохозяйственных культур большей частью латинского происхождения, а термины, связанные с техникой обработки и системой земледелия, — славянского происхождения. Исходя из этого с полным основанием можно утверждать, что когда произошла встреча славянских и романских предков восточнороманских народов, то у славян лучше была развита техника земледельческого производства и поэтому названия сельскохозяйственных орудий и процессов труда (таких как плуг, бороанэ, граблэ, браздэ, сноп, клае, целинэ и т. д.) были восприняты из славянского языка.

Читатель с интересом прочтет обширный материал об экономике Днестровско-Прутского междуречья в наименее изученный период (время «Великих переселений народов» и монголо-татарское владычество, т. е. от V до XIV вв.), в таком полном виде он опубликован впервые. Автор главы сообщает, что о хозяйстве соседних Карпато-Прутских земель в те века «практически неизвестно» (с. 62). Эту оценку с небольшими оговорками можно было отнести до появления настоящей книги и к Днестровско-Прутским землям.

В основном коллективный труд посвящен истории народного хозяйства Молдавии в эпоху феодализма (5 глав из 8), т. е. от середины XIV до начала XIX в. Авторы приводят в развернутом виде периодизацию экономической истории этих веков, которая в предыдущих работах только намечалась. Четкая периодизация, по нашему мнению, должна войти во все руководство. В IV—V главах дается история молдавского феодального хозяйства до середины XVI в; VI глава характеризует «Замедленное экономическое развитие» в условиях турецкого ига (до 70-х гг. XVII в.); VII глава рассказывает об экономическом упадке (до середины XVIII в.) и в последней, VIII, главе показана картина выхода из экономического упадка (вторая половина XVII — начало XIX в.).

Выделение каждого периода солидно обосновано. Так, глава VII начинается параграфом «Начало экономического упадка и его предпосылки», в нем делается убедительный вывод, что «катастрофический рост государственных податей (в султанскую казну. — Н. М.) становился основной предпосылкой деградации производительных сил в селе и городе...» (с. 271), а следующая глава открывается параграфом «Предпосылки и пути выхода Молдавского княжества из экономического упадка». В нем подчеркиваются политические причины начала экономического подъема (как следствие поражения Турции в русско-турецких войнах). Победы России в этих войнах «...создавали более благоприятные предпосылки для хозяйственного развития Молдавского княжества...» (с. 324). Эти материалы еще раз опровергают мнения тех зарубежных историков, которые стремятся приуменьшить тяжесть турецкого ига и освободительную роль России в Подунавье.

До сих пор в молдавской историографии весь период турецкого владычества подавался как непрерывный рост разорения, обеднения страны. В работе убедительно показано, что развитие шло более сложным путем, что на экономику Молдавии влияло состояние международной торговли, а также мировые события, как, например, «революция цен» и т. д. Кроме того, в покоренной стране важнейшую роль играла политика султанского правительства, которая также не была постоянной.

Молдавия с конца XIV в. имела довольно развитые торговые связи с Востоком (через Белгород и Крым) и с Западной Европой (через Львов, Брашув). Как известно, в XVI—XVII вв. на мировых рынках происходили обесценивание золота и серебра и связанный с этим рост цен. Так, цены на быков, главный предмет экспорта Молдавии, за сто с небольшим лет выросли в 4—6 раз (с. 342), это было выгодно Молдавии. Большое и всевозрастающее значение имела для страны «торговля» с Турцией, но торговлей ее можно назвать только с оговорками, поскольку закупки скота велись принудительно по пониженным ценам, а иногда в определенной степени осуществлялись и бесплатно (с. 246), такая «торговля» подрывала хозяйство страны.

Одной из характерных черт средневековой экономики Молдавии была ведущая роль в сельском хозяйстве животноводства. В исторической буржуазной литературе, а некоторое время и в марксистской велась дискуссия по этому вопросу. На сегодня в эту проблему внесена полная ясность. У волохов, ближайших предков молдаван, горное животноводство было основным занятием. Им оно оставалось и в средние века, но, кроме того, молдаване занимались и земледелием, охотой, рыболовством, пчеловодством и т. д. Такая специализация соответствовала конкретным естественногеографическим и историческим условиям, а опыт, накопленный трудовым народом, сделал это хозяйство максимально производительным. В монографии характеризуются особенности хозяйства в горных, лесных и степных районах. Но вместе с тем, по нашему мнению, мало места уделено животноводству как отрасли хозяйства.

Одной из особенностей развития феодализма в Молдавии было значительное изменение на протяжении нескольких веков его типа, эволюцию которого в последнее десятилетие впервые показали молдавские историки; в данной книге новый взгляд на историю Молдавии проведен очень последовательно. Эксплуатация крестьян, изъятие у них централизованным путем основной массы производимого ими прибавочного продукта, что было следствием всевозрастающего ограбления Молдавии турецкими паработателями,—главная особенность нового типа феодализма, который утвердился в Молдавии. В работе раскрыты последствия такого изменения в экономическом развитии страны.

Авторами подробно рассматривается господствующая систе-

ма земледелия и показывается, что она вполне соответствовала хозяйству, в котором главной товарной отраслью было животноводство, «...зерновое производство намного уступало по своей товарности... животноводству...» (с. 159). Крупные феодалы, особенно монастыри, заводили специальные животноводческие вотчины (их называли «бранища»), где с относительно небольшим количеством пастухов они могли содержать большие стада скота. В работе впервые показано, что именно животноводческий тип феодальных вотчин (бранищ) позволял им обходиться относительно небольшим числом барщинных дней зависимых крестьян, которые, как известно, в Молдавии отработывали на своего хозяина лишь 12—24 дня (редко 36 дней) в году. Товарными отраслями хозяйства, указывают авторы, помимо животноводства, являлись пчеловодство, виноградарство и плодоводство. Изучению производства в этих отраслях хозяйства уделяется много внимания, показано, как они обеспечивались рабочей силой.

Авторы останавливаются на развитии ремесел, торговли, городов. В стране в XVI—XVII вв. насчитывалось более 30 городов (с. 174—175) и в них проживало около 18% жителей (с. 205), это относительно высокий процент и он объясняется в значительной мере опять-таки особым типом феодализма. При такой системе сила и богатство боярства определялись не величиной его земельных владений, а главным образом значением государственного поста, который оно занимало. Поэтому молдавские бояре обычно жили не в селах, а в городах и вместе со своими дворовыми людьми значительно увеличивали городское население. Правда, этот последний вывод вытекает из самого изложения, а не поставлен в работе прямо (с. 189).

Нельзя не отметить специальный раздел в главе VI «Денежное хозяйство», в нем впервые в литературе рассказано о денежной системе Молдавии и ее эволюции. В этом отношении положение было весьма сложным: в Молдавии имели хождение разнообразие монеты соседних стран, и, кроме того, монеты местной чеканки. Обнаруженные в наши дни клады монет, зарытые в XVI—XVII вв., содержат молдавские гроши и полугроши, золотые дукаты, угы, талеры, орты, шостаки, потраники, постурелы, шеляги (шиллинги), денари, аспры, диргеми, копейки и т. д. (стр. 256), разобраться в них могли только специалисты-менялы; в Яссах в XVII в. была специальная улица менял, которые на таком обмене денег накапливали большие богатства. Эти разделы труда послужат справочником по истории денежного обращения в Молдавии в средние века.

Том по истории народного хозяйства Молдавии в средние века — сводная работа, и таковая обычно бывает обзорной, но данный том с полным основанием должен быть оценен как специальное исследование. В целом книга является значительным вкладом в марксистскую историографию Молдавии.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	3
<i>Рафалович И. А.</i> Романизованное население Нижнего Подунавья накануне славянской колонизации	8
<i>Королюк В. Д.</i> «Волошская земля» и формирование восточнороманской (волошской) общности	28
<i>Полевой Л. Л.</i> О хозяйственно-культурном типе волохов	44
<i>Параска П. Ф.</i> Территориальное становление Молдавского феодального государства во второй половине XIV в.	62
<i>Наумов Е. П.</i> Сербия и Болгария в середине XIV в. (К истории балканских государств в эпоху османского нашествия)	87
<i>Гонца Г. В.</i> Изменение тактики внешнеполитического курса Молдавского государства в последних десятилетиях XV — начале XVI в.	102
<i>Флоря Б. Н.</i> Проект антитурецкой коалиции в русской внешней политике 70-х гг. XVI в.	118
<i>Захарьина Н. С.</i> Русско-крымские отношения в годы правления Василия Шуйского (1607—1610 гг.)	132
<i>Советов П. В.</i> Сорокалетняя реформа и ограничение судебного иммунитета в Молдавии конца XVI — начала XVIII в.	140
<i>Виноградова А. И.</i> Антифеодалная борьба в Галицком Прикарпатье в XVI — первой половине XVIII в. в послевоенной советской историографии	157
<i>Ешану А. И.</i> Распространение славянской грамотности в Молдавии после появления и утверждения письменности на молдавском языке (вторая половина XVII — начало XIX в.)	168
<i>Чащина Л. Ф.</i> Русская революционно-демократическая эмиграция и старообрядчество Юго-Восточной Европы (революционное «агентство» в Тульче в 1862—1865 гг.)	196
<i>Никитич А. Н.</i> Проблема хронологии в Молдавии периода феодализма (Начало календарного года в канцелярии Молдавского феодального государства)	217
<i>Князький И. О.</i> О половецких епископиях в Карпато-Дунайских землях (Сообщение)	244
<i>Мохов Н. А.</i> История народного хозяйства Молдавской ССР (с древнейших времен до 1812 г.) (Рецензия)	251

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ (до середины XIX в.)

Утверждено к изданию
Редакционно-издательским советом АН МССР

ИБ № 1318

Редактор *Е. Ф. Муляр*. Художник *Н. А. Абрамов*. Художественный редактор *Г. В. Стог*. Технический редактор *Ю. К. Карауш*. Корректоры *Л. Г. Руссу, Н. В. Городник, Р. Г. Шнайдер*

Сдано в набор 15.04.80. Подписано к печати 05.09.80. АБ00402. Формат 60×90¹/₁₆. Бумага типогр. № 2. Литературная гарнитура. Печать высокая. Усл. печ. л. 16,0. Уч.-изд. л. 19,20. Тираж 1335. Заказ 281. Цена 2 р. 90 к. Издательство «Штиинца», 277028, Кишинев, ул. Академическая, 3.

Типография издательства «Штиинца», 277004, Кишинев, ул. Берзарина, 8.

КНИЖНИК «ШТИНЦА» 1980

СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКАЯ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ
ЮГО-ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЫ * ДО СЕРЕДИНЫ XIX В.

2 p. 90 k.